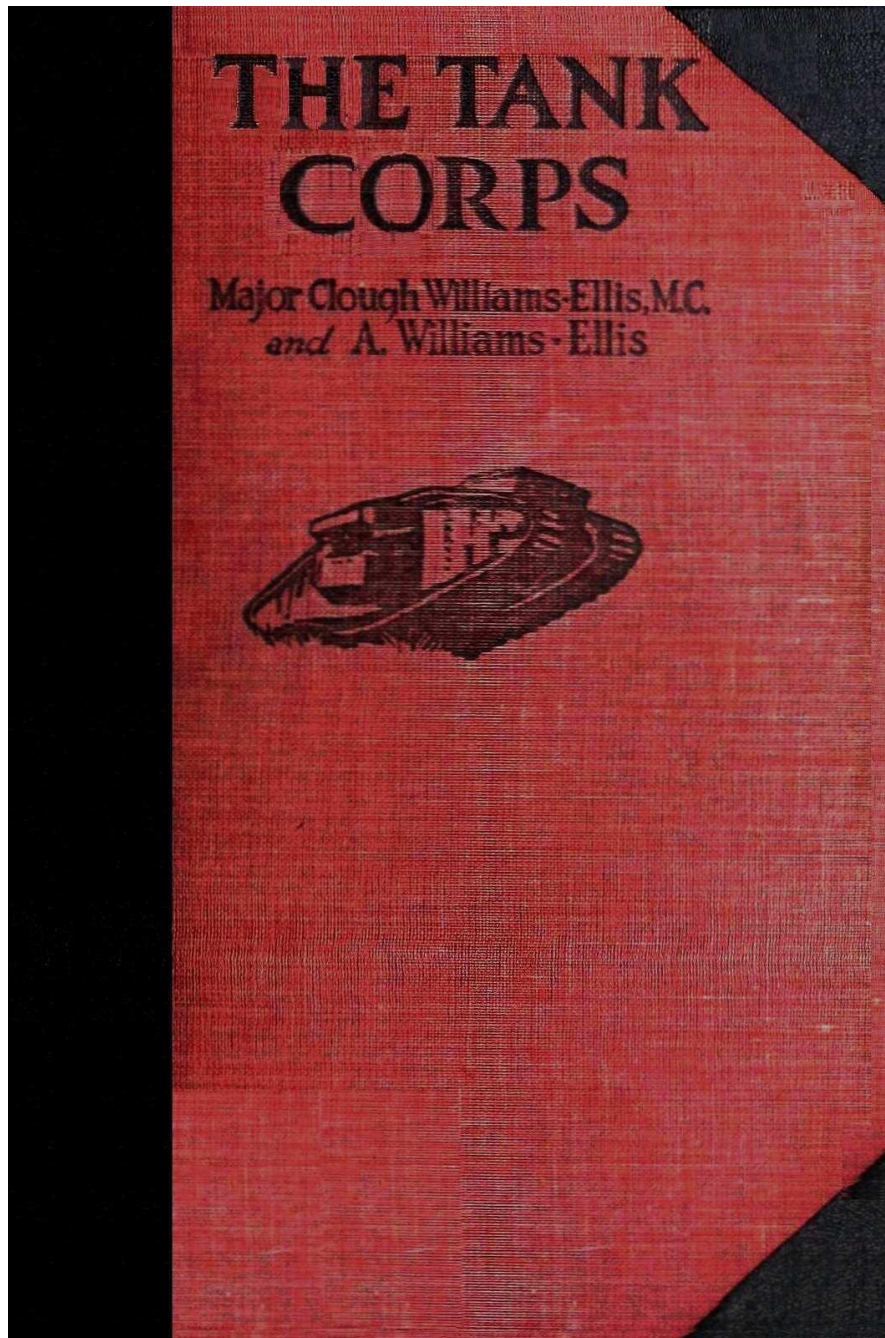

Танковый корпус

Амабель Уильямс-Эллис
Клаф Уильямс-Эллис

Электронная книга проекта "Гутенберг" о танковом корпусе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Танковый корпус

Автор: Клаф Уильямс-Эллис

Амабель Уильямс-Эллис

Автор введения и др.: Хью Джеймисон Эллес

Дата выхода: 8 августа 2020 г. [Электронная книга № 62881]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

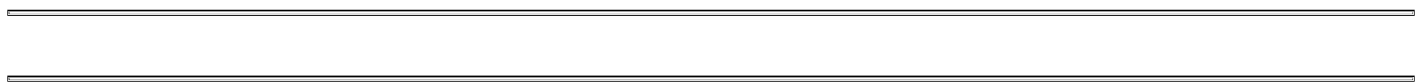
Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Коу, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров на <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе изображений, предоставленных электронной библиотекой Hathitrust.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТАНКОВЫЙ КОРПУС" ***

Примечание переписчика

В этой книге используются привязки сносок в начале некоторых цитируемых текстов для ссылки на сноски, указывающие на источники этих цитат. В нем также используются привязки к сноскам в середине абзаца для ссылки на другие виды сносок.

ТАНКОВЫЙ КОРПУС

ГЕНЕРАЛ-майор ХЬЮ ЭЛЛЕС, К.Б. Н., Д. С. О.

С ПОРТРЕТА СЭРА УИЛЬЯМА ОРПЕНА, А. Р. А.

ТАНКОВЫЙ КОРПУС

Майор КЛАФ УИЛЬЯМС-ЭЛЛИС, М.С. И А. УИЛЬЯМС-ЭЛЛИС

С ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ генерал-майора Х. Дж. ЭЛЛЕСА, К.Б.Н., Д.С.О., КОМАНДИРА
ТАНКОВОГО КОРПУСА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

НЬЮ-ЙОРК
ДЖОРДЖ Х. КОМПАНИЯ ДОРАНА

НЬЮ - ЙОРК
КОМПАНИЯ ДЖОРДЖА Х. ДОРАНА

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1919,
КОМПАНИЯ ДЖОРДЖА Х. ДОРАНА

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Введение

Мой дорогой Уильямс-Эллис,

Вы просите меня написать предисловие к вашей истории и предлагаете мне также согласиться, критиковать или даже опровергнуть выводы вашего Эпилога.

За первое задание я берусь с удовольствием, хотя чувствую, что его было бы справедливее и искуснее выполнить либо одному из первопроходцев, посеявших то, что мы могли бы пожать, либо редкому мыслителю, который в наше время внес столь большой вклад в то, чтобы удержать нас на пути ясного понимания и прогресса.

Что касается второго задания, я вынужден отказаться от прямого ответа, и по многим причинам я могу лишь в общих чертах коснуться вопросов, которые вы затронули столь интересным образом. Я нахожу их, однако, еще недостаточно отдаленными во времени, либо для того, чтобы быть ясными сами по себе, либо для того, чтобы быть отчетливо помещенными в саму картину, все еще неясную.

* * * * *

О первых днях появления Танков, о ранней борьбе, трудностях и надеждах первопроходцев я ничего не знаю из первых рук — сколь-либо подробно комментировать их было бы неуместно. Однако они представляют собой замечательные усилия настойчивой и мужественной веры, решимости добиться успеха перед лицом равнодушия и даже скептицизма, преодоления многих практических трудностей. Прежде всего, они демонстрируют большую ясность видения со стороны, в частности, трех мужчин — Суинтона, Стерна и д'Эйнкурта.

Примечательно, что один из первых официальных документов о тактическом применении танков, написанный генералом Суинтоном в начале 1915 года, должен был быть почти буквально переведен в действие 8 августа 1918 года.

Генералу Суинтону также следует отдать должное за внедрение во все звания фундаментальной идеи танка как оружия для спасения жизней пехоты. Эта идея действительно была основой морали Танкового корпуса, поскольку она распространилась от боевого состава на склады и мастерские и даже на заводы.

Больше всего на свете именно это чувство заставляло людей барахтаться в грязи 1917 года, в мрачные дни, когда часто шансы достичь цели падали до десяти процентов.; которое поддерживало круглосуточную работу цехов в десятичасовые и одиннадцатичасовые смены неделями, а однажды и месяцами подряд; которое, в конце концов, обеспечило фабрикам интенсивную и выдающуюся производительность.

Сэр Альберт Стерн привносил в свой труд безграничную энергию и непревзойденный энтузиазм. Но более практичный, чем это само по себе, он обеспечил первоначальное производство презрением к рутине и материальным трудностям и стойкостью к отпору, столь жеудачливому, сколь и смелому.

Мы в большом долгу перед сэром Юстасом д'Эйнкуртом, единственным членом первоначального Комитета, который все еще официально связан с нами. Нам повезло, что в нашем распоряжении был инженер с его большим практическим опытом, который посвящал большую часть своего скудного досуга нашему руководству как в политике, так и в деталях, чьи мудрые советы не раз сдерживали порывистость некоторых из его сотрудников.

* * * * *

Прежде чем перейти к аспектам истории танков, которые меня непосредственно касались, я хотел бы упомянуть о двух организациях, жизненно важных для танкового корпуса в полевых условиях. Ибо если это было острием копья, то в сочетании они образовывали самое прочное и надежное древко.

Первой из этих двух были Учебные организации, созданные в Англии для производства людей; второй - мануфактуры, производившие машины.

Задача Учебного центра и кадетских школ была особенно сложной. Организация любого нового учебного центра в спешке и под давлением того времени была нелегкой задачей — его работа часто была неблагодарной и подвергалась многочисленной плохо информированной и легкомысленной критике.

Учебный центр танкового корпуса столкнулся с дополнительными трудностями. Не было никаких указаний относительно обучения — вся система должна была быть продумана с самого начала и постоянно модифицироваться в соответствии с опытом боя — инструкторов нужно было не только найти, но и обучить — нужно было укреплять боевой дух и дисциплину; и все это с течением времени.

Возможно, это может быть компенсацией многим офицерам и рядовым, которые прожили тяжелые дни и не были вознаграждены, увидев результаты своего труда на местах, - знать, что “Франция” никогда не питала иллюзий относительно большой тщательности их работы.

* * * * *

Работа, выполняемая на заводах по производству боеприпасов, а также изобретательность и добросовестный труд, которые поддерживали усилия солдат на поле боя, возможно, еще не полностью оценены воюющими людьми. Во Франции можно было слышать о спорадических беспорядках, но до тех пор, пока не столкнешься с ними, ничего не поймешь о подлинно добросовестном труде по изготовлению предметов, о назначении которых работник часто ничего не знает, о слепом терпении под давлением нехватки и перенаселенности помещений; об утраченной надежде.

Танковому корпусу действительно повезло в том, что он на раннем этапе установил тесные отношения со своими рабочими, и еще больше повезло в критический момент в том, что он смог объявить существенные дивиденды за богатство, труд и мозги, доверенные ему его частью промышленной Великобритании.

Как только был достигнут контакт с самим рабочим, интерес, проявляемый Дж. Буллом к фабрике, к Т. Аткинса в полевых условиях, было более чем полностью доказано не только спросом на копии отчетов о действиях танков, но и постоянно увеличивающимся объемом производства, который поддерживался.

Это вполне естественно. Заставьте мужчину или женщину вытачивать болты на станке по восемь часов в день, и вы получите определенный результат. Скажите ей или ему, что болты попадут в Танк, который, вероятно, будет сражаться через шесть недель; что Танк будет спасать жизни и убивать гуннов; что вчера Танки сделали то-то и то-то; что на прошлой неделе № 10567, изготовленный в Бирмингеме и которым командует сержант Джонс из Кардиффа, собрал пять пулеметов ... вы получите совершенно другой результат; более того, Джон Бульль прав и должен знать об этих вещах.

Мы не достигли полного результата в этом направлении, но мы были близки к нему, и, возможно, наше сотрудничество тыла и фронта было таким же микрокосмом идеального национального сотрудничества в войне, какой был достигнут. Мы стремились к командной работе.

* * * * *

Вы, кто вкратце ознакомился со всей историей танков, можете хорошо понять трудности краткого изложения, даже в виде комментариев, калейдоскопических событий двух с половиной насыщенных лет — вопросов организации, обучения, личного состава, проектирования, снабжения, боевых действий, реорганизации, мастерских, экспериментов, утилизации, транспортировки, технического обслуживания.

Я попытаюсь лишь дополнить ваше превосходно составленное повествование одним или двумя моментами, которые кажутся мне чрезвычайно важными или представляющими интерес.

* * * * *

Применение танков в полевых условиях было одним из длительных конфликтов между политикой и целесообразностью. Политика, казалось, всегда требовала, чтобы мы подождали, пока все не будет подготовлено, пока не будут готовы достаточные массы машин для использования в одной большой атаке, которая сломала бы немецкую оборонительную систему. Целесообразность требовала задействования всех имеющихся сил в заранее установленные сроки и в населенных пунктах, определенных по причинам, отличным от их пригодности в качестве страны расположения танков. Сражения не выигрываются одними танками, и в начале 1917 года, например, Танк все еще был сравнительно непроверенной машиной. Действительно, в более поздних выпусках Mark I. слабые места были описаны в деталях, настолько тревожных, что исключали что-либо большее, чем кратковременные усилия в бою.

Только после того, как машина Mark IV была успешно запущена в производство, можно было дать гарантию относительно степени ее механической надежности, и к тому времени тенденция кампании года была неизменна.

И так сложилось, что до первой битвы при Камбре нашей судьбой было “вмешиваться, когда мы могли”, в совершенно неблагоприятных условиях.

Использование танков во Фландрии часто подвергалось критике без разумного понимания того факта, что если бы они не воевали во Фландрии, то, вероятно, нигде бы не воевали. Поэтому лучше, чтобы они сражались и несли меньше половины своего веса, и при этом спасали жизни, чем бездействовали, когда на карту были поставлены огромные проблемы.

* * * * *

Если работа в поле была борьбой между политикой и целесообразностью, то принципы производства и дизайна представляли собой прямой конфликт противоположных политик, который, к счастью, приводил к компромиссу. Воин, сознающий слабые стороны более раннего оружия и визуализирующий разработку, которая, по его мнению, была достижима и знала, что она необходима, и солдат-инженер, перегруженный трудностями обслуживания и проклинаящий кошмар запасных частей, и еще раз запасных частей — оба громко зывали из Франции к быстрому прогрессу в проектировании.

В Англии обратная сторона картины была представлена с не меньшей силой. Процесс массового производства требует заблаговременного размещения заказов, материалы трудно достать, планы путевых работ и организация цеха не поддаются немедленному изменению, что также вызывает раздражение заводского персонала и рабочих. После согласования и начала

производства очень сложный механизм с трудом приводится в движение. Остановка или замена этого оборудования часто приводит к потере производительности, которая никоим образом не компенсируется полученными в конечном итоге улучшениями.

Та же проблема, должно быть, имела место во многих отраслях военного производства. Однако лучшее - враг хорошего только в том случае, если хорошее достаточно хорошо.

Вы описали трудности, возникающие в связи с этими условиями, в главе V. Нарисованная вами картина относится к более ранним этапам, когда обе стороны работали скорее над регламентом, чем над формулой. На более поздних этапах войны мы очень полно осознали точку зрения друг друга и укрепился очень крепкий дух сотрудничества, который помог нам преодолеть не одну трудность, для решения которой требовались специальные приспособления или специальная конструкция.

* * * * *

Танку, как оружию, угрожали несколько кризисов. Некоторые из них были предотвращены благодаря разумному прогнозированию в спецификации. С некоторыми пришлось столкнуться в результате импровизации инженеров как во Франции, так и в Англии. Некоторые исчезли до общего улучшения дизайна. Я думаю, вы затронули только один кризис — кризис грязи. Грязевой кризис был, наконец, побежден, но болотный - никогда. Хотя ни одна из других проблем не была длительной, любая из них, если ее не вылечить, привела бы к необратимому исчезновению руки.

За поломкой роликов последовала поломка звездочек. Звездочки и ролики с трудом поддавались восстановлению, когда немцы изготовили очень надежную бронебойную пулю. Это после очень коротких подач было побеждено прибытием Mark IV. Танк. Марк IV. Танк едва спасли из грязи Фландрии благодаря изобретению нерегулируемой балки, когда мы обнаружили, что траншеи Гинденбурга были шириной примерно в один фут, слишком широкой, чтобы пересечь их без какой-либо помощи Танка. Эта трудность была преодолена, но примерно в это же время начался эффект концентрированного пулеметного огня по Mark IV. Немцам, должно быть, стало известно о танках, а также об их уязвимости перед обычным полевым оружием. Положение в отношении как всплесков, так и потерь от стрельбы из орудий поверх прицелов становилось серьезным, когда прибыл Марк V. Танк, с его возросшей удобством в обращении и скоростью, навсегда положил конец сложности "всплеск" и надолго победил полевую пушку.

Так продолжалось до последних дней войны, когда мы могли смотреть вперед, в 1919 год, с определенным знанием того, что у нас в руках многое для борьбы с любым противодействием — за исключением превосходящих танков, — которое мог произвести враг.

Несомненно, в умах некоторых людей все еще существует идея, что конкретная форма танка, который они видели или с которым сражались, представляет собой последнее слово в дизайне. Это не так. Последним танком, произведенным в любом количестве, был тот тип, который прошел маршем по Лондону 19 июля. Он никогда не участвовал в боях и представляет собой последнее слово только из серии танков elementary, оригиналом которой был Mark I.

* * * * *

Если окончательность конструкции ни в коем случае не была достигнута на войне, то же самое можно сказать и о применении существовавших тогда типов. Это зависело, после должного учета их ограничений и полномочий, от подготовки личного состава не только танкового корпуса, но, по существу, и пехоты. Нехватка времени, отсутствие возможностей и потеря обученного персонала были большими трудностями, с которыми сталкивались командиры всех родов войск и формирований в их попытках достичь даже среднего уровня мастерства лишь на нескольких из наиболее распространенных этапов ведения войны. В танковом корпусе дополнительные трудности, связанные с обучением механике, были не более чем уравновешены свободой от траншейной рутины войск, занятых в обороне. Для пехотного танка одной подготовки танкистов недостаточно. В штурме Танки - не более чем часть пехоты, неотъемлемая часть *труппы убийц*. Для достижения настоящего успеха, то есть дешевого успеха, не только две руки должны тренироваться и перевоспитываться вместе, но и жить вместе, вместе есть и пить.

Было предпринято много попыток и многое было сделано, чтобы восполнить отсутствие возможностей демонстрациями, лекциями, приложениями. Но из-за неполного военного образования наших наспех обученных войск было необходимо ограничить маневры и тактику на поле боя простейшими элементами. Следовало избегать всего, что имело бы отношение к изяществу. Умелое использование наземных средств и взаимная огневая поддержка были тем, на что чаще надеялись, чем достигали.

Это был вопрос массового производства с учетом времени, но полученные результаты только доказывают, насколько большего можно было бы достичь с использованием того же материала, если бы условия обучения были такими же, как в мирное время, с долгой службой и строгим и многочисленным надзором.

* * * * *

Предыдущий абзац может показаться нелюбезным со стороны того, кто имел привилегию командовать большими силами гражданских солдат. Тем не менее верно, что солдатская служба, как и любая другая профессия, требует времени и опыта для освоения — и хотя многие, будучи инженерами, адвокатами, бизнесменами или фермерами, обучаются военному делу с большим умением, подавляющему большинству людей, назовем их регулярными солдатами или гражданскими солдатами, требуется длительная подготовка под руководством лучших инструкторов, если они хотят извлечь все преимущества из постоянно меняющихся условий поля боя.

* * * * *

Выше я упоминал о Танковом корпусе как о гражданской силе. Это было действительно необычно, поскольку из 20 000 с лишним душ, вошедших в его состав, составляло, возможно, не более двух-трех процентов. были профессиональными солдатами; и, в то время как офицеры Генерального штаба на Н.С. были почти без исключения постоянными сотрудниками, весь административный и инженерный состав, за единственным исключением, был набран из различных гражданских профессий.

Более того, подразделения в том виде, в каком они создавались, были сформированы не по какой-либо старой традиции вышестоящего полка, а каждое в значительной степени вокруг

личности своего собственного командира. И действительно, было интересно наблюдать за развитием особых особенностей целых батальонов и рот, исходя из характеров их лидеров.

В вашем послужном списке точно указано, чего достигли эти войска. Они вполне способны выдержать критику в свете своих достижений.

* * * * *

Я уже упоминал ранее о корпоративном духе, основанном на чувстве спасения жизни — чувстве, к которому никогда не переставали апеллировать. Другие факторы способствовали его укреплению. Он был подкреплен высоким стандартом требуемых результатов, решимостью добиваться успеха, несмотря на частичные первые успехи. Но самым сильным элементом в нем была вера в наше оружие — машину, необходимую в дополнение к другим военным машинам, чтобы выйти из тупика, созданного великим немецким оружием, пулеметом - нашим мобильным наступательным ответом неподвижному обороняющемуся убийце людей.

* * * * *

Действительно, любопытно, что немцы, прежде чем предпринять свое великое последнее наступление, не должны были довести до логического завершения приготовления, которые они проводили на предыдущих этапах войны с такой тщательной предусмотрительностью. В 1914 году они убрали с пути своей атакующей пехоты подготовленные препятствия постоянного укрепления с помощью специально сконструированных машин — осадных пушек беспрецедентных размеров. Позже они массово разработали пулемет и таким образом изменили предвзятый курс ведения войны в своих собственных интересах для обороны. Удивительно, что для своей последней наступательной операции они не снабдили своих людей вооружением для преодоления той самой глубокой обороны, поддерживаемой теми самими пулеметами, благодаря которым они получили столько преимуществ в предыдущие годы.

И все же мы видим, как они в марте 1918 года возвращаются после первоначальной атаки, мощно прикрытой артиллерийским огнем, к той же попытке прорыва с людьми, которая потерпела неудачу в 1914 году. Хотя пулеметная поддержка была сильнее, от других родов войск помощи было мало, если не считать скудной артиллерийской поддержки и значительной устрашающей дневной и ночной бомбардировки и обстрела с больших расстояний. Германская пехота была хорошо, часто великолепно командована, будь то в Пикардии или Фландрии; и нельзя было наблюдать за работой сильных наступательных патрулей без глубокого восхищения их мастерством и храбростью.

Немцам не удалось преодолеть глубокую оборону. Не хватало элементов постоянной мобильности, необходимых для преодоления такой обороны, против которой пехота без мощной поддержки и обильного снабжения рано или поздно становится бессильной. Немцам не хватало средств для быстрого передвижения и снабжения своих орудий. Им не хватало танков, которые могли бы вызвать внезапность или продолжить сражение в качестве альтернативы пушкам. Им не хватало грузовиков, им не хватало вездеходов.

У нас, когда ситуация изменилась, произошло обратное, и это было, по крайней мере, одной из причин успеха в борьбе с врагом, который храбро и часто ожесточенно сражался почти до конца.

Справедливо ли вы оцениваете вклад Танкового корпуса в окончательную победу, покажет история — еще через некоторое время, — но я достаточно выносив, чтобы привести вам притчу в терминах великого национального развлечения.

Из всех игр регби—футбол дает самую близкую аналогию войне - с войной на Западном фронте параллель, если не вдаваться в подробности, примечательна.

В начале девяностых принятая тактика игры требовала распределения команды на девять нападающих и шесть защитников. Ортодоксальные игроки верили в игру вперед, и в экстренных случаях иногда добавлялся даже десятый нападающий за счет одного защитника.

В это время в ежегодных матчах между двумя странами происходила непрерывная серия поражений одной из них. В качестве меры ресурса или отчаяния, я не знаю, чего именно, было произведено новое распределение его сил. Вместо девяти было сыграно восемь нападающих, был добавлен один защитник —четвертая трехчетверть.

Тактика заключалась в том, чтобы нападающие сдерживали атаку соперника, а защитники играли в атаке. Игра историческая. На протяжении трех четвертей матча девять нападающих сильно давили на восьмерых, и им было очень трудно удерживать свои линии. В последней фазе игры одна из четырех трехчетвертных игр осталась незамеченной, игра была выиграна и проиграна.

Это было двадцать пять лет назад. Правила игры остались неизменными, но распределение игроков было изменено, а тактика команд развивалась в соответствии с тем историческим матчем и после него.

Является ли параллель между Танковым корпусом и дополнительной трехчетвертной полностью верной, история покажет в свое время. Что, однако, мы можем утверждать, так это то, что в четвертой трехчетверти после нервного старта, в котором, возможно, он иногда был не на своем месте, тем не менее, более чем в одном случае уходил незамеченным; что он бежал прямо, даже когда его сильно отбивали, и привлекал внимание соперника на свою сторону; что он хорошо уступал атакам немецких нападающих; и что, наконец, он не раз обрабатывал мяч в великолепном комбинированном забеге, который выводил его команду с дистанции в двадцать пять метров от линии ворот соперника.

Искренне ваш,

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Nigel Iken". The signature is fluid and cursive, with a long horizontal stroke at the end.

Содержание

Глава	страницу
	в
я	введение
	25
II в	кратко танка, его экипаж и его тактические функции, так как они были в день перемирия
	31
с III	самое ближайшее танками, генерал Суинтон, Адмирал Бэкон,—Холта
ИЖ	Трактора и эволюция “Ленд Крузер”
	46
ИЖ	танковым корпусом в зародыше
	57
в	- первых танковых сражений—нападение на улице morval, Флер,
ви	четырёхугольник, Тьепваль, и Бомон-Амель
VII в	зимних учебно-тренировочных, Расширение и корректировка
	77
VIII в	боях при Аррасе и Буллекурт
	89
IX	битве при Мессине и “тише” операция
	110
X	бельгийской кампании—подготовка к Третьей битве при Ипре
	124
XI	третья битва при Ипре
	138
XII	первой битве при Камбре
	160
XIII	три новых типов танк—депо—центральные мастерские
	190
XIV	французского танкового корпуса—Американские танки и английских танков
	209
XV	в Египет
	235
XVI в.	саспенс—“дикие кролики” эпизод—враг намерений
	243
XVII	Марш отступления
	265
XVIII	равновесие—незначительные действия—Амель—баллон фр
	280
XIX	с французами—Битва Moreuil
	288
XX	битве при Амьене, или Битва 8 августа
	323
XXI	немецкие отношения—“человек-ловушки и джинов”—Битва Бапом
	341
XXII	в.
	361
XXIII	нарушение Drocourt-Quéant линии—Битва Epehy
	380
XXIV	Второй битве при Камбре, или Битва при Камбре-Сен-Кантен
	392
XXV	Второй битве при Ле—Като-бег борьба
	402
XXVI	разгром—лесу Мормаль—Битва Самбр—перемирие
	Эпилог

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генерал-майор Хью Эллес, к.Б.н., д.С.О.

С портрета сэра Уильяма Орпена, А.Р.А.

фронтисписе

ОБРАЩЕННОМ
СТРАНИЦА

С общими аранжировками Марка V. Танк—Вид
спереди 28

Общее расположение Mark V. Высота над
уровнем моря в сечении резервуара 28

Общее расположение знака V. Схема
расположения цистерны 29

Схема, показывающая адаптацию к идее
“Большеколесного трактора” 29

Оригинального Thierval Mark I. Танк с
противоминной крышей и “Хвостовым
оперением” 64

Полевой камуфляж 64

Брошенный. Долина Скарпа 96

Горящий танк 96

“Прямых попаданий” 97

, налетевший брюхом на пень и впоследствии
попавший в 97

Дот-блиндаж “Фландрия” 132

Незатухающий луч в действии 132

Долина Стинбек Перед битвой 133

Долина Стинбек после обстрела 133

Смертоносное болото (можно насчитать
обломки шести танков) 144

“Клэпхэм Джанкшен” Возле Санктуарий Вуд 145

"Выступ" 145

Готовится к Камбре. Эшелон танков с
фашинами на позиции 176

На дороге Бапом-Камбре 177

Танк, пробивающий колючую проволоку 177

противника	
Танк, буксирующий сани с припасами,	200
Бермикур Шато близ Сен-Поля. Главный штаб танкового корпуса	200
Несущий орудие танк, Поднимающий гаубицу	201
"Уиппет", заходящий на посадку,	201
Дымовая завеса и семафор	304
Танкодром	304
Приближается. Битва при Амьене	305
Подъезжающих броневиков	305
немецких артиллеристов-противотанковщиков. (С фотографии, найденной у пленного)	336
Противотанковое ружье в стальной башне (Ипр)	336
Трофейный немецкий танк	337
Немецкое противотанковое ружье	337
Пехота, наступающая за танками. Учебная атака при Бермикуре	368
Туннель канала Сен-Кантен, Белликур	369
Выпускают почтового голубя	369
Его Величество главнокомандующий полковник и генерал Эллес	384
Изготавливают	385
На западной окраине Мормальского леса	396
“Беспроводной” танк	397
Карта танковых операций августа-ноября 1918 г.	416

ТАНКОВЫЙ КОРПУС

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ТАНКЕ, ЕГО ЭКИПАЖЕ И ЕГО ТАКТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОНИ БЫЛИ НА ДАТУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ

Я

Секреты танкового корпуса хранились так хорошо, что даже сейчас мало кто из гражданских знает что-либо о танках или их экипажах, кроме того, что можно узнать по фотографиям или отдаленному виду “Эгберта” или какого-нибудь другого танка War Bond или Olympian.

Цензура позаботилась о том, чтобы у гражданского лица не было возможности ознакомиться с тактическими возможностями и проблемами, которые создает использование танков, или с условиями, в которых сражаются танковые экипажи.

Настоящая глава предназначена для гражданского читателя. Ему следует дать некоторое представление о дубе, прежде чем его пригласят препарировать желудь.

Если он не имеет представления о внешнем виде и повадках танков, сражавшихся на Северном канале или отбросивших врага при Мормале, нельзя ожидать, что он будет испытывать должный трепет по поводу превратностей первого переделанного трактора Holt. Ибо для того, кто никогда не видел двигателя сквозного экспресса, история “Пыхтящего Билли” почти наверняка оказалась бы невыносимо скучной.

Поэтому авторы предлагают очень кратко разобраться с современным танком, прежде чем погрузить читателя в темные века 1914 года, где, следуя нашей аналогии, неясно сохранились крышка от чайника Уатта и “Ракета”.

II

Каждая деталь подготовки, снаряжения и тактики танкового корпуса была изменена ввиду некоторых ограничений или возможностей, вытекающих из конструкции самого танка. Таким образом, хотя эта книга в основном посвящена развитию танкового корпуса, а не сложной эволюции самих танков, читателю будет необходимо иметь общее представление о конструкции и работе различных типов машин.

Описывать анатомию улитки или омара без упоминания их панциря было бы столь же бессмысленно, как пытаться отделить историю Танкового корпуса от истории его Танков.

Когда война закончилась в ноябре 1918 года, помимо устаревших типов, которые все еще использовались для такой работы, как переноска и буксировка саней снабжения, существовало три основных типа танков. Во-первых, Mark V., который был 26 футов в длину, 8 футов 4 дюйма в ширину, весил 27 тонн и имел мощность 150 лошадиных сил. Танки-самцы несли две 6-фунтовые пушки и одну пушку Хотchkисса. У женщины было пять пулеметов "Хотchkисс" и ни одного 6-фунтового орудия.

Mark V. Star.— Этот танк напоминал Mark V., за исключением того, что он имел длину 32 фута 6 дюймов и был разработан для перевозки пехоты и для обхода траншей, слишком широких для Mark V. Каждый из них развивал нормальную скорость около пяти миль в час и был защищен броней толщиной до пяти восьмых дюйма.

Они оба были сконструированы таким образом, чтобы легко поворачивать на максимальной скорости, и имели навесное оборудование для использования на мягком грунте, что увеличивало сцепление гусениц.

В каждом сражался экипаж, состоящий из младшего офицера и семи человек, трех водителей (двое из которых обычно сражались с пушками Хотchkисса) и трех артиллеристов.

Третьим типом были Уиппеты. Гусеницы были почти такой же длины, как у тяжелого танка, но кузов был уменьшен до маленькой кабины, примостившейся сзади, скорее как у мальчишки, едущего верхом на осле. Он был вооружен двумя пулеметами, управлялся экипажем из трех человек и развивал скорость семь миль в час. "Уиппеты" были разработаны для использования в качестве рейдеров и совместно с кавалерией. Однако на практике кавалерия редко могла действовать совместно с ними. Отчасти вследствие этого, отчасти из-за того, что состояние открытой войны длилось так недолго, Уиппеты, хотя и имели в своем активе блестящие подвиги (см. Подвиги "Музыкальной шкатулки", глава XIII), оставались скорее созданиями обещаний, чем достижений.

III

Как правило, Мужская Марка V. Танки использовались против дотов и других "опорных пунктов", в то время как специальная работа женщин-танков заключалась в том, чтобы иметь дело с вражеской пехотой (например, сидя верхом и таким образом окружая их траншеи), а затем завершить процесс сплющивания вражеской проволоки, начатый танками-мужчинами.

Все три типа танков были способны передвигаться по пересеченной местности. То есть они могли, например, следовать за сворой гончих куда угодно, за исключением, возможно, Болот.

Канавы, тяжелый плуг, насыпи, стены, живые изгороди или заборы - обо всем этом можно было договориться.

Танки также могли преодолевать множество препятствий — в частности, проволоку, — где Поле боя, даже если бы они захотели "взять ветряную мельницу в гавани чейза", пришлось бы огибать.

Но, как покажет минутное размышление, в каждой стране должны сохраниться определенные особенности, которые окажутся абсолютными препятствиями для прогресса танков.

Главными из них являются каналы и глубокие реки (если только через них не перекинуты прочные мосты), очень крутые железнодорожные выемки, железнодорожные насыпи, болота или леса, в которых деревья слишком прочные, чтобы их можно было перемахнуть, и слишком густо посаженные, чтобы через них можно было двигаться.

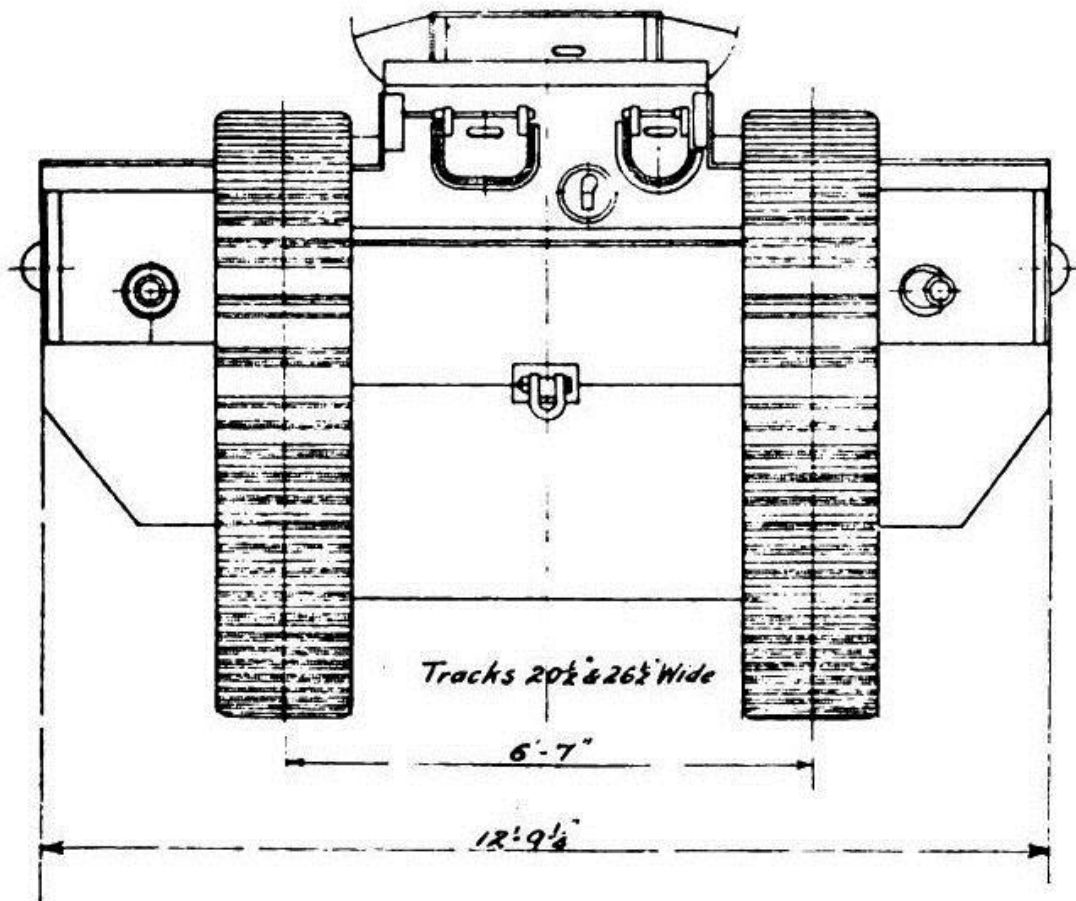
Помимо этих естественных или, по крайней мере, гражданских препятствий, в любой стране, за которую велась борьба, неизбежно возникнут военные препятствия.

Например, старые системы наполовину засыпанных траншей делают грунт "неудобным", и танки работают в крайне невыгодных условиях в местности, подобной той, что вокруг Ипра, которая к 1917 году представляла собой сплошную сеть затопленных снарядами и минами воронок, где вообще не осталось первоначального грунта.

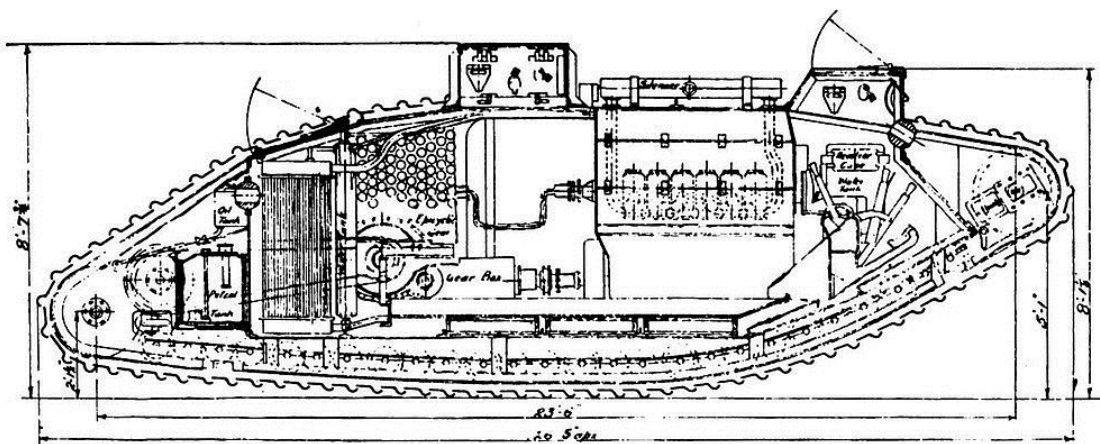
Опять же, к концу боевых действий количество противотанковых средств, использованных немцами, было очень значительным. Они воздали должное новому вооружению за сложную систему обороны и противодействия нападению, которая включала скрытые танковые ловушки, сделанные по образцу слоновых ям, мощные траншеи с двойным ходом, отделение

специальной противотанковой артиллерии, частоколы из сильно укрепленного бетона и сложную систему наземных мин.

Имея так много препятствий, которых нужно было избегать или преодолевать, когда их судьба часто зависела от быстрого и точного применения оружия, экипаж внутри танка был обречен условиями, в которых они сражались, на почти невероятно ограниченный взгляд на окружающий мир.

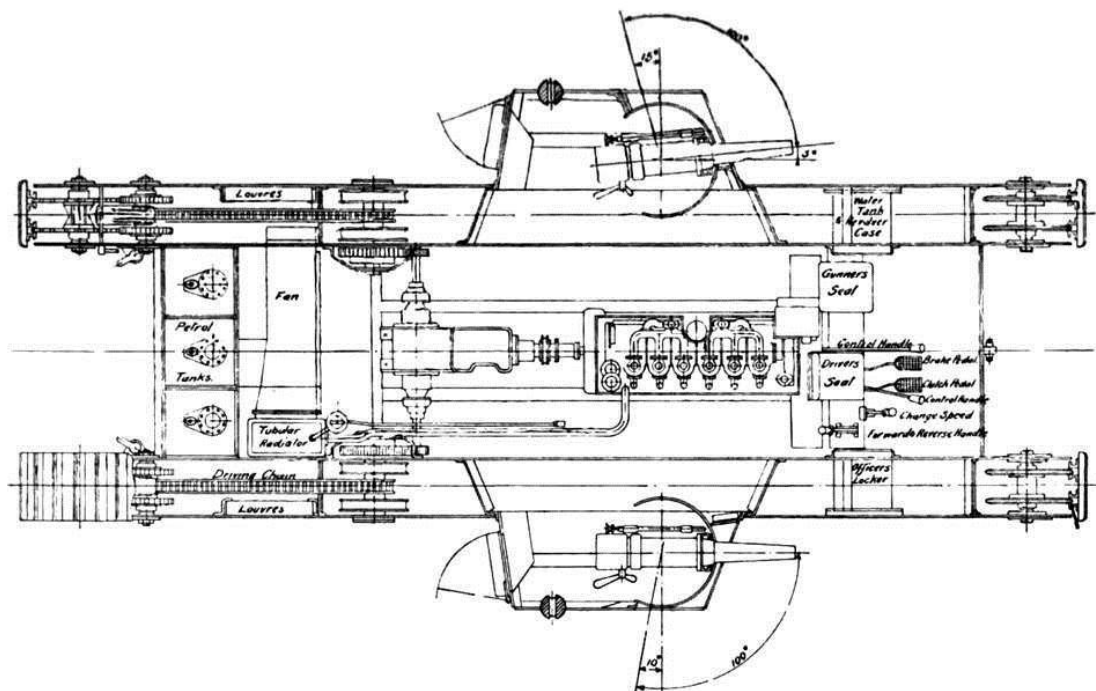

ОБЩЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ТАНКА MARK V.—ВИД СПЕРЕДИ

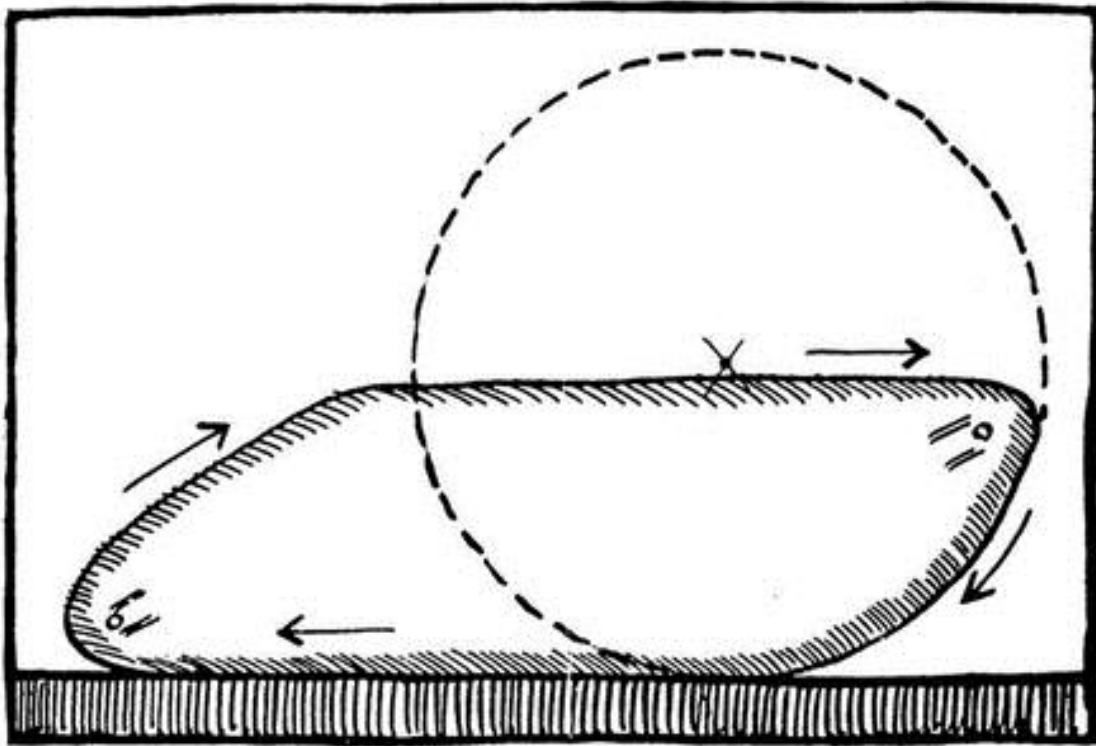

ОБЩЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ОТМЕТКИ V. ВЫСОТА СЕЧЕНИЯ РЕЗЕРВУАРА

Когда створки были закрыты (см. диаграмму, показывающую внутреннюю часть знака V. Танк), поскольку они должны были находиться непосредственно перед тем, как танк попал под прицельный огонь, экипаж находился в почти полной темноте и должен был полагаться на свой перископ или, в качестве альтернативы, на крошечные отверстия для глаз (размером примерно с заглавную букву "О", используемую в этом тексте), просверленные в броневой обшивке. Если огонь был достаточно сильным, перископ обычно быстро выводился из строя, и офицер и артиллеристы имели лишь крайне ограниченный обзор, предоставляемый этими отверстиями.

ОБЩЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ РЕЗЕРВУАРА MARK V.—ПЛАН СЕЧЕНИЯ

СХЕМА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ, КАК ГУСЕНИЧНЫЙ МЕТОД ТЯГИ РЕАЛИЗУЕТ ПРИНЦИП “БОЛЬШЕКОЛЕСНОГО ТРАКТОРА”. СМОТРИТЕ [ПРИМЕЧАНИЕ](#) В КОНЦЕ ГЛАВЫ II.

Таким образом, они почти полностью зависели от своих карт, специального танкового компаса и информации, полученной в результате предварительной разведки местности.

Это обстоятельство не только коренным образом изменило подготовку офицеров и экипажей, но и потребовало организации практически новой службы. Эта служба была “Разведывательным” подразделением разведки. Когда Танковому корпусу было приказано принять участие в атаке, штаб разведки отвечал за предварительный осмотр предполагаемого места сражения для составления отчета о том, где и как танки могли бы лучше всего действовать, и, наконец, за серию подробных карт и зарисовок. На этих картах и набросках был обозначен маршрут каждого отдельного танка от ориентира к ориентиру вместе с назначенными целями каждой машины и препятствиями, с которыми она, вероятно, столкнется. Эти карты и зарисовки были составлены на основе аэрофотосъемки, трофейных немецких карт и документов, информации, полученной от местных жителей, рассказов пленных, первоначальной артиллерийской съемки и результатов личной разведки. К 1918 году эта система была настолько развита, что пехота стала почти полностью полагаться на сопровождающие ее танки в выборе направления.

Это значительно повысило важность и ответственность работы как офицеров танковой разведки, так и командиров.

IV

Топографическая информация может быть адекватно передана только более или менее подготовленному получателю, и поэтому было сочтено необходимым добавить элементарный

курс разведки к и без того длинному списку предметов, которым должны обучаться члены каждого танкового экипажа. Экипаж состоял из экспертов.

В среднем около месяца проводил каждый солдат на учебных складах и полигонах боевой подготовки. Здесь каждый мужчина прошел примерно десятидневный курс обучения на водителя или стрелка, научился стрелять из револьвера, подавать сигналы и управлять почтовыми голубями, а также прошел курсы по заправке газом. Принимая во внимание вероятность человеческих жертв, каждому человеку также было предоставлено рабочее представление о работе каждого другого человека. Но важнее всего — условия, в которых сражались танковые экипажи, были необычно тяжелыми — схема обучения, направленная на формирование высокого чувства дисциплины; того боевого духа и той традиции доблести, которая учит людей переносить невыносимое.

Этой высшей цели он достиг, как покажет ознакомление со Списком отличий Танкового корпуса.

Таковыми, значит, были Танки и их экипажи осенью 1918 года.

На последующих страницах читатель увидит, из какого незрелого зародыша вырос танк и с каким трудом, избежав официального наложения и уничтожения врагом, он прошел за четыре года, историю которых мы собираемся изложить.

ГЛАВА II

САМЫЕ РАННИЕ ТАНКИ —ГЕНЕРАЛ СУИНТОН—АДМИРАЛ БЭКОН—ТРАКТОР HOLT И ЭВОЛЮЦИЯ “ЛЕНД КРУЗЕРА”

Я

Война продолжалась всего несколько недель, когда первая идея создания первого танка родилась почти одновременно в умах генерала Э. Д. Суинтона, майора Таллоха, капитана Хетерингтона и мистера Диплока, а также — если верить слухам и их собственному рассказу об этом деле — нескольких сотен других джентльменов.

“Родился”, пожалуй, не совсем подходящее слово. Во всяком случае, это следует понимать если не в пиквикистанском, то, по крайней мере, в пифагорейском смысле.

Ибо к 1914 году Танк последовательно прошел через несколько предварительных и неубедительных воплощений.

В 1482 году Леонардо да Винчи изобрел своего рода танк;¹ деревянная “Боевая повозка” использовалась шотландцами в пятнадцатом веке.²

Существовали проекты танка для Крыма, но от проекта этого оружия отказались как от варварского. Наконец, в 1888 году была создана действительно практичная конструкция своего

рода “Гусеницы”, приводимой в движение паром. Была даже сконструирована пробная машина. Но судьба распорядилась так, что все следы дизайна и модели были мгновенно утрачены, чтобы, по-видимому, быть вновь открытыми только после того, как современный танк был продуман заново.

Почему, если Танк постоянно изобретался, он так же постоянно исчезал? Причина, по-видимому, заключалась в том, что, подобно ранним самолетам, все эти неудачные машины вышли из строя в одной конкретной.

Двигатель был недостаточно мощным. Паровой бак ни в малейшей степени не дал ответа на загадку. Лошадиную силу, правда, можно было бы увеличивать почти бесконечно, но, подобно своего рода Морскому старику, вес двигателя увеличился бы пропорционально, а “свободной” мощности больше не было.

Действительно, до изобретения бензинового двигателя Танк был обречен на непрактичность. Три его основных элемента — броня, орудия и способность преодолевать препятствия и пересекать открытую местность - требовали большого количества этой “бесплатной” мощности.

Следовательно, только когда был создан двигатель, отношение мощности к весу которого составляло около 100 л.с. на каждые десять центнеров веса, танк стал возможным и эффективным военным двигателем.

Таким образом, пока не пришло время, Резервуар был обречен наслаждаться очень краткими экскурсиями в действительность и пребывать, давно забытый, за водами Леты.

Переживает ли память переселение? Знали ли генерал Суинтон и его соавторы о танке “Крым” и тракторе 1888 года? В любом случае, этот вопрос не имеет большого значения, поскольку, короче говоря, в конечном итоге их Танк поехал, а другие — нет.

К октябрю 1914 года полковник Свинтон и капитан Таллох независимо друг от друга разработали детали военной машины. Как и другие ранние изобретатели, они представляли себе машину, которая должна была “возникнуть” из чего-то среднего между бронированным автомобилем и сельскохозяйственным трактором. Он должен был быть медленнее, грознее и намного тяжелее любой бронированной машины, которую когда-либо видели, своего рода “Ленд Крузером”, способным тащиться на своих гусеницах через местность прямо к огненным позициям противника. Как и другие ранние “мобильные пулеметные эсминцы”, он должен был быть хорошо вооружен пушками и пулеметами и покрыт настолько прочной сталью, чтобы быть непроницаемым для шрапнели, осколков НВ и винтовочных пуль. Она заключалась в том, чтобы с легкостью пересекать траншеи и быть способной либо перерезать, либо сплющить проволоку противника в самом процессе ее продвижения.

К ноябрю полковник Свинтон и капитан Таллох были в тесном контакте друг с другом, и детище их фантазии спустилось из ясных областей чистой мысли, чтобы медленно продвигаться вперед среди туманов и колючек реальных экспериментов и официальных меморандумов.

Хорошо информированные читатели, возможно, зададутся вопросом, почему настоящие авторы выделили капитана Таллоха и полковника Суинтона из “толпы рыцарей”. Намерены ли они возложить лавр на свое чело? Заявить, что они одни изобрели Танк?

Хронисты не претендуют на такие судебные полномочия. Пусть им скорее достанется гениальная роль Дронты из "Алисы в стране чудес", который в конце Кокусной гонки раздал каждому из участников по конфетке Алисы.

Однако, насколько они могут разобраться в сложности доказательств, похоже, что именно благодаря этим двум энтузиастам идея Танка впервые обрела осязаемую форму. Идея витала в воздухе, возможно, она приняла несущественную форму в умах других людей до октября 1914 года, — представляется вероятным, что это произошло, например, у мистера Диплока и мистера Макфи. Возможно, также, что в других умах это позже приобрело более ясную и практичную форму.

Но, похоже, именно полковник Свинтон и капитан Таллох, первые из отряда первопроходцев, имели смелость и практическую энергию выдвинуть несколько шокирующую идею в официальных кругах.

Первой машиной мистера Диплока "Pedrail", планы которой он изложил лорду Китченеру и мистеру Уинстону Черчиллю в ноябре 1914 года, был тягач для перевозки оружия, а не боевая машина. Только в феврале 1915 года мистер Диплок (совместно с Комитетом, назначенным мистером Черчиллем) официально хотя бы задумался о строительстве "Ленд Крузера".

К счастью, один из первых меморандумов Суинтона был представлен через полковника сэра Мориса Хэнки, секретаря Комитета имперской обороны, который с самого начала был активным сторонником идеи создания новых вооруженных сил.

Трудностей, однако, было предостаточно. Многие из них были реальными, некоторые - воображаемыми.

Например, утверждалось, что на проектирование и постройку таких машин уйдет более года. Несомненно, война закончится!

Затем, когда возобладали советы тех любителей убивать, которые верили, что война "продержится", и было решено поэкспериментировать с "мобильными истребителями-пулеметами", возникли различные технические трудности.

Было трудно раздобыть некоторые предметы первой необходимости без сложного производства и специальных инструментов, поэтому приходилось заменять их самодельными деталями. Оснащенные этими импровизированными устройствами, Land Cruisers вызвали разочарование.

Первые испытания были проведены в феврале 1915 года, когда была испытана модификация трактора Holt, разработанная капитаном Таллохом. Это не оказалось полным провалом, и из эксперимента было многое извлечено. Например, машина оказалась неожиданно эффективной при наматывании проволоки, с которой изначально предполагалось справляться только ее автоматическими кусачками "клешня омара".

В июне были проведены эксперименты с трактором Форстер-Даймлер адмирала Бэкона мощностью 155 л.с., оснащенным саморегулирующимся устройством.

Это тоже оказалось разочаровывающим, поскольку устройство должно было выполнять предложенные функции Land Cruiser. Он отказался пересекать траншеи, хотя оказался

практичным тягачом, и позже его использовали в “трамваях” из восьми машин для перевозки 15-дюймовых орудий.

Таким образом, в июне 1915 года позиция Военного министерства была следующей: полковником Свинтоном, адмиралом Бэконом и капитаном Таллохом были выдвинуты предложения и представлены Военному министерству; были проведены определенные испытания, результатом которых, по мнению властей, стало подчеркивание инженерных и других трудностей. Только в июне Военное министерство установило, что Адмиралтейство проводит аналогичные расследования.

Поскольку Адмиралтейство, имея в своем распоряжении крупные сухопутные силы, в течение некоторого времени искало средства, с помощью которых люди этих сил могли бы идти в бой более по-флотски, то есть (если неправильно процитировать “героических испанских артиллеристов”) с чем-то лучшим, чем сержантский состав, “соединенный с их собственной непобедимой храбростью”, между ними и пулями противника.

Мистер Черчилль еще в январе 1915 года написал премьер-министру письмо, в котором выразил свое полное согласие с замечаниями полковника Хэнки “по поводу специальных механических устройств для взятия траншей”.

Рассматривалась идея использования большого бронированного щита на колесах или использования обычных паровых тракторов, на которых было установлено небольшое пуленепробиваемое укрытие. Мистер Черчилль лично заинтересовался этой схемой, и он и его эксперт, майор Хетерингтон из R.N.A.S. - третий независимый изобретатель — усердно работали над разработкой, а затем и над “продвижением” практической машины.

Ранней весной 1915 года был назначен Комитет, названный Комитетом сухопутных кораблей,³ и на его рассмотрение было представлено множество проектов колесных и гусеничных тракторов. Одна из этих конструкций была особенно интересна не только своим удивительным внешним видом, но и тем влиянием, которое она оказала на “профиль” будущего танка. Любопытные найдут краткий отчет об этом в [Примечании](#) в конце главы. Именно Комитет мистера Черчилля пригласил майора Уилсона, мистера Триттона и мистера Теннисона д'Эйнкурта в качестве консультантов, “когда был разработан дизайн, воплотивший форму, окончательно принятую для танков”.

Таким образом, хотя честь первых разработок и экспериментов принадлежит Военному министерству, именно предприимчивости этого Адмиралтейского комитета принадлежит большая заслуга в развитии Mark I. Должен был появиться танк.

Как мы уже говорили, по-видимому, только после того, как Комитет Адмиралтейства проработал некоторое время, директор по фортификациям и работам от имени Военного министерства удостоверился, что у Адмиралтейства на руках имеются проекты “Ленд Крузера”.

Представители двух департаментов встретились в Вормвуд-Скрабс, чтобы стать свидетелями проводимых Адмиралтейством испытаний трактора с прямой тягой. Это было замечательное событие, поскольку многие люди, которым было суждено оказать глубокое влияние на историю танков, впервые увидели предзнаменование такого двигателя.

Среди них были лорд Китченер, мистер Ллойд Джордж, мистер Бальфур и мистер Маккенна. Мистер Уинстон Черчилль тоже был там, но для него бронированный трактор не был новинкой.

После этого собрания танковые энтузиасты двух ведомств бросились друг другу на шею, поклялись в вечной дружбе и в середине июня сформировали Объединенный комитет, секретарем которого был лейтенант Стерн.

Танки — когда таковые существовали и могли работать — должны были проходить военную службу в Департаменте генерального артиллерийского управления.

Адмиралтейство должно было продолжить свою работу по проектированию, выделить деньги на эксперименты, а мистер Черчилль, его покойный первый лорд, должен был продолжить свою бесценную работу в качестве ракетного топлива. Все казалось благополучным, поскольку представители двух служб, по-видимому, работали довольно слаженно, а более информированные и прогрессивные главы департаментов с обеих сторон проявляли заинтересованную доброжелательность.

Но, к сожалению, — особенно в Военном министерстве — похоже, было определенное количество обструкционистов.

Один старший офицер, боясь, как предполагается, отклониться от своего идеала официального отношения при виде этих нечестивых машин, отказался даже присутствовать на испытаниях. Генерал-адъютант (тогда, без сомнения, бедняга, достаточно измученный) жестко отказал одному человеку в новом вооружении. К счастью, Объединенный комитет оказался находчивым, и после предварительного обращения к миссис Панкхерст с призывом к воинствующим суфражисткам,⁴ они убедили Адмиралтейство передать им 20-ю эскадрилью бронетанкового резерва и увеличить численность этого подразделения с 50 до 600 человек.

К июлю полковник Суинтон — еще один из лучших источников мощности танка - вернулся во Францию. Позже Генштаб был настроен более благосклонно, но теперь вкус этих безрезультатных экспериментов все еще ощущался во рту, и у их главного технического консультанта возникли ужасные сомнения по поводу всего этого дела. “Гусеницы, - заметил он, недавно увидев их, - могли двигаться по дорогам со скоростью не более полутора миль в час, очень медленно поворачивались, и почти каждый мост в стране требовал укрепления, чтобы их пронести”. “Необходимо было перейти от царства воображения к твердым фактам”.

Полковник Свинтон объяснял, увещевал и порицал.

II

Между тем система Совместного военного министерства и адмиралтейского комитета была слишком простой, чтобы продержаться долго.

С августа 1915 по август 1917 года, когда был сформирован “Новый” танковый комитет, контроль и администрирование производства и проектирования танков были чрезвычайно осторожными и непостоянными. Это было неизбежно. Отечественная организация должна была очень быстро расширяться и постоянно адаптироваться к изменившимся условиям танковой тактики за рубежом и производства танков внутри страны.

Даже многочисленность соответствующих органов власти, по-видимому, была в значительной степени неизбежной. Танк, конечно, изначально усложнил свою раннюю историю, начав жизнь в пехотных мундирах и на юго-западе.

На том этапе, которого мы достигли, его история погружается в зыбучие пески департаментов, филиалов, комитетов и конференций, которые реорганизовывались — менялись головные уборы и функции с ошеломляющей частотой. Понимание этого клубка деятельности полковника Суинтона на протяжении всего времени было его хобби, а координация — его делом.

Нынешние историки, напротив, испытывают искушение перенять простой метод своего предшественника на иврите, который, выбрав одну сливу, так часто вежливо продолжает: “А остальные действия Отдела позиционной войны и все, что они делали, разве они не записаны в книге архивов Военного министерства?”

Однако, возможно, еврейский историк искренне верил, что утраченные книги Хроник действительно были доступны любознательному читателю. Настоящие авторы не питают подобных иллюзий относительно документов Военного министерства и поэтому предлагают дать хотя бы общее представление о превратностях и колебаниях раннего управления танками.

Главные действующие лица Драмы остаются на протяжении всего спектакля:

Военное министерство: (1) в качестве Артиллерийского подразделения и (2) в качестве Генерального штаба. Позже (3) в качестве Танкового департамента Военного министерства.

Генеральный штаб: (1) В своем основном качестве и как (2) Комитет по экспериментам.

Позже, *H.V.M.G.C.*

Наконец, Танковый корпус.

Адмиралтейство: (1) В качестве Комитета сухопутных кораблей и (2) в качестве 20-й эскадрильи *R.N.A.S.*

Министерство боеприпасов: (1) В качестве Департамента позиционной войны; (2) в качестве Отдела изобретений. (3) Позже, как Отдел снабжения боевых машин (на самом деле еще один танковый комитет). (4) Еще позже, в качестве Отдела снабжения танками.

Сменявшие друг друга Главные танковые комитеты: (1) Объединенный военно-морской комитет (который не пережил Акт I.). (2) Комитет по снабжению танками, впоследствии названный Консультативным комитетом Департамента снабжения танками и разделенный на главный комитет и подкомитет. (Именно этот подкомитет впоследствии сформировал костяк очень активного и время от времени подвергавшегося критике МВСД, о котором говорилось ранее). Позже, (3) после перерыва, Первый танковый комитет; (4) Второй реконструированный Танковый комитет.

Грандиозный хор генеральных директоров, Межведомственных конференций, производителей и персонала мастерских.

III

Мы обнаруживаем, что период с августа 1915 по февраль 1916 года представляет собой своего рода Акт I. в истории управления и производства танков период 1914 года и начала 1915 года слишком туманен и легендарен, чтобы служить чем-то иным, кроме пролога.

На протяжении всего Первого акта именно Адмиралтейство и Объединенный комитет сухопутных кораблей играли “ведущую роль”.

Именно Адмиралтейство взяло на себя все расходы по проведению обширных экспериментальных работ и предоставило необходимый персонал, и именно члены Объединенного комитета по согласованию разработали Mark I. Танк “Мать” был окончательно спроектирован.

11 сентября, через два месяца после визита полковника Суинтона, Комитет по экспериментам Генштаба изложил в превосходном и дальновидном меморандуме, на какие качества, по их мнению, следует ориентироваться при проектировании крейсера caterpillar cruiser и каким тактическим целям он должен служить.

К 28 сентября Объединенный комитет настолько усовершенствовал дизайн “Матери”, что изготовил деревянный манекен (официально называемый “макетом”), и в тот день ее подделка была проверена на Уэмбли Межведомственной конференцией и одобрена.

Прошло несколько недель, пока Объединенный комитет разрабатывал дальнейшие детали их машины, и примерно 3 декабря г-н Черчилль написал меморандум, озаглавленный “Варианты наступления”, в котором он парадоксальным образом подчеркивал ценность защитной брони как средства сохранения мобильности. Предполагалась новая форма атаки. Она должна была начаться ночью под руководством прожекторов. Гусеничные тракторы должны были прорвать линию обороны противника, а затем повернуть направо и налево. Пехота должна была следовать за ними вплотную под прикрытием пуленепробиваемых щитов.

В День Рождества сэр Дуглас Хейг (который недавно сменил сэра Джона Френча и который еще “не знал Джозефа”) с интересом прочитал статью и приколот к ней карандашом: “Известно ли что-нибудь о гусенице, упомянутой в параграфе 4, страница 3?”

Не теряя времени, они выяснили это, и несколько дней спустя Генштаб направил офицера в Англию для расследования этого дела. Этим офицером был подполковник Хью Эллес, который впоследствии стал первым генералом танковых войск.

К концу января 1916 года экспериментальная машина — не картонная имитация, а сама “Мать” — была готова, и 2 февраля в Хэтфилде состоялись официальные испытания перед Советом армии и представителем Генерального штаба

“Мать” добилась своего, и Генштаб попросил предоставить ему определенное количество “Лэнд Крузеров”. Был сформирован небольшой Исполнительный комитет по поставкам танков с гораздо более широкими полномочиями, чем старый Объединенный комитет, под председательством лейтенанта (ныне полковника сэра Альберта) Стерна, и сразу же были отданы приказы начать производство.

Так закончился Первый акт

IV

Первая сцена второго акта. (с марта по середину августа) была посвящена одному из самых драматических достижений войны.

Это было производство в Линкольне первых 150 “Сухопутных кораблей”, заказанных правительством, в течение шести месяцев и в абсолютной тайне.

Публика обсуждала призрачных русских, которые путешествовали по Англии ночью. Она обсуждала немцев, которые по ночам сигналили друг другу во внутренних графствах. Но в нем не говорилось о больших резервуарах для воды, которые изготавливались для Петрограда, Египта, Месопотамии или еще какого-нибудь подобного места.

То, что сотни людей месяцами хранили эту жизненно важную тайну, объяснялось главным образом благоприятным эффектом обильной и образной лжи.

В этих гротескных существах в доспехах не было никакой тайны! На самом деле они были созданы вовсе не для Месопотамии. Все это знали.

Их заказало российское правительство. Это были нелепые вещи? Конечно, так и было. Это был русский дизайн. Неужели на них даже не было надписи русскими буквами? По крайней мере, они могли бы напугать немцев, если бы не служили никакой другой полезной цели.

Традиция гласит, что, когда первые чертежи были доставлены в офис управляющего фабрики, которая была выбрана для производства “водоносов”, управляющий и его сотрудники выразили серьезную обеспокоенность за здравомыслие дизайнеров и тех, кто представил такие чертежи практичным людям, таким же, как они сами.

Однако они были посвящены в тайну реальной роли, которую предстояло сыграть Танкам, и, хотя все еще испытывали глубокое недоверие, решили, как добропорядочные граждане, выполнять любую работу, которую от них потребуют. Поскольку им была внушена жизненная необходимость соблюдения секретности, их спросили — традиция продолжается, — какие меры они хотели бы принять в отношении часовых и изоляции своих рабочих. После небольшого размышления они ответили, что гарантируют сохранение тайны только при условии, что им будет предоставлена полная свобода действий и в них не будут вмешиваться.

Они предложили не иметь часовых, никакой “изолированной зоны”, где можно было бы трубным голосом провозгласить: “Здесь секрет!”

Они хотели просто предложить удовлетворительную систему лжи, дать “альтернативное объяснение” — выражаясь более деликатно — и выполнить свою работу с обезоруживающей гласностью.

После некоторых колебаний власти согласились на эту странную систему. Мы увидим, как 15 сентября “мудрость ее детей была оправдана”.

Фабрика, где эти любопытные интервью, как сообщается, имели место, что гг. Форстер, реализации производителями сельскохозяйственной Линкольна. Мы почти в буквальном смысле превращаем наши орала в мечи.

В Лондоне изменения в администрации Танка происходили как обычно. Что касается поставок и производства, то наметилась тенденция к централизации.

В Министерстве боеприпасов был создан Отдел снабжения танками, а Комитет по снабжению танками изменил свое название на “Консультативный комитет Департамента снабжения танками”. В августе этот Комитет — так сказать, постепенно — превратился в Департамент снабжения военной техники, о котором говорилось выше. Лейтенант (к этому времени его возглавлял полковник Стерн.)

В МВСД теперь были сосредоточены три отдельные функции:

Они были конструкторами танков; они отвечали за снабжение; они отвечали за окончательную проверку машин. Будущее должно было показать, что такая концентрация имеет как некоторые недостатки, так и множество очевидных преимуществ.

Примечание.— Генезис “большеколесного трактора” был следующим: противник во Фландрии строил траншеи с парадосом и бруствером высотой около 4 футов.

Инженеры, с которыми консультировался Комитет сухопутных судов, высказали взвешенное мнение, что для преодоления этих препятствий потребуется колесо диаметром не менее 15 футов.

Машины с такими гигантскими колесами действительно были заказаны, но деревянная модель, которую предварительно собрали, сразу убедила даже лучших друзей в фантастичности конструкции и в том, что любая машина такого рода будет немногим лучше, чем бесполезной из-за своей бросающейся в глаза уязвимости.

Однако идея “большого колеса” не умерла окончательно, поскольку в перевернутом носу Mark I. У нашего танка, так сказать, сохранился “нос”, гусеница резко поворачивает назад примерно на уровне оси, вместо того чтобы бесполезно подниматься ввысь, как это было бы, если бы старая идея колеса не была вытеснена идеей скользящей гусеницы.

ГЛАВА III

ТАНКОВЫЙ КОРПУС В ЗАЧАТОЧНОМ СОСТОЯНИИ

Часть I

Я

Только в третьем акте. мы получаем начало основного сюжета нашей драмы. Ибо только в конце марта 1916 года начался набор в новую армию, и, следовательно, впервые появилась “Боевая сторона”.

5“В конце марта некоторым кадетам-офицерам, имеющим инженерный опыт и набранным из 18-го, 19-го и 21-го Королевских стрелковых полков, было предложено добровольно предоставить свои услуги для того, что, как им дали понять, было экспериментальным подразделением бронированных автомобилей. (Отделение бронетехники мотострелкового корпуса.)

“Те, кто решил связать свою судьбу с новой Службой, были опрошены полковником Суинтоном и полковником Брэдли, которые в ходе своего допроса не дали никаких намеков относительно дальнейших деталей, касающихся нового подразделения. Результаты этих собеседований были сообщены в четверг перед Пасхальной пятницей, когда успешно прошедшим добровольцам сообщили, что им будут предоставлены временные комиссии в М.М.Г.С., и тем же утром их отправили с докладом в штаб-квартиру М.М.Г.С. в Бисли. По прибытии от адъютанта была получена дополнительная информация о том, что будет предоставлен краткосрочный отпуск для получения снаряжения и что все офицеры доложат о своем возвращении с снаряжением вечером в следующий вторник.

“В течение недели, последовавшей за Пасхой, были сформированы две первые отобранные роты, *то есть* ”К” и ”Л”, офицеры были направлены в ту или иную из рот”.

Специально отобранные офицеры и рядовые первоначального М.М.Г.С. сформировали ядро этих рот, и по мере прибытия дальнейшего подкрепления роты были сформированы в батальон. В понедельник после Пасхальных банковских каникул начались тренировки, были даны инструкции по использованию пулеметов Виккерс и Хотчкисс .303, а позже и 6-фунтовой морской пушки Хотчкисс.

Офицер, прибывший примерно со второй партией, рассказывает, как его и еще одного человека из того же полка отправили в Бисли после обычной короткой, но внушительной беседы с полковником Суинтоном. Они прибыли на станцию Бруквуд только для того, чтобы узнать, что вечно загадочный Мотострелковый корпус двумя днями ранее отбыл в Сибирь.

Живая картина!

Однако “Сибирь” оказалась лагерем не так далеко от Бисли, чтобы находиться вне радиуса действия станционного такси, в котором они оба вскоре отправились.

Танков, конечно, еще не было в наличии для тренировок, и поэтому обучение было сосредоточено на использовании трех орудий, “при этом каждый офицер, сержант и рядовой должны были сдать экзамен”.

6“За вышеуказанным исключением, физической подготовки и случайных марш-бросков по маршруту, дальнейшая подготовка военного характера не вводилась; таким образом, в начале лета 1916 года практически весь личный состав нового рода войск был эффективен в обращении с тремя рассматриваемыми орудиями. В течение всего предшествующего периода младший персонал Подразделения не мог получить никакой дополнительной информации, кроме самых разных слухов, относительно целей, для которых они или экспериментальный броневи́к будут использоваться”.

Примерно в июне становилось все более очевидным, что, если в этом году будут вестись боевые действия с Land Cruisers, производство необходимо ускорить.

“Очень ограниченное число офицеров, младших командиров и рядовых, общей численностью около дюжины, было отправлено в Линкольн и другие центры, где их использовали в связи с тем, что, как они позже поняли, было производством танков”.

Тем временем в поместье лорда Айви близ Тетфорда был организован очень тщательно выбранный и тщательно подготовленный полигон для тренировок, и как только поступила информация о том, что первые машины вскоре поступят в распоряжение для тренировок, батальон снова был передислоцирован.

На этот раз все еще озадаченные отряды оказались в лагере, окруженном большим кольцом, чем дворец Спящей Красавицы, и охраняемом более ревностно, чем Рай шаха. Три ряда насаждений и полосы укрытий защищали их от глаз непосвященных, и незваный гость или нарушитель порядка в лагере должен был миновать шесть рядов часовых, которым помогали кавалерийские патрули.

Шоссе, проходившее через тренировочный полигон, было закрыто, и все населенные фермы в этом районе были эвакуированы. Гражданским лицам не разрешалось ни под каким предлогом проходить мимо охраны, а войскам не разрешалось покидать территорию, за исключением предъявления специальных пропусков, которые было очень трудно получить.

Однажды над нами пролетел самолет с соседнего аэродрома, движимый духом дружеского любопытства. Она была немедленно встречена градом пулеметных пуль и вынуждена была отступить в некоторой спешке.

На данный момент Танки должны были предстать в своем истинном облике боевых машин, и им нужен был экран получше, чем в русских сказках. Появление машин ожидалось давно. Почти ежедневно кто-нибудь в лагере “слышал” незнакомый шум двигателя, и когда это случалось, весь лагерь выбегал посмотреть, не приехали ли “они”.

Ходили самые дикие слухи.

Машина могла лазить по деревьям! Она могла плавать! Она могла прыгать, как блоха!

Любой, кто жил в обычном лагере, где не было секретов, и помнит, какие слухи ходили о самой незатейливой пище, может представить себе их рост в лагере, где царила настоящая тайна.

Но, наконец, к началу июня ограниченное количество машин Mark I. было демонтировано на специальной железнодорожной станции в этом районе.⁷ Теперь подготовка батальона началась всерьез. Машинам и людям было суждено быть задействованными немногим более чем через шесть недель в только что начавшемся наступлении на Сомме.

Были сняты с вооружения два типа танков: “Большой Вилли” и “Маленький Вилли”. Машина Mark I. (Большой Вилли) сильно отличалась от машины Mark V., описанной в главе I.

Чтобы управлять им, требовалось четыре человека. У него было громоздкое двухколесное оперение, или, если дать этому придатку официальное название, “Гидравлический стабилизатор”. С помощью этого устройства он мог мягко опускаться на высоту более 5 футов, и частично с его помощью машиной управляли.

На практике, по сравнению с handy Mark V., вся система рулевого управления Mark I. была чрезвычайно неуклюжей и трудоемкой. Она вообще не поворачивала резко на неровной местности, и ее приходилось уговаривать на любое изменение направления. Ее двигатель и гусеницы также нуждались в постоянной регулировке, поскольку ролики были постоянным источником проблем. Водители и механики, которые управляли обеими машинами, похоже, рассматривают управление Mark V. как детскую забаву после борьбы с капризами “Матери”.

“Литтл Вилли” использовался только как учебный танк, так как на практике у него был обнаружен дефектный баланс. Центр тяжести у него был смещен, и, кроме того, он был слишком маленького роста для работы по пересечению траншей.

II

Но были и другие проблемы, помимо технических, ожидающие решения.

Было бы трудно переоценить трудности, с которыми столкнулись офицеры, ответственные за предварительную подготовку Тяжелого подразделения пулеметного корпуса; никто никогда по-настоящему не сражался внутри танка, и поэтому только на дух пророчества они должны были полагаться в своей подготовке. Не было никакого руководства, которое могло бы им помочь. Однако у них был один очень превосходный официальный документ, секретные заметки о применении танков, который был опубликован в феврале 1916 года (за подписью “E. D. S.”⁸), в котором давался чрезвычайно точный прогноз того, какой, вероятно, будет роль танков в бою.

Но статья была очень короткой и очень объективной и больше касалась анализа места Танков в боевом оркестре, чем трудностей, связанных с их индивидуальной партитурой.

Именно здесь подготовка первого танкового экипажа потерпела неудачу — почти неизбежно. У их учителей было довольно туманное представление о реальных условиях боя. Они не столкнулись лицом к лицу с основным вопросом, от ответа на который зависит все конкретное обучение и вся конкретная подготовка, с вопросом: “На что это будет похоже?”

Таким образом, хотя они и преподавали большую часть самого необходимого, они упустили из виду полдюжины предметов, точное знание которых, как мы увидим, впоследствии всегда считалось абсолютно необходимым.

Одной из трудностей был недостаток времени. Что должны знать экипажи? Что окажется важнее физической подготовки или чтения карты, когда наступит день? Сигнализация или *корпоративный дух*? Визуальная подготовка или муштра с револьвером? На все не было времени. Было, однако, очевидно, три или четыре основных элемента. Большинство офицеров и рядовых уже были первоклассными инженерами или механиками, но они должны были быть обучены именно той странной машине, которой им предстояло пользоваться. Они должны понимать особенности Танков и, по возможности, своего индивидуального Танка, монстра, которого они должны были оживить.

Они должны хорошо владеть своими пушками Виккерса, метко стрелять из них, уметь устранять все поломки и быстро и точно снимать оружие. Прежде всего, экипажи должны тренироваться вместе, привыкать работать под началом своего офицера, у каждого из которых есть своя особая работа в качестве тормозного мастера, механика, водителя или наводчика, но каждый

при этом остается частью органичного целого. Они также должны достичь определенного физического уровня, пройти некоторую визуальную подготовку и уметь стрелять из револьвера.

Все это и многое другое было достигнуто, поскольку люди были подобраны с незаурядным умом и вскоре стали необычайно увлечены своей работой.

9“Если что-то шло не так с Танком, они привыкли смотреть на это не как на скуку, а как на удовольствие исправлять это.... Мы испытывали невероятную гордость за нашу Роту и Подразделение, а также за то, что были танкистами по сравнению с другими экипажами. Всегда была здоровая конкуренция, и это соревнование привело нас прямо во Францию.... Кроме того, командиры танков имели огромное преимущество в том, что сами обучали свои экипажи.... Мы досконально знали своих людей ”.

Но, как впоследствии написал другой командир танка:

“Первой компании, вышедшей на рынок, пришлось работать с огромной скоростью. Танки не прибывали до последней минуты, и у меня и моей команды не было собственного танка все время, пока мы были в Англии ... поскольку наш танк вышел из строя в день прибытия.... И снова у нас не было разведки или чтения карты ... никаких практик или лекций по компасу.... У нас не было сигнализации ... и никакой практики в рассмотрении приказов. Этого мне очень не хватало, когда я приехал во Францию. Когда вы работаете с Подразделением, вы получаете очень длинные заказы, и вам приходится анализировать эти заказы, чтобы понять, что вас касается, а что нет.... У нас не было представления о том, где искать информацию, которая была бы необходима нам как командирам танков, и мы не знали, какая информация нам, вероятно, потребуется ”.

Короче говоря, никто не пытался представить Танк в действии изнутри.

У нас во Франции были официальные художники, но, увы! у нас не было официальных авторов пророческой литературы.

История атаки на Морваль показывает, что это, вероятно, неизбежное отсутствие, скажем, официального ясновидящего, эта зависимость от методов проб и ошибок, хотя в конечном итоге это малоповредило разработке танков, в значительной степени помешало танкистам почувствовать удовлетворение от своего дебюта.

Часть II

Я

Должно быть, власти санкционировали производство 150 танков с чувством, что сделали важный шаг, после того как стали свидетелями испытаний в Хэтфилде.

Нам не хватало людей и стали, и отвлекать сталь от снарядов, а людей - от пехоты было серьезным решением. Возможно, на мгновение нашим правителям был дарован дар предвидения. Они увидели, что новое оружие может оказаться мечом, который в конечном счете нарушит равновесие на уровне земель и нарушит невыносимое равновесие, установившееся на линии от Альп до моря.

Это пророческое настроение действительно порывисто посещало власти.

В течение нескольких месяцев у них, так сказать, была бы вера, и персонал был бы предоставлен, и машины были бы заказаны.

Затем, возможно, в течение драгоценных полугода они будут рецидивировать, отступать и возвращаться, пока полковник Свинтон, Воюющая Сторона, и все другие миссионеры и проповедники Танкового корпуса почти не отчаются.

Но в феврале 1916 года было многое, что поддерживало их. Ситуация требовала какого-то отчаянного решения.

Баланс сил повис на смертельно опасном уровне. Мы могли бы сдерживать немцев *сейчас*, но как долго? Борьба за побережье завершилась вничью, и Первая битва при Ипре положила конец открытым боевым действиям на Западном фронте.

10“Скорострельные полевые орудия и пулеметы, используемые в обороне, оказались слишком мощными для выносливости нападавших, которые были вынуждены искать спасения с помощью своих лопат, а не винтовок. Целые фронты были окопаны, и, за исключением нескольких небольших прорывов, человек мог бы пройти по траншее, если бы захотел, от Ньюпора почти до Швейцарии”.

Немцы окопались.

11“А вместе с траншеей появились проволочные заграждения — ужас атаки — и триединство траншей, пулемета и проволоки сделало оборону настолько прочной, что каждая наступательная операция останавливалась.

“Проблема, которая тогда встала перед нами, была двоякой:

“Во-первых, как солдат, участвовавший в атаке, мог быть защищен от шрапнели, осколков снарядов и пуль? Были вновь введены шлемы, испытаны доспехи, изобретены щиты, но все безрезультатно.

“Во-вторых, даже если бы можно было изобрести пуленепробиваемую броню, а это, безусловно, возможно, как люди, нагруженные ею, собирались пробираться сквозь проволочные заграждения, которые защищали каждую позицию?”

Фактически, пехота в одиночку не могла атаковать такие позиции без самой тщательной артиллерийской подготовки. Враг, его окопы и проволочная заграждение должны быть вырваны из земли. Это был общепринятый ответ на проблему тупика. Но пока у нас не было оболочек. Мы напрягали все силы, чтобы решить проблему бомбардировкой, но в феврале 1916 года у нас не было необходимых боеприпасов. Неужели не было другого решения проблемы? Тем временем ничего нельзя было сделать?

В таком настроении миссионеры “мобильного пулеметного истребителя” застали Верховное командование. Если бы в феврале 1916 года у нас были снаряды, у нас не было бы Танка. Нам, должно быть, пришлось ждать этого еще год, пока мы действительно не обнаружили недостатки ожидаемого решения путем бомбардировки.

Немец, который был под завязку набит боеприпасами, в такую рань не испытывал никакого желания выходить на улицу и искать какое-либо столь фантастическое средство. Его Верховное командование посмеялось бы над идеей Танков, как Дайвз, возможно, посмеялся бы над выходками голодного Лазаря из-за испорченных припасов.

II

Итак, пока производились наши снаряды, мы строили Танки. И Судьба, вкус юмора которой не наш, и которая знала то, чего не знали мы, а именно, что танк и длительная артиллерийская подготовка являются альтернативным оружием, распорядилась, чтобы и снаряды, и танки были готовы к наступлению на Сомме.

Таким образом, именно на “фундамент” новой артиллерийской подготовки мы весело наложили Танк. Нам предстояло потратить четырнадцать месяцев на выработку предположения о том, что они никогда не смогут эффективно использоваться вместе.

Танки были спроектированы с учетом условий, царивших в Лоосе. Их тренировочные площадки были тщательно смоделированы по образцу “Лооса”. К тому времени, когда танки могли быть введены в бой, год спустя, наше артиллерийское превосходство полностью изменило характер боевых действий.

Например, в Бомон-Амеле в ноябре 1916 года мы израсходовали столько боеприпасов, сколько было израсходовано за три недели в битве при Лоосе.

На Сомме — из-за нашего продвижения — пришлось пересечь четыре мили изрытой снарядами местности, прежде чем удалось достичь линии фронта. Также — если изложить дело в манере автора “Эревона” — вошло в моду, незадолго до дня битвы, чтобы атакующая сторона взрывала землю, которую они собирались пересечь, до состояния сливового пудинга в воскресенье перед встречей. Более того, этот подрывной процесс обязательно предупреждал противника о любом предполагаемом нападении за несколько дней.

Это, кстати, оказало и другое воздействие на трудолюбивого немца. Когда нас обстреливали, нашей главной мыслью было возмездие; когда немца обстреливали, он копал.

Так получилось, что на Сомме, повсюду в тылу немецких войск, были большие, освещенные электричеством и удобно отапливаемые блиндажи, где рота или около того могла безопасно залечь на глубине тридцати-сорока футов под землей и там ждать, пока бомбардировка “утихнет”. Затем они появлялись, готовые приветствовать нашу пехоту. Таким образом, система, скажем, шестидневной артиллерийской подготовки, хотя и сделала очень много для поднятия нашего *морального* состояния и подавления противника, со временем привела к почти полной системе вражеских контрмер и к такому состоянию поля боя, которое сделало нападающих и атакованных практически неподвижными. Система, какой бы необходимой ни было ее внедрение, не решила проблему тупика.

Танк, как мы уже говорили, предназначался для использования на достаточно твердой местности. Он также должен был стать оружием-сюрпризом. Ни разу в течение следующих четырнадцати месяцев мы не упустили возможности уведомить противника по крайней мере за пять дней о наших предполагаемых атаках и не отказались сотрудничать с его артиллерией в

превращении предполагаемого поля боя в болото. Таким образом, только после Первой битвы при Камбре, когда мы применили другую тактику, танки появились сами по себе.

ГЛАВА IV

ПЕРВЫЕ ТАНКОВЫЕ СРАЖЕНИЯ — АТАКА НА МОРВАЛЬ, ФЛЕРС, ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК, ТЬЕПВАЛЬ И БОМОН-АМЕЛЬ

Я

Только после того, как наступление на Сомме, начатое 1 июля 1916 года и продолжавшееся два с половиной месяца, было признано возможным, чтобы новая армия заняла свое место в боевых действиях. Мы видели, как тайно, в срочном порядке, за богатой завесой изобретательной и обстоятельной лжи шло производство Танков. Как тайно и срочно экипажи готовились к своей неизвестной работе.

Из пятидесяти танков, которым было суждено принять участие в битве 15 сентября, около тринадцати покинули Англию 15 августа, а остальные следовали с интервалами и по частям, насколько позволял ограниченный транспорт. Последняя партия прибыла 30 августа и, как и ее собратья, отправилась в учебный центр в Ивренче. Здесь были вырыты траншеи и возведены проволочные заграждения, и можно было в некотором роде потренироваться в стрельбе из пулеметов и 6-фунтовых пушек. Но не было штата инструкторов, полигоны были слишком короткими, а условия для боевой практики совершенно не походили на те, что царили на Сомме. Но этого должно было хватить. Танки требовались немедленно, и к 10 сентября роты “С” и “D” прибыли в передовой район, их штаб разместился в Петле. Таким образом, в течение недели после их прибытия вперед танки были призваны принять участие в атаке.

Битва продолжалась уже почти десять недель. Мы продвинулись вперед и заняли опустошенную местность глубиной в четыре мили.

Большинство солдат и многие офицеры никогда раньше не бывали во Франции. Они оказались в незнакомом мире. Бесконечные вереницы транспорта ползли по невероятно плохим дорогам, окаймленным изможденными пнями деревьев и отвратительным и трагическим мусором из мертвых людей и лошадей, тряпья, консервных банок, гниющего оборудования и брошенного транспорта.

Враг контратаковал по всему тридцатимильному фронту, и грохот наших орудий был слышен повсюду. Ночью поток грузовиков не прекращался, и в какой-то момент в нашем ряду, вдалеке, всегда можно было увидеть звездный снаряд, выплывающий из-за возвышенности, вырисовывая на фоне холодного белого света мимолетный силуэт разрушенного леса или сахарного завода.

Все чины были отчаянно заняты, от механиков, которым нужно было отрегулировать новые запасные части к двигателям, до тех командиров, у которых было собственное мнение и

несколько генерал-майоров, с которыми нужно было примириться. Полковник Браф командовал танками, когда они высадились, но теперь передал их полковнику Брэдли, и он, а также командиры армейских корпусов и дивизий, с которыми он совещался в 13-м полку, похоже, что это неизбежно, были так же неуверены в том, как обращаться с новым оружием, как и командиры танков в таких деталях, как подгонка их новых камуфляжных чехлов или противоминных сеток.

Заранее сообщая, когда должен стартовать Танк? Если бы это началось слишком рано, это привлекло бы на себя заградительный огонь противника; если бы это началось слишком поздно, пехота достигла бы первой цели раньше него, и от этого не было бы никакого толку.

Эта и другие подобные дилеммы омрачили их советы, и в конце концов было решено, что старт танков должен быть рассчитан так, чтобы они достигли первой цели на пять минут раньше пехоты, и, кроме того, что танки следует использовать по двое и по трое против опорных пунктов. Никакой специальной или детальной разведывательной работы не проводилось, и штаб дивизии представил несколько неудобоваримую массу аэрофотоснимков сбитым с толку командирам танков, многие из которых никогда раньше не видели ничего подобного. ¹²

Гораздо более полезными оказались серия карт с отмеченными маршрутами и примечаниями необходимых компасных ориентиров, а также подробное расписание с указанием полного заградительного огня и других подробностей. По крайней мере, они были бы более полезными, если бы все заказы не были изменены таким образом в последний момент, что сделали недействительными почти каждый маршрут и часы, которые они указывали.

Тем временем танковые экипажи и командиры уже три или четыре дня наслаждались почти комично завершенным кошмаром. Во-первых, у них были всевозможные механические заботы — недавно прибывшие запасные части для двигателей, которые нужно было протестировать, новое оружие, с которым нужно было отрегулировать, коробчатые респираторы, с которыми нужно было бороться, и поразительное количество “боевого багажа”, который нужно было убрать. Но хуже всего было то, что они оказались звездой эстрады на Западном фронте.

Уже перед отъездом из Тетфорда они устроили демонстрацию перед королем и несколькими членами Кабинета министров. В Ивренче они выступили перед генералом Жоффром, сэром Дугласом Хейгом и большей частью штабов Генштаба, ¹³ но, добравшись до Петли, они, к своему ужасу, обнаружили, что “Розы, розы, всю дорогу”. Командир танка с горечью писал:

“ Это скорее напомнило мне Хэмпстед-Хит. Когда мы прибыли туда, то обнаружили, что пехотные бригады были уведомлены о том, что танки должны выступать ежедневно с 9 до 10 и со 2 до 3, и каждый офицер в большом радиусе и огромное количество обслуживающего персонала пришли нас осмотреть. Мы были объектом интереса для всех. Это не помогло в работе”.

13-го числа они должны были перенести Петлю в точку сборки, и проблемы “домашнего хозяйства” встали остро.

¹⁴“Офицер и каждый солдат носили по два противогазных шлема и по паре защитных очков, а в дополнение к их обычным служебным фуражкам - кожаный шлем ‘против ушибов’; у нас также был большой полевой перевязочный материал, а также обычная повязка для оказания первой помощи. Обычное снаряжение состояло из револьвера, вещевого мешка, бутылок с водой и

железных пайков. В резервуаре восемь человек, и как только они забираются внутрь, они, естественно, снимают все эти вещи, которые валяются на полу, если только вы не придумаете какой-нибудь способ упаковать все свое оборудование.... Помимо железных пайков, мы взяли с собой шестнадцать буханок и около тридцати банок с едой, сыром, чаем, сахаром и молоком. Все это занимало много места. У нас также были одна запасная канистра моторного масла и одна канистра трансмиссионного, два маленьких бочонка смазки, три канистры с водой и две коробки револьверных патронов ... четыре запасных ствола "Виккерс", один запасной пистолет "Виккерс", запасной ствол для "Хотchkисса" и два кусачки для проволоки. У нас также были три флажка для сигнализации, которые, к сожалению, оказались утерянными, когда они были действительно нужны ”.

Но список капитана Энрикеса все равно был неполным. Многие танки также перевозили двух почтовых голубей, 33 000 патронов S.A. для своих пулеметов, ламповую сигнализацию и телефонное устройство, состоящее из прибора и ста ярдов кабеля, намотанного на барабан. Второй прибор должен был быть оставлен на “месте старта”, и Танк должен был разматывать кабель по мере продвижения, сообщая о своих ощущениях телефонисту или другому заинтересованному лицу в тылу. Что должно было произойти, когда Танк начнет преодолевать сто первый ярд, мы не знаем. На практике устройство не использовалось.

Но это было еще не все. Оказалось, что приказы, расписания и карты, от которых зависели командиры танков, были изданы в недостаточном количестве.

“На каждые три танка был отдан только один набор приказов и предоставлена только одна карта: следовательно, мы должны были усвоить эти приказы, прежде чем передавать их двум другим офицерам”.

Однако в 5 часов вечера за день до сражения эти письменные приказы были отменены и заменены новыми устными инструкциями. Грубо говоря, Танки должны были действовать следующим образом:—

Справа от 14-го корпуса десять танков должны были действовать в составе Гвардейской дивизии и семь - в составе 6-й и 56-й дивизий, их целями были Джинчи и Четырехугольник.

Слева восемь танков были переданы 3-му корпусу, действовавшему через Хай-Вуд и восточнее Мартинпуйха. 15-му корпусу было придано семнадцать танков, а Резервная (5—я) армия, сражавшаяся между Позьером и Мартинпюи, имела шесть танков.

Со всеми этими группами танков предварительное выдвижение на позиции первой линии - в кромешной темноте, по грязи, в воронках от снарядов на сильно утрамбованной земле и обратно — оказалось наиболее трудным, и в процессе вышло из строя немало танков. Командир одного танка, врезавшегося в узкую проселочную дорогу, замечает:

“Она была полна тел мертвых Бошей, и моему водителю не нравилось проезжать по ней”.

Для экипажей танков остаток ночи прошел в окончательной подтяжке разболтавшихся гусениц и регулировке двигателей, а также в прислушивании к неуклонно нарастающему грохоту британской бомбардировки.

Напряжение солдат и офицеров было огромным. Большинство из них, похоже, вступили в бой, не имея сна более суток.

Они также отчаянно желали, чтобы танки доказали свою состоятельность, а машина Mark I. была слишком капризной, чтобы дать им большую уверенность.

К этому списку неудобств следует добавить, что большинство солдат никогда раньше не слышали выстрелов и что места для залпов находились недалеко от наших батарей.

II

Утро 15-го выдалось погожим, с легким наземным туманом, и в шесть часов грохот британской артиллерии усилился до последнего урагана. Заградительный огонь пополз вперед, и наши танки и пехота преодолели брустверы.

Немцы, казалось, даже не подозревали о характере нового оружия, которое предстояло использовать против них, и легкая дымка в значительной степени усугубляла надвигающуюся загадочность приближающихся танков.

Официальные документы, которые позже были захвачены у противника, показали кое-что о глубоком психологическом воздействии, которое наши танки оказывали на немецкую пехоту. Эти важные признания могли бы сделать больше для того, чтобы убедить наше собственное Высшее командование в огромных возможностях нового оружия, чем они сделали на самом деле.

Одним из наиболее известных индивидуальных танковых подвигов была машина, принадлежащая роте “С”, которая помогла новозеландской и английской дивизиям в их наступлении на Флерс.

Это было самое дальнее проникновение, достигнутое любым танком в тот день.

Эта машина вела свою пехоту, и они впервые попробовали войти в деревню, которая, как они знали, оцетинилась вражескими пулеметами, не понеся ни единой потери.

В этом приключении было все возбуждение от неожиданности, и люди, набравшиеся храбрости для обычного испытания боями от дома к дому, смеялись над поразительным разочарованием, вызванным их собственным и танковым величественным продвижением по почти пустой улице.

“Все одеты, и драться не с кем”.

Именно по этому случаю было отправлено ставшее знаменитым послание летчиков, сообщение, повторение которого изрядно раздражало танковый корпус в дни безрезультатных усилий, которые все еще стояли между ним и его окончательными триумфами:

“Танк поднимается по Главной улице Флерса, а позади него ликует британская армия”.

Из двух других танков, показавших себя особенно хорошо, первый, мужской, вошел в Гедекур, где атаковал немецкую батарею и уничтожил полевое орудие; другой оказал большую помощь атакующей пехоте, которая была скована проволокой и пулеметами. Командир танка разместил свою машину верхом на траншее и обошел ее кругом; затем танк проехал за траншеей, и 300 немцев сдались и были взяты в плен.

Ниже приводится краткая информация о возврате задействованных танков.

Потери среди танкистов были незначительными, хотя погиб один подающий большие надежды офицер:

Было задействовано	49 танков.
32	достигли исходных позиций.
9	вырвались вперед пехоты и нанесли значительные потери противнику.
9	других не догнали пехоту, но хорошо поработали над “расчисткой местности”.
5	были отброшены.
9	сломались из-за механических неисправностей.

Из этих последних четырнадцати некоторые служили полезными опорными пунктами для пехоты после того, как они стали неподвижными, и некоторых можно было бы вовремя вытащить, чтобы оказать какую-то услугу, если бы они не были выведены из строя косвенными попаданиями.

Экипажи, вынужденные покинуть свои танки, либо доставали пулеметы и продолжали бой, либо помогали раненым.

III

Сражение было, по сути, экспериментальным. Какое мнение сложилось о танках?

Теперь мы знаем, каково было мнение немецкой пехоты. Немецкое верховное командование, похоже, публично проигнорировало новый род войск.

Однако в секретной “Инструкции” начальник штаба 3-й группы армий напоминает подразделениям, что они должны “удерживать позиции любой ценой” и “защищать каждую пядь земли до последнего человека”.

“Враг в последних боевых действиях применил новые средства ведения войны, столь же жестокие, сколь и эффективные”.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ THIÉRVAL MARK I. ТАНК С ПРОТИВОВЗРЫВНОЙ КРЫШЕЙ И “ХВОСТОВЫМ ОПЕРЕНИЕМ”

ПОЛЕВОЙ КАМУФЛЯЖ

Против этих “чудовищных двигателей” должны быть приняты все возможные контрмеры, которые, вероятно, будут в широких масштабах приняты британцами.

Для нашей собственной пехоты Танк казался крепким другом, который наконец-то нашел удобный способ справиться с доселе смертоносным партнерством проволоки и пулемета — другом, обладавшим гротескной походкой и внешностью, которые были по сути милыми.

Раненый житель Лондона сказал:

“ Они называли ее ‘Старая матушка Хаббард’, а также множеством других забавных имен. Она была похожа на животное из пантомимы или ходячий корабль с железными бортами, движущийся очень медленно, очевидно, совершенно самостоятельно, и никого из ее команды не видно. Она стонала и ворчала, тычась носом туда-сюда, время от времени останавливаясь, как будто не была уверена в дороге, а потом шла дальше — очень медленно, но преодолевая все.

“ Больше всего нас напугала ее медлительность и то, как она покачала своей старой злой головой и перестала кашлять. Это *был* цирк, честное слово! Я видел ее всего около десяти минут. Она вынырнула из тумана на одном конце очереди и снова нырнула в него на другом. Последний раз я видел ее, когда она рыскала по воронке от снаряда, как огромный гиппопотам, с толпой подбадривающих ее Томми позади ”.

Британскому верховному командованию танки представлялись многообещающими боевыми машинами. Они должны преодолеть определенные механические недостатки, а тактика должна быть дополнительно модифицирована в соответствии с их особенностями. Короче говоря, позиция Генерального штаба была позицией людей довольных, хотя и без энтузиазма, и была хорошо выражена сэром Дугласом Хейгом в его донесении с Соммы:

“Наши новые тяжелобронированные машины, известные как ”Танки“, впервые введенные в бой, успешно взаимодействовали с пехотой и, став неожиданностью для рядовых противника, оказали ценную помощь в слоении их сопротивления”.

Далее в депеше упоминается о взятии Флерса.

Восторгу британской и французской прессы не было предела. Корреспонденты приподняли шляпы и принялись рыться в своих словарях в поисках восьмисложных слов, которыми можно было бы описать нового “всебританского” истребителя немцев.

Это был “Диплодок Галумфант”, это была “Многоцветная жаба”. Это было “плосконогое чудовище”, которое “проявляло самые удивительные подвиги ловкости при приближении, извергая пламя со всех сторон”.

“Он ”прислонялся” к стене, пока не упал, а затем пополз по упавшим обломкам.

“Он неудержимо мчался сквозь Высокий Лес, деревья ломались перед ним, как спички.

“Он подошел к пулеметным точкам, ”раздавил пушку под ребрами” и прошел дальше, плюясь смертью в деморализованных немцев.

“Он ”растоптал” землянку, как будто это было осиное гнездо.

“Он прорвался сквозь разрушенные сараи и дома, "оседлал" блиндаж и анфиладным огнем разрушил немецкие траншеи.

“Это вывело из строя батарею с половиной орудий во Флере”.

Компания Reuter добавила к своему оборудованию ловушку для коров.

Французская пресса была полна энтузиазма:

“В тот самый момент, когда бомбардировка прекратилась, немцы были удивлены, увидев наступающие перед волнами атакующих войск огромные стальные чудовища, из которых бил непрерывный огонь огромной силы. Их можно было бы описать как гигантские адские машины. Их передняя часть, имеющая форму тарана, сокрушала все препятствия. Тяжелые автомобили мчались по перевернутой и неровной земле, прорываясь сквозь колючую проволоку и перепрыгивая траншеи. В немецких рядах царил поистине безумный ужас. Поддавшись панике, солдаты германского императора поспешно отступили, побросав свое оружие, амуницию и снаряжение”.

А как сам личный состав танкистов оценивал события того дня?

Наполовину задохнувшиеся от паров двигателя, загнанные на много часов без передышки в невыносимый грохот и тряску своих машин, или, что еще хуже, часами сражавшиеся под сильным обстрелом с подбитым танком, они были склонны видеть ожесточение сражения, а не его успехи. Действительно, любопытно отметить разницу в тоне между рассказами тех, кто бесстрастно наблюдал за Танками снаружи, и тех, кто находился внутри, между теми, кто видел, что сделали Танки, и теми, чье представление о достижениях было затемнено знанием того, что могло бы быть.

Танковый корпус был слишком увлечен, чтобы быть хоть в малейшей степени удовлетворенным достигнутым успехом.

Только пресса и немцы знали, что в Англии был выкован новый “Экскалибур”. “Из уст...”

IV

После сражения те танки, которые могли двигаться своим ходом, сплотились, и сразу же были приняты меры, чтобы спасти как можно больше выведенных из строя.

С этого момента, пока не были израсходованы все имеющиеся танки и пока в середине ноября наступление на местности не стало окончательно невозможным, танки должны были постоянно использоваться в незначительных количествах в серии небольших экспериментальных операций.

От этого метода борьбы парами и тройками против особых опорных пунктов впоследствии отказались, поскольку он оказался неудовлетворительным. Несколько из этих небольших акций, тем не менее, были очень успешными и показали в миниатюре какую-то особую цель, которой могли служить Танки, или проиллюстрировали важность какой-то особой Танковой организации.

Например, Тьепваль показал, как можно использовать танки без артиллерийской подготовки, а Бомон-Амель продемонстрировал важность хорошего разведывательного отделения. Таким

образом, эти небольшие действия были важны не сами по себе, а потому, что они были микрокосмами. Водном или двух неудачных действиях исход сражения был испорчен скорее состоянием местности, чем ошибочной тактикой.

Ибо по мере продолжения кампании условия становились все хуже и хуже. К началу октября армия в целом, и особенно Танковые части, уже предвкушали бедствия Фландрии. Общие условия этой части кампании превосходно описаны полковником Бьюкеном в его "Истории войны":

“Октябрь был одной долгой чередой бурных порывов ветра и проливных дождей.

Чтобы понять трудности, которые неблагоприятная погода создавала для наступления союзников, необходимо понять природу пятидесяти квадратных миль измученной местности, доставшихся им в результате трехмесячных боев и по которым пролегли коммуникации между их линией фронта и тылом.... Ни один самый большой шахтерский лагерь или самое обширное инженерное предприятие не когда-либо производили и десятой доли той деятельности, которая существовала за каждым участком линии фронта. Были такие места, как Крю, такие места, как окраины Бирмингема, такие места, как Олдершот или Солсберийская равнина

“Теперь было две Ничейные земли. Одна находилась между линиями фронта; другая лежала между старым вражеским фронтом и фронтом, который мы выиграли. Вторая была более серьезной проблемой, поскольку через нее нужно было переправить припасы для большой армии

“Проблема была достаточно сложной и в хорошую погоду; но стоило пойти дождю и намочить взрылленную почву, и вся земля превратилась в болото. Здесь не было *асфальта*, как во Фландрии, чтобы сделать прочную дамбу. Каждая дорога превратилась в ручей, а во впадинах грязь была глубиной в бедра человека....

“Ожидаемая в октябре хорошая погода так и не наступила. Напротив, месяц стал рекордсменом по количеству дождей, периоды проливных дождей сменялись пасмурными, туманными днями, так что у промокшей земли не было шансов высохнуть. Взятие нижних отрогов— задуманное как предварительный шаг к общему наступлению, оказалось операцией, полной таких трудностей, что на нее ушли все наши усилия в течение месяца, и на этом все не было завершено. История этих недель - это одна из незначительных операций, локальных акций со строго ограниченными целями, предпринятых всего несколькими батальонами. Сталкиваясь со всеми мыслимыми трудностями, мы постепенно продвигались вверх по промежуточным склонам”.

Такова была постановка этой серии экспериментальных действий. Первая из них произошла 25 сентября, когда две небольшие группы танков были задействованы в двух отдельных действиях; первая с 3-м корпусом, а вторая 25 и 26 сентября с 15-м корпусом близ Гедекура.

Первый был неудачным. Было выделено только два танка; один был подбит по пути к исходной точке, а другая машина попала под вражеский заградительный огонь и подбита.

Совсем иная история с танками, действовавшими в составе 15-го корпуса в траншее Гирд близ Гедекура, когда с помощью низколетящего самолета одним танком было взято 1500 ярдов траншеи и 370 пленных, что обошлось нам в пять человек убитыми.

История рассказана в Донесении с Соммы:

“Ранним утром танк двинулся по части траншеи, удерживаемой противником с северо-запада, ведя огонь из пулеметов, а за ним последовали бомбардировщики. Враг не мог убежать, так как мы удерживали траншею на ее южном конце. В то же время самолет пролетел вдоль траншеи, также открыв огонь из пулемета по удерживающему ее противнику. Затем они замахали белыми носовыми платками в знак капитуляции, и когда об этом сообщили с самолета, пехота приняла капитуляцию гарнизона. К 8.30 утра вся траншея была очищена, большое количество противника было убито, а восемь офицеров и 362 других рядовых взяты в плен. Наши общие потери составили пять человек”.

В полдень 26 сентября резервная армия генерала Гофа начала атаку на Тьепваль. Восемь танков действовали совместно.

Это была вторая атака, которую мы предприняли на Тьепваль, из которого немцы сделали самую грозную крепость. Земля была взорвана, превратившись в знакомое чередование осыпающихся холмиков и затопленных ям, а разрушенные дома и расщепленные деревья — особенно определенный ряд яблонь — сиротливо возвышались среди общего запустения.

Однако с точки зрения танков эта акция была важна, потому что здесь впервые танки были задействованы во внезапной атаке.

Артиллерийская подготовка не применялась, и

“наши люди перелезли через немецкие брустверы и укрылись в блиндажах прежде, чем успели установить пулеметы, чтобы дать им отпор”.

Было взято большое количество пленных, и в Донесении о сражении на Сомме атака была отмечена как “в высшей степени успешная”, а танки оказали “ценную помощь”.

К середине октября 1916 года, когда танки вступили в бой в следующий раз, почва была безнадежно размокшей, и рассказ о последовавшем за этим месяце можно было бы, с изменением названий мест, принять за повествование о кампании во Фландрии. Большого осуждения, чем это, нет.

Было бы утомительно подробно описывать пять или шесть второстепенных действий, в которых Танки участвовали, или чаще всего пытались участвовать, в период с 17 октября по 18 ноября. За исключением небольшого интересного сражения, произошедшего в Бомон-Амеле, о котором мы упоминали ранее, дальнейший свет на использование и возможности нового оружия пролито не было.

Следующий отчет о боях Бомонт-Хамель был предоставлен авторам присутствовавшим офицером-танкистом:

“В конце сентября стало ясно, что битва на Сомме выдыхается. Соотношение "затрат" и "результатов" становилось все более и более неудовлетворительным; кроме того, каждое продвижение вперед превращало опустошенную и почти лишенную дорог местность во все большую проблему.

“Было решено, что атака, по возможности внезапная, должна быть предпринята на фланге битвы при Сомме. Выбранная позиция располагалась примерно от Серра до возвышенности примерно в полумиле к югу от реки Анкр. Этот сектор, конечно, подвергся атаке вначале июльской битвы на Сомме, но атака закончилась полным провалом, и на этом фронте снова наступило относительное затишье.

“Цистерны были собраны и снова перегружены, новой станцией разгрузки стал Ашеукс. Это был первый из многих фланговых маневров, осуществленных танками для того, чтобы можно было ввести в бой новый фронт.

Однако по прибытии в Ашо, в начале октября, установилась очень плохая погода, и подготовка к наступлению была отложена. День за днем продолжался дождь, и состояние земли в зоне боевых действий становилось все хуже и хуже. Это было тяжелое время для офицеров и рядовых рот ‘С’ и ‘D’, поскольку они находились в не очень хороших условиях размещения недалеко от Ашо, ожидая ежедневного продвижения в бой. Однако только в начале ноября был осуществлен ночной переезд через Босар в Ошонвильер и ферму Ла Синьи. Когда танки достигли этих мест стоянки, дождь пошел еще быстрее, чем раньше, и изучение фотографий предполагаемого участка боевых действий с самолета показало, что все старые воронки от снарядов и многие старые траншеи заполнились водой, и что большая часть фронта была в безнадежном состоянии для танков этого типа (*т.е.*, Отметка I.).

Незадолго до дня сражения, 13 ноября, было решено отослать назад почти все танки с фермы Ла Синьи и некоторые из них из Ошонвилье, при этом лишь несколько танков оставались наготове на случай, если наступление пехоты откроет возможности для их дальнейшего использования на более благоприятной местности.

“Три танка роты “А” должны были атаковать основным ударом 13 ноября; и одному из них удалось проникнуть в расположение противника и продвинуться на некоторое расстояние вдоль линии поддержки противника и почти достичь Анкре, прежде чем он был “отброшен”.

“Дальше на север атака увенчалась значительным успехом, за исключением того, что деревня Бомон-Амель продержалась несколько часов. На помощь были вызваны танки, и два из них продвинулись по дороге на Бомон-Амель; примерно в то время, когда они достигли деревни, остатки немецкого гарнизона капитулировали. Между Бомон-Амелем и рекой Анкр значительная часть немцев удерживалась на вражеском фронте и в траншеях поддержки; хотя войска 63-й дивизии достигли окраин Бокура, находясь в глубоком тылу этой группировки, они продолжали держаться в течение всего дня. Танки снова были призваны справиться с этой ситуацией. Они достигли позиции на следующее утро, ведомые офицером окопного минометчика соответствующего подразделения. Одному танку удалось пересечь очень большую немецкую переднюю траншею, но, к сожалению, вскоре после этого он застрял; второй танк потерпел неудачу как раз перед тем, как достиг передней траншеи противника. Казалось, что снова был достигнут тупик, и экипажи танков оказались в опасном положении. Осмотрев местность вокруг них, офицер, командовавший ведущим танком (который, кстати, уже не был ведущим, поскольку застрял и был слишком неподвижен), заметил, что вся местность, казалось, мерцала белым. Открыв передний борт танка и получив лучший обзор, стало видно, что весь немецкий гарнизон, численностью около 400 человек, по-видимому, нашел что-то белое, чтобы помахать им в знак капитуляции; те, кто не мог придумать ничего лучшего, размахивали кусками мела, или кусками доски, или ружейными прикладами, которые они

быстро покрасили мелом в белый цвет. Ситуация была довольно затруднительной для такой небольшой группы, как экипаж двух танков; к счастью, однако, благодаря знакам и с помощью пехоты удалось "зачистить" эти 400 пленных до того, как они поняли, что оба танка застряли и вышли из строя.

“Некоторые из самых неблагоприятных участков местности были теперь на нашей линии, и была предпринята попытка провести танки через эту опасную зону, чтобы они могли продолжить атаку в окрестностях Бокура. Были предприняты попытки подготовить гусеницу для танков с помощью значительной группы землекопов, но когда танки достигли очень пересеченной местности к северу от Анкре, они один за другим прочно застряли; с огромными усилиями их откопали, и им удалось продвинуться еще на несколько ярдов, только для того, чтобы снова застрять. Это была душераздирающая работа, которая, несомненно, была бы намного проще, если бы на Танках тогда были установлены отключающие балки, которые были введены лишь некоторое время спустя.

“Наконец, вечером 17-го числа только одному танку удалось прорваться через эту опасную зону и достичь сравнительно хорошей местности за ее пределами. Экипаж, которому следует отдать должное, уже несколько дней и ночей непрерывно работал и был не только измотан, но и не имел времени провести какую-либо разведку позиции, которая должна была быть атакована на рассвете следующего дня. Однако, поскольку танк был всего один, как никогда важно было использовать его по максимуму. Было решено, что его следует использовать против очень сильной позиции, известной как Треугольник, которая представляла собой редут на возвышенности, примерно на полпути между Бомон-Амелем и Бокуром. Местность вокруг этого редута, к сожалению, также была очень сильно обстреляна, и фронтальный подход пехоты был невозможен, и танку было необходимо зайти с фланга, в то время как пехота атаковала позицию фронтально. Было осознано, что первой необходимостью было то, чтобы танк достиг этого редута как можно быстрее, и ночью был проложен маршрут немного дальше от нашей линии фронта, направивший танк прямо к Треугольнику. Погода теперь была намного холоднее, и мороз сделал грунт менее безнадёжным за пределами вместимости Резервуара.

Однако незадолго до рассвета возникла новая трудность, которая еще больше усложнила и без того испытанную экспедицию. Пошел снег, и белая лента, которая должна была направлять Танк, была стерта”.

Капитан Хотблэк (ныне майор, D.S.O., M.C.), офицер-разведчик, сделавший запись, был единственным человеком, который разведал этот участок местности, и он немедленно вызвался вести танк, от которого так много зависело.

Укрываясь, насколько мог, в воронках от снарядов, заполненных льдом и водой, он прошел перед Танком мимо нашей линии фронта вплотную к Треугольнику. Как ни удивительно, ни одна из пуль, обрушившихся на него и Танк, не попала в цель. Преуспев в этом нелегком предприятии и направив машину на место, он вернулся, чтобы доложить о ходе операции. Освещение теперь улучшалось, и танк начал свое “раскатистое” движение вдоль немецких окопов.

Машина теперь находилась настолько глубоко в окружении врага, что немецкая артиллерия не осмеливалась открывать по ней огонь, и танк обрушил сокрушительный огонь из своих пулеметов не только на людей в окопах, но и на какой-то конный транспорт в тылу врага.

Но, тем временем, пехота задержалась в другой части поля, и Танк был срочно нужен.

В то время сигнальная связь с танками была очень несовершенной, и, казалось, не было никакой возможности сообщить командиру танка о новой разработке.

Майор Хотблэк снова вышел вперед и снова беспрепятственно пересек охваченную огнем зону. Он добрался до Танка и повел его обратно за наши позиции, где планировалась новая атака.

Но прежде чем уставшую команду удалось снова отправить в путь, ветер переменился и начало таять. Почва, по которой Танк с трудом проезжал, когда она была твердой, стала непроходимой, и от проекта отказались.

Именно за эту замечательную работу майор Хотблэк был удостоен звания доктора философии

Этот инцидент, естественно, имел далеко идущие результаты. Вдохновляющий поступок, особенно если он требует не только мужества, но и навыков, окажет влияние и “задаст тон” новому подразделению или новому ответвлению старой службы. Это гораздо эффективнее, чем самые убедительные аргументы относительно необходимости высокого стандарта поведения и компетентности. Большая часть последующей эффективности Разведывательного отделения танкового корпуса может быть связана с этим инцидентом.

Разведка заняла подобающее место, она была признана боевой службой, и ее работа рассматривалась как необходимая подготовка к каждому действию.

Из общего числа примерно десяти танков, участвовавших в других мелких боях, имевших место в этот период, едва ли у одной машины были удовлетворительные послужные списки, на которые можно было бы оглянуться.

18 ноября закончилась первая короткая кампания танков. Если он и не закрылся в блеске славы, то, по крайней мере, был достаточно успешным для того, чтобы власти приняли решение не удвоить, а учетверить свое учреждение.

ГЛАВА V

ЗИМНЕЕ ОБУЧЕНИЕ, РАСШИРЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ

Я

Хотя планы расширения и полной масштабной реорганизации подразделения были начаты сразу после того, как стали известны результаты боевых действий 15 сентября, фактическая работа по обучению могла быть начата лишь в конце ноября, когда “ветераны”-танкисты, наконец, были доступны в качестве инструкторов. Они были, как мы уже говорили, выведены 19 ноября и перемещены в район Бермикур, который уже был подготовлен для них.

Они были той закваской — менее одной “старой” роты на каждый новый батальон, — которая должна была передавать свои знания и опыт новым людям.

Младший офицер, видевший какие-либо бои с танками, внезапно обнаруживал, что его считают величайшим из ныне живущих экспертов в какой-нибудь малоизвестной технической области, а новоприбывшие, никогда не видевшие танков, “с благоговением смотрели на этих испытанных в боях воинов”.

Солдатам и офицерам было разрешено вступать в Танковый корпус добровольцами из других подразделений либо во Франции, либо дома. Идея сражаться в танке была популярна, поскольку многим солдатам старого образца — особенно пехоте - обычная боевая рутина— выражаясь консервативно, начала надоедать.

Таким образом, всякий раз, когда власти открывали кран, проблем с поставками людей не возникало.

15“Мы пришли из пехоты, из кавалерии, из артиллерии, из пулеметного корпуса, мотострелкового корпуса, летного корпуса, армейского обслуживающего корпуса и даже из Военно-морского флота”.

Сначала каждый человек носил форму своего первоначального подразделения, так что в Бермикорте была странная коллекция униформы — шотландские шляпки и килты, бриджи для верховой езды и патронташи, все мыслимые наряды, вплоть до темно-синего.

15“Дух приключений призвал нас к танкам ... итак, призыв к набору добровольцев застал нас готовыми, и когда пришло сообщение о принятии, наши сердца забились быстрее, а надежды возросли ... Некоторых из нас выбрали потому, что мы были пулеметчиками, а других - потому, что мы были водителями. Но было много таких, для кого пулемет и мотор были непостижимыми вещами. Но, в конце концов, мы не сочли этот недостаток знаний помехой; ибо армейское начальство, которое было мудрее нас, знало, что людям среднего интеллекта эти вещи даются легко; и, к нашему великому изумлению, мы обнаружили, что недели было достаточно, чтобы основательно освоить любой пулемет ... и что нам потребовалось всего две недели, чтобы понять принцип работы двигателя внутреннего сгорания и механизм Танка”.

В Бермикуре и Вулле были осознаны недостатки старой тетфордской подготовки. Опыт, полученный на Сомме, был усвоен. Инструкторы теперь точно знали, чему они должны учить, и на этот раз дух курса обучения был определенным и деловым.

Вся схема была тщательно спланирована, чтобы обеспечить надлежащий баланс, и различным курсам было отведено нужное количество времени.

Сначала работа заключалась главным образом в подготовке большего числа инструкторов, поскольку расширение Корпуса должно было происходить быстрыми темпами. “Настройки” всех курсов показали значительный прогресс по сравнению с тетфордской моделью, поскольку, наконец, можно было привести тренировочные площадки в соответствие с действительностью. Там были старые траншеи, воронки от снарядов и мин, и людей сразу же перевели на плохую почву, пока условия этого странного продвижения не стали привычными.

16“Нет ни одного из нас, кто когда—либо забудет свою первую поездку - влезание в машину сбоку, открытие, что высота не позволяет человеку среднего роста стоять прямо, внезапный запуск двигателя, рев всего этого, когда открылась дроссельная заслонка, толчок вперед и

последовавшее за этим скольжение по грязи, пока, наконец, мы не добрались до заранее подготовленного 'прыжка'. Затем последовало движение вниз, которое внезапно сбilo нас с ног и заставило доверчиво протянуть руки к ближайшему предмету — обычно сначала к горячей трубе, по которой вода из рубашек цилиндров поступала в радиатор. Итак, вниз, и вниз, и вниз, дроссель почти закрыт, двигатель просто 'тикает', пока, наконец, не было достигнуто дно, и когда мощность была включена на полную, Танк поднялся на уклон, как корабль, поднимающийся на волне, и нас всех тряхнуло в другую сторону, только для того, чтобы снова отчаянно хвататься за горячие и обожженные предметы, пока, наконец, перевалив через верх, мы не достигли ровной поверхности. И в этот момент мы обнаружили, что окопы, грязь, дождь, снаряды и ежедневное проклятие "хулиганской говядины" не убили все внутри, потому что нас охватил трепет счастья оттого, что нам предстояло плыть по морям, более странным, чем когда-либо пересекал человек, и отправиться в великое приключение".

Не была забыта необходимость упорядочения и систематизации Разведывательного подразделения, и под руководством майора Хотблэка была создана отдельная разведывательная служба — на самом деле специально адаптированное подразделение "Разведки".

Первая организованная работа Отделения должна была быть проведена при подготовке к битве при Аррасе, и именно в этот период мы увидим предварительные зачатки совершенно особой системы, которая была разработана позже.

В настоящее время "Разведка" проводила время за чтением лекций и выслушиванием лекций, а также за подготовкой карт или тренировочных площадок для теоретических или практических упражнений в новом искусстве танковой войны.

II

К февралю 1917 года, когда индивидуальные курсы подошли к концу и началось обучение подразделений, численность H.B.M.G.C. составляла около 9000 человек.

Согретые солнцем официального одобрения и орошенные доброй росой Меморандумов и официальных "определений", Роты превратились в Батальоны, а позже батальонам предстояло перерасти в Бригады.

Даже к этому раннему сроку власти решили, что в конечном итоге должны быть сформированы три бригады по три батальона в каждой.

Каждый батальон должен был быть оснащен семьюдесятью двумя машинами и состоять из четырех боевых отделений, отделения штаба и батальонной мастерской, помимо того любопытного набора разношерстных людей, портных, цирюльников, сапожников и писарей, которые необходимы в каждом подразделении. Генерал Эллес должен был командовать во Франции и вступил в должность 29 сентября в звании полковника. Его "устав" был следующим:

"Штаб-квартира во Франции должна командовать Тяжелым подразделением MGC.C. на местах, отвечать за передовую подготовку и за тактическое применение Корпуса под командованием главного командира"

В его ведении также должны были находиться большое Центральное депо и ремонтная мастерская.

В Англии должен был быть Штаб непосредственно при Военном министерстве, который должен был управлять Корпусом в целом. Центральный штаб должен был отвечать за обеспечение людей, за поставки “технических материалов”, предварительную подготовку подразделений и техническое обслуживание подразделений во Франции в отношении людей, машин, материалов и запасных частей.

Опытный читатель увидит в этой системе двойного контроля очень многообещающий посев драконых зубов.

Никто, кто был осведомлен изнутри о росте какого-либо подразделения или какого-либо учреждения вообще во время войны, не удивится тому факту, что Танковый корпус не избежал общей участи. Он страдал от болезней роста.

Есть ли новое Министерство, новая больница, новая Фабрика, новый Батальон, нет, хоть один новый Комитет, самая крошечная Ассоциация Землевладельцев, самая маленькая Мастерская сельских Дам, которых не было?

Среди таких организаций есть только две категории — те, у кого хватает искренности признать, что они прошли через такой период, и те, кто все еще не доверяет себе и не намекает на это. Возможно, если мы рассмотрим примеры из нашего собственного опыта, то обнаружим, что чем сильнее и жизненнее новое подразделение, чем более способными и полными характера были люди, возглавлявшие его, тем более заметным был начальный этап неуютной юности.

Остепенение, прежде чем обязанности и прерогативы были должным образом распределены между нужными людьми. Время, когда один отдел все еще был раздражен из-за переутомления, а другой - из-за того, что на него не возлагали достаточной ответственности. Все мы знали такое время, и большинство из нас сейчас оглядываются назад на его вполне реальные страдания со смешанным чувством удивления и веселья. Не иначе как пионеры танкостроения оглядываются назад на свой трудный возраст.

Как только было принято решение о программе расширения, [17](#) чрезвычайно важным стал вопрос о том, как можно увеличить производство танков. Из-за неизбежных потерь в бою и в еще большей степени из-за досадных дефектов типа поставляемого в то время гусеничного катка танков не хватало даже для схемы обучения, предложенной для Франции, где в декабре 1916 года в рабочем состоянии находилось всего шестнадцать машин. Потребности большого учебного центра, который создавался в Вулле, в настоящее время вообще не могли быть удовлетворены, и накопление какого-либо адекватного резерва боевых танков было на данный момент невозможно.

Отдел снабжения боевой техники теперь отвечал за производство танков, и перед ними стояла задача организовать производство 1000 танков, что было санкционировано 29 сентября.

В ноябре департамент M.W.S. сделал неофициальный прогноз вероятных темпов производства. Этот прогноз они официально подтвердили 1 февраля.

Общий выпуск Танков должен был быть примерно следующим:

1917

Январь	50
Февраль	50
Март	120
Апрель	120
Май	140
Июнь	200
Июль	240
Август	260
Сентябрь	280

Из них после марта не менее восьмидесяти в месяц должны были быть типа Mark IV., которых, вместе с Mark IV.a, должно было быть в общей сложности более 1000.

В августе или сентябре часть выпуска должна была приходиться на значительно улучшенный тип Mark V. Фактически в конце марта для битвы при Аррасе удалось наскрести всего шестьдесят танков, и большинство из них были машинами, отремонтированными после Соммы.

Ни одна машина Mark IV. не прибыла во Францию до 22 апреля, после того, как была выиграна битва при Аррасе, и ни одной машины Mark V. до 23 марта 1918 года. Короче говоря, вся программа опоздала на много месяцев.

Однако M.W.S.D. нельзя было полностью винить за порой несколько поразительное несоответствие между их обещаниями и результатами работы.

Фактически, в интересах защиты говорится, что даже пустые обещания имели свою цель — что те самые несоответствия, которые вызывали ужас у Воюющей стороны, были намеренно созданы коварным МВСД в качестве пугалок, с помощью которых можно напугать бездеятельных производителей или сопротивляющиеся правительственные ведомства.

“Что?” - сказали бы в МВСД. “Лучше этого не придумашь! Но посмотри, что мы на самом деле пообещали! И только посмотрите, какими именами нас уже называют наши партнеры с Воюющей стороны! Вы *должны* действовать лучше”. Должным образом разъяренная Сторона Боя, должно быть, сделала бы Джоркинса непревзойденным.

В любом случае, однако, обычно под сомнение можно было поставить только обещания МВСД. Учитывая имевшиеся в их распоряжении средства и трудности, которые их окружали, их практические усилия были достойны похвалы.

Их проблемы исходили главным образом из трех источников. Некоторые трудности, связанные с каждым из них, были неизбежны, а некоторые - нет.

Во-первых, это были физические трудности производства. Нехватка как рабочей силы, так и материалов была острой, и в тот период, которым мы сейчас занимаемся, танки занимали

последнее место в списке приоритетов Министерства вооружений. Снаряды, пушки, самолеты и даже транспортные грузовики - все это имело преимущество перед танками.

Второй трудностью была привычка Властей дуть попеременно то горячим, то холодным воздухом, в зависимости от того, хорошо или плохо танки в данный момент действовали в полевых условиях. Это привело к тенденции к чередованию периодов расслабленности и непреодолимой спешки на заводах.

Традиция гласит, что сэр Альберт Стерн (генеральный директор M.W.S.D.) сыграл здесь весьма полезную роль. Он использовал все свое влияние, чтобы поддерживать стабильный выпуск продукции, действуя, по сути, как своего рода стабилизатор.

Третья группа трудностей возникла у собственных конструкторов танков МВСД и у технических экспертов Воюющей стороны во Франции. И те, и другие постоянно просили внести небольшие изменения в конструкцию. Часто эти изменения были необходимы; часто они были более или менее несерьезными, даже когда исходили из того, что можно было бы считать лучшим источником, то есть от тех, кто сражался с Танками.

Если МВСД иногда обвиняли в академическом отношении к результатам “кислотного теста” в бою, то о Противоборствующей стороне с таким же основанием можно сказать, что они часто недооценивали трудности и проблемы производства и не понимали, как часто качество может быть достигнуто только путем непропорциональной потери количества.

III

Примерно в конце декабря 1916 года, когда двойное управление танковыми делами действовало почти три месяца, стало очевидно, что система была не из тех, которые легко выдержат напряжение активных операций. Танковый корпус перерос это, и вскоре подковы начнут жать. Генерал Эллес так резюмировал положение в своем отчете от 31 декабря:

“Во Франции. Боевой организацией руководит младший офицер, который *по доброте душевной* стал ответственным за инициирование всех важных вопросов политики, дизайна, организации и персонала через Генштаб Франции, а оттуда через пять различных отделений Военного министерства.

-В Англии. Административная и учебная организация находится в ведении старшего офицера, расположенного в 130 милях от Военного министерства, с младшим штабным офицером (штабс-капитаном) в Лондоне, который занимается пятью вышеупомянутыми подразделениями.

“Сейчас система работает, потому что штаб-квартира во Франции была свободна от вопросов операций в течение большей части последних шести недель и, следовательно, имела возможность несовершенно и на расстоянии решать более масштабные аспекты всего вопроса.

“Это будет невозможно, когда операции станут более насущной обязанностью, как это происходит сейчас.

Тогда эта обязанность должна быть возложена либо на пять ветвей военного ведомства, ни одно из которых, я утверждаю со всем уважением, не может иметь сколько-нибудь полного представления о предмете, либо на Генеральный штаб, Административный центр, который не

имеет постоянного личного контакта ни с Военным министерством, ни с требованиями в этой стране, и, более того, его устав не позволяет ему осуществлять какой-либо контроль или руководство, кроме как по просьбе своего подчиненного.

“Фактически генеральный директор по снабжению военной техники, чиновник Министерства вооружений, возглавляющий очень энергичный орган, становится главой всей организации. Этот офицер, из-за недостатка военных знаний, нуждается в руководстве, которого не может дать ни один из пяти департаментов Военного министерства и которое Генеральный штаб, Административный центр, не в состоянии ему дать.

“По сути, хвост во Франции пытается вилять очень далекой и безголовой собакой в Англии. У нас уже была одна проверка по поводу увеличенного веса Mark IV. что, возможно, может иметь серьезные последствия с точки зрения транспортировки.

“Ввиду неизбежного расширения и больших возможностей этого вида Войск я хочу самым решительным образом призвать к созданию в Военном министерстве Управления (каким бы маленьким оно ни было на первых порах) по аналогии с Управлением авиации. Его функции заключаются в изучении возможностей развития, наблюдении за проектированием и снабжением, координации обучения и управлении Корпусом в целом. Ответственный офицер должен быть старшим офицером, иметь свободу передвижения и полномочия отдавать определенные инструкции и решения относительно требований к Министерству вооружений”.

В результате этого протеста генерал Каппер был назначен в Военное министерство, и в мае следующего года был создан первый танковый комитет.

Этому Комитету было поручено “систематизировать и укреплять связь между армией и Министерством боеприпасов”.

Но когда мы рассматриваем список его членов, мы не находим ни одного представителя все еще поникшего “хвоста”.¹⁸

Однако назначение Комитета оказалось шагом в правильном направлении, и улучшение стало ощущаться немедленно.

Офицеры танкового корпуса теперь взяли на себя ответственность за окончательные ходовые испытания всех танков. МВСД представило свои проекты Комитету, и в ряде других мелких деталей контроль, осуществляемый военной стороной, был усилен.

Но в августе Комитет был распущен.

Два военнослужащих представили Меморандум, в котором обращалось внимание на длительные и серьезные задержки, которые все еще происходили при подготовке новых типов танков после того, как выполнение проектов было одобрено Танковым комитетом.

Задержки, как было заявлено, были в значительной степени вызваны отсутствием прямых контактов между Комитетом как органом и фактическим разработчиком, и они рекомендовали, чтобы разработчик *был по должности* членом Комитета.

Сэр Альберт Стерн и сэр Юстас Теннисон д'Эйнкорт решительно не согласились с этим Меморандумом — нам не сообщают, на каких основаниях, — и в октябре был сформирован новый Танковый комитет.

Наконец—то - в этом новом Комитете — “хвост” был полностью представлен, и Комитет собирался две недели поочередно во Франции и в Англии, таким образом поддерживая связь с обоими факторами в своей работе. Удовлетворительная организация, похоже, действительно была найдена, и интересы всех подразделений, вовлеченных в производство и борьбу с этими сложными машинами, похоже, наконец-то были должным образом представлены. После октября трудности, похоже, сократились вдвое.

Но эта более счастливая эпоха наступила только после того, как была выиграна битва при Аррасе и каким-то образом были преодолены долгие невзгоды фламандской кампании. Между тем, что касалось управления танками, все шло почти так же, как и раньше.

Читатель должен представить себе, что именно такие “боли роста” и именно такие трудности, переписка и меморандумы заполняли задний план в течение следующих шести месяцев, пока шли бои при Аррасе, Мессине и во Фландрии, историю которых мы собираемся рассказать.

ГЛАВА VI

БИТВЫ При АРРАСЕ И БУЛЛЕКУРЕ

Я

Офицеры разведки были первыми из младшего персонала, кто узнал, что операция запланирована на начало апреля и что новое сражение должно было разыгаться у города Аррас на берегу реки Скарп. К началу марта первые небольшие группы офицеров разведки батальонов и рот начали покидать Бермикур.

Ходили слухи, что это наступление станет кровопролитием для 1-й бригады; оно должно было быть в гораздо большем масштабе, чем любое другое, в котором танки принимали участие на Сомме. Было сказано, что в одном действии будет задействовано шестьдесят машин. У танков будет возможность сделать себе имя и оправдать все те неприятно приятные вещи, которые газеты писали о них в сентябре прошлого года. Ибо эта щедрая похвала навеяла уныние на танковый корпус; бесчувственные артиллеристы и пехотинцы, знавшие реальные факты, безжалостно насмеялись над ними.

Газетам удалось превратить свои контакты со всеми, кроме только что прибывших из Англии батальонов, в невыносимый раунд легкой шуток. Никогда еще ни одно подразделение, за исключением, пожалуй, лондонского шотландского, не было так безжалостно превознесено как “Мамин голубоглазый мальчик”.

К марту они жаждали крови, и к первым слухам о битве прислушивались с удовлетворенным ожиданием.

Новая 1-я бригада тяжелого пулеметного корпуса была гораздо более уверенным в себе формированием, чем маленькая группа пионеров, которые с таким нетерпением ждали рассвета 15 сентября 1916 года.

Из-за задержек в производстве они по-прежнему были оснащены только 60 танками Mark I. Вместо примерно 120 танков Mark I. и Mark IV., как надеялись. Тем не менее, мартовская отметка 1917 года I. сильно отличалась от сентябрьской отметки 1916 года I. Самым поразительным улучшением стал отказ от громоздкого и неэффективного “Хвоста”, или гидравлического стабилизатора.

Большинство машин также прошли тщательнейший капитальный ремонт под руководством неутомимого вулкана в батальонных мастерских, и были произведены те бесчисленные мелкие регулировки, ремонты и усовершенствования, которые составляют “настройку”.

Пулеметное вооружение также было изменено, “Хотчкисс” был заменен пулеметом Льюиса. Было также установлено новое приспособление для использования на мягком грунте, состоящее из прочных маленьких сигарообразных заноз длиной около ярда, прикрепленных к гусенице с помощью цепей.

Но, в частности, у экипажей было достаточно времени для тренировки, и они знали, что знают свою работу. Их офицеры тоже были уверены, что на этот раз их должным образом снабдят картами и подробными приказами. Поэтому офицеры и экипажи приступили к своим собственным боевым приготовлениям или, позже, с добрым сердцем отрепетировали предстоящие действия с пехотой.

II

На линии фронта началась активная подготовка. Офицеры разведки, некоторые из которых разместились в полупустынном городе Аррас, выделили каждому свой район, и они были заняты тем, что помогали стороне “Q” находить подходящие позиции для складов снабжения, поскольку в то время не существовало системы резервуаров снабжения. Поэтому каждую канистру с бензином, каждый патрон приходилось переносить вручную с железнодорожной станции, и на выполнение этой задачи уходили недели.

Было подсчитано, что при наличии запасных танков каждая машина спасла бы группу из 300 человек. Однако настоящая работа офицеров-разведчиков заключалась в наблюдении за линиями противника и страной, лежащей за ними.

Большая часть этой страны, даже в пределах наших собственных границ, была нам практически неизвестна, поскольку большая часть сектора, выбранного для атаки, была только что “раскрыта” в результате внезапного и непредвиденного отступления немцев. На этом участке линии отступление произошло примерно за месяц до начала сражения. Как и на других участках линии, и как и предполагал противник, отступление оказалось крайне затруднительным. Мы тщательно выбрали место для нашего сражения, и выбранная местность была тщательно изучена.

Внезапное изменение положения в малоизвестной стране потребовало огромного количества дополнительных съемок, составления карт, зарисовок и рекогносцировки в целом. Это было просто неприятно; еще более неудобным был элемент неопределенности, который привносил уход на пенсию.

Выстоит ли враг? И если да, то где? Не готовилась ли для нас какая-нибудь ловушка? Это было сверхъестественно, поскольку противоречило традициям более чем двухлетней позиционной войны.

Однако окончательный план атаки был спланирован исходя из предположения, что противник даст бой. Ибо теперь он обладал огромной природной силой, которую он совершенствовал с необычайным мастерством и энергией. Схема, поскольку она касалась Танков, была вкратце такой.

Общей целью акции было достижение быстрого успеха. То есть нанести в первые двадцать четыре часа рану, достаточно серьезную, чтобы вынудить противника подтянуть резервы, истощив таким образом его линию обороны у Суассона и Реймса, где французское наступление должно было начаться сразу после этого.

Каждой из участвовавших армий была выделена определенная доля танков.

1. С Первой армией (батальон "D") на север:

Восьми танкам предстояло действовать против высот Вими, деревни и высот Телус, которые считались одними из самых грозных позиций противника во Франции. Танки должны были играть вспомогательную роль, поскольку почва здесь представляла собой мягкий тяжелый суглинок, крайне неблагоприятный для танков.

2. С Третьей армией (батальон "C"):

Сорок танков должны были действовать, некоторые к северу, некоторые к югу от реки Скарпе. В этом секторе находилось несколько печально известных опорных пунктов, таких как Харп и Телеграф-Хилл. Почва здесь была твердой и меловой и обеспечивала хорошую проходимость танкам, хотя ее пересекали старые линии траншей и она была сильно утрамбована.

3. С Пятой армией (батальон "D"):

Двенадцать танков должны были действовать в районе Лагникура. Здесь условия на местности были плохими. Дороги были особенно разрушены, и оказалось невозможным подвести достаточное количество артиллерии для предварительной бомбардировки. Следовательно, на этом участке танки должны были играть ведущую роль, предшествуя пехоте и в значительной степени заменяя заградительный огонь. Эта операция должна была начаться примерно через сорок восемь часов после этого в двух других секторах. "Нулевой день" должен был наступить 9 апреля, и атака должна была быть произведена на рассвете.

III

До ночи перед сражением подготовительная работа шла гладко.

Были выпущены карты, припасы стояли наготове, вьючные животные и передние части были под рукой, чтобы сформировать передовые отряды.

Офицеры-разведчики отвели небольшие группы командиров танков на лучшие наблюдательные пункты в своих секторах и там показали им местность, которую они должны пересечь, и разъяснили им свои карты. Все танки были благополучно доставлены к железнодорожным станциям и успешно выведены из строя, и теперь они лежали в ожидании на своих танкодромах. Батальон "С" (впоследствии № 3) находился в самом Аррасе. Город был самым тщательным образом подготовлен для сбора войск и ожидания в нем.

Под ним находятся большие меловые карьеры, которые были соединены и освещены электричеством, и здесь две дивизии могли находиться в тридцати футах под землей в безопасности от самого сильного обстрела.

Местом сбора Танков была выбрана Цитадель. Там, в большом заросшем травой рву старого форта Вобан, они залегли, в поисках укрытия обнюхивая углы высокого утеса из матовой кирпичной кладки, который возвышался над ними.

Как только стемнело, в ночь с 8 на 9 апреля танки двинулись в путь вверх по линии фронта.

Возник вопрос относительно маршрута, по которому должны были следовать эти Танки.

Альтернативой был длинный крюк по началу неглубокой долины или короткий путь по местности сомнительной прочности.

Наконец был выбран короткий путь, и, согласно докладу офицера разведки, батальон запросил достаточно хвороста и шпал, чтобы построить грубую дамбу.

Из-за недоразумений и трудностей с транспортировкой вовремя прибыла лишь очень небольшая часть этого материала. Однако было решено все же пойти коротким путем. Хворост был уложен в самых неподходящих местах, а земля имела твердый верх. Считалось вероятным, что это, в конце концов, выдержит вес танков.

Увы, надежда была тщетной! Гладкий дерн оказался не более чем коркой, покрывающей настоящее болото, и она прорвалась, когда колонна прошла примерно половину пути. В темноте шесть Танков один за другим провалились в трясины.

Последовавшая сцена описана офицером, который присутствовал при этом:

"Никогда не забуду я сцену при Ахикуре накануне битвы. Было около полуночи, когда я добрался туда, и царила кромешная тьма, если не считать прерывистого света от все еще горящей деревни ¹⁹ неподалеку и вспышек орудий.

- Мы получили сообщение о "неприятностях возле железнодорожного переезда", и неприятности действительно были.

Там, затонувшие и барахтающиеся в черной грязи, стояли около полудюжины танков - танков, которые к тому времени должны были быть на много миль впереди и занять боевую позицию для атаки на рассвете.

Вместо этого здесь были машины, от которых так много зависело, беспомощные и безмолвные, лежащие под всевозможными зловещими углами и поворачивающиеся то туда, то сюда в своей тщетной попытке выбраться из трясины.

Вокруг них были огромные ямы, кочки грязи и рваные ямы, до краев наполненные черной слизью. Экипажи, потные и грязные, шатались вокруг и пытались помочь своим машинам выбраться, выкапывая почву из-под их брюхов и подсовывая доски и хворост под гусеницы. Время от времени запускался двигатель, и какой-нибудь наполовину погруженный Танк поднимал свою массу вверх и вытаскивал наружу неустойчивым барахтающимся способом, понемногу и мучительными рывками, когда двигатель заводился и отпускалось сцепление.

Затем гусеницы внезапно переставали цепляться и безрезультатно дребезжали, земля снова уходила из-под ног с одной стороны, и танк медленно поднимался и снова оседал с опасным креном, черная вода заливала его нижнюю часть. Огней не было видно из-за наблюдения противника, и в любой момент он мог вновь пустить в ход свою тяжелую артиллерию, которая уже обстреливала ближайшие окрестности ранее ночью.

“В целом это было отчаянное и обескураживающее занятие для тех из нас, кто знал, что пехота уже собрана для утренней атаки, кто тренировался вместе с нами, кто надеялся, что мы проведем их через немецкую проволоку, и кто теперь должен делать все возможное без нас”.

В конечном итоге, однако, все обернулось не так мрачно, как опасались обитатели болота Ачикорт.

Если бы подход танков был спланирован вовремя, колонна почти наверняка прибыла бы для подрыва склада боеприпасов в Ахикуре, в который попал немецкий снаряд вскоре после наступления темноты.

Кроме того, полдюжины танков, которые были извлечены из болота слишком поздно, чтобы присоединиться к утренней атаке, обеспечили небольшой местный резерв, который позже оказался чрезвычайно ценным и оказал заметное влияние на ход и конечный исход сражения.

Руины Ахикура продолжали тлеть всю ночь.

20“Он только что подвергся очень сильному обстрелу со стороны противника. Две стороны площади были сожжены и взорваны (когда я проходил по ней несколько дней назад, все было почти в порядке). Руины все еще дымились и светились, и темные рабочие группы сгребали мусор в воронки от снарядов, чтобы сделать их проходимыми для транспорта, и расчищали путь через жалкие обломки. Сломанные передки, вереницы мертвых мулов, сгоревшие и искореженные грузовики, транспортные фургоны и тому подобное, все довольно странное и удручающее, красное зарево какого-то другого пожара в качестве фона, и это пронзало мерцание белого света от наших орудий, маленьких и больших — их тысячи (на самом деле), пульсирующий рев вдалеке, способный оглушить вас где угодно поблизости. Самое замечательное - ходить с открытым ртом. Это выравнивает давление на барабанные перепонки. У меня постоянно отвисает нижняя челюсть. Как бы то ни было, обескураженный часовой, потрясенный контузией, сказал мне, что никто не может пройти, потому что снаряды, в основном наши собственные, взрываются во время пожара, и отказался позволить мне завести

машину. Это выглядело совсем не так плохо, как он пытался изобразить — с точки зрения опасности, — и действительно, когда я проходил мимо, рабочие группы флегматично засыпали кратеры при свете пылающих руин. Выполнив свою миссию, я вернулся для доклада в штаб бригады около 4 часов утра, а затем снова отправился в путь в 4.30, чтобы следить за ходом сражения и отмечать действия наших солдат и докладывать о них”.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ. ДОЛИНА СКАРПА

ГОРЯЩИЙ ТАНК

“ПРЯМЫЕ ПОПАДАНИЯ”

УДАРИЛСЯ ЖИВОТОМ О ПЕНЬ И ВПОСЛЕДСТВИИ УДАРИЛСЯ

IV

Примерно в 3.30 утра начался сильный дождь, и весь день армии сражались среди периодически сменявшихся ливнями с мокрым снегом.

21 “Наша бомбардировка была совершенно невообразимой — все, что можно было пожелать, я думаю, в отношении точности, равномерности и интенсивности. Последний заградительный огонь был действительно замечательным зрелищем; как раз на рассвете серое небо озарилось

звездными снарядами и разноцветными ракетами по всей линии, больше ничего не было видно.

Затем, когда стало немного светлее и заградительный огонь усилился, мы увидели, как тысячи наших людей выскакивают из своих едва заметных “монтажных щелей” в земле и устремляются вверх по склону медленно движущейся, беспорядочной толпой без какого-либо заметного построения, и среди них Танки.

“Ранее они пересекли, по-видимому, пустынную долину над головами нашей пехоты, ожидавшей в своих траншеях-укрытиях. Они появились над холмом и исчезли за выступом вместе с атакующими волнами войск. Вражеская шрапнель и осколочно-фугасные снаряды, которые летели в ответ, были почти смехотворны по сравнению с тем, что мы нанесли по ним, и наши потери были, в целом, необычайно легкими. Место, за которым я наблюдал, по слухам, было самым крепким орешком во всей линейке.²²

“Из-за заградительного огня и танков оборона, похоже, только что рухнула, и несколько минут и несколько потерь дали нам в руки замечательный редут, который враг с необычайной изобретательностью и усердием готовил в течение многих месяцев.

“Я видел все это из-за живой изгороди на склоне холма примерно в 1000 ярдах от нас. Я определился с местом назначения на месте, и, по счастливой случайности, когда добрался туда, то обнаружил, что там был недостроенный наблюдательный пункт с прелестной маленькой ямой, в которую можно было спрыгнуть, если станет жарко. Однако в использовании этого не было необходимости. Довольно захватывающим было только погружение в это. Меня снова и снова забрызгивало обломками, но, лавируя, выжидая и используя местность, я справился без каких-либо серьезных неприятностей.

“Насколько мы можем видеть и слышать — или, скорее, слышать, потому что я видел только первую фазу, - это была настоящая безоговорочная победа. Старые добрые Виллисы, отчасти это и их победа, как все могут видеть. Приходят замечательные сообщения, дюжина или больше в час, отчеты, телеграммы, телефонные сообщения, воздушные змеи, самолеты, голубиные письма и т.д., И почти все хорошие, ужасно хорошие.

“Мы достигли Z.22.B.64 и движемся уверенно”.

- “Захватили деревню Тиллой”.

“В камерах нашего Корпуса уже более 2000 заключенных, включая тридцать офицеров и командира батальона”.

“девяťсот заключенных, напуганных и изголодавшихся, морально прогнивших”.

“Достигли Синей линии”, - *Подписала* Дафни, - “Консолидированы на Y.13.C.68 - 15.D. Central”, только мы не консолидируемся, а просто прокладываем линию за линией в точном соответствии с программой, как никогда раньше.

“Танки замечены ноль плюс 5 часов 15 минут в “Долине гаубиц” в сопровождении пехоты. Орудия все еще на позициях, артиллеристов нет.

“И так далее; и наши синие картонные листки, изображающие пехоту, и маленькие красные флажки, обозначающие танки, маршируют дальше, и дальше, и дальше”.

Отчасти из-за погодных условий, а отчасти из-за того, что шестьдесят танков были растянуты на таком широком фронте, командирам танков было приказано действовать более или менее самостоятельно против выделенных им опорных пунктов. Таким образом, после того, как "зеро" нанесло удар, история сражения становится, с танковой точки зрения, в основном историей подвигов отдельных машин.

Единственным исключением является история восьми танков, действовавших совместно с канадцами в Вими. Увы! их историю легко резюмировать.

Первоначально было решено, что в сырую погоду танки вообще не должны были действовать на этом участке, поскольку состояние местности и без того было исключительно плохим. Восьмерку должны были отправить на усиление 5-й армии, где дела шли хорошо.

По счастливой случайности, 7 и 8 апреля выдались погожими, и было решено, что танки не следует отправлять вниз, а следует зайти на гребень. Когда за два часа до нуля начался проливной дождь, менять план атаки было слишком поздно. Результат был таким, как и ожидалось.

Все танки без исключения были брошены в кювет или застряли на Нейтральной полосе или на линии фронта противника.

Таким образом, Танки не претендуют на участие в блестящем и историческом взятии канадцами хребта.

Так велик был *натиск* канадцев и так успешен был наш заградительный огонь, что к тому времени, когда танки были выведены, им, к счастью, уже не оставалось никакой роли. Поэтому они были выведены как можно быстрее и, в конце концов, отправлены на усиление 5-й армии.

В составе 3-й армии несколько танков совершили интересные подвиги.

Например, танк младшего лейтенанта Вебера “Лузитания” провел два захватывающих и прибыльных дня. Запуск этой машины задержался примерно на три часа из-за неполадок со вспомогательной передачей. Как раз в тот момент, когда она трогалась с места, поступило сообщение, что пехота задерживается. Прибытие танка полностью изменило ситуацию, и пулемет, установленный в лесу к северу от железной дороги, был заглушен огнем 6-фунтовых орудий танка и двинулся к “Голубой линии”. Пехота двинулась вперед одновременно, и оба вместе достигли следующей вражеской траншеи.

Движение осуществлялось в таком тесном строю, что танку не дали воспользоваться своими орудиями и прорваться по траншее, но немцы, неспособные противостоят комбинированной атаке, подняли руки и сдались. Затем танк двинулся вдоль железной дороги в сторону редута Флери, ведя огонь на ходу из своих 6-фунтовых орудий Льюиса. Немцы поспешили покинуть Редут, и было видно, что они укрылись в блиндаже рядом с железнодорожной аркой.

Танк продвигался к арке, ведя огонь по любому объекту, предполагающему пулеметную позицию. Возле арки он попал под наш собственный заградительный огонь, а также был обстрелян из противотанкового орудия. Соответственно, он развернулся, снова взобрался на

склон, по которому только что спустился, и подал сигнал пехоте наступать. Затем, вернувшись к арке, он установил охрану, пока пехота откапывала немцев, укрывшихся в блиндаже. Из-за того, что этот пункт был удален, а крутой берег препятствовал дальнейшему продвижению, было сочтено необходимым взять курс на юг, чтобы найти более подходящее место для подъема, поскольку двигатель сильно перегрелся. Действительно, было так жарко, что машина теперь буксовала на самом легком выезде из долины, который только можно было найти, и ничего не оставалось, как ждать, пока двигатель остынет.

В тот момент, когда командир танка объявил о своем решении лечь, каждый член экипажа упал там, где сидел или стоял, измученный жарой и накопившимся истощением за дни и ночи почти непрерывных приготовлений.

Снаряды свистели и гудели над головой и время от времени падали в долине по ту или иную сторону Резервуара, с оглушительным грохотом вздымая бурые россыпи земли.

Вдоль западного берега долины тянулись выкопанные и забетонированные ямы, которые в течение двух с половиной лет укрывали вражеские орудия. Из некоторых частей были извлечены осколки, в других наш огонь застал артиллеристов и их команды на месте преступления, и дно долины было усеяно трагическими грудami — орудия, передки, люди и лошади, сбившиеся в бесформенные клубки коричневого и серого цвета или разбросанные по сторонам, чтобы лежать опаленными и разорванными среди короткой травы и воронок от снарядов.

Внизу, возле железнодорожной арки, через которую дорога из долины вела к реке Скарпе, один миниатюрный горец провел колонну из примерно 200 заключенных, которые каким-то образом оказались под его единоличным надзором.

Они были аккуратно выстроены по четверо, каждый держал руки над головой, и когда они падали от усталости или ерзали от страха перед снарядами, которые продолжали беспорядочно падать вокруг них, их маленький и одинокий эскорт расцветал, и больше, чем просто размахивал штыком. Снова поднимутся 400 рук, и порядок на параде будет восстановлен.

Не зря одного молодого шотландца учили ценности дисциплины.

К тому времени, когда двигатель остыл, экипаж был поднят, а дальний берег преодолен, пехота была уже далеко на пути к своей цели. Включив третью передачу, танк постепенно догонял их, и его командир, заметив, что они въехали в немецкую траншею, наполовину повернул направо и взял курс через колючую проволоку параллельно ей. Было видно, что траншея на фланге 15-й дивизии все еще находится в руках немцев. Соответственно, танк открыл огонь из 6-фунтовых орудий и пулеметов, нанося по возможности урон. Это привело к эвакуации редута, он провел поиск и заставил сдаться двух снайперов, а позже вечером, в ответ на настоятельную просьбу полковника пехоты, он приблизился на расстояние пятидесяти ярдов к траншее и заставил замолчать два из четырех пулеметов. Затем, когда и без того неисправное магнето полностью вышло из строя и танк остановился, он открыл шквальный огонь по траншее из орудий Льюиса и 6-фунтовых пушек. Убив таким образом много немцев, а двигатель отказывался заводиться, командир в 9.30 вечера решил оставить танк после полных двенадцати часов работы.

К тому времени уже некоторое время было темно, и немцы вели оживленный огонь по застрявшему танку из винтовок и пулеметов, целясь в щели и бойницы, через которые контрольными лучами пробивались фары.

Час за часом те, кто находился внутри, старательно, но тщетно пытались запустить свои двигатели и таким образом благополучно вывести свой Танк из его доблестного первого боя. Но ничего не помогло, и, поскольку огонь противника становился все более интенсивным и точным, свет был выключен, и приготовления к эвакуации производились в полной темноте.

Сначала необходимо было выяснить, где находится наш собственный рубеж, и предупредить нашу пехоту о приближении бригады.

Сержант Лэтем сразу же вызвался участвовать в этой разведке и выполз из Танка в менее темную ночь. Винтовки плевались, шальные пули трещали и свистели вокруг, и британские и немецкие винтовки и пули звучали очень похоже. Однако, отчасти благодаря здравому смыслу, а отчасти удаче, сержант Лэтем наткнулся на наши собственные позиции и предупредил гарнизон траншеи, чтобы они стреляли выше, поскольку скоро прибудет экипаж из брошенного танка.

Хорошо, что сержанту удалось передать свое сообщение, поскольку помощь была оказана под покровом ночи, а новому гарнизону ничего не сказали о танке впереди, и они, несомненно, встретили бы возвращающийся экипаж как вражеских налетчиков.

На следующий день, раздобыв новое магнето, командир танка и часть его экипажа отправились к своей машине в надежде спасти ее.

Они приближались к месту боя, когда взволнованный командир батареи окликнул их и запросил информацию о танке, вышедшем на его передовую. Услышав, что это был брошенный предмет, который онисобирались доставить сюда, он воскликнул: “Слава Богу за это! Я разбираю эту деталь сегодня утром. Я не знал о баке, и я только что получил прямое попадание в него, которое смяло его. Я опасался, что на нем мог быть человек”.

Так закончилась короткая, но доблестная карьера мстящей “Лузитании”. За свое очень доблестное командование младший лейтенант Вебер был немедленно награжден Военным крестом, а сержант Лэтем - Военной медалью. Конкретное действие, за которое последнее было награждено, официально описано следующим образом:

“76441 сержант Ф. Лэтем, батальон "К", награжден орденом почета за выдающуюся храбрость и преданность долгу. Во время битвы при Аррасе 9 апреля 1917 года, когда он проходил через сильный вражеский заграждение, гусеницы его танка зацепили обрывки колючей проволоки, которые натянули камуфляжное покрытие на выхлопные отверстия, и вся масса загорелась. Не дожидаясь приказов, сержант Лэтем забрался на крышу бака и убрал горящий материал. Позже этот сержант проявил величайшее мужество, пытаясь откопать свой танк под шквальным огнем”.

Другой танк, которым командовал младший лейтенант С. С. Чинг, в этом секторе выступил с опозданием и едва догнал свою пехоту, как попал в кювет. Однако он продержался не менее трех дней, пока вокруг него кипели боевые действия.

Она наиболее активно использовала свои 6-фунтовые орудия, тем самым эффективно защищая правый фланг своей пехоты.

Еще один танк врезался целиком в старую огневую точку недалеко от Невиль-Витассе, которая была тщательно засыпана дерном.

Против

Корта для игры в мяч

К ночи 9-го числа силы первой волны были израсходованы, и хотя, как мы видели, многие подразделения непрерывно действовали в течение следующих трех дней, основная масса танков и пехоты 10 апреля была потрачена на укрепление позиций или откапывание и ремонт танков.

11 апреля произошло нападение на Буллекурт и две другие менее масштабные акции. Одной из двух незначительных атак была атака на Мончи, в которой приняли участие шесть танков.

Это было весьма успешно, главным образом, благодаря чрезвычайно доблестному поведению машин. Танки взяли деревню практически без посторонней помощи и удерживали ее в течение двух часов, пока не подошла пехота.

К сожалению, больше не было поставок танков, чтобы развить успех, иначе могло быть достигнуто больше. Вторая атака была предпринята со стороны Невиль-Витассе вдоль линии Зигфрида. В нем приняли участие четыре танка, которые отлично справились с заданием, все машины благополучно вернулись.

Звезды на их курсах, похоже, помешали успеху атаки на Буллекур, в которой одиннадцать танков действовали совместно с австралийцами.

Следует помнить, что наступление 5-й армии должно было начаться только через некоторое время после этого на других участках. Также, что состояние дорог было таково, что было невозможно подвести достаточное количество артиллерии для предварительной бомбардировки. Таким образом, битва при Буллекуре должна была стать атакой первой волны, в которой небольшое количество танков должно было играть ведущую роль.

Одиннадцать танков должны были выдвинуться в линию на оборонительные рубежи Зигфрида к востоку от Буллекура. Затем некоторые из них должны были повернуться на запад, чтобы атаковать сам Буллекур, в то время как другие должны были двигаться на восток вдоль системы немецких траншей, а третья группа продвигалась прямо к Риенкуру и Хедекуру.

Атака должна была состояться на рассвете 10 апреля, а с наступлением темноты 9-го числа танки начали выдвижение на свои боевые позиции за железнодорожной насыпью. Весь день погода была холодной и штормовой, и танки не прошли и полумили, как разразилась сильная снежная буря, скрывшая все ориентиры. Большинство войск, которым предстояло действовать той ночью, были сбиты с толку клубящейся темнотой, и хотя одиннадцать танков не ушли далеко, их темп пришлось сократить до ползания, и на рассвете они все еще были далеко от своих боевых постов. Австралийская пехота, которая уже собралась у железнодорожной насыпи, была вынуждена отступить под сильным обстрелом, вся атака отложена, и ее характер значительно изменился. Всю следующую ночь шел снег. Когда атака все-таки состоялась 11-го,

она оказалась дорогостоящей маленькой неудачей как для танков, так и для пехоты. День выдался ясный, и на фоне белизны снега каждый наступающий танк с его широкой двойной гусеницей резко выделялся. Далее, австралийская пехота, пробиравшаяся по снегу, сочла путь, проделанный танками, непреодолимым и следовала за ними длинными шеренгами, растянувшимися вдоль их гусениц. Таким образом, танки и пехота предоставляли немцам самые совершенные артиллерийские мишени, какие только можно себе представить.

Из одиннадцати танков девять были подбиты прямыми попаданиями, прежде чем их работа была выполнена наполовину. Хуже всего было то, что два танка, которые с примерно 200 австралийцами продвинулись почти на пять миль к Рианкуру и Хедекуру, оказались незащищенными справа из-за нашей неспособности продвинуться на другом участке нашей линии. Немцы организовали стремительную контратаку, и две деревни, пехотные и танковые, были окружены и взяты. 23 “Первое сражение при Буллекурте было незначительной катастрофой — три пехотные бригады понесли действительно очень тяжелые потери, а танковая рота, по—видимому, была всего лишь сломанной тростинкой.

“В течение многих месяцев после этого австралийцы не доверяли танкам — ”танки подвели их” — ”танки подвели их”. Мы увидим, что их доверие было восстановлено только после битвы при Хамеле.

Ни один танк не уцелел, чтобы собраться с силами после боя. Но самой большой нашей потерей были два танка, которые были “взяты живыми”, поскольку осмотр захваченных машин показал врагу, насколько эффективным оружием была их бронебойная пуля против Mark I.

После этой акции был издан немецкий приказ о том, что каждый солдат должен быть обеспечен пятью патронами "К" (бронебойными), а каждый пулемет - несколькими сотнями. До тех пор, пока использовался Mark I., эти пули должны были приводить к тяжелым потерям среди танков и их экипажей.

Следующие десять дней танки были заняты переоборудованием. К 20-му тридцать из первоначальных шестидесяти танков были снова готовы к бою, а 23 апреля одиннадцать танков были задействованы по двое и по трое, чтобы помочь пехоте продвинуться на линию Монши-Рюк-Гаврель.

И снова отличительной чертой дня стала прекрасная индивидуальная работа.

История танка, который действовал напротив Рюкса, рассказана в Списке почестей и наград в примечании к D.C.M. сержанта Дж. Ноэля:

“Во время битвы при Аррасе 23 апреля этот унтер-офицер принял командование своим танком после того, как его офицер был ранен. Он сражался на своем танке с величайшей отвагой и мастерством, выведя из строя множество пулеметов и уничтожив большое количество противника, помимо взятия пятидесяти пленных. Его действия позволили пехоте овладеть Химическим заводом. Он благополучно вернул свой танк к исходной точке. Его мастерство и отвага были выше всяких похвал. Он непрерывно находился в бою в течение девяти часов”.

Это был первый случай, когда танком в бою командовал унтер-офицер

За действиями 23-го последовала еще одна пауза. Из шестидесяти танков, поступивших 9-го числа, осталось не так много машин, которые можно было бы вскоре отремонтировать.

Однако двенадцать танков каким-то образом были приведены в “боеспособное состояние” и 3 мая были отправлены в последний раз перед тем, как бригаду отвели на отдых и перевооружение на Уэйлли, их новый полигон.

Отряд из четырех человек действовал между Круазиллем и Сен-Леже и вступил в ожесточенный бой на ближних дистанциях против бомб и траншейных минометов.

Вторая группа из восьми танков предприняла еще одну атаку на Буллекур.

Хотя отдельные бойцы действовали очень хорошо, атака снова оказалась безуспешной, поскольку, хотя танки достигли своей цели, они были вынуждены снова отступить.

Не менее десяти военных медалей и почетного звания были вручены солдатам и сержантам танкового состава, принявшим участие в этом небольшом действии.

Немцы усвоили свой урок, и танки и экипажи сильно пострадали от бронебойных пуль. Несколько наград были вручены водителям, которые благополучно вывели свои танки из строя, когда сами были тяжело ранены.

Этой второй атакой на Буллекур завершилась, с точки зрения танков, битва при Аррасе. У 1-й бригады было не так много танков, которые можно было отвести в Уэйлли, и не так много невредимых людей, чтобы укомплектовать их. Однако офицеры и рядовые покидали поле боя с чувствами, сильно отличающимися от чувств “ветеранов” Соммы.

Тщательная подготовка в Бермикорте с его хорошо спланированными курсами, боксом и играми была оправдана. Солдаты и офицеры не могли бы продемонстрировать более высокий боевой дух. Ценность их работы была признана всеми подразделениями, с которыми они воевали.

Генерал-майор Уильямс, командующий 37-й дивизией, писал о работе батальона “С” при атаке на Монши:

“Это было великим достижением, и само по себе оно более чем оправдывает существование танков. Соответствующие офицеры и рядовые заслуживают самой высокой оценки”.

Лейтенант.Генерал Эйлмер Холдейн, командующий 6-м корпусом, писал полковнику Бейкер-Карру, командующему 1-й бригадой, 13 апреля:

“... Я действительно очень благодарен за все, что сделали танки и их командиры, и большой успех этого Корпуса объясняется только той помощью, которую вы нам оказали. Это был мой первый опыт взаимодействия танков, и я, конечно, никогда больше не хочу оставаться без них, когда ими так хорошо командуют”.

Не только личный состав проявил себя необычайно хорошо, их поведение было “триумфом *моральных* качеств над техническими трудностями”, но и в целом общая работа танков была успешной.

Вот вкратце технические уроки боя:

Резервуары следует использовать массово.

Они должны быть концентрированными.

Большой запас всегда следует держать под рукой.

Маркировка I. машины не предназначены для использования на очень влажном или сильно шелушащемся грунте.

Сигнальные и питающие баки необходимы.

В общем, главным препятствием для еще более полного достижения успеха было то, что в наличии было 60, а не 260 танков.

ГЛАВА VII

БИТВА При МЕССИНЕ И ОПЕРАЦИЯ “ХАШ”

- И вряд ли ты стал бы на них обижаться

Их большая глубина души.

Твои партнеры по гонке с факелом,

Хотя и ближе к цели”. —Ионика.

Я

Во многих сражениях, в которых позже принимали участие танки, были задействованы две или более танковых бригад. Но сражения при Аррасе и Мессине принадлежат исключительно 1-й, а последняя - 2-й бригаде.

2-я бригада была сформирована точно так же, как и 1-я.

Иными словами, ядро “Ветеранов-танкистов” Соммы было усилено отобранными добровольцами из других родов Войск. Как и 1-я бригада, они проходили подготовку во Франции, в районе Бермикур. Неизвестный автор “Истории 2-го батальона” приводит забавный отчет об этих тренировках, в ходе которых всевозможные виды спорта - регби, футбол, бои на снегу, бокс и плавание - помогали в "воспитании", а также на более серьезных курсах.

Одной из особенностей того периода, как обычно, была нехватка учебных машин.

Поэтому для нескольких тренировочных атак использовались муляжи танков. Муляжи были сделаны из дерева и брезента, и экипаж из семи человек переносил их изнутри.

“Они выглядели для всего мира как какое-то тускло-коричневое доисторическое чудовище со множеством ног, как у сороконожки. Сильный ветер подул во время определенной ‘акции’ в марте и сильно осложнил ситуацию. К тому времени, когда конечная цель была достигнута, многие Танки находились в аварийном состоянии, порванный брезент открывал взорам зрителей потеющую технику. Остатки Резервуаров, однако, больше всегогодились для заготовки дров и ремонта кроватей”.

Далее в отчете говорится о восхитительной проницательности мужчин и о том, что их интерес к тренировкам был настолько велик, что такие серьезные *затруднения*, как опоздание к чаю, “считались пустяками”.

2-я бригада должна была быть оснащена танками Mark IV. как только поступит пополнение.

Первая партия машин прибыла во Францию ближе к концу апреля.

Танк Mark IV. Был усовершенствованным танком Mark I. и не слишком существенно отличался по конструкции от своего предшественника.

Таковы вкратце основные улучшения:

Во-первых, его броня была изготовлена из специальной стали, непроницаемой для немецкой бронебойной пули.

Во-вторых, спонсоны были лучшего образца. В Mark I. они должны были полностью сниматься при перемещении танка по железной дороге; в Mark IV. они были сконструированы таким образом, что их можно было достаточно “протолкнуть” для железнодорожного транспорта.

В-третьих, была представлена новая и более тяжелая конструкция опорных катков и звеньев.

В-четвертых, опасность возгорания была снижена благодаря тому, что бензобак (защищенный, разумеется, специальными бронеплитами) находился снаружи и сзади машины.

Были также внесены другие незначительные улучшения в вооружение, а общий вес танка был немного снижен.

Таково было оружие, которое впервые было опробовано в Мессине, и таково было подразделение, которому в то же время предстояло дебютировать.

II

Битва при Мессине не оказалась битвой, в которой танки смогли продемонстрировать какое-либо особое преимущество; это произошло не из-за неблагоприятных условий, а из-за самого успеха сражения. Это была на протяжении всей чрезвычайно хорошо спланированной небольшой акции, и, вероятно, она была бы совершенно успешной даже без участия танков.

Один опытный военный критик сказал об этом:

“Битва при Мессине, одна из самых коротких и хорошо организованных ограниченных операций войны, ни в коем случае не была танковым сражением”.

Возможно, 2-й бригаде, которая сражалась повсюду с особой доблестью, было немного обидно, что больше лавров им не досталось.

Первое сражение 2-й бригады отличалось не только доблестью на поле боя, но и очень высоким уровнем работы штаба - административные механизмы действительно долгое время оставались образцом для последующих танковых операций.

Это было настолько вдохновляющее небольшое действие, настолько хорошо спланированное и выполненное на каждом этапе, что сами бойцы 2-й бригады почувствовали, что им выпала честь сыграть даже относительно незначительную роль в таком штурме.

Хотя танки оказались полезными на нескольких этапах сражения, командиры танков первыми приписывают успехи того дня артиллерии, саперным ротам и пехоте.

У них рано установились особенно теплые отношения с пехотой, и говорят, что подразделение маори 2-го корпуса Анзак оказало квалифицированную помощь 2-му танковому батальону в маскировке его машин.

Мессинес должен был стать прелюдией к более масштабному наступлению на Ипрском выступе. Предстояло взять саму деревню Мессинес и хребет Уитсхете, тем самым обеспечив британцам право на атаку у Ипра и лишив противника господствующей позиции.

Наступление должно было быть очень коротким, и роль танков должна была быть вспомогательной по сравнению с ролью артиллеристов, саперов и пехоты.

Особенностью акции должны были стать фугасы. Взрыв двадцати из них, содержащих более миллиона фунтов аммонала, должен был стать сигналом к атаке утром 7 июня.

Некоторые шахты были готовы больше года, и мы построили почти пять миль галерей. Немцы тоже не сидели сложа руки.

Во время нашей атаки мы знали, что противник прокладывает галерею, ведущую к нашей шахте "Хилл 60". Внимательно прислушавшись, мы рассудили, что, если бы наше наступление началось в назначенный срок, вражеская контрминная установка просто не смогла бы до нас добраться. Следовательно, ему было разрешено продолжать.

Всего должно было быть задействовано семьдесят два танка Mark IV. и, поскольку урок Арраса был усвоен, двенадцать танков Mark I и Mark II. Танки были переоборудованы в машины снабжения. Каждая из них могла доставить достаточно бензина, боеприпасов и других запасов для пополнения пяти боевых танков.

Сорок танков должны были пересечь бруствер в ноль часов, а остальные танки должны были находиться в резерве.

Они должны были быть распределены следующим образом:—

На Север: двенадцать танков должны были действовать в составе 10-го корпуса, целью которого была линия Осттаверне.

В Центре: шестнадцать танков были приданы 9-му корпусу, который должен был захватить Витсхете.

На юге: двадцать танков должны были сражаться со 2-м корпусом, который должен был взять Мессинес и опорный пункт под названием Ферма Фанни, резервы продвигались вперед, чтобы захватить линию Осттаверне на втором этапе атаки.

Погода была прекрасной и жаркой почти три недели перед сражением, и сильный грозовой ливень, обрушившийся 6 июня, с трудом рассеял пыль, которая неделями висела туманной завесой над подъездными путями.

Танки, как обычно, были подтянуты ночью перед боем. Было очень темно, тяжелые грозовые тучи скрывали луну.

24“Заключительная часть марша приближения никогда не будет забыта теми, кто принимал в нем участие.

“Врагу взбрело в голову обстреливать нас слезоточивыми и другими газовыми снарядами, а ночь была такой черной, что невозможно было все время носить противогазы.

“Итак, со слезящимися глазами, без всякого света, с командирами танков и водителями, кашляющими и отплевывающимися, танки продвигались вперед по этому участку невидимых траншей, колючей проволоки и воронок от снарядов, люди были воодушевлены осознанием удара, который гунны получают примерно через час”.

Нулевой час должен был наступить на рассвете.

Где-то к северу от Витсхете загорелась немецкая свалка, и красные языки пламени взметнулись к бледному летнему небу.

Становилось светлее, и наши самолеты и аэростаты начали подниматься в воздух, темные на фоне рассвета.

Наша необычная активность в воздухе не ускользнула от бдительного противника, и его подозрения вскоре основательно возросли.

Он начал посылать ракеты, призывая к заградительному огню, и вскоре его орудия отвечали со все возрастающей настойчивостью.

В семь минут четвертого наша артиллерия умолкла, и в сравнительной тишине отчетливо слышался стрекот пулеметов.

Наступила пауза. Послышался низкий рокот. Земля качалась и тряслась до тех пор, пока с продолжительным и раздирающим грохотом там, где раньше были немецкие передовые позиции, не поднялась огненная завеса.

Массы земли были взметнуты к небу, и когда они поднимались, то на мгновение вспыхивали пурпуром и золотом в первых лучах солнца. Они корчились и перемещались, фантастически раскачиваясь, и пронзались пламенем. Огненные шары разлетелись во все стороны, и воздух задрожал от удара. Прежде чем истерзанная земля успела снова обрушиться, внизу раздался оглушительный рев и грохот британского заградительного огня; танки и пехота перелезли через бруствер.

К 7 часам утра анзаки были в Мессине, а к полудню танки и пехота достигли фермы Фанни, достигнув своей дневной цели.

Один танк, действовавший во 2-м корпусе, достиг своей конечной цели (на расстоянии около двух миль) за час и сорок минут.

Танк привел жителей Ольстера и южных ирландцев 9-й дивизии в Уайтшет.

Примерно к трем часам дня три танка достигли Осттаверне и патрулировали территорию за деревней, пока не подошли сопровождавшие их войска из Уэльса и Западных стран.

К наступлению ночи мы повсюду удерживали нашу конечную цель, и, кроме того, захватили 7300 пленных и 67 орудий, 94 траншейных миномета и очень большое количество пулеметов.

Всю ночь с 7-го на 8-е немцы предпринимали небольшие, наспех организованные контратаки, и при отражении одной из них случай позволил трем танкам сыграть любопытную и полезную роль.

Три танка, которые помогли при взятии Осттаверне, в конечном итоге были брошены недалеко от места под названием ферма Джой.

Вытащить их в темноте было невозможно, и экипажи стояли наготове, надеясь вытащить их, как только снова рассветет.

Между тем ближе к утру пришло сообщение, что немцы собираются контратаковать.

На позиции, в которой находились танки, экипажи смогли применить свои 6-фунтовые орудия против противника, который, как было замечено, сосредоточился в долине Ванбеке. Поскольку орудия Льюиса нельзя было привести в действие, их демонтировали, и остальные экипажи управляли ими из соседних амбразур.

25“Пехоте было передано сообщение, чтобы предупредить их о предстоящей атаке и попросить о сотрудничестве. Они ответили, что у них закончились патроны для их пистолета ”Льюис", и некоторые были доставлены им из танков".

Атака началась не так быстро, как ожидалось, но когда она началась, она была в силе.

Примерно с 6.30 противник неоднократно предпринимал попытки продвинуться вперед, обстреливая танки градом бронебойных пуль, которые, однако, не пробивали их.

Каждый раз их отбрасывали с большими потерями, пока в 11.30 наша артиллерия не открыла огонь и не рассеяла их заградительным огнем.

III

Неудача их бронебойных пуль против Mark IV. должно быть, они разочаровали врага.

Любопытно проследить, какие усилия прилагали немцы, чтобы не отставать от наших разработок Танка.

В кои-то веки мы двигались первыми, а противник всегда должен был отставать на круг.

Как только он обнаружил, насколько эффективна его пуля “К” против Метки I. Танк, чем мы противопоставили ему Mark IV., против которого он был бессилен.

У немцев всегда были довольно туманные представления о возможностях и привычках нашего нынешнего танка. У них было достаточно возможностей изучить два танка, брошенных на их позициях на Сомме, но до битвы при Аррасе они считали, что танки в значительной степени

зависят от использования дорог, и поэтому ямы и другие препятствия на дорогах должны служить полезной противотанковой защитой.

26“Также только на более поздних этапах битвы при Аррасе противник понял по некоторым захваченным танкам близ Буллекура, что пуля "К" эффективна против танков того типа, который использовался против них с сентября 1916 года.

Однако к тому времени, когда противник полностью осознал это, старые танки были израсходованы, а в Мессине - Mark IV. появился, и вероятность попадания бронебойной пули упала

“После Месины немцы начали осознавать важность артиллерии как средства защиты от танков, и "главная роль, отведенная пехоте, заключалась в том, чтобы держать голову", а остальное предоставить орудиям....

“Особое внимание уделялось неприцельному огню из27 орудий как тяжелого, так и легкого калибров по приближающимся танкам. Несмотря на несколько атак на рассвете, противник уделял большое внимание тому, что он называл "Дальней обороной", и несколько специальных противотанковых орудий, примерно по два на фронт дивизии, были размещены на специально прикрытых позициях”.

Только в битве при Камбре в ноябре 1917 года он случайно обнаружил единственное эффективное оружие против танков. То есть прямой наводкой из полевых орудий.

Операция “Замалчивание”

I

До того, как было принято решение сразиться с врагом в Мессине, была идея атаки под Ленсом, и большая часть разведки для такого сражения была проведена.

Как и многие другие сражения Войны, оно так и не состоялось и осталось лишь тенью операции.

Из всех этих теневых и планируемых атак та, которая вызвала больший интерес, чем любая другая, находилась в стадии активной подготовки, пока 2-я бригада сражалась при Мессине.

Это была пересмотренная и сокращенная версия знаменитой операции “Хаш”, то есть планируемого нападения на бельгийское побережье.

Впервые подобная идея была предложена весной 1916 года, и тогда были разработаны тщательно продуманные планы внезапной высадки в Остенде и его окрестностях.

Но мы были вынуждены сотрудничать с французами и вместо этого сражаться на Сомме. Первая битва на Сомме, однако, переросла в “состязание по борьбе” и продолжалась до конца того предвыборного сезона.

В следующем году идея была поднята снова. На этот раз должны были участвовать танки. План был менее амбициозным, и высадка должна была быть произведена между Остенде и линией союзников около Ньюпора. Специальное подразделение танков находилось в Эрине и начало подготовку к сложному маневру по восхождению на морской вал, который здесь защищает побережье. Эта подготовка проводилась настолько тайно, насколько это было возможно, и

было объявлено, что ее целью было преодоление некоторых укреплений Лилля - выдумка, которая долгое время удовлетворяла умы любопытных.

Проблема, которую предстояло решить, была чрезвычайно сложной.

Простая высадка танков на открытый пляж - дело нелегкое. Когда этот пляж надежно защищен бдительным и находчивым противником, когда им командует и окружает сосредоточенная среди дюн артиллерия всех калибров, и когда вдобавок пологий пляж увенчан отвесной бетонной стеной, высадка, по-видимому, имеет лишь небольшие шансы на успех. Тем не менее, шанс был, и поскольку ставка на риск была большой, можно было с радостью принять большой риск.

Общие планы предприятия были одобрены в высших кругах, затем были очень тщательно проработаны вплоть до мельчайших деталей небольшой группой экспертов, видными среди которых были лейтенант адмирал Бэкон. Полковник Филип Джонсон и майор Хотблэк.

Вся планируемая высадка была тщательно инсценирована и долго и терпеливо репетировалась — Танки играли главную роль в том, что, как надеялся весь актерский состав, должно было иметь действительно заметный успех.

Огромные понтоны длиной 600 футов были специально построены для перевозки десантных групп — небольших армий, состоящих почти из всех родов войск, за исключением кавалерии.

Эти странные суда должны были быть закреплены между двумя мониторами и таким образом протолкнуты через пролив и вверх по пляжу в определенных выбранных точках, которые тщательная воздушная разведка и фотографирование во все периоды прилива указали как наиболее подходящие.

Настоящие испытания понтонов и сопровождающих их мониторов проводились в тайных водах Темзы, и офицеры Танкового корпуса внезапно исчезали при выполнении неизвестных заданий, чтобы так же внезапно появиться, не помня, где они были и что видели за это время.

Сам морской вал вполне мог быть спроектирован как специальная защита от морских вражеских танков, его гладкая вогнутая поверхность и выступающий выступ делают его абсолютно неприступным для настоящего танка.

Стена была построена недавно, и по счастливой случайности бельгийский архитектор, спроектировавший ее, сбежал во Францию со всеми своими рисунками.

По его чертежам было сделано точное воспроизведение отрезка стены.

Там, на экспериментальной площадке, она стояла, идеально гладкая, и, что хуже всего, заканчивалась наверху загибающимся выступом.

Однако, по крайней мере, инженеры теперь знали масштабы своей проблемы.

Во-первых, танки должны были как-то подниматься, а во-вторых, когда они поднимались, им приходилось помогать поднимать орудия и перевозить грузовики.

После “примерки” различных приспособлений Танки, наконец, приняли на вооружение то, что для этого случая было практически переносной рампой.

Танк, пока не достиг дамбы, хорошо держался в воздухе на длинном лонжероне, поддерживаемом проволочными тросами.

Затем пандус опустили на пару маленьких колес, которыми он был снабжен. На них Танк толкал его вверх по склону, как тачку, пока дальнейшее продвижение не было остановлено перекрытием.

Затем оба колеса были немедленно сняты, и стальные шипы на нижней стороне конструкции были вбиты в бетон весом Резервуара, который теперь, отсоединившись, начал взбираться по своей собственной штурмовой лестнице, которую он таким образом установил на нужное место. Но грузовики и орудия еще предстояло обеспечить.

Угол, образованный наклонной плоскостью и ровной площадкой над подпорной стеной, был острым.

Кроме того, необходимо понимать, что наклонная плоскость, используемая резервуарами, устанавливается под бетонным выступом. Таким образом, в месте соединения грунта с наклонной плоскостью образовался значительный выступ. Как острота угла наклона, так и этот “бугорок” привели к необходимости применения какого-нибудь менее сложного устройства для четырехколесных транспортных средств. Поэтому был использован прочный трап, похожий на качели, и по нему их поднимали, причем вес орудия или грузовика слегка наклонял доску вниз, когда она проходила точку балансировки.

Но посадка так и не была произведена, и этому было выдвинуто множество подробных объяснений.

Однако два обстоятельства кажутся достаточными, чтобы объяснить очевидное отстранение наших рук от плуга.

Первой была, казалось бы, банальная атака, которую немцы предприняли 10 июля.

Следует помнить, что бельгийские наводнения простирались вглубь материка напротив Ньюпора, почти от пояса сухой земли шириной в милю рядом с морем, образованного песчаными дюнами. Через эти дюны протекала река Изер, и недалеко от побережья мы удерживали оба берега реки. Когда пришло время, генерал Роулинсон мог свободно двинуть свои войска вперед по многочисленным наведенным мостам, чтобы соединиться с десантным отрядом, которого он так долго ждал.

В стране дюн и польдеров траншеи были невозможны, и наша оборона здесь состояла из брустверов, возведенных в песке.

Итак, на протяжении 1915 и 1916 годов неоднократно и постоянно доказывалось, что любая передовая система траншей может быть взята в любое время стороной, которая была готова сосредоточить достаточное количество войск и орудий для этой цели.

Немцы в любой момент могли протянуть руки к этому участку побережья.

Они предпочли не понимать этого до тех пор, пока не убедятся, что наши планы, какими бы они ни были, завершены, и когда их атака, вероятно, причинит нам максимум неудобств. Таким образом, именно 10 июля, после мощной бомбардировки, они атаковали позицию

превосходящими силами. Наша оборона была храброй, но тщетной, и к вечеру немцы захватили северную часть наших плацдармов.

Это правда, что нам удалось удержать сам Ньюпор, но потеря даже небольшой полоски земли к северу от него сделала сбор войск в этом районе для нашей собственной атаки, которая должна была осуществляться совместно с высадкой на побережье, практически невозможной.

Вторым и более весомым обстоятельством была фатальная медлительность нашего главного наступления у Ипра.

В следующих главах мы рассмотрим эти трагические месяцы, медленное течение которых перечеркнуло столько планов и надежд и сделало бесплодными столько мыслей и труда.

Этого было достаточно, чтобы операция “Замалчивание” была тихо сметена вместе с остальными. Однако даже в начале октября люди, которые так хитро все спланировали, чьи умы преодолели так много трудностей, все еще надеялись, что их работа не окажется бесплодной.

Но к середине месяца стало ясно, что высадка не может состояться, и в конце октября специальный танковый отряд был окончательно расформирован.

ГЛАВА VIII

ФЛАНДРСКАЯ КАМПАНИЯ — ПОДГОТОВКА К ТРЕТЬЕЙ БИТВЕ ПРИ ИПРЕ

Третья битва при Ипре представляла собой оставшийся фрагмент того, что должно было стать великой и обширной кампанией. Это был обрубок дерева, остриженный до высоты плеча и лишенный листьев и ветвей.

Одно обстоятельство за другим откладывали выполнение большого замысла. Войска, которые были предназначены для этого, пришлось перебросить на другие участки фронта.

Нам пришлось отложить это, чтобы более тесно сотрудничать с французами, и возникли некоторые другие препятствия, полная история которых даже еще не была рассказана.

Битва при Мессине завершилась к 12 июня, но считалось, что для того, чтобы атака на сильно укрепленном Ипрском выступе имела реальные шансы на успех, это должна быть настоящая атака, обычное парадное сражение, подготовка к которому в то время считалась чрезвычайно тщательной.

Таким образом, до начала атаки должно было пройти около шести недель. Однако, начавшись, атакующие должны были быстро достичь своих целей. Это было важно для нашего плана.

Русский фронт рушился. Германия перебрасывала войска и орудия на запад. Вскоре мы окажемся лицом к лицу с врагом, настолько сильно укрепленным, что наши шансы на победу в атаке будут невелики.

28“Это была в какой-то степени гонка со временем. Если истинная стратегическая цель должна была быть достигнута до наступления зимы, первые этапы должны быть быстро пройдены. Возвышенность к востоку от выступа должна быть завоевана в течение двух недель, чтобы британцы могли двинуться против немецких баз в Западной Фландрии и очистить береговую линию”.

Мы должны были спешить не только потому, что столкнулись с врагом, силы которого увеличивались с каждым днем, но и потому, что нам предстояло наступление во Фландрии, и пройдет много времени, прежде чем мы сможем завершить наши приготовления.

Вражеские позиции располагались на склонах полукруглых невысоких холмов, возвышающихся над Ипром. За ним лежала еще одна заболоченная долина, которая снова поднималась к другому, чуть более высокому серпу холмов.

На внутренней арене лежали руины Ипра, и на болотистой равнине, откуда сразу же открывался вид на первый полукруг холмов и чуть дальше - на второй, располагались наши позиции.

29Территория, лежащая внутри полумесяца, практически полностью состояла из мелиорированных болот, включая Ипр и вплоть до Сент-Омера, оба из которых несколько сотен лет назад были морскими портами. Все сельское хозяйство в этой местности зависело от тщательного дренажа, вода отводилась по бесчисленным дамбам. Поддержание этой дренажной системы было настолько важным, что в обычное время бельгийский фермер, позволивший своим дамбам прийти в негодность, подвергался крупному штрафу”.

На этой территории две великие армии противостояли друг другу почти три года.

Выступ был, после Вердена, самым измученным полем сражений на Западе. Постоянные обстрелы низменности к западу от хребтов перекрыли или отвели в сторону ручьи и естественный дренаж и превратили ее в промокшую пустыню.

Если август выдался дождливым месяцем, как это было годом ранее во время битвы на Сомме, наши шансы на успех были невелики.

30“Сильные дожди превратили бы выступ в болото, где нельзя было бы использовать танки, транспорт едва мог двигаться, а войска оказались бы в крайней степени нищеты”.

Однако предыдущий обстрел территории был ничем по сравнению с той бомбардировкой, которую мы намеревались нанести сейчас.

Каждый уголок вражеской территории должен был быть залит нашим огнем.

31“Настоящему сражению должна была предшествовать самая продолжительная бомбардировка, когда-либо проводившаяся британской армией, за восьмидневной контрбатареинной работой (начатой 7 июля) последовали шестнадцатидневные интенсивные бомбардировки. Результатом этой канонады было разрушение дренажной системы и попадание воды в образовавшиеся пробоины от снарядов еще до того, как пошел дождь”.

II

Враг долгое время не сомневался в наших намерениях. Предстоящее сражение много обсуждалось в Германии.

Генерал фон Армин (командующий 4-й немецкой армией) должен был оставаться строго в обороне.

Он должен был “тянуть время”, фактически “тыкать” до тех пор, пока крупная переброска войск с Востока не должна была полностью восстановить Западный фронт.

Нам должно было быть позволено тратить наше время и наши силы на мелкие завоевания незначительной территории и выедавать наши сердца в болоте.

С этой целью, а также потому, что заболоченная почва Фландрии не позволяла провести еще одну Линию Зигфрида, противник разработал новый тактический метод.

Как только мы понимаем теорию этого метода, становятся понятными многие из некогда загадочных обстоятельств этой битвы.

Это предполагало использование всего лишь одного сравнительно нового устройства - “ящика для таблеток”. “Ящик для таблеток”, впервые увиденный в Мессине, представлял собой небольшой бетонный форт. Иногда он возвышался всего на ярд или два над землей. Чаще всего он возвышался высоко, скрытый в руинах заброшенной фермы.

В нем находился гарнизон численностью до тридцати-сорока человек, ошестившийся пулеметами.

Сама тактика, в которой использовались ящики с дот, превосходно описана мистером Бьюкеном:

План противника состоял в том, чтобы удерживать свой первый рубеж — который часто представлял собой просто цепочку воронок от снарядов, соединенных траншеей, - с помощью нескольких человек, которые должны были отступить перед атакой. Он держал свои орудия далеко позади, чтобы их не захватили в первой же атаке, и чтобы они были доступны для заградительного огня, когда его противники окажутся запертыми в зоне “дотов”. Наконец, он разместил свои резервы во второй линии, готовые к контрудару до того, как атака сможет закрепить завоеванные позиции.... Любой атаке было бы позволено продвинуться вперед; но если бы немецкий план сработал хорошо, это продвижение было бы недолгим и было бы дорого оплачено. Вместо чугунного фронта в районе Зигфрида линия Фландрии была бы очень эластичной, но после давления возвращалась бы на место со смертельным рикошетом ”.

О тщательности и успехе, с которыми был осуществлен этот план, можно прочитать в истории Гленкорс-Вуда, Сен-Жюльена и многих других ожесточенных “Мелких акций”.

Тем временем враг наблюдал за нами со своей выгодной позиции и день и ночь изводил нас своими обстрелами, бомбардировками с воздуха и газом.

III

С нашей стороны неуклонно продолжались приготовления к грозному наступлению.

32“Различные проблемы, неотделимые от развертывания крупного наступления, улучшения и строительства автомобильных и железных дорог, обеспечения достаточного водоснабжения и жилых помещений для войск, образования блиндажей, рытья блиндажей, подземных переходов и траншей, а также сборки и учета орудий, - все это пришлось решать на новом театре военных действий в условиях, выходящих за рамки обычных неблагоприятных.

“Ни в одном предыдущем случае, не исключая атаки на хребет Мессинес-Уитсхете, вся местность, с которой нам предстояло атаковать, не была так полностью открыта для наблюдения противника. Даже после того, как противник был отброшен с хребта Мессинес-Уитсхете, он по-прежнему обладал превосходными прямыми наблюдениями за выступом с востока и юго-востока, а также с хребта Пилкем на севере. В Ипре не существовало ничего, что соответствовало бы обширным пещерам и подвалам, которые представляли такую ценность в дни, предшествовавшие Аррасской битве, и обеспечение войск жильем представляло очень серьезную проблему”.

Это была проблема, которая на некоторых участках оказалась неразрешимой, и войскам и рабочим группам приходилось ночь за ночью продвигаться в передовые районы, а на рассвете возвращаться далеко в тыл.

Как и их товарищи из любого другого рода войск, военнослужащие Танкового корпуса проводили боевую подготовку в условиях особой сложности.

Но у 1-й танковой бригады было нечто большее, чем беспорядочный беспокоящий огонь и “стрельба по площади”, чтобы обеспокоить их.

Противник получил информацию о нашем танкодроме в Остхукском лесу от британского пленного, который был либо болтливым дураком, либо очень вероломным плутом.

Солдат, принадлежащий к определенному пехотному полку, сообщил все подробности о местонахождении танков 1-й бригады и о программе их передвижения. Был захвачен немецкий документ, излагающий все свидетельства этого существа и объясняющий его ценность. Официальный отчет об этом чудовищном предательстве периодически зачитывался на параде всем танковым частям и стал текстом многих выступлений о жизненной важности строгой секретности и высокой *морали*. Имя этого человека навсегда будет иметь зловещее звучание для всех, кто служил в Танковом корпусе.

К счастью для нас, немцы, похоже, поверили его рассказу лишь наполовину — во всяком случае, обстрел, которому они впоследствии периодически подвергали секретный танкодром, был, хотя и точным, но никогда не таким сильным, какого, казалось бы, заслуживала такая важная цель. Возможно, немцы, не питавшие иллюзий относительно того, что означают боевые действия во Фландрии, и достаточно хорошо понимавшие естественные ограничения танков, отвергли идею о том, что танковая атака возможна или даже всерьез рассматривалась. Как бы то ни было, они, безусловно, не смогли адекватно отреагировать на предоставленную им очень ценную информацию.

Тем не менее, после нескольких дней хорошо направленных обстрелов и бомбежек было решено вывести весь личный состав из Остхукского леса и разместить его в лагерях на плантациях к северу от Шато Лови, где уже располагался штаб 1-й бригады.

Сюда же прибыл Передовой штаб танкового корпуса, от первоначального намерения занять наиболее подходящий дом в городе Поперинге отказались ввиду неудобств, вызванных периодическими обстрелами этого места и последующим прерыванием связи.

Передовая разведывательная группа провела в городе несколько недель и была изрядно обеспокоена частыми и точными обстрелами на высокой скорости.

Получившаяся таким образом концентрация личного состава поначалу казалась достаточно неудобной, но оказалась весьма полезной, и связь между бригадой и ее батальонами никогда еще не была такой хорошей.

С помощью резервуаров для снабжения имелись передние отвалы.³³

Пришлось провести особые приготовления, чтобы подвести танки на расстояние удара к противнику. Дороги были зарезервированы для более легкого движения. Вражеский обстрел был слишком сильным, чтобы можно было проложить железную дорогу за пределами лагерей отработки в Остхук-Вуд.

Постоянно предпринимались предварительные попытки продвинуть линию обороны дальше, которые противник постоянно обнаруживал и пресекал.

У танков должны быть какие-то собственные независимые маршруты по бесчисленным небольшим водным путям, которые необходимо пересечь.

Реки Кеммельбеке, Ламбардтеке и в некоторых местах канал Изер - все это лежало на пути. Нужно было проложить мили неровных дорог через болота; нужно было построить защищенные от осколков убежища для различных передовых штабов и, еще дальше, лагеря, танковые "конюшни", складские помещения, кухни и так далее.

Такая программа работ была неподвластна танковому корпусу без посторонней помощи, и поэтому 184-я рота проходчиков была придана Корпусу, по одному подразделению на каждую бригаду.

Большая часть работ по наведению мостов через каналы и прокладке железнодорожных путей производилась под огнем, шрапнелью, газом и взрывчаткой

Часто серия снарядов, разорвавшихся на недавно проложенной дамбе, сводила на нет дневную работу за несколько минут. Половину времени мужчинам приходилось носить противогазы, и почти всегда они работали по колено в жидкой грязи или в илистом русле какого-нибудь маленького "бека".

Однако ни в одном случае 184-я проходческая рота не смогла выполнить возложенные на нее работы.

Один очень оригинальный механизм для использования на самом танке был разработан в Центральных мастерских с учетом особенностей фландрской грязи. Это была "Несъемная балка". Это была массивная перегородка из тикового дерева, окованная железом на концах и снабженная тяжелыми цепями, с помощью которых ее можно было прикрепить к рельсам, когда это было необходимо.

Его длина была несколько больше ширины танка над гусеницами, и поэтому обычно его носили вдоль задней части машины.

Его боевое положение находилось поперек танка, где он опирался на приподнятые направляющие, которые снимали с него боевую рубку, глушитель и другие наросты над бронированной спинкой.

К этим направляющим он был прикреплен специальными креплениями, чтобы не сорвался с места, когда танк накренился или покатился среди пробоин от снарядов.

Когда танк становился “пузатым”, одному из членов экипажа, вылезающему на крышу, приходилось освобождать эти крепления и прикреплять тормозные цепи к гусеницам - подвиг, сопряженный с некоторой опасностью в непосредственной близости от врага.

После надлежащего крепления балки дифференциал блокировался, а сцепление отпускалось, когда вращающиеся гусеницы переносили балку через носовую часть танка, с которой она свисала на двух гусеничных цепях, пока не протаскивалась под самим танком.

Если земля оказывалась рыхлой и заболоченной выше определенного места, балку просто протаскивало под резервуар, чтобы она снова поднялась сзади, забитая и забрызганная грязью, и “брошенный” резервуар все еще барахтался на брюхе.

Иногда танки мчались вперед с помощью своих неподвижных балок до тех пор, пока их тщетные попытки выбраться из какой-нибудь трясины на более удобную почву не приводили к перегреву двигателей или к тому, что машина так безнадежно увязала в сочащейся грязи, что ее могло затопить.

Однако, за исключением самых неблагоприятных условий, отключающий луч оказался наиболее эффективным приспособлением, и без него мало что можно было бы сделать в боях при Ипре.

ФЛАНДРСКАЯ КОРОБОЧКА ДЛЯ ТАБЛЕТОК

ОТКЛЮЧАЮЩИЙ ЛУЧ В ДЕЙСТВИИ

ДОЛИНА СТИНБЕК ПЕРЕД БИТВОЙ

ДОЛИНА СТИНБЕК ПОСЛЕ БОМБАРДИРОВКИ

IV

Разведывательная часть также была занята в течение нескольких недель подготовки.

Для облегчения передвижения танков по полю боя была использована новая система, с помощью которой был подготовлен список компасных пеленгов от четко определенных точек до ряда объектов на территории противника, что позволило определить направление.

Этой системе суждено было оказаться неоценимой, когда позже волны сражений стерли все ближайшие ориентиры, и люди безнадежно заблудились во все возрастающем запустении.

Методы наблюдения разведчиков не отличались от тех, которые они использовали в Аррасе.

Они использовали артиллерийские орудия, они летали над тылом врага, им был выделен “запас пленных” для специального обследования, они беседовали с беженцами, они наблюдали,

составляли и комментировали карты, рисовали множество панорам и делали подробные рельефные карты из пластилина.

К началу июля они собрали огромную массу информации, которая была не только жизненно важна для танкового корпуса, но и очень полезна для других родов войск.

Огромный макет из песка, очень тщательно построенный на основе информации, собранной из всех источников, был выложен 19-м корпусом в Остхукском лесу. Каждый холм или впадина, каждая дорога, железная дорога, траншея, ручей, руины, роща или другой ориентир были точно воспроизведены в масштабе. Миниатюрные траншеи были образованы в виде отрезков литого бетона, деревья были представлены маленькими вечнозелеными кустарниками, а в бассейнах и на отмелях лилипутского стинбека была настоящая вода.

Модель занимала площадь почти в акр — человек в том же масштабе был бы размером с обычную мышь.

С одной стороны модели находилась высокая деревянная платформа, поднятая на строительные леса, к которым вела лестница, и с этой выгодной точки эту ипрскую достопримечательность практически невозможно было не заметить и запомнить, как с воздушного змея.

В течение нескольких недель до дня, назначенного для сражения, платформа почти постоянно была занята группами офицеров. Действительно, он редко оставался незанятым днем с момента его возведения и до кануна великой атаки, и вокруг модели постоянно бродили небольшие группы офицеров и унтер-офицеров с картами, блокнотами и приказами — обсуждая, указывая, объясняя. Генералы лично проводили своих непосредственных подчиненных по имитируемому полю боя, в то время как младших командиров тренировали командиры их рот.

С точки зрения взаимодействия модель была бесценна. Отдельные командиры танков встречались там с пехотными офицерами, с которыми им действительно предстояло сражаться, и вместе прогуливались и разговаривали на “полигоне”, пока им не становилось совершенно ясно, какова их собственная роль и задачи друг друга, маршруты, цели и графики выполнения, после чего взаимное уважение и уверенность укреплялись за обеденным столом.

Таким и подобными способами между танками и их партнерами- пехотой установилось тесное и сердечное *согласие*, и было много инцидентов на полях сражений, которые наглядно показали, насколько успех зависел от этой личной связи и хорошего товарищества.

V

В нашем общем плане наступления не должно было быть ничего нового.

34“Наступление 5-й армии должно было проводиться на хорошо узнаваемых рубежах; а именно, длительная артиллерийская подготовка с последующей крупномасштабной атакой пехоты и использованием пехоты до тех пор, пока сопротивление не станет серьезным, когда наступление будет остановлено и подготовлена следующая организованная атака того же масштаба. Это методическое продвижение должно было продолжаться до тех пор,

пока истощение немецких резервов и моральное истощение не создадут ситуацию, которая позволила бы осуществить полный прорыв”.

Танки повсюду должны были быть вспомогательными и использоваться для борьбы с опорными пунктами и для “зачистки” тыла пехоты.

Однако в методе их использования произошло одно значительное улучшение.

Они должны были использоваться определенными “волнами”. Иными словами, предположим, что тридцать шесть танков будут задействованы на участке, где немцы установили обычные три линии обороны, двенадцать танков начнут с нуля и будут использованы для взятия первой цели. Тем временем вторая волна продвигалась бы вперед, и как только первая цель была бы взята первой волной, вторая волна прошла бы через них и направились ко второй цели. Третья группа из двенадцати человек будет продвигаться таким же образом — по волне к каждой цели.

На самом деле, в данном случае этот метод не был хорошо опробован, поскольку, во-первых, первой целью танков была всего лишь вторая цель пехоты; и, как мы видели, противник на этот раз вообще не использовал свой обычный метод построения в три линии.

Всего в составе 5-й армии предполагалось задействовать три танковые бригады.

Командиры танковых бригад должны были поддерживать связь с командирами корпусов, танковые батальоны должны были действовать совместно с дивизиями, танковые роты (двенадцать боевых танков) - с бригадами, а отдельные танки - с батальонами.

Три бригады должны были быть распределены следующим образом:—

А. 2-й корпус (состоящий из 24-й, 30-й, 18-й, 8-й и 25-й дивизий).

2-я танковая бригада (батальоны “А” и “Б”).

72 Танка будут распределены следующим образом:—

1-я цель	16
2-я”	24
3-я”	24

, Остальные держать в резерве.

Главной целью должен был стать хребет Брудсайнде.

Местность в этом районе была изрезана болотами и лесами; для танков было возможно только три подхода, и они образовывали опасные ущелья.

Б. 19-й корпус (состоящий из 15-й, 55-й, 16-й и 36-й дивизий).

3-я танковая бригада (батальоны “С” и “F”).

72 Резервуара должны быть расположены следующим образом:—

1-я цель	24
2-я”	24

резерва 24

Главной целью должен был стать участок линии Гелувельт-Лангемарк.

На фронте 19-го корпуса долина Стинбека находилась в ужасном состоянии, имелись бесчисленные пробоины от снарядов и лужи воды, дренаж Стинбека серьезно пострадал в результате обстрела.

С. 18-й корпус (состоящий из 39-й, 51-й, 11-й и 48-й дивизий).

1-я танковая бригада (батальоны “D” и “G”).

36 Танков будут распределены следующим образом:—

1-я задача	12
2-я”	12
корпусного резерва	12

Они должны были захватить переправы через реку Стинбек и установить посты за ней.

На фронте 18-го корпуса земля между нашей линией фронта и Стинбеком была изрыта и размокла. Стинбек сам по себе был трудным препятствием, и единственная хорошая переправа была у Сен-Жюльена, образуя, таким образом, опасное ущелье.

Тридцать шесть танков, принадлежащих 1-й бригаде, находились в армейском резерве.

Таков был боевой порядок танков.

Ноль был зафиксирован на 3.30 утра 31 июля. К последней неделе июля установилась туманная погода с частым морозящим дождем по ночам.

Наши приготовления были завершены, но, возможно, не без определенной тревоги наши командиры ожидали результатов сражения.

Никто не мог бы испытывать такого беспокойства с большим основанием, чем генерал Эллес.

Армия сделала большую ставку на авантюру, но, по крайней мере, ее не заставляли ставить на карту свой престиж. Генерал Эллес, должно быть, сознавал, что само существование танкового корпуса может зависеть от успеха предстоящего наступления.

ГЛАВА IX

ТРЕТЬЯ БИТВА ПРИ ИПРЕ

“Закаленный в болотистом Сиртисе, ни в море

Ни хорошей суши —едва не затонувший, он продолжает жить,

Топчу сырую консистенцию; наполовину пешком.

Потерянный рай.

Ночь на 30 июля была темной и сырой, и ближе к утру мелкий шипящий дождь размыл очертания звездных оболочек, которые освещали линии. На протяжении пятнадцати миль фронта английские и немецкие орудия грохотали друг против друга всю ночь.

Ожидавшие солдаты дрожали в своих мокрых сборных траншеях.

Около трех часов утра 31-го числа в стрельбе наступило затишье. Низкое, пропитанное влагой одеяло шотландского тумана подкралось и тяжелым слоем окутало противостоящие армии. Приближался час Ноль. По всему фронту люди нащупывали небольшие опоры над ступеньками у камина.

В 3.50 струящаяся темнота разорвалась на протяжении семи миль пути атаки. Вспыхнули термиты и горящая нефть, и на линию обороны противника обрушился такой шквал огня, какого еще не было, и пехота и танки карабкались в темноте в воронки от снарядов и выбирались из них по изрытой и скользкой земле.

Линия фронта немцев сразу упала на целых семь миль. Почти до восьми часов люди и танки с трудом продвигались по грязи достаточно быстро, чтобы вступить в схватку с врагом. На фронте каждого корпуса было много машин, которые были брошены на линии фронта противника, когда они рыскали тут и там, пытаясь уничтожить притаившиеся пулеметные гнезда и снайперов.

Там некоторые из них крепко застряли, так как вообще не видели основных сил противника, настолько быстрым было его отступление.

Его артиллерия, однако, действовала достаточно активно, и когда танки барахтались или полностью вязли в грязи, его орудия и низко летящие самолеты несли постоянный урон.

Все утро мы наступали, вражеское командование терпеливо берегло мощь своих армий.

Действия группы танков, принадлежащих 3-й бригаде, дают чрезвычайно хорошее представление об этой части боевых действий. Они сражались на фронте 19-го корпуса.

35“В 11.30 утра было получено сообщение, что батальон аргайлских и сазерлендских горцев был задержан справа. Танк ‘Канада’ двинулся в этом направлении и заставил замолчать вражеские пулеметы на железнодорожной насыпи, при содействии танка ‘Куидич’н Рич’. При патрулировании перед пехотой, пока они консолидировались, танк получил пробоину.

В то же время вражеский заградительный огонь прекратился, и оба танка ‘Канада” и ‘Куидич’н Рич“ получили прямые попадания. Пятеро членов экипажа остались с пехотой и помогали отражать контратаку, двое из них были ранены.

“... Танк ‘Капская колония’ прибыл на ферму Лоу и двинулся впереди пехоты. Попал под сильный артиллерийский обстрел и был подбит. Во время отхода танки ‘Кипр’ и ‘Каллоден” были замечены под сильным огнем противотанковых орудий, которые находились на позиции на возвышенности за ними. Было замечено, что поражены как “Кипр”, так и “Каллоден”.

“Затем ‘Капская колония’ попала под сильный артиллерийский огонь с обоих флангов. По требованию пехоты "Капская колония" отошла к лесу на правом фланге, где была задержана.

“Хотя по ним и не стреляли из танка, несколько вражеских пулеметчиков сдались пехоте, увидев приближающийся танк. ‘Капская колония’ теперь повернула на северо-восток в сторону Бек-Хауса, откуда был хорошо виден противотанковый артиллерийский огонь, обстреливавший ‘Кипр’ и "Каллоден". Во время маневрирования, чтобы нанести удар этим орудиям во фланг или тыл, танк затонул в болоте, вода поднялась до крышки двигателя. Самолеты Voche кружили низко над головой, пока предпринимались безуспешные попытки отстыковаться. Затем вражеский обстрел стал очень сильным, поэтому орудия Льюиса были выведены из строя, а танк заблокирован.

“... Флагманский танк ‘Камбре’ задержался на полчаса, застряв в траншее возле Билл-Коттеджа, и двинулся впереди пехоты ко второй цели. Открыл огонь по врагу, который отступал в направлении фермы Дельва. Земля была сильно заболочена, и танк застрял пузом в яме для взятия взаймы. Во время откапывания был обстрелян снайпером и самолетом, пролетевшим низко над головой. Время тогда было ноль плюс 9 часов (*т.е.* 12.50 пополудни).

“...Танк ‘Кейтнесс’ попал под снайперский и пулеметный огонь недалеко от Бек-Хауса. Ни одна пуля не пробила броню. Действовал в сопровождении танка ‘Карстерс’, который заставил замолчать огонь вражеской MG. Затем "Камерон Хайлендерс" продвинулись вперед, и танк последовал за ними, остановившись у ручья Зоннебеке. Грязь доходила до уровня пола, а дверь спонсона была сорвана с петель. Вражеский самолет кружил над ними и открыл по ним огонь при попытке отстыковаться. В конце концов танк "Карстерс" пришел на помощь, и Танк был выведен из строя.

“... Снаряжение танка ‘Каллоден’ было унесено за колючую проволоку недалеко от Хилл-Коттеджа. Неразъемная балка была восстановлена, но снова сломалась, пока ее не закрепили веревкой. К западу от Фрост-Хауса снаряд разорвался под передней частью танка. Во время пересечения скоростной железной дороги на полпути между Фрост-Хаусом и Сквер-Фарм второй снаряд попал в дверь на крыше и убил одного стрелка. Танк остановился, и было обнаружено, что трубка для подачи бензина была перерезана. Время 9.15 утра Третий снаряд разорвался позади правого спонсона. Экипаж был выведен из танка и занял позицию в воронках от снарядов возле фермы Сквер. Танк все еще подвергался обстрелу, несомненно, из противотанкового ружья, за пять минут по нему было выпущено около десяти снарядов, шесть из которых попали в танк.

Затем было замечено, что танк "Кипр" был подбит из того же противотанкового орудия. В 10.15 утра уцелевшие танки "Каллоден" и "Кипр" вместе с неповрежденными орудиями Льюиса отошли к месту сбора батальона после того, как были отправлены голубиные сообщения с информацией о ситуации.

“...Танк "Карстерс" прибыл на Черную линию близ Бек-Хауса, но пехота тогда еще не прибыла.

Вскоре танк увяз брюхом в болотистой почве, но был успешно снят с мели. К западу от фермы Борри был найден танк "Кейтнесс" с сильно пробитым брюхом и утерянным снаряжением.

“Получив информацию от 6-го Камероновского горного полка о том, что вторая цель захвачена, танк "Карстерс" прицепился к танку "Кейтнесс" и отбуксировал его. Вражеский артиллерийский

обстрел был чрезвычайно сильным, и над ними пролетел самолет, обстреливая экипаж из пулеметов во время операции.

“Затем были получены инструкции вернуться на пункт сбора батальона”.

Еще один очень доблестный бой совершил танковый расчет, также принадлежащий к этому батальону.

Они начали сражение на танке под названием “Кэнни” под командованием лейтенанта Х. П. М. Джонса, который был убит близ Уайлд-Вуда. Экипаж под командованием капрала Дженкинса продержался примерно до 11 часов вечера, когда танк безнадежно “заглох”. Капрал Дженкинс снял свои пушки Льюиса и расчет и, разместив часть из них на крыше танка, а часть - на земле, вел эффективный огонь по противнику, который затем предпринял небольшую контратаку.

Затем он перевел своих людей к другому танку, “Клайд”, весь экипаж которого был ранен. Они сражались с этим танком еще два часа, но примерно в три часа “Клайд” тоже увяз в грязи и оказался неразрушимым. Затем он и его команда пешком вернулись на Пункт сбора своего батальона.

В 18-м корпусе танки 1-й бригады несколько раз получали сигналы от довольно удаленных групп пехоты, которые продолжали “устанавливать” их в опорных пунктах, создававших проблемы. Эта система работала чрезвычайно хорошо и оказала особенно впечатляющее моральное воздействие на противника. Зафиксировано несколько случаев, когда вражеские гарнизоны не дожидались, пока танк, который был таким образом “подсвистан”, подойдет достаточно близко, чтобы открыть огонь, а сдавались, как только видели его приближение.

Наше наступление продолжалось около десяти часов, то есть почти до трех часов пополудни, когда наше предприятие, казалось, увенчалось успехом.

Уже к девяти утра мы полностью овладели нашей второй целью к северу от Вестхука.

К полудню мы вошли в Сен-Жюльен, Фрезенберг и Поммернский редут, а также заняли переправы у Стенбека и замка Стерлинг.

Гленкорс-Вуд и Инвернесс-Коппс оказались более сложными, но даже здесь мы удержались на гребне.

Мы “раскололи дуб”, теперь нам предстояло ощутить силу отдачи.

В тот же день под проливным дождем противник контратаковал по фронтам всех трех корпусов. Завязалась ожесточенная борьба, в ходе которой во многих случаях танкам удавалось нанести значительный урон.

Нас вышибли из Сен-Жюльена. К северу от него мы отошли на линию Стенбека и были вынуждены отступить со всех окрестностей Вестхука, кроме западных.

Весь день мы медленно сдавали позиции, но когда наступила ночь, мы все еще могли похвастаться хорошо начавшимся сражением. В конце концов, это никогда не предполагалось как однодневная атака, и завтра мы должны были хорошо начать. Мы повсюду захватывали и удерживали нашу первую цель, то есть низкий илистый гребень, с которого враг так близко угрожал первоначальной ипрской арене.

Теперь перед нами лежали вторая плоская долина и более высокий горный хребет от Пашендале до Штадена.

По крайней мере, у нас была хорошая позиция для завтрашней атаки. Мистер Бьюкен, по сути, анализирует наши успехи следующим образом:

На протяжении двух третей нашей линии атаки мы удержали наши первые цели. На половине оставшейся трети мы лишь немного не дотянули до нашей конечной цели. На оставшейся шестой мы даже немного превысили нашу конечную цель. Кроме того, мы взяли 6000 пленных и некоторое количество пулеметов.

II

Всю ту ночь противник упорно контратаковал нас, решив снова сбить с толку. Всю ночь мы сражались, чтобы удержать завоеванное, и готовили удвоенный удар, который намеревались нанести на следующий день.

Этому удару не суждено было сбыться. Ветер, принесший дождь, развеял наши надежды на победу.

36 “Погода была угрожающей в течение всего [первого] дня и очень затруднила работу наших самолетов с самого начала сражения. Во второй половине дня, когда бои все еще продолжались, начался дождь, который лил всю ночь.

После этого в течение четырех дней дождь продолжался без прекращения.... Низменная глинистая почва, разорванная снарядами и размокшая от дождя, превратилась в череду огромных грязных луж. Долины пересохших и разлившихся ручьев быстро превратились в длинные участки болота, непроходимые, за исключением нескольких четко очерченных колеи, которые стали ориентирами для вражеской артиллерии. Оставлять эти следы означало рисковать утонуть, и в ходе последующих боев несколько раз таким образом погибали как люди, так и вьючные животные. В этих условиях операции любого масштаба становились невозможными, и возобновление нашего наступления было неизбежно отложено до периода хорошей погоды, который позволил бы местности восстановиться. Как и в случае с Аррасским сражением, эта неизбежная задержка в развитии нашего наступления оказала величайшую услугу противнику. Было потеряно драгоценное время, противостоящие нам войска смогли оправиться от дезорганизации, вызванной нашей первой атакой, и врагу была предоставлена возможность подтянуть подкрепления”.

Прошло почти две недели, прежде чем 5-я армия смогла снова перейти в наступление.

Разочарование Вышестоящего командования было острым; острыми были также физические и моральные страдания, перенесенные в течение этих двух недель Танковым корпусом и всеми другими задействованными родами войск.

Их великолепные усилия, их жертвы оказались тщетными. Там они лежали день за днем, промокшие под неумолимым дождем, а те, кто находился в передней части, наполовину захлебывались в поднимающихся потоках жидкой грязи.

Штаб 5-й армии был не в лучшем расположении духа, когда прочитал вердикт трех корпусов по поводу работы, проделанной танками за день.

Все три резюме были единодушны в том, что мужество и настойчивость, проявленные танкистами, достойны восхищения.

СМЕРТОНОСНОЕ БОЛОТО (МОЖНО НАСЧИТАТЬ ОБЛОМКИ ШЕСТИ ТАНКОВ)

“КЛЭПХЭМ ДЖАНКШЕН” НЕДАЛЕКО ОТ САНКТУАРИЙ-ВУД

“ВЫСТУП”

Один корпус, однако, полностью уступил духу времени. Они практически сообщили, что Танки никому не были нужны и, более того, что они, скорее всего, никогда не будут. В 30-й дивизии они не смогли справиться с определенными пулеметными точками; в 24-й они опаздывали и всегда попадали под вражеский артиллерийский огонь; а в 8-й дивизии один танк даже потерял направление и, по сообщениям, вел огонь по нашим собственным людям.

Другой корпус счел Танки полезными и сказал в их пользу все, что мог.

Танки оказали большую помощь Гордонам и "Блэк Уотч" при Фрезенберге, они эффективно справились с бетонными блиндажами; вместе с 55-й дивизией они отбили волну вражеской контратаки под Виннипегом, и везде их моральное воздействие на врага было очень полезным. Двадцать четыре танка были выведены из строя из-за плохой управляемости или попадания снаряда.

Третий корпус с меньшим количеством машин во многих случаях достигал своей цели без задержек. Танки в этих случаях просто следовали за пехотой, но они сообщили, что без танков захват укрепленной позиции в Альберте дорого обошелся бы 39-й дивизии, и что на Стинбеке близ фермы Фердинанд пехота 51-й дивизии легко “расправилась” с врагом, который бросился врассыпную при одном виде танка.

На основе этих сводок и более поздних неудач командующий 5-й армией впоследствии составил в целом неблагоприятный отчет о танках.

Отчет можно свести к простому силлогизму:—

1. Танки не смогли преодолеть труднопроходимую местность.
2. Почва на поле боя всегда будет плохой.
3. Следовательно, танки бесполезны на поле боя.

Он добавил к этому, что, поскольку танки больше не являются неожиданностью для противника, он считает, что они утратили свой моральный эффект и не имеют ценности для массового использования.

Этот отчет не был официально представлен в течение нескольких недель, но Высшее танковое командование, должно быть, рано осознало направление событий. События первого дня и способ, которым эти события были интерпретированы, предоставили пророческому духу слишком много данных. Младший танковый состав мало что знал о происходящем. Как и мышь Бернса, они были тронуты только настоящим, отказом от того, что стоило им стольких недель тяжелого труда. Судьба самого Бернса была оставлена на усмотрение Высшего танкового командования:

“Но, ох! Я отбросил свой ее назад

О перспективах тоскливых!

И вперед, хотя я ничего не вижу,

Я догадываюсь и боюсь”.

Каковы были бы результаты первоначального неудачного сражения и дальнейших неудач с танками, которые казались слишком вероятными, когда наступление, начавшееся так неудачно, было продолжено, возможно, после еще двух-трех дюймов дождя?

Как высшие арбитры, Генеральный штаб и Военный кабинет, собирались расценить такие неудачи? Танки использовались в гротескных условиях, и, в конце концов, они вышли из строя так же, как и все остальные виды вооружений. Были ли события следующих нескольких недель настолько катастрофическими, чтобы безвозвратно обречь их на Бездонную Погибель?

В лучшем случае их надежды на экспансию, скорее всего, были бы сведены на нет. Их численность будет сокращена, и танки снова будут использоваться в *небольших пакетах* поодиночке или по двое, как это было в прошлом, потому что снова никогда не будет достаточно машин для эффективных действий.

По мере того как шли дни, а дождь продолжался (со скоростью часто по дюйму в день), одна из этих альтернативных судеб казалась неизбежной.

Мрачные предположения сотрудников Танкового штаба были слишком хорошо обоснованы. Власти фактически страдали от одного из самых сильных приступов простуды, с которыми когда-либо сталкивались пилоты танковых корпусов в стране и за рубежом.

Штаб танкового корпуса все это слышал. Они достаточно хорошо знали, что в хорошо информированных, но безответственных лондонских кругах реплика “Я слышал, что танки собираются упразднить” была обычной; что часто к таким сплетням добавлялись личные обстоятельства и дата.

При всем этом у них не было определенного опровержения. Если бы только Танки могли даже сейчас сделать что-то, что привлекло бы внимание властей. Какой-нибудь маленький “показательный” подвиг. Что-то, что, по крайней мере, сделало бы маловероятным окончательное осуждение. Когда-нибудь битву придется продолжить. Танки должны были

сыграть свою роль, но было ли вероятно, что в этом невыносимом болоте они сделают что—нибудь, кроме того, что поглотят себя — в буквальном и переносном смысле - еще глубже, чем раньше?

Однако именно на это танки возлагают наибольшие надежды. Случай и их собственные усилия могут принести им успех даже во Фландрии.

III

Тридцать шесть танков, принадлежавших 1-й бригаде, оставались в армейском резерве. 16 августа, когда погода стала менее влажной в течение дня или двух, должна была быть предпринята первая и наиболее значительная из серии возобновившихся атак.

Двенадцать танков были сотрудничать с пехотой на в г. Лангемарк-ул. Жюльен стойка.

В ночь на 13-е танки начали продвигаться вперед. Дороги были уже забиты другим транспортом, и танкам нельзя было разрешать пользоваться ими.

37“Местность, которую им предстояло пересечь, была вся по уши в грязи, и танки увязали по брюхо в грунте, слишком мягком, чтобы гусеницы могли держаться. Наступление продолжалось в течение следующей ночи, но, несмотря на неоднократное использование разводных балок, взаимную помощь танков в буксировке друг друга и ценную помощь роты проходчиков, 15-го числа было признано, что ни один танк, кроме четырех ведущих, не может надеяться достичь линии фронта вовремя, чтобы принять участие в сражении. Эти четверо прилагали напряженные усилия, чтобы завершить переход следующей ночью, но безуспешно. Ни один из них не смог преодолеть трудности местности, и пехоте пришлось идти в атаку без них”.

Пехота атаковала, и после боя несколько укрепленных дотов к северо-востоку от Сен-Жюльена все еще оставались не взятыми.

Как и большинство таких маленьких крепостей, они были расположены чрезвычайно искусно. Неосторожный нападающий попал бы в ловушку за проволочной сеткой как раз в пределах досягаемости их пулеметов.

Они были такими маленькими, разбросанными и хорошо замаскированными, что представляли собой почти непригодную мишень для тяжелых орудий, а поскольку были построены из железобетона толщиной не менее трех футов, обычный осколочно-фугасный снаряд, выпущенный полевой пушкой, на них не действовал.

Это конкретное гнездо состояло из четырех коробочек для таблеток более среднего размера.

Трое из них были спрятаны в развалинах фермерских хозяйств. Тот, что в Мон-дю-Гибу, был укомплектован гарнизоном численностью около восьмидесяти человек, а Кокрофт удерживался еще более прочно. Фермы "Треугольник" и "Хиллок" были немного меньше. Было важно, чтобы они были взяты, и генерал сэр Айвор Максс, командующий 18-м корпусом, был проинформирован заинтересованными бригадами о том, что их захват, вероятно, будет стоить нам от 600 до 1000 жертв. Затем он и полковник Бейкер-Карр (командующий 1-й танковой бригадой) рассмотрели возможность танковой атаки.

Полковник Бейкер-Карр, на удивление невозмутимый мрачными событиями 16-го, оптимистично гарантировал пехоте сдачу крепостей в два раза дешевле предполагаемых затрат, и атака была организована. Об одном нововведении он просил особо. Обстрела не должно было быть, но ему было предоставлено прикрытие заграждением из дыма. Однажды решив доверить это дело танкам, генерал Макссе усердствовал в том, чтобы дать им все возможные шансы на успех, и без колебаний изменял свои приказы в соответствии с их взвешенными требованиями. Предполагалось задействовать только двенадцать танков, и они сами и их пехота должны были использовать дороги настолько, насколько они им пригодны. Полковник Бейкер-Карр решил сформировать сводную роту из 7-го батальона “G” под командованием майора Брума.

Итоговый бой, каким бы незначительным ни было количество задействованных, навсегда войдет в анналы Танкового корпуса.

38“Несмотря на ужасающее состояние почвы, поскольку к тому времени уже три недели непрерывно шли дожди, был совершен очень запоминающийся ратный подвиг”.

Четыре опорных пункта были триумфально захвачены.

39“Феноменальные результаты были достигнуты очень малыми затратами, поскольку вместо 600-1000 потерь пехота, следовавшая за танками, понесла только пятнадцать!”

В 4.45 утра 19 августа артиллерия окутала обреченные опорные пункты облаками густого дыма.

Действие было тщательно отрепетировано. Против каждого дота предполагалось использовать по два танка, и они должны были зайти им в тыл, таким образом нанося удары по наиболее уязвимым местам фортов и в то же время отрезая гарнизону путь к отступлению.

Незадолго до шести часов маневр по окружению был завершен, и первый дот - ферма Хиллок — пал, почти весь его гарнизон бежал.

В 6.15 два танка достигли Мон-дю-Гибу и выпустили сорок снарядов из своих 6-фунтовых орудий по задней двери крепости. Шестьдесят человек из гарнизона бежали, из них около половины спаслись бегством или были подбиты, а остальные сдались пехоте, как только она подошла.

Ферма Треугольник пала через десять минут. Гарнизон оказал сопротивление танкам, и наша пехота перебила их всех, в основном штыковыми ударами.

У Кокрофта атакующий танк40 был подбит в пятидесяти ярдах от своей жертвы. Но при виде этого гарнизон численностью более 100 человек “отступил”. Танк и его пехота немедленно открыли огонь из своих пушек Льюиса, и более половины беглецов пало.

41Затем наша пехота укрепила Кокрофт. На этом захват всех целей был завершен.

“Танки подождали, пока консолидация продвинется далеко вперед, прежде чем вернуться.

“Потери— пехота: убитых нет, 15 раненых.

“Личный состав танкистов — Убито: офицеров нет; других званий - 2. Ранено: офицеров - 2; других званий - 10”.

В одном из опорных пунктов мы нашли немецкого офицера, который был повешен своими людьми.

Атака Сен-Жюльена, как ее впоследствии называли, оказалась достаточным ответом на доклад 5-й армии.

Друзья танкового корпуса извлекли из этого максимум пользы. Это был блестящий маленький подвиг, и, когда о нем стало известно, цифры потерь стали слишком громкими, чтобы их можно было игнорировать.

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что в какой-то мере именно танкам, выигравшим небольшое сражение при Сен-Жюльене, Танковый корпус был обязан возможностью выиграть битву при Камбре.

IV

С 22 августа по 9 октября, к этому времени надежда на успех британцев под Ипром была более или менее оставлена, танки участвовали примерно в дюжине незначительных боев. Они предприняли почти столько же безуспешных попыток вступить в бой. Как и вся остальная Армия, они потратили много напрасного труда и познали усталость от многих безуспешных усилий. Они совершали сложные движения, готовясь к атакам, которые так и не были начаты. Ночь за ночью они боролись, чтобы подготовиться к какому-нибудь сражению, которое в конечном итоге должно было состояться без них. Теперь танкам приходилось постоянно двигаться по дорогам, поскольку местность между ними окончательно превратилась в непроходимое болото. Дороги, естественно, представляли собой постоянные мишени для немецких стрелков. Мы понесли большие потери в людях и технике. Первоначально генерал Эллес подсчитал, что каждая вторая машина вступит в эффективные действия. Теперь, ввиду ужасающих наземных условий, он пересмотрел это, рассчитав, что только одна машина из десяти вступит в эффективный контакт с противником. На самом деле эта скромная оценка редко превышалась.

Однако всякий раз, когда танки вступали в бой, они обычно действовали успешно, хотя и редко решительно, несмотря на стандарт необычайного мужества, который стойко поддерживали экипажи.

Самый краткий обзор большинства из этих удручающих мелких встреч - это все, что нужно дать. Они не были примечательны ничем, кроме героического терпения, проявляемого изо дня в день каждым подразделением наших атакующих сил.

22 августа все три корпуса предприняли незначительную атаку. Небольшие группы танков вели бой с каждым из них.

В составе *2-го корпуса* в Гленкорс-Вуд четыре танка 2-й бригады оказали некоторую услугу и показали значительные результаты.

В *19-м корпусе* были использованы восемнадцать танков 3-й бригады на тот случай, если они смогут достичь поставленных целей. Движение было более чем обычно жестоким, вся дорога

Фрезенберг-Зоннебеке была прострелена. Один танк участвовал в очень примечательном сражении, сражаясь с врагом в районе “Галлиполи” в течение шестидесяти восьми часов.

С18-м корпусом двенадцать танков 1-й бригады возглавили атаку на ферму Бюлоу, Ванкувер, Виннипег и другие опорные пункты. Они оказались полезными, и несколько танков довольно долго находились в действии.

В этой операции примечательны две вещи: во-первых, каждый танк, который отваживался съехать с дороги, мгновенно опрокидывался. Один был “утоплен” в шести или семи футах воды.

Во-вторых, поразительный способ, которым они воздействовали на мораль противника *moral*. В нескольких случаях отряды противника сдавались при виде их. Заключенные на допросе сказали, что они могли бы задержать пехоту, но “чувствовали себя беспомощными перед танками”.

На следующий день, 23 августа, четыре танка 2-й бригады вступили в бой близ Инвернесс-Копс. Операцию пришлось проводить в спешке, связь была плохой, а атака провалилась.

26 августа четыре танка вели бой с 33-й дивизией в окрестностях Джерк-Хауса (недалеко от Гленкорс-Вуда). Утро было туманным, и вражеский снаряд, к сожалению, взорвал склад дымовых шашек прямо за нашими позициями. Атака провалилась. В ту ночь выпал сильный дождь, и четыре танка, которые должны были действовать в составе 14-й дивизии на следующий день, 27 августа, так и не достигли исходного пункта. Тринадцать человек были ранены, а офицер убит по пути наверх.

Прошло почти три недели, прежде чем танки снова пошли в дело, и несколько батальонов из 2-й и 3-й бригад были переброшены обратно на новый полигон близ Арраса. Оставшимся батальонам было выдано определенное количество “Запасных танков”. 1-я бригада стояла наготове на случай, если они понадобятся в срочном порядке, но никаких атак предпринято не было, вероятно, частично из-за погоды, а частично из-за того, что участок фронта 5-й армии находился в процессе передачи 2-й армии.

К середине сентября помощь была завершена, и мы снова попытались продвигаться дальше.

20 сентября была предпринята довольно успешная атака по всей линии. Танки 2-й бригады участвовали в районе Инвернесс-Копс, а танки 1-й бригады - возле ферм Триангл и Вурст. Но так как местность была известна как необычайно ужасная в обоих районах, им были предоставлены второстепенные роли. Эти роли они сыграли с честным успехом и, несомненно, сильно напугали врага. На фронте 18-го корпуса танкам 3-го батальона повезло несколько больше.

Усилия, приложенные экипажами, чтобы вообще попасть в бой, были нечеловеческими.

Деревья были повалены врагом поперек дороги, и они лежали грудью на своих ветвях и высоких пнях, от которых они не были полностью оторваны. На ферме Вурст танкам также было противопоставлено препятствие такого рода — стволы деревьев, лежащие наклонно и образующие барьер, который очень трудно преодолеть.

Если бы одна ведущая машина столкнулась с трудностями, пробираясь в темноте через эти препятствия, вся вереница танков позади была бы остановлена, а глубокие болота с обеих сторон делали невозможным съезд с дороги.

Однако танки прибыли и, как сообщается, “причинили много жертв”.

26 сентября пятнадцать танков действовали возле деревни Зоннебеке. Атака не увенчалась успехом, хотя танки проделали большую работу.

4 октября состоялись последние две акции этого сражения, в которых танкам удалось сыграть свою роль. В первом сражении участвовали двенадцать танков 1-й бригады, которые имели честь принять участие во взятии Поэлькапелле. Это была самая успешная небольшая атака, и, уничтожив три опорных пункта, охранявших окраины, танки промчались по главной улице и вышли за пределы деревни.

В другом бою четыре танка 1-го батальона должны были принять участие в атаке на Джунипер-Коттедж на линии Рейтельбек.

Эта, как и предыдущая, небольшая успешная акция была не только облагорожена тем, что послужила фоном для одной из самых терпеливых и мужественных акций Войны.

Именно 4 октября капитан Робертсон погиб при исполнении служебных обязанностей, за что был посмертно награжден орденом Виктории

Танки и пехота должны были попытаться форсировать Рейтельбек и выбить противника с позиций, которые он занимал на дальнем берегу.

Через заболоченный ручей был только один мост. Если в полумраке раннего утра и в суматохе сражения они пропустят это место переправы, их единственный шанс на успех будет упущен.

Капитан Робертсон, офицер, командовавший танковым подразделением, рано понял, что именно в этом заключалась суть небольшой операции, за успех которой он нес ответственность. В течение трех дней и ночей он и его слуга, рядовой Аллен (впоследствии награжденный званием D.C.M.), осторожно передвигались взад и вперед по местности под шквальным огнем, фиксируя маршруты движения танков.

Работая без перерыва, эта задача заняла у него до половины десятого вечера накануне акции.

Пришло время запускать машины в работу.

Он сразу же снова двинулся в путь со своими танками. Погода была темная и туманная, и из танка было невозможно разглядеть дорогу по сильно обстреливаемой местности. Поэтому капитан Робертсон шел впереди; они достигли места сбора вовремя, и в 6 часов утра 4 октября он повел их в бой.

Представляя себе дальнейшую часть истории, мы должны помнить, что капитан Робертсон уже три дня и ночи находился под непрерывным огнем и без сна.

Дороги и все остальные ориентиры были стерты с лица земли в результате обстрела, но мост все еще стоял. Капитан Робертсон по-прежнему вел свои танки пешком, сталкиваясь, помимо снарядов, с интенсивным пулеметным и ружейным огнем с близкого расстояния. Он, должно быть, знал, что идти вперед пешком означает верную смерть.

К этому времени он и его конвой были уже значительно впереди пехоты. Тем не менее он вел свои танки вперед, осторожно и терпеливо направляя их со скоростью шага к цели.

Они добрались до моста, и танки один за другим переправились через него. Он повел их к дороге, которая должна была привести их прямо к позициям противника, пулеметный огонь становился все более и более интенсивным по мере их продвижения.

Они добрались до дороги, и когда достигли ее, капитан Робертсон наконец упал с простреленной головой.

Но танки шли дальше и успешно выполнили свою миссию. Цель, ради которой капитан Робертсон так сознательно пожертвовал своей жизнью, была достигнута.

2-я и 3-я бригады к этому времени вернулись в Аррас, чтобы отремонтировать свои машины и пополнить свои ряды. Однако 1-я бригада предприняла еще две попытки принять участие в боевых действиях. Сражение к этому времени было признано серьезным испытанием для британцев. “Гибкая тактика” немцев и погода в совокупности задержали нас так надолго, что они нанесли нам поражение.

Мы нанесли тяжелые потери врагу и сами при этом пострадали еще больше.

Наши надежды очистить побережье исчезли.

К концу десяти недель мы достигли результатов, которых не было в программе первые две недели.

Весь план кампании пришлось пересмотреть, и теперь нашей конечной целью должно было стать взятие Пашендаля.

7 октября два танка должны были действовать впереди своей пехоты и попытаться захватить две укрепленные фермы. На полпути к цели путь им преградил брошенный танк, и две наступающие машины были отброшены при попытке совершить обходной маневр. К тому времени, как их раздели, было уже слишком поздно продолжать.

9-го числа восемь танков должны были атаковать опорные пункты на дороге Поэлькапель. В полночь с 8-го на 9-е они отправились к своим целям.

Дорога повсюду была завалена взорванными передками и телами погибших команд.

В нем были проделаны большие пробоины от снарядов.

Танкам удалось продвинуться до перекрестка дорог в Поэлькапелле, но затем противник начал интенсивно обстреливать дорогу. Головной танк угодил в новую воронку от снаряда, второй танк, ожидавший прохода, был подожжен прямым попаданием.

Эти два обломка образовали сплошную преграду для продвижения остальной части колонны.

Поскольку не было найдено способа, которым уцелевшие танки могли бы обойти препятствие, а обстрел усилился, было решено вернуться.

Но они не успели далеко уйти на обратном пути, как обнаружили, что по пути вверх последняя машина колонны каким-то образом задела старый брошенный танк. Оставшиеся машины оказались в ловушке и не могли двигаться ни вперед, ни назад.

Усилия их экипажей оказались тщетными, и все пятеро были потеряны, некоторые были подбиты вражескими снарядами, экипажи убиты или ранены, а некоторые были брошены в тщетных попытках спастись бегством через всю страну.

Противник продолжал обстреливать дорогу, которой мы были вынуждены пользоваться, и расчистка ее от завалов, которыми она была полностью перекрыта, была делом чрезвычайно опасным и трудным.

Однако работа была выполнена. Каждую ночь в течение недели майор Г. Л. Уилкс, [42-летний инженер 1-й бригады](#), обычно проезжал по дороге так далеко, как только мог в танке. Затем он выходил и работал до утра. Большую часть обломков он взрывал, некоторые ему и его небольшой группе людей удавалось опрокинуть в болото.

Сцену во время первой из этих экспедиций так описывает сопровождавший его офицер-инженер:

“Я покинул Сен-Жюльен в темноте, получив сообщение, что наши пушки стрелять не собираются. Я брел по дороге, которая на фут или два утопала в слякоти; часто я наткнулся на воронку от снаряда, скрытую грязью. Дорога представляла собой полный беспорядок и была усеяна обломками, разбитыми машинами, мертвыми и умирающими лошадьми и людьми; я, должно быть, миновал сотни из них, а также останки людей и животных, разбросанные повсюду. Когда я приблизился к Поэлькапелле, наши орудия открыли огонь; немцы сразу же ответили, поливая дорогу снарядами; вспышки разрывающихся снарядов были повсюду вокруг меня. Я не могу описать, на что это было похоже; самое близкое приближение к картине, которое я могу дать, - это то, что это было похоже на стояние в центре пламени гигантского примуса. Когда я приблизился к брошенным Танкам, картина стала поистине ужасающей: раненые лежали, утопая в грязи, другие спотыкались и падали от изнеможения, третьи ползали и опирались на мертвых, чтобы немного приподняться над грязью. Добравшись до резервуаров, я обнаружил их окруженными мертвыми и умирающими; мужчины ползли к ним в поисках укрытия, которое они могли себе позволить. Ближайшим резервуаром была Женщина. Ее левая дверь была открыта. Из них торчали четыре пары ног; измученные и раненые люди искали убежища в этой машине, а мертвые и умирающие лежали внутри беспорядочной кучей”.

Так закончилась трагедия 9 октября, последняя в череде безнадежных приключений.

Позже несколько танков были переброшены на новую железнодорожную станцию в надежде, что улучшение погоды позволит им принять участие в последней атаке на Пашендале, атаке, которая должна была положить конец наступлению во Фландрии. Но погода не улучшалась, и только без помощи танков в результате последнего усилия высоты Пашендале были взяты штурмом в первую неделю ноября. Мы удержали наши завоевания. Возвышенность была нашей, усталые армии могли отдохнуть, и трагический кошмар Третьей битвы при Ипре наконец закончился.

Когда time вынесла вердикт Официального сообщения о работе Танков, он не был ни несправедливым, ни недоброжелательным:

[43](#)“Хотя на протяжении большей части Ипрского сражения, и особенно на его более поздних стадиях, состояние местности затрудняло или делало невозможным использование танков, тем не менее, когда обстоятельства были сколько-нибудь благоприятными, и даже когда они были

неблагоприятными, командиры танков и экипажи во многих случаях выполняли очень доблестную и ценную работу. Задолго до завершения наступления во Фландрии эти новые орудия доказали свою состоятельность и полностью оправдали труд, материалы и персонал, затраченные на их изготовление и разработку”.

Прошло совсем немного времени, прежде чем у Корпуса появилась возможность действительно доказать свою ценность.

ГЛАВА X

ПЕРВАЯ БИТВА При КАМБРЕ

“Они продолжают двигаться

Неразрывно твердый; ни видимого холма

Ни выпрямляющая долина, ни лес, ни ручей не разделяют

Их безупречные ряды”.

Потерянный рай.

ЧАСТЬ I

Я

На протяжении всей последующей части сражения под Ипром танковый корпус обращал свои взоры к некоторым другим участкам линии фронта с тоской по Восхитительным горам.

Они представляли себе места в сухой холмистой меловой местности, где Танк мог бы передвигаться по поверхности земли. Они мечтали о сражениях, в которых артиллерия не предупредила врага за несколько недель и не помогла ему превратить землю в болото или подобие кучи пепла.

Умиравший от голода человек не представляет себе все обстоятельства приема пищи, а утопающий - ощущения тепла и прочности более ярко, чем Танковый корпус вызывал в памяти сражение своей мечты.

Генерал Эллес и его штаб имели в виду несколько мест, в которых могло бы разыграться такое сражение. Возможно, они с наибольшей любовью размышляли о каком-нибудь участке линии Гинденбурга, о каком-нибудь высоком холмистом меловом плато где-нибудь к югу от Арраса.

Несколько таких восхитительных мест находилось во владениях 3-й армии генерала сэра Джулиана Бинга. Возможно, он уже задумал какую-то операцию! В сентябре генерал Эллес с надеждой нанес ему визит, когда он лежал в Альберте. Они посоветовались.

У командующего армией действительно была идея атаковать.

Более того, он уже самостоятельно разработал место и многие детали именно такой атаки, о которой мечтал Танковый корпус.

Вместе два генерала работали над этой схемой, и проект плана был направлен в Генштаб

Генеральный штаб, однако, пока не мог допустить нападения. Сначала должно быть разгромлено Ипрское дело, но когда оно будет завершено, скажем, к началу ноября, тогда такое нападение получит их благословение.

Тем временем двое заговорщиков нетерпеливо ждали, все время разрабатывая и совершенствуя свои планы.

Наконец, 20 октября схема была окончательно санкционирована, и день Z был назначен на 20 ноября. По-прежнему только четыре члена штаба танкового корпуса знали об этом проекте, и эти четверо немедленно отправились на наши позиции под Гавринкуром, чтобы произвести предварительную разведку нового участка.

II

Первая битва при Камбре должна была стать битвой с целеустремленными силами. Она заключалась в том, чтобы простейшим образом выполнить главную функцию войны, то есть уничтожить силы противника.

Для достижения этой цели приходилось полагаться на внезапность, дерзость и быстроту передвижения.

Его основные действия должны были завершиться примерно через двадцать четыре часа, за это время предполагалось прорвать линию Гинденбурга, которая здесь состояла из четырех систем траншей. Следовало учитывать не столько территориальные приобретения, сколько уничтожение и захват вражеского персонала и материальных средств. Другими словами, мы намеревались убивать немцев. Система атаки должна была быть совершенно новой для парадного боя. Никакой артиллерийской подготовки не должно было быть вообще. Судя по всему, линия фронта должна была оставаться совершенно нормальной вплоть до самого момента атаки, когда два армейских корпуса и три танковые бригады должны были внезапно обрушить на врага всю свою мощь.

Такая тактика требовала соблюдения максимально полной секретности вплоть до самого нулевого часа, и во второй раз в истории Танков жизненно важный секрет был успешно сохранен.

Район, на который предстояло совершить набег, лежал чуть южнее Камбре. Это было открытое холмистое меловое плато, которое два года оставалось невозделанным и теперь было покрыто редкой порослью бледно-серой травы.

С северо-запада на юго-восток тянулись низкие горные хребты, за исключением того места, где доминирующий горб поросшего лесом холма Бурлона пересекал равнину.

По обоим флангам этого района, иногда под прямым углом к изгибу наших линий, иногда параллельно немецким, проходили Северный канал и Канал де л'Эско.

Склоны нигде не были особенно крутыми, но везде они были покрыты отрогами и — так называемыми — “оврагами”. Одно из них, находившееся как раз в пределах немецких позиций и параллельно нашему фронту, в течение некоторого времени вызывало серьезную озабоченность как у танков, так и у других родов войск, которые, очевидно, связывали его в своих мыслях с Гранд-Каньоном Колорадо. Его название звучало так грозно, и он был так крупно отмечен на карте! Это вполне могло оказаться серьезным препятствием для продвижения танков. Однако серия тщательных рекогносцировок, проведенных танковым корпусом, развеяла эту тревожную легенду, и выяснилось, что “Большое ущелье” было не более чем неглубокой сухой полевой канавой, которую мог перепрыгнуть любой разумный заяц.

Немецкая оборона, знаменитая Линия Гинденбурга, широко и прочно пролегла через отроги. Основная линия сопротивления была повсюду хорошо расположена на обратных склонах главных хребтов и была невидима с наших позиций. Только с воздуха и с редких наблюдательных пунктов мы могли видеть ее протяженность. Там было три линии траншей, каждая шириной до 15 футов, с линией аванпостов, выдвинутых вперед для прикрытия этих основных оборонительных сооружений. Перед главной линией обороны тянулась полоса за полосой, акр за акром плотной проволоки; нигде она не была меньше 50 ярдов в глубину, и тут и там она выступала большими выступами, окруженная батареями пулеметов. Никогда прежде мы не сталкивались с таким переплетением проводов.

Было подсчитано, что для того, чтобы уничтожить его артиллерией, потребовалось бы пять недель и стоило бы двадцать миллионов денег.

Считалось, что фактическая “канавка” траншеи была не только в большинстве мест шириной около 12 футов и глубиной 18 футов, но и с обеих сторон парадоса и парапета (каждый около 2 футов 6 дюймов). высокие) были, как у нас были основания полагать, настолько наклонены, что увеличивали эффективную ширину примерно до 16-18 футов.

Это были размеры некоторых траншей, захваченных нами в Аррасе, и к таким траншеям мы должны были быть готовы.

Пространство, которое нужно было расчистить, было слишком большим для Танка. Однако сотрудниками Центральные мастерские в Эрине было разработано специальное средство пересечения границы.

Это был специальный огромный фашин, сделанный примерно из семидесяти пяти обычных вязанок хвороста, сильно спрессованных и связанных тяжелыми цепями.

Он располагался на носу машины, и его можно было высвободить одним касанием изнутри танка с помощью специально изобретенного спускового механизма и аккуратно сбросить в траншею.

Изготовление 350 фашин и установка на Резервуары спускового механизма были работой, которой Центральные мастерские имеют основания гордиться. Они получили заказ на 350 фашин и 110 танковых саней 24 октября, когда уже несколько месяцев работали с большим напряжением, в основном над танками, спасенными с Выступа.

Чтобы выполнить новый заказ, магазины работали днем и ночью в течение трех недель.

Для изготовления фашинов в Центральных мастерских было выгружено 21 000 обычных толстых вязанок хвороста, которые используются при ремонте дорог.

Здесь были специально установлены восемнадцать емкостей для связывания и скрепления их в пучки по шестьдесят или семьдесят штук.

Резервуары действовали парами, натягивая в противоположных направлениях стальные цепи, которые ранее были намотаны на связки.

Давление, оказанное таким образом, было настолько велико, что несколько месяцев спустя пехотинец в поисках дров, который нашел один из этих фашинов и весело продрался сквозь связывающую его цепь, был убит внезапным рывком узла.

Когда они были готовы, каждая связка весила полторы тонны, и потребовалось двадцать китайских кули, нанятых в Центральных мастерских, чтобы раскатать одну из них по грязи. Однажды 144 фашины пришлось погрузить на грузовики в течение двадцати четырех часов. Одновременно с фашинами Центральные мастерские изготовили 110 танковых саней. Всю древесину, необходимую для этой работы, пришлось распилить из бревен. Кроме того, они отремонтировали и выпустили 127 танков.

III

Каждый танк мог нести только один фашин, и после того, как он уронил его в траншею, у него не было возможности поднять его снова. Однако предстояло пересечь три широкие траншеи.

Это обстоятельство должно было быть учтено в общей схеме атаки. Каждая деталь этого плана была наиболее умело разработана либо самим лейтенантом-полковником Фуллером (г.С.О.И. при Танковом корпусе), либо Сотрудниками, которых он вдохновлял. Каждое движение и формация, которые мы собираемся описать, были сведены к точной тренировке, для этого случая было разработано несколько специальных упражнений. Один из них, простая взводная муштра для пехоты, был, как нам сообщил официальный историк, основан на муштре, описанной Ксенофонтом в "Киропедии" и приписываемой им Киру Персидскому (около 500 г. до н.э.).

Вкратце основной план был таков:—

Вся линия атаки была разделена на участки для трех танков, которые образовали секцию и работали вместе.

Из них один был "Танком авангарда", а два других - "Танками пехоты".

Танк передового охранения должен был пройти прямо вперед через заграждение противника и, повернув налево, не пересекая его, стрелять вдоль огневого окопа, который находился перед ним.

Его целью было сдержать натиск противника и защитить два пехотных танка. В то время как они оба направлялись к одному выбранному месту в траншее; левый танк бросил свой фашин, пересек по нему траншею, повернул налево и спустился в огневую траншею; правый танк пересек огневую траншею по фашине первого танка и направился ко второй траншее, сбросил свой фашин и, перейдя, спустился по этой второй траншее. Тем временем танк авангарда

развернулся и пересек первую и вторую траншеи на фашинах двух пехотных танков, и поэтому он двинулся вперед, все еще удерживая свою фашину на позиции для третьей линии.

Пехота также была разделена на три отряда и действовала гуськом. Первыми были “Расчищатели траншей”. Они работали с танками и помогали расчищать траншеи и блиндажи. У них были маленькие красные флажки, которыми они отмечали пути, проделанные танками через проволоку. Вторыми были “Окопные остановки”, которые, так сказать, натягивали сеть над кроличьей норой для танкового хорька. Третьей силой были “Траншейные гарнизоны”, которые захватывали траншеи по мере их захвата.

Одна особенность совместной подготовки танков и пехоты к этому сражению была особенно интересной.

Им оставалось недолго работать вместе, но было важно, чтобы пехота была уверена в способности танков преодолевать траншеи и проволоку.

Поэтому танковый корпус предложил пехотным частям построить свои собственные укрепления и заграждения, при этом танки гарантировали, что они преодолеют траншеи и перегрызут проволоку, приложив все усилия.

Было построено несколько очень грозных и хитроумных оборонительных сооружений.

Однако танки повсюду выполняли свои обязательства, к великому назиданию пехоты.

В следующей таблице кратко представлено распределение танков и пехоты по различным целям:

Распределение боевых танков

Батальоны 1-й бригады. Танки (количество) дивизий 3-го корпуса.

D (4)	42	Справа: 51-я.
E (5)	42	51-я и 62-я.
G (7)	42	Слева: 62-я.

Голы: Гавринкур, Флескьер.

От каждого батальона: тридцать шесть танков для 1-й, 12 (плюс выжившие) для 2-й цели.

Эксплуатация в направлении Фонтена, Бурлонского леса, дороги Бапом-Камбре, деревни Бурлон и Грейнкур. Мосты через Северный канал.

Батальоны 2-й бригады. Танки (Количество) дивизий 4-го корпуса.

B (2)	42 справа.	6-я.
H (8)	42 слева.	6-я.

Цели: Бокамп, Виллер, Плужич-роуд.

Эксплуатация в направлении Маркоинга, часовни Прени и Найн Вуд.

батальоны 3-й бригады. Танки (Количество) дивизий 4-го корпуса.

C (3)	42	12-я.
F (6)	42	”
I (9)	42	20-я.
A44(1)	42	”

Цель: Ла Вакери.

Эксплуатация в направлении Кревекера, Масьера и Маркуана.

Роль, которую должна была сыграть артиллерия, была тщательно проработана. Предварительной бомбардировки не должно было быть, но как только начнется атака, тяжелые орудия должны были начать контрбатареиную работу и обстрелять шрапнелью мосты вдоль канала.

В то же время внезапный шквал дымовых шашек и его превосходительство должны были прикрывать продвижение танков и пехоты.

Скрытность атаки делала невозможным проведение каких-либо регистрирующих выстрелов, и дальности могли быть рассчитаны только теоретически.

Несколько эскадрилий королевских ВВС должны были действовать совместно, летая низко; их особой задачей было бомбить штабы противника.

Кавалерии также было предложено сотрудничать.

Для расчистки для них удобных широких проходов через проволоку использовались специальные резервуары для вытягивания проволоки, оснащенные крюками, и их потребности постоянно тщательно учитывались.

Однако по той или иной причине кавалерия, в конце концов, не сочла возможным принимать активного участия в боевых действиях.

Подготовка к сражению была тщательной и кропотливой, как это всегда требуется для атаки в “парадной форме”.

Огромное количество железнодорожных перевозок было необходимо для того, чтобы подтянуть три танковые бригады, составные части которых были в значительной степени разбросаны. Предстояло разобраться с тридцатью шестью эшелонами по двенадцать танков в каждом и, кроме того, с их запасами.

В целях секретности все эти перемещения производились после наступления темноты. Произошло всего две незначительные аварии, в остальном вся схема была отработана точно по программе.

Пришлось создать обычные огромные склады бензина и смазки и специальные хранилища. Большинство из них было сделано в соседних лесах, где также стояли Цистерны. Леса Хавринкурт и Дезерт-Вуд, например, использовались для основных свалок и в качестве мест базирования 1-й и 2-й бригад, поскольку в этих лесах подлесок из граба еще не успел опасть, и танки и их запасы могли находиться в полной тайне.

Однако у 3-й бригады поблизости не было подходящего леса, и танки стояли в деревне, накинув на себя камуфляжную одежду, раскрашенную в виде кирпичей и черепицы.

Для передовых складов легкомоторные железные дороги 3-й армии проделали великолепную работу, перевезя поразительное количество запасов; например, 165 000 галлонов бензина, 541 000 патронов к 6-фунтовым пушкам и 5 000 000 патронов к ЗРК

За пределы железных дорог легкого сообщения наполнение цистерн перевозилось цистернами снабжения.

Все эти приготовления должны были проводиться как можно более тайно. Переезды производились с наступлением темноты.

Не должно быть никаких новых следов от колес. Не должно быть никаких упоминаний о битве по телефону. При дневном свете не должно быть видно ни одной лишней лошади или механического транспорта.

Концентрация танков на заднем плане была объяснена предполагаемым созданием нового учебного района. Штаб танкового корпуса, созданный при армии в Альберте, был замаскирован под правдоподобным псевдонимом “Управление подготовки танкового корпуса”.

Не должно быть увеличения активности самолетов в разведывательных целях.

Те же войска должны были продолжать удерживать линию фронта, атакующие силы проходить через них, а тех, кто находился в линии, по возможности держать в неведении относительно новых операций. Всегда существовала опасность, что люди в окопах попадут в плен во время какого-нибудь рейда, и чем меньше они знали, тем лучше. Оостукский лес не был забыт.

Все офицеры разведки и танкисты, которым приходилось часто бывать в строю, носили ни к чему не обязывающие бурберри и неброские жестяные шляпы; один хорошо известный штабной офицер даже дошел до того, что надел эффектные синие очки; фактически, в вопросе маскировки граница была подведена только под рыжие бакенбарды. У машин, на которых они приехали, были сняты отличительные знаки, а их водители были тщательно снабжены небылицами, объясняющими их присутствие. Офицеры штаба и разведки слонялись без дела, прежде всего избегая штабов и других общественных центров, к которым, согласно этикету, должны в первую очередь обращаться все, кто посещает окопы других людей. Друзей старательно избегали, и постепенно в оборот была пущена любопытная мешанина разнообразной и очевидной лжи.

В Лицее злодей ведет свои дела подобным образом, ни у кого не вызывая ни малейших подозрений, но в реальной жизни, и особенно в той сфере, где нужно постоянно следить за шпионами, такое поведение может вызвать замечания.

Перед Камбре часто возникали неловкие ситуации, которые можно было прояснить, только отведя в сторону какого-нибудь справедливо возмущенного командира для беседы шепотом на несколько минут.

В штабе 1-й бригады в Аррасе была запертая комната с крупной надписью “Вход воспрещен” на двери. Здесь были демонстративно развешаны поддельные карты других актуальных районов и разбросано множество планов.

Офицер разведки всегда надеялся, что эта комната была должным образом обыскана “неуполномоченным лицом”, к визиту которого он так старательно готовился.

Еще одна мера предосторожности была самым тщательным образом соблюдена в самой линии. Должен быть продолжен именно тот артиллерийский огонь, к которому привык противник, и из орудий того калибра, которого он ожидал. Считалось, что большая или меньшая стрельба или использование оружия, к которому он не привык, обязательно встревожат его.

Больше недели перед битвой не было дождя. Низко стелющийся туман скрывал наши передвижения и делал почти невозможным то, что враг заметил бы нас с воздуха.

Но, тем не менее, время было тревожное.

В ночь с 18-го на 19-е противник совершил налет на нашу линию фронта и захватил в плен несколько наших людей.

Мы не были уверены, как много знают эти люди и сколько информации они дадут при проверке.

Если бы при быстром рассмотрении они выдали суть наших планов, у противника было бы двадцать четыре часа, чтобы подтянуть резервы. Однако ничего не оставалось делать, кроме как ждать этого события.

Была еще одна особенность, которой битва при Камбре должна была отличаться от других сражений.

В современной войне место генерала, командующего любой значительной группировкой войск, почти неизменно находится в тылу, в каком-то пункте, где налажены хорошие коммуникации и откуда он может эффективно управлять своими резервами.

Его лидерство в большей степени зависит от духа и *морали* которые он может привить своим войскам, чем от его фактического присутствия на переднем крае битвы. Но генерал Эллес решил лично повести свои танки. Должны были быть использованы все доступные машины, у него не было резервов, с которыми он мог бы справиться. Он утверждал, что ему было бы лучше всего разместиться в своем Флагманском танке, где он мог держать руку на пульсе сражения. Должно быть, он испытал огромное удовлетворение, осознав, что здесь он снова сможет проявить свою замечательную склонность к сражениям, склонность, от удовлетворения которой его обязанности командира теперь уже давно (официально) не позволяли ему.

Вечером перед атакой он отдал Танковому корпусу свой Специальный приказ. Это не было подстрекательством к тому, чтобы “сделать все возможное”, которое навязывала ему современная пресса. Этого фальшивого приема он ненавидел тем сильнее, чем больше осознавал его популярность.

Его подлинный Приказ был следующим: —

“Специальный приказ № 6

“1. Завтра Танковый корпус получит шанс, которого он ждал много месяцев, действовать слаженно в авангарде сражения.

“2. Все, чего можно достичь тяжелой работой и изобретательностью, было сделано в процессе подготовки.

“3. Командирам подразделений и экипажам танков остается завершить работу здравым смыслом и проявить мужество в самом сражении.

“4. В свете прошлого опыта я с большой уверенностью оставляю доброе имя Корпуса в ваших руках.

“5. Я предлагаю возглавить атаку Центральной дивизии.

19 ноября 1917 года.

(Подпись) Хью Эллес,

“Б.Г., командующий танковым корпусом”.

Заявление о том, что генеральный штаб должен был возглавить атаку, стало большой неожиданностью для всех; вероятно, это было большим сюрпризом для некоторых представителей власти, чем даже для самих танковых войск. Это решение было в целом принято воюющими войсками с удовольствием, но многие из наиболее вдумчивых были полны очень сильного беспокойства. Было ясно, что танк генерала, “Хильда”, будет выдвинут вплотную к заграждению на видном месте с поднятым флагом; следовательно, опасности, которым он подвергался, были больше, чем те, которым подвергался любой другой танк. С другой стороны, все понимали, что Танковый корпус в этой операции поставил на карту очень многое; он рисковал не только машинами и жизнями своих офицеров и рядовых, но и самим своим существованием. Если бы Танки не смогли добиться успеха на этот раз, нет никаких сомнений в том, что от этого вида механической войны отказались бы, по крайней мере, на какое-то время. Таким образом, 20 ноября Танковый корпус был “ва-банк” во всех смыслах этого слова.

IV

В 4.30 утра 20-го сильный залп противника заставил нас опасаться за сохранность нашей тайны, но, к нашему великому облегчению, он стих, и в течение часа до нуля (6 часов утра) почти по всему фронту атаки царил тишина.

Из документов, захваченных во время боя, мы выяснили, что вплоть до 18-го числа немцы выпускали такие отчеты, как “Работа противника ограничивается улучшением его траншей и колючей проволоки”. Но пленные, которых немцы взяли в ночь на 18-е, дали более интересную информацию. Основываясь только на результатах предварительной проверки, немцы перебросили резервные пулеметы во Флескьер.

В последний момент высшее вражеское начальство, похоже, снова осмотрело пленных, и слишком поздно всем подразделениям в линии было отправлено срочное предупреждение сохранять бдительность и немедленно выпускать бронебойные пули.

Это сообщение мы нашли наполовину расшифрованным в прифронтовом сигнальном блиндаже.

Пробило шесть часов.

Под покровом тумана вся линия из 350 танков двинулась вперед, ведомая флагманским танком генерала Эллеса “Хильда”. Пока они продвигались, тысяча замаскированных орудий обрушили свой огонь на немецкие позиции. Даже сквозь грохот заградительного огня и рев собственных двигателей танкисты, продвигаясь вперед, слышали, как рвется немецкая проволока, когда они топтали ее под собой. Сбитый с толку враг был разбит. У него оставалась только одна последняя надежда. Возможно, широкие траншеи сами по себе сдержат эту неумолимую роту!

Но когда каждый танк второй линии остановился, пригнул голову, заложил в траншею свою “ступеньку” и легко переполз по ней, противник полностью потерял равновесие.

По всей линии фронта люди в панике бежали. Лишь в нескольких тактических точках наш натиск встретил какое-либо реальное сопротивление. Внезапность, новаторская тактика, сокрушительный натиск танков оказались непосильными в те первые ошеломляющие минуты для одной из лучших воюющих армий, которые когда-либо видел мир.

“Хильда” достигла линии аванпостов в авангарде сражения; сопротивление здесь было незначительным, но генералу Эллесу удалось захватить несколько целей, на которые он указал артиллеристам. Сообщается, что большую часть наблюдений он вел, высунув голову через люк в крыше танка, упираясь ногами в ребра наводчика, чтобы указывать цели.

Как только танки оказались по ту сторону огромного рва Гинденбурга, противник оказал сопротивление лишь в нескольких местах. “Хильда”, все еще неся флаг, в который несколько раз попадали, но который не был сбит, отправилась к своей первой цели, которая включала главный фронт Гинденбурга и линии поддержки.

Но отпуск генерала закончился. Великая проблема была триумфально решена.

Следующей наиболее насущной потребностью будет реорганизация.

Если бы потребовалось, чтобы какой-либо из Резервуаров снова заработал на следующий день, эту реорганизацию необходимо было начать немедленно. Так неохотно покинув “Хильду”, чтобы продолжить выполнение дальнейших задач, генерал вернулся пешком, чему несколько препятствовали различные группы “неуправляемых” немцев, которые настаивали на сдаче ему. К полудню генерал Эллес вернулся в свой штаб, общаясь по телефону с машинисткой-стенографисткой в обычной для генералов манере.

То тут, то там, после первого натиска, отчаянная горстка врагов объединялась своими офицерами для защиты какой-нибудь выгодной точки.

В Lateau деревья справа от нападения тяжелые бои происходили, в том числе дуэль между танком и 5,9 дюйма гаубица. Повернувшись к танку, гаубица выстрелила, разбив и оторвав большую часть правого борта приближающейся машины, но, к счастью, не повредив ее жизненно важные органы; прежде чем немецкие артиллеристы успели перезарядить ружья, танк оказался прямо на них, и через несколько секунд огромное орудие было раздавлено в беспорядочной массе среди окружавшего его кустарника.

Немного западнее этого леса танки 6-го батальона “F”, которые достигли вершины хребта, на большой скорости спускались на Масьер. Один приближался к мосту, ключу к хребту Румийи-Серанвиле, от взятия которого так много зависело. Мост, как знал командир танка, был поврежден либо снарядами, либо немецкими саперами. Однако для него было важнее всего

переправиться, и поэтому он очень отважно пошел на это. Когда Танк приблизился к центру моста, раздался треск стальных балок — мост сломался, и когда он рухнул, Танк исчез в водах канала. Другие танки, прибывшие и не имевшие возможности переправиться, помогли пехоте сделать это, открыв сильный прикрывающий огонь.

Цистерну, упавшую в канал, довольно постепенно спускали в воду по мере того, как мост медленно оседал.

Была только одна потеря. Парик с одного из членов команды слетел, когда его голова показалась из люка, и он уплыл вниз по каналу, и больше его никто не видел. Потерявшись из виду, его память оставалась зеленой в течение многих месяцев из-за требований его пострадавшего владельца о компенсации.

Дилеммой, которая наиболее жестоко мучила официальные умы, был вопрос о том, подпадает ли парик под рубрику “Полевое снаряжение”, “Потеря конечности”, “Медицинские удобства”, “Одежда”, “Личные вещи” или “Специальные резервуары”. Однако в конце концов его владелец все-таки получил денежную компенсацию за свою потерю.

Но гений Комедии не покончил с Танками.

45 “Город был эвакуирован противником так внезапно, что некоторое количество гражданского населения все еще оставалось.

“Две коровы, принадлежащие немецкому городскому мэру, были торжественно подарены их французским гражданским сторожем майору Хэммонду в знак радости, которую жители испытали по поводу своего освобождения”.

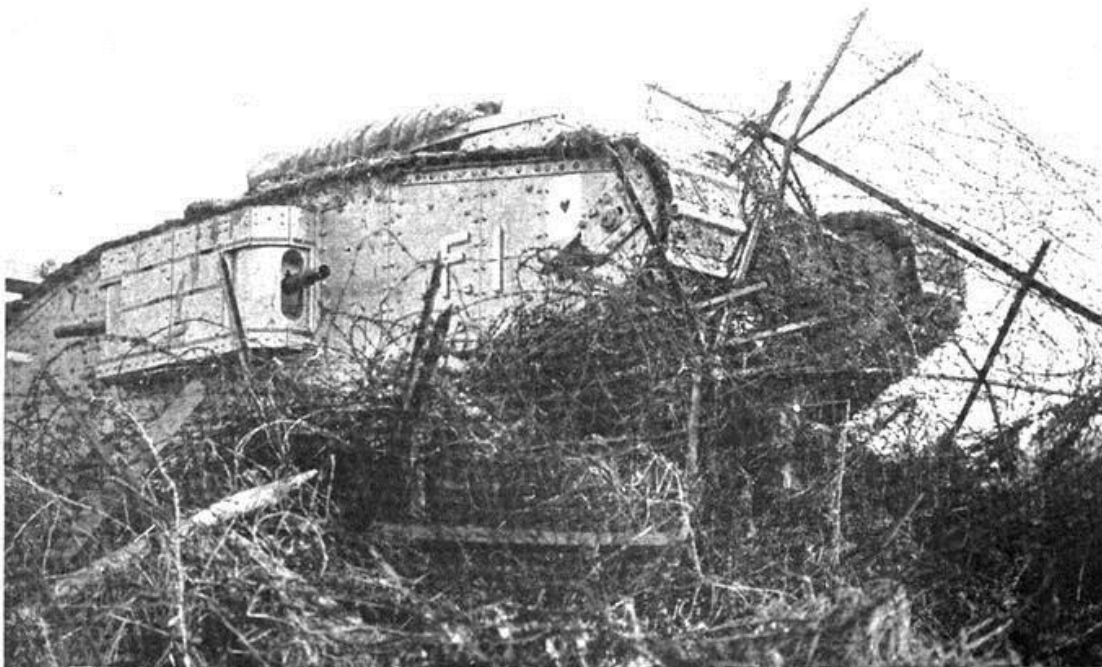
Эти нелепые лагерные последователи долгое время оставались самым дорогим достоянием Батальона и сопровождали их, куда бы они ни отправились.

ПОДГОТОВКА К КЕМБРИДЖУ. ЭШЕЛОН ТАНКОВ С ФАШИНАМИ На ПОЗИЦИИ

ДОРОГА БАПОМ-КАМБРЕ

ТАНК, СОКРУШАЮЩИЙ ВРАЖЕСКУЮ ПРОВОЛОКУ

У Флескьера 51-я горная дивизия, которая использовала собственное атакующее построение, была задержана; похоже, что танки превосходили пехоту или что принятая тактика не позволяла пехоте держаться достаточно близко к танкам. Когда танки поднялись на гребень, они попали под прямой артиллерийский огонь с близкого расстояния и понесли тяжелые потери.

Не менее шестнадцати танков было подбито одним полевым орудием.

Это орудие находилось на западном конце деревни, и с его позиции каждый танк был виден на фоне неба, когда они поднимались на гребень холма. Его история рассказана в Донесении сэра Дугласа Хейга с великодушием, которое вполне могло бы поощрить то, что танкисты считали наиболее нежелательным проявлением духа у вражеских артиллеристов:

“Многие попадания в наши танки под Флескьером были получены немецким артиллерийским офицером, который, оставшись один на своей батарее, в одиночку управлял полевым орудием, пока не был убит из своего орудия. Великая храбрость этого офицера вызвала восхищение всех чинов”.

У Гавринкура шли ожесточенные бои, и еще до наступления ночи 62-я дивизия и ее танки захватили Грейнкур. Несколько танков даже продвинулись дальше, к лесу Бурлон и дороге Камбре, но к этому времени пехота была слишком измотана, чтобы следовать за ними.

К 4 часам пополудни 20 ноября одно из самых поразительных сражений в истории было выиграно, и с точки зрения танкового корпуса тактически все было закончено.

Резервов танков не было, и экипажи, сражавшиеся весь день, теперь были очень измотаны.

Пехота была еще более измотана, и дальнейшее продвижение было невозможно. Ночь танкисты и пехота провели в отдыхе, а Штаб планировал возобновление атаки на следующий день.

В письме домой от офицера-танкиста описывается типичная сцена:

В то утро мы захватили деревню Гавринкур, вернее, ее руины, и именно в единственной уцелевшей комнате некогда великолепного замка генерал Джон Понсонби, командующий 40-й дивизией, разместил свой штаб и созвал совещание на десять часов вечера.

“Дорога туда уже была достаточно восстановлена, чтобы пропускать машины при условии умелого вождения и удачи.

“Поваленные деревья, проволока, брустверы и другие заграждения были убраны в сторону, траншеи и воронки по обе стороны Нейтральной полосы были грубо засыпаны, в то время как пресловутый "Большой овраг" был сделан проходимым для людей в экипажах благодаря разумному размещению нескольких фашин.

“Нас было около дюжины на конференции, грязная компания с довольно затуманенными глазами, некоторые в жестяных шляпах и плащах, с револьверами за поясом, некоторые в почетном красно-золотом — все в противогазах.

Генерал Понсонби и его личный состав сидели на старом упаковочном ящике, на другом перед ними была расстелена карта, освещенная пляшущим мерцанием двух оплывающих свечей, воткнутых в немецкие пивные бутылки. Генерал Эллес и полковник Бейкер-Карр были там вместе с хором командиров рот и офицеров разведки из 1-й танковой бригады.

У пролома в стене, служившего дверным проемом, стоял вооруженный часовой — связисты и санитары входили и выходили из маленького круга желтого света, поднимая пыль от обломков на разбитом полу.

“Человек с тревогой осознавал, что является частью Графической картины, озаглавленной "Передовой штаб" или "Планирование сражения".

Как бы то ни было, битва *была* в конечном итоге спланирована и к удовлетворению всех присутствующих сторон. Г.С.О.И. закончил писать свои оперативные приказы для утренней атаки, совещание распустилось, и мы, спотыкаясь, снова вышли в ночь, у каждого из нас было какое-то дело, которое нужно было выполнить до рассвета.

“На мою долю выпало отправиться в передовой штаб соответствующих пехотных бригад, чтобы объяснить планы завтрашних сражений и передать некоторые необходимые карты командирам танков, которые будут сотрудничать.

“Я повесил карты для удобства переноски на шест, который я и мой ординарец взвалили на плечо и с которого они свисали в раскачивающихся белых свертках, к большому интересу и замешательству проходящих солдат, для которых носильщики и шест были невидимы в чернильной темноте.

Это был утомительный путь до Грейнкорта, и дорогу освещали только ружейные вспышки и редкие звездные вспышки снарядов, но наконец мы добрались туда.

Мы обнаружили, что две пехотные бригады разместили свои штабы в чем—то вроде катакомб под разрушенной церковью - замечательном месте, частично средневековом, частично созданном трудолюбивыми гуннами.

Вы спускались все ниже и ниже — старая сводчатая кирпичная кладка уступала место прочной немецкой опалубке, — пока в самом низу, примерно в сотне футов под полом церкви, крутая лестница не заканчивалась галереей, с которой открывалась целая улица маленьких комнат.

“В помещении было невыносимо жарко и душно для человека, только что вернувшегося с ночного холода; стоял туман и вонь табачного дыма и готовки, наполовину заглушавшая затхлый промозглый запах, неотделимый от глубокого блиндажа, который долгое время занимали - особенно немцы.

“Грейнкорт был застигнут врасплох и так быстро перешел из рук в руки, что мы приняли эту очень подходящую штаб-квартиру в качестве действующего предприятия, "готового к немедленному заселению".

“Смена арендатора действительно была настолько внезапной, что два инженера Бош, в чьи обязанности входило управлять установкой электрического освещения, были схвачены в их собственном подземном машинном отделении и даже сейчас невозмутимо выполняли свои старые обязанности, по-видимому, мало обеспокоенные тем фактом, что теперь они были "под совершенно новым руководством".

“Как оказалось, для нас было очень хорошо, что мы захватили и сохранили эту драгоценную пару, потому что, когда они обнаружили, что их собираются оставить управлять освещением, как и раньше, они совершенно бесстыдно заявили:

“Ну, если это так, то есть только один маленький момент, о котором мы должны вас предупредить, и это то, что если кто-нибудь сдвинет то, что выглядит как главный выключатель — как сделал бы любой, кто не знал, при запуске станции - взорвутся подрывные заряды. Если вы хотите, чтобы их убрали в случае несчастных случаев, мы можем показать вам, где их копать — мы точно знаем, где их найти, поскольку закладывать их было нашей работой.

“Даже находясь там, я видел, как эти негодяи наблюдали за извлечением ящика за ящиком фугасных боеприпасов из хитро замаскированных помещений за деревянными обшивками и под полами.

“Тесные лестницы, галереи и закутки были забиты странными представителями всех рангов и родов войск, одни ели или разговаривали, другие беспокойно спали, свернувшись калачиком, и постоянный поток машин заливал их раскинувшиеся конечности.

Ярко горели электрические лампы, и от рева двигателя по деревянным стенам пробегала ровная дрожь, похожая на вибрацию парохода.

“Подобно кораблю, рассекающему волны, также были слышны прерывистые глухие удары и дрожь разрывающихся снарядов в деревне высоко над головой или ответы нашей собственной артиллерии.

“Звонили телефоны, стучала пишущая машинка, а стук тарелок, которые мыли в ведре, заставлял задуматься с тоской, придет ли кому-нибудь в голову предположить, что вы, возможно, голодны.

“Один бригадир, предположительно прибывший первым, с величайшей помпой и роскошью восседал в роскошном кресле из малинового плюша, перед ним стоял роскошный стол в гостиной, на котором была разложена крупномасштабная подробная карта Бурлонского леса - очень ценное наследие, оставленное чересчур поспешными Бошами.

“На стенах висели олеографии Гинденбурга и Кайзера в рамках, а позолоченные часы над дверью все еще отсчитывали немецкое время.

“Два яруса коек из проволочной сетки для кроликов стояли вдоль одной стороны маленькой камеры, а изящная маленькая печурка, увенчанная прекрасным старинным зеркалом, украшала другую.

- Эти Боши довольно разбираются в Домашнем комфорте и, не раздумывая дважды, утаскивают у несчастных туземцев все, что им приглянется.

“Как и другая широко разрекламированная система мебелировки, "Это так просто"! "Отсроченный платеж", если они того пожелают, — отсроченный, но последний платеж, хороший и обильный, или я съем свою жестяную шляпу, включая козырек и подкладку".

V

На следующий день (21 ноября) сводные роты танков сражались во взаимодействии с новой пехотой.

Но хотя пехота была новой, к сожалению, она не была свежей. В распоряжении сэра Джулиана Бинга вообще не было отдохнувших войск. Можно сказать, что вся последующая история битвы

и ее продолжения зависит от этих двух моментов. Вся наша пехота была крайне утомлена, и большая ее часть никогда раньше не взаимодействовала с танками.

Следовательно, многие опорные пункты, хотя они и были в конце концов захвачены, доставили нам больше хлопот, чем следовало.

21-го числа танки успешно атаковали несколько деревень и опорных пунктов.

Тринадцать танков 2-го батальона "Б" окружили деревню Кантен. Приближаясь к ней, они встретили упорное сопротивление. На это они энергично ответили пулеметным и 6-фунтовым огнем, и к полудню враг был выбит.

Пехота также послала за двумя танками батальона "Б", которые были остановлены сильным пулеметным огнем у Нуайеля. Через полчаса им удалось подавить всякое сопротивление, поджечь склад боеприпасов и патрулировать деревню, пока ее не захватила пехота.

Ни один танк не получил ни малейших повреждений, и потерь среди экипажей не было.

Двенадцать танков 8-го батальона "Н" вскоре после 8 часов утра получили приказ атаковать Фонтен-Нотр-Дам.

Деревня находилась в шести милях, и по пути туда танки вступили в ожесточенный бой.

Они достигли своей цели примерно в 4.30. К 5.30 они захватили ее и были выведены после передачи пехоте.

Но на следующий день яростная контратака немцев выбила наш гарнизон.

Мы были полны решимости овладеть им и 23-го числа снова атаковали с удвоенной силой.

Враг был готов, и между домами завязалась отчаянная битва. Двадцать четыре танка из батальонов "Б" и "Н" первыми вошли в деревню, после чего противник отступил на крыши домов и обрушил град бомб и пуль на крыши машин.

Немцы были в силе, и на узких улицах танкам было трудно вести по ним эффективный огонь.

Пехота была слишком утомлена, чтобы очистить это место, и после патрулирования улиц танки отступили, как только темнота скрыла их отступление.

В тот же день тридцать четыре танка 1-й бригады поддержали блестящую атаку 40-й дивизии на Бурлон-Вуд. Деревянина была захвачена после острой борьбы. Затем танки двинулись к деревне, но, как и при Фонтене, пехота, понесшая серьезные потери при взятии леса, была слишком измотана, чтобы последовать за ними.

25 и 26 ноября мы возобновили атаку на Фонтен-Нотр-Дам и снова попытались захватить деревню Бурлон.

Однако в конце концов оба этих важных пункта остались в руках противника.

С начала сражения прошла неделя.

Согласно первоначальному плану, боевые действия не должны были продолжаться более трех дней, но, несмотря на наше первоначальное "Постановление о самоотречении" в отношении

земли, когда желанные позиции были фактически в наших руках, мы стали жертвой “земельного голода” и все еще продолжали сражаться и продвигаться вперед, чтобы укрепить эти новые и восхитительные владения.

Но теперь мы удерживали чрезвычайно важный тактический пункт, образованный высотами Бурлон-Вуд, и было ясно, что взятие Фонтена и деревни Бурлон обойдется нам дороже, чем они того стоили.

Мы сделали все и даже больше, чем намеревались. Войскам срочно требовался отдых. У них не было нормального отдыха перед битвой, и теперь, несмотря на чувство победы, они были чрезвычайно измотаны.

Экипажи танков тоже были почти остановлены боями, и из-за постоянной ежедневной необходимости спешно вводить в бой сводные роты, их подразделения были крайне дезорганизованы.

Итак, 27 ноября мы отдохнули от наших трудов и подсчитали добычу.

46 “Каким бы ни было суждение будущих историков о ее ценности, Первая битва при Камбре всегда должна считаться одним из самых замечательных сражений, когда-либо происходивших. 20 ноября с плацдарма шириной около 13 000 ярдов за двенадцать часов было произведено проникновение на глубину не менее 10 000 ярдов (в Третьей битве при Ипре аналогичное проникновение заняло три месяца), было захвачено 8000 пленных и 100 орудий, и только эти пленные почти вдвое превышали потери, понесенные 3-й и 4-й армиями в первый день сражения. Интересно вспомнить, что в этом сражении атакующей пехоте помогали 690 офицеров и 3500 других чинов танкового корпуса, чуть более 4000 человек, или численность сильной бригады, и что эти люди заменили артиллерию на перерезание проволоки и сделали ненужной старую предварительную бомбардировку. Более того, держась поближе к пехоте, они обеспечивали гораздо более тесное взаимодействие, чем когда-либо прежде с артиллерией. Когда 21 ноября лондонские колокола зазвонили, празднуя победу при Камбре, сознательно или бессознательно для своих слушателей они отбили старую тактику и зазвонили по—новому - Камбре стало Валми новой эпохи в войне, эпохи инженера-механика”.

Это был усталый, но довольный отряд людей, которых генерал Эллес инспектировал в Гавринкурте 29 ноября, когда отряд распался.

1-я и 3-я бригады немедленно направлялись в Малт и Брей соответственно, а 2-я должна была последовать за ними через несколько дней.

Последовал обмен прощаниями, и, как все думали, занавес перед Первой битвой при Камбре опустился.

Часть II (30 ноября)

Чтобы понять последующие события, мы должны представить победоносную, но очень усталую британскую армию, удерживающую недавно укрепленный выступ против врага, которого они только что пробудили в мстительной ярости внезапной хлесткой пощечиной.

Враг был ужасно напуган, и теперь, когда он пришел в себя, он понял, насколько срочно его престиж требовал решительного восстановления. Казалось бы, мы наполовину ожидали, в какой-то усталой, лишенной воображения манере, что он может ударить по нам на фланге нашего выступа в районе нью-Бурлон-Вуд. На стороне Гузеокура были старые укрепления. Их мы держали с трудом — очевидно, нам и в голову не приходило, что он будет атаковать старый участок линии.

Но командующий немецкой армией генерал фон дер Марвиц вынашивал в уме амбициозный план. Он намеревался отщипнуть наш выступ и, если возможно, захватить весь третий и четвертый корпуса, которые его удерживали. Его правое крыло должно было действовать от Бурлона на юг, а левое - от Масьера на запад, причем обе атаки должны были сойтись на Гавринкурте и Меце.

Атака была начата вскоре после рассвета 30 ноября и полностью провалилась справа, у леса Бурлон; здесь враг был настигнут нашей артиллерией и пулеметами и выкошен сотнями. Однако на левом фланге атака увенчалась успехом; во-первых, она была неожиданной; во-вторых, немцы оповестили о своем наступлении рядами низколетящих самолетов, что вынудило наших людей пригнуться и, таким образом, потерять наблюдение. Под защитой этого заградительного огня с самолетов и очень сильного минометного обстрела траншей немецкая пехота продвинулась вперед и быстро захватила Виллер-Гислен и Гузокур.

Только около десяти часов 30 ноября бригадный генерал Кураж из 2-й танковой бригады получил телефонное сообщение, предупреждавшее его об атаке.

Танки были определенно “распущены” и были заняты переоборудованием, и в этот момент каждая машина находилась в полной *дезорганизации*. Многие двигатели находились в процессе ремонта, и ни один танк не был заправлен и не содержал своего боевого снаряжения. Те, кому какая-то чрезвычайная ситуация вынудила вывести обычную машину холодным зимним утром, когда в ней нет ни бензина, ни масла, ни воды, а половина двигателя разбросана по гаражу, поймут трудности, с которыми столкнулся Танковый корпус. Они поймут, что когда к 12.40 не менее двадцати двух танков 2-го батальона “Б” вступили в бой, была проделана очень грамотная работа. Очень скоро четырнадцать танков 1-го батальона “А” последовали за ними, а к двум часам дня двадцать танков 8-го батальона “Н” смогли выдвинуться на подмогу.

По словам сэра Дугласа Хейга, “Большая заслуга принадлежит офицерам и рядовым (2-й) танковой бригады за скорость, с которой они ввели свои танки в бой”.

Однако к тому времени, когда первые двадцать танков достигли Гузокура, гвардейцам, которых подгоняли со всей скоростью, удалось отбить его, и поэтому танки были выдвинуты в качестве прикрытия для их консолидации.

Здесь они оставались весь день, отбивая контратаки противника.

Весь день по обе стороны выступа враг яростно бил по нашим позициям. То тут, то там он прорывался сквозь них. Поварам, слугам и связистам, всем, кто был в наличии, выдали винтовки и поставили в строй, и в Донесении рассказывается о замечательных индивидуальных подвигах, которые были совершены в разгар беспорядочного сражения. Мы не собирались позволять немцам удерживать свои новые владения, выгодные позиции, с которых они нас вытеснили.

1 декабря танки, гвардейцы и спешившаяся индийская кавалерия нанесли ответный удар по Виллер-Гислену и Гош-Вуду.

“Танки были, ” отмечается в сообщении, “ в значительной степени ответственны за захват леса. За эту позицию шли тяжелые бои, которые, очевидно, противник решил удержать любой ценой. Когда пехота и кавалерия, наконец, овладели лесом, было найдено большое количество убитых немцев и разбитых пулеметов. В одном месте в радиусе двадцати ярдов были обнаружены четыре немецких пулемета с валяющимися вокруг убитыми расчетами. В этом лесу также были захвачены три немецких полевых орудия в комплекте с расчетами.

“Другие танки двинулись к Виллер-Гислену, и, несмотря на сильный артиллерийский обстрел прямой наводкой, три достигли окраин деревни, но огонь вражеских пулеметов помешал нашим войскам, наступавшим с юга, поддержать их, и танки в конечном итоге отошли”.

Еще два дня враг наседал на нас, и битва бушевала вокруг Бурлона, Фонтена, Маркуана и Ла-Вакери.

Повсюду он делал вмятины в нашей линии, и к 4 декабря очертания нашего фронта представляли собой невозможную серию неровностей. Мы должны либо возобновить атаку в больших масштабах, либо решиться

47“отойти на более компактную линию на хребте Флескьер.

“Хотя это решение предполагало отказ от важных позиций, доблестно завоеванных, у меня не было сомнений в правильности курса в сложившихся условиях. Соответственно, в ночь с 4 на 5 декабря была начата эвакуация позиций, удерживаемых нами к северу от хребта Флескьер. Утром 7 декабря этот отход был успешно завершён без вмешательства противника”.

Хорошо, что противник не “вмешивался”, поскольку по какой-то оплошности танки не получили должного уведомления о предполагаемом отходе, и определенные спасательные группы, занятые ремонтом поврежденных танков на передовых позициях, ничего не знали об эвакуации, пока, к своему удивлению, не обнаружили, что наша пехота течет обратно мимо них в темноте. Тогда не оставалось ничего другого, как бросить обломки и самим возвращаться с таким снаряжением, какое они могли унести.

Так закончилась вторая фаза битвы.

Это было чрезвычайно неприятное дело.

Построив все наилучшим образом, на что мы были способны, мы были вынуждены признать, что были застигнуты врасплох. Немецкая атака повергла нас в полное, хотя и кратковременное, замешательство. Но впоследствии, когда ситуацию можно было спокойно рассмотреть, современная критика единодушно согласилась с тем, что мы, в конце концов, не понесли ничего, кроме морального ущерба. И из такого рода повреждений британцы в уникальной степени владеют искусством извлекать полезные уроки. Мы взяли себя в руки и решили, что этот резкий удар по костяшкам пальцев пойдет нам на пользу.

Но для танкового корпуса подвиги 2-й бригады были более выгодны напрямую.

Среди шума и неразберихи танковые экипажи, такие как гвардейская и 2-я кавалерийская дивизии, знали только одно побуждение — они двинулись прямо на восток, против врага. Это был полюс, на который указывал их компас.

Пока все было в сомнениях и нерешительности, у них была только одна мысль - заправить и отрегулировать свои машины и поторопить их с продвижением вперед. В 9 часов утра танковые экипажи мирно готовились свернуть лагерь и отправиться в свой тренировочный район. К четырем часам дня семьдесят три танка нанесли решающий удар по врагу.

Для многих Высших командиров, которые считали, что танки могут быть использованы в “парадной” атаке только после недель подготовки, события 30 ноября стали радостным откровением.

Так для танков закончилась кампания 1917 года.

ГЛАВА XI

ТРИ НОВЫХ ТИПА ЦИСТЕРН—ДЕПО—ЦЕНТРАЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ

Я

Теперь “Сражающаяся сторона” в течение многих месяцев была занята почти исключительно “операциями” и, сражаясь почти до упора в битве при Камбре, теперь так же остро нуждалась в реорганизации, как и в капитальном ремонте своих машин.

Настоящая хроника также долгое время следила за их судьбой, не упуская из виду деятельность производственных и других организаций, которые играли вспомогательные роли “Аарона и Ора” по отношению к “Моисею” Воюющей стороны.

В период, которого мы достигли, самое время вспомнить истории других персонажей драмы. Ибо, пока Танковый корпус сражался, производители были заняты делом, и выросла огромная сеть вспомогательных служб и организаций, с помощью которых весь Корпус должен был восстать обновленным из пепла.

Прежде чем танки вступили в свое следующее серьезное сражение, на свет появился Mark V. Были выпущены танки Whippet, был разработан тяжелый танк для перевозки пехоты, а для быстрой работы по хорошим дорогам вырос батальон бронированных автомобилей.

Помимо этого, в ходе последней кампании постепенно была создана полноценная система резервуаров снабжения и полевых ремонтных рот для сбора грузов и припасов.

Склад танкового корпуса был значительно расширен и переместился на свое окончательное “место дислокации” на побережье недалеко от Ле-Трепорта.

Домашний склад в Wool также увеличился, и произошли изменения и наработки в Министерстве боеприпасов и в области производства танков в целом.

Фактически невозможно в одной главе дать более чем краткое указание на эту универсальную и растущую активность “задней области”.

Начнем с изменений в домашней организации и производстве Резервуаров.

“Новый” танковый комитет, как мы уже сообщали, имел успех.

В декабре 1917 и январе 1918 года наступил довольно интересный новый этап, когда майоры Дрейн и Олден из танкового корпуса США посетили некоторые из его совещаний, и когда было принято решение о производстве для британской и американской армий Mark VIII, или “Танка союзников”. Этот танк никогда не участвовал в боевых действиях, но его конструкция, возможно, интересна как пример межсоюзнической солидарности.

К январю 1918 года были выдвинуты предложения о расширении численности с девяти до восемнадцати батальонов и реорганизации управления танками.

Эти предложения в конечном итоге (в апреле 1918 года) были обсуждены Межсоюзническим танковым комитетом, своего рода подкомитетом Версальской конференции, на которой были представлены британские, французские и американские танковые корпуса.

Но ни люди, ни по-настоящему конструктивная мысль не могли тогда быть избавлены от насущных потребностей отражения немецкого натиска, и ничего не было сделано для реализации их предложений, пока этот натиск не был окончательно остановлен.

Но в июле 1918 года за дело снова взялись. Было решено расширить Танковый корпус до тридцати четырех батальонов, вооруженных примерно шестью тысячами машин.

II

В декабре 1917 года положение в промышленности было не особенно удовлетворительным. Следует помнить, что еще 20 августа Главнокомандующий изложил в официальном письме порядок приоритета, в котором танкам отдавалось предпочтение в четырех категориях.

“При изготовлении Резервуаров никоим образом не должно допускаться вмешательства в:

“(1) Выпуск самолетов.

“(2) Выпуск оружия и боеприпасов.

“(3) Предоставление механического транспорта, запасных частей к нему и бензиновых тракторов в требуемом масштабе.

“(4) Обеспечение локомотивами в требуемом масштабе.

И хотя к декабрю взгляды властей значительно изменились, внезапное расширение программы танкостроения далось нелегко.

В октябре 1917 года 700 танков Mark IV. Во Францию уже было поставлено, и еще оставалось около 500 танков. Но Воюющая сторона беспокоилась о том, чтобы не все они были по

усовершенствованному образцу Mark IV. Поскольку до настоящего времени с момента поставки первого Mark IV. в конструкцию не вносились никакие изменения. Поэтому было решено, что часть из 500 машин должна быть оснащена двигателями Ricardo и эпициклическими передачами, а остальные должны быть оборудованы в качестве топливных баков.

МВСД надеялось построить около 1600 новых тяжелых танков, 800 из которых должны были быть типа Mark V. и готовы к 1 мая, а остальные - других тяжелых типов, вероятно, Mark V. star и Mark VI., в то время как 385 танков Whippet ("Средний А") также должны были быть готовы к маю 1918 года.

Кроме того, должен был быть небольшой отряд аварийных танков и специальных танков снабжения пехоты, два из которых были способны перевозить полные запасы для пехотной бригады в течение одного дня.

Большое количество этих цистерн, как и прежде, должно было быть построено компанией Metropolitan Carriage and Wagon Company.

Очень краткий обзор большинства этих новых типов танков уже был дан в главе I. И нет необходимости повторять здесь подробности об их скорости, вооружении и так далее.

Аварийные цистерны обычно были марки IV. Цистерны, на которых было установлено специальное оборудование, такое как лебедки и небольшие краны, для подъема обломков из грязи или для буксировки.

Танком снабжения был Mark IV. оснащенный очень вместительными спонсонами. В целях экономии веса эти носители были сделаны не такими полностью бронированными, как боевые танки.

Танк-носитель оружия представлял собой машину с удлиненным хвостовым оперением, которое образовывало платформу, откуда предполагалось установить 60-фунтовую пушку или 6-дюймовую пушку. можно было стрелять из гаубицы.

Броневики танкового корпуса имели обычную башенную конструкцию и были вооружены пулеметами.

Но более важным, чем любое другое нововведение, было улучшение в основном вопросе тяжелых танков, улучшение, которое очень хорошо описано историком 13-го батальона:

“Старый тип Mark IV имел серьезные недостатки. Мощность его двигателя на плохом грунте была недостаточной, а неуклюжие второстепенные передачи делали поворот медленным и трудным, а также требовали услуг по крайней мере двух членов экипажа в дополнение к водителю. В бою это стало серьезным препятствием для боевой мощи Танка. Офицеру мешала необходимость следить за тормозами, а наводчик, которого внезапно призвали помочь переключить передачу, потерял бы мимолетный шанс вести огонь по благоприятным целям. В новом танке Mark V. эти проблемы в значительной степени исчезли. Двигатель новой конструкции обеспечивал как большую скорость, так и большую мощность при повороте, в то время как система эпициклических передач облегчала поворот под единоличным контролем водителя. Офицер был волен руководить своим экипажем, наводчик был волен использовать свое оружие с

максимальной выгодой. Добавьте, что значительно увеличенное поле обзора было получено за счет добавления башенки наблюдателя, и станет понятно, что был обеспечен огромный прогресс в типировании”.

У Mark V., однако, был один серьезный недостаток. Его вентиляция была крайне неисправна. Позже мы увидим, насколько серьезным недостатком это было.

III

Также должны были произойти изменения в технической и машиностроительной части самого танкового корпуса, благодаря которым должна была быть достигнута экономия людских ресурсов.

Когда Танковый корпус только формировался, каждая рота имела свои собственные мастерские, и эта система просуществовала до конца 1916 года. Затем, в ходе зимней реорганизации, Ротные мастерские были упразднены и заменены батальонными.

К осени 1917 года был опробован эксперимент по дальнейшей централизации и объединению батальонных мастерских в Бригадные, и в начале 1918 года было решено сделать последний шаг и сосредоточить все ремонтные работы в Центральных мастерских.

Эта система, позволившая значительно сэкономить на квалифицированных кадрах, стала возможной благодаря проведению очень четкой демаркационной линии между ремонтом и техническим обслуживанием - принципу, который был заложен полковником Ф. Сирлом, д.с.О., главным инженером Корпуса и руководителем всей механической части танков.

Ни одна поврежденная деталь никогда не подлежала ремонту в полевых условиях; механическая эффективность должна была поддерживаться за счет того, что сломанная деталь механизма немедленно заменялась полностью новой.

Эта замена была произведена экипажем, эффективность которого как механика была значительно повышена за счет того, что на него была возложена ответственность за их собственные машины.

При внедрении этой системы, конечно, необходимо было тщательно учитывать один момент. Должна была существовать очень эффективная организация снабжения, благодаря которой необходимые запасные части были бы быстро доступны в полевых условиях.

Когда экипаж снял поврежденную деталь с танка, ее отправили обратно в Центральные мастерские для ремонта.

Здесь при повреждении одной конкретной детали всегда будет задействован специально обученный специалист.

48“Например, сломанные соединения бензопроводов обычно встречаются во всех бензиновых двигателях, и если существует небольшая мастерская, то пайку и ремонт таких сломанных соединений можно выполнить там. Но для того, чтобы сделать это, медник должен находиться в агрегатной мастерской, и только часть его времени будет занята этой работой по пайке бензиновых штуцеров. Однако, если сейчас все вышедшие из строя соединения из каждого подразделения будут отправлены обратно в Центральную мастерскую для ремонта, то такого

объема работы будет достаточно, чтобы один человек или, возможно, два или три человека были полностью заняты все свое время.

“Эти люди становятся абсолютными экспертами в пайке сломанных соединений и вскоре могут за несколько минут выполнить работу, на выполнение которой меднику из мастерской unit потребовался бы час или два”.

Интересно проследить, каким мог быть маршрут танка с того момента, как он покинул завод-изготовитель примерно в середине лета 1917 года, до вступления в бой, скажем, в Третьей битве при Ипре.

По завершении строительства каждый танк сначала отправлялся на испытательный полигон в Ньюбери, где им управляла 20-я эскадрилья R.N.A.S. Отсюда он направлялся в Ричборо, откуда был отправлен паромом через Ла-Манш и принят в Гавре другим подразделением 20-й эскадрильи. Оттуда он отправился в Бермикур, был снова испытан, на этот раз личным составом танкового корпуса, а затем передан на Центральные склады в Эрине. Эти магазины были впервые открыты в 1917 году и в конечном итоге состояли из более чем семи акров железнодорожного полотна и шести акров зданий. Одно время здесь также располагались Центральные мастерские, но по мере того, как стало необходимо больше помещений, их перенесли в Тенер, примерно в полутора милях отсюда.

С Центральных складов танки будут выдаваться батальонам по мере необходимости.

Например, во время Третьей битвы при Ипре большое количество танков было поставлено ротам, фактически стоявшим в строю. Предположим, что конкретный танк был снабжен таким образом и получил пулю в карбюратор во время одной из небольших акций в конце октября.

Экипаж немедленно приобретал новый карбюратор в соседнем магазине мобильной техники, которым управляла одна из двух компаний по утилизации танков.

Переоборудованный таким образом танк снова вступил бы в бой, возможно, в течение дня после повреждения.

На этот раз мы предположим, что танк был подбит между первой и второй целями прямым попаданием, при этом невредимые члены экипажа двинулись вперед со своими пушками Льюиса, оставив танк неподвижным.

После того, как было сообщено о местонахождении брошенного танка, бойцы роты по спасению танков поднимались вверх той ночью, вероятно, под обстрелом снарядов и, возможно, на виду у противника всякий раз, когда загорался огонь "Вери".

Эксперты прибудут на место крушения со своим любимым набором ремонтных инструментов, возможно, состоящим из специально разработанного оборудования для ремонта танков, но более вероятно, из нескольких гаечных ключей из ПЭТ, нескольких отрезков труб и мотка медной проволоки. Они будут трудиться у Резервуара до рассвета.

Иногда после одной или нескольких ночей, проведенных подобным образом, они заставляли Танк двигаться. В районе Ипра резервуары иногда смазывали мазью, которая полностью исчезала в грязи. Иногда машину удавалось отбуксировать, особенно после того, как в ход пошли специальные аварийные цистерны с подъемным устройством. Иногда удавалось спасти

толькоотдельные части мембраны, такие как детали двигателя, 6-фунтовые снаряды или части шестерен или коробок передач.

За два года своего существования Полевые компании, по самым скромным подсчетам, сэкономили припасов на два-три миллиона фунтов стерлингов, что не обошлось им без больших затрат для самих себя.

Предположим, что Танк, за историей которого мы следили, был спасен целиком.

Следующим шагом будет то, что он будет захвачен Полевой компанией и отправлен обратно в Центральные мастерские в Тенере.

Это было действительно обширное инженерное сооружение, занимавшее около двадцати акров земли, где, помимо очень большого количества подготовленных и опытных механиков, работало более тысячи китайских кули.

Эти кули часто становились очень ловкими ремесленниками.

Здесь, бесконечными рядами вдоль длинных цехов, они трудились не покладая рук, летом раздетые по пояс, их загорелые тела блестели в белом свете дуговых ламп или в отблесках кузниц, а зимой одетые в свободные синие стеганные куртки и тесные шапки с ушанками из любопытного кроличьего меха.

Возможно, разбитый или сгоревший Танк пришлось бы почти полностью восстанавливать, а из двух разбитых танков, возможно, получится достаточно деталей, чтобы сделать один исправный. Здесь, наконец, реконструированный Танк будет испытан и отправлен обратно на Центральные склады.

Возможно, его бы понизили до категории “С. III.” и превратили в резервуар для снабжения. Возможно, его оснастили бы всеми новейшими приспособлениями, и в результате его перековки получилось бы лучшее оружие, чем оно было изначально.

Ибо деятельность Центральных мастерских не ограничивалась простым ремонтом. Следует помнить, как они отличились в деле молниеносной доставки фашин, выпуска снаряжения и поставок саней для битвы при Камбре.

Здесь также проводилась значительная часть экспериментов, которые привели к усовершенствованию конструкции танков; например, удлиненный резервуар и несъемная балка были изготовлены в Центральных мастерских, и здесь офицеры, сражавшиеся на танках, могли получить сочувственный отзыв о своих идеях по устройствам и их практическое подтверждение группой опытных инженеров-лейтенантов.-Полковник Броклбанк собрал всех вместе. Но они были не просто экспертами; они были энтузиастами, чье неослабевающее рвение создало чудо Центральных Мастерских там, где совсем недавно была голая пашня.

IV

Мы проследили путь танка от его выхода из дома с неповрежденной краской через превратности сражения до его переделки в значительно улучшенную машину или до перевода на “Постоянную базу”.

Как бы сложилась военная история члена танкового экипажа, сражавшегося, скажем, в битве при Камбре?

Мы уже рассказывали, что в первые дни Танковый корпус комплектовался в основном либо из числа специалистов-механиков, либо из добровольцев из других родов Войск. Позже мужчины без специальной квалификации были приняты на военную службу. Мы предположим, однако, что 1234 Pte. Джон Смит получил перевод из Уэст-Сюррея, находясь в строю примерно в июне 1917 года, и что на тот момент в учебных заведениях Франции не было вакансий. Поэтому, к их великой радости, Pte. Смита и его группу отправят домой для обучения на нефтебазу в Вулле.

Здесь был огромный лагерь, где такие же, как они, люди, видевшие бои, а также люди, только что прибывшие с вербовочных пунктов, формировались в новые танковые батальоны. К июлю около девяти из этих новых батальонов проходили подготовку. Бойцы прошли обычную учебную программу для новобранцев. Прежде всего, строевая подготовка, дисциплина и физическая подготовка; затем индивидуальные курсы по артиллерийскому делу, вождению и техническому обслуживанию танков. Затем они пройдут обучение в Школах сигнализации, обращения с револьвером и компасом, газовой и разведывательной школах.

Здесь также находилась Рота предварительной подготовки офицерских курсантов, где проводились такого же рода инструктажи. Артиллеристы в это время проводили все свои учебные стрельбы из 6-фунтовых орудий в Военно-морской артиллерийской школе в Чатеме, или, скорее, если быть точным, на “H.M.S. Excellent”, Китовом острове. Все остальные курсы были пройдены в лагере и за его пределами.

Практически, в Wool проводились только индивидуальные инструктажи, а коллективную и тактическую подготовку проводили мужчины в Бермикуре после их прибытия во Францию. В Wool подсчитали, что с учетом этого важного упущения на формирование и подготовку танкового батальона обычно уходило почти четыре месяца. Следовательно, Pte должен был начаться ближе к концу сентября. Смит оказался во Франции.

Он обнаружил, что его направили в один из старых батальонов и, следовательно, направили на базу подготовки и усиления, которая затем была размещена в Эрене, а позже переведена в Ле-Трепор.

Здесь его прикрепили к Приемной компании, подвергли своего рода экзамену по предметам, которые он изучал в Wool, но, сдав его удовлетворительно, и его записи были должным образом заполнены, ему выдали его снаряжение и отправили в его Компанию. Вскоре его отправили присоединиться к ней на импровизированную тренировочную площадку, где она в этот момент “отдыхала” после битвы при Ипре. На самом деле это было не особенно спокойное время, поскольку шли тактические тренировки пехотой, а ночной работы в программе было более чем достаточно.

ЦИСТЕРНА ДЛЯ БУКСИРОВКИ САНЕЙ С ПРИПАСАМИ

ЗАМОК БЕРМИКУР БЛИЗ СЕН-ПОЛЬ
ГЛАВНЫЙ ШТАБ ТАНКОВОГО КОРПУСА

НЕСУЩИЙ ПУШКУ ТАНК, ПОДНИМАЮЩИЙ ГАУБИЦУ

Входит УИППЕТ

Однако этот этап длился недолго, поскольку вскоре Роту отправили обратно, чтобы присоединиться к своему батальону в Выступе, где они выполнили поразительное количество ходов и подверглись серьезному обстрелу, но так и не смогли вступить в бой.

После этого они поспешили на интенсивную тренировку в Камбре. Затем последовало сражение, в последние три дня которого очень сильно измотанный 2-й водитель Смит был ранен в лицо осколком пули. Проблема была недостаточно серьезной, чтобы доставить его в Англию, и по возвращении из слишком короткого пребывания в Госпитале во Франции он снова оказался на Складе. На этот раз, проведя всего день в Приемной компании и пройдя

медицинское обследование, он был отправлен на четырнадцать дней в Приморский лагерь отдыха в Мерлимонте.

Этот лагерь отдыха состоял из множества довольно симпатичных бунгало, построенных среди песчаных дюн. Здесь и солдаты, и офицеры очень приятно проводили время, хотя они все еще подчинялись военной дисциплине и должны были присутствовать на определенном количестве парадов. Для офицеров здесь был комфортабельный клуб, а для солдат - чрезвычайно ухоженный домик YUMCA, где почти каждую ночь устраивались концерты или представления пьеро — как собственного производства, так и импортного.

Игры, а летом купание были замечательными развлечениями. Нет никаких сомнений, первое, что лагерь был чрезвычайно популярен, и, во-вторых, что танковый корпус задолжал большую часть своей бодростью духа и высокой *морали* в буфет, который стане предоставлена для многих усталого тела и ума.

После этих двух недель у моря Смит вернулся в свой батальон и вместе с остальным танковым миром приступил к зимним тренировкам.

V

Общая организация учений 1917-18 годов, хотя, конечно, и в гораздо большем масштабе, была очень похожа на ту, что проводилась предыдущей зимой. Были созданы новые учебные центры и расширены старые.

Но, возможно, хроника числа тех, кто прошел эти курсы обучения в Вайи, Ле-Трепоре, Бермикуре и Мерлимонте, и последовательности, в которой разные бригады сменяли друг друга на разных участках, может оказаться менее интересной, чем краткий отчет о том, чему на самом деле учили и каким образом будет выполняться учебная программа.

В официальных “Инструкциях по подготовке танковых корпусов во Франции” мы находим изложение таких общих принципов:

“Все работы должны выполняться с высоким давлением. Каждое упражнение и движение следует, по возможности, сводить к точному сверлению.

“Игры будут организованы как определенная часть тренировки (см. S.S. 137, “Развлекательная тренировка”).

“Порядок лучше всего культивировать, выполняя всю работу по установленному плану. Порядок - основа дисциплины. Такие мелочи, как марширование людей по стойке “смирно” на работу и с работы, заставляющее их стоять по стойке “смирно” перед увольнением, помогают воспитывать уравновешенность и дисциплину. Каждый день должен начинаться с тщательной проверки экипировки и людей или с какого-либо подобного официального парада. Необходимо соблюдать строгую дисциплину марширования на полигоны и обратно.

“Важной частью военной подготовки является то, что мужчин учат заботиться о себе, чтобы поддерживать свою физическую форму. С этой целью им будет разъяснена необходимость самого тщательного ухода за своей одеждой, снаряжением и амуницией”.

Ниже приводится программа (слегка сокращенная) курса технического обслуживания для командиров танков:

Как водить танк.

Как установить магнето.

При пропуске зажигания или перегреве двигателя.

Когда двигатель стучит слишком сильно, чтобы продолжать работу, или не тянет.

При плохом науглероживании.

Когда бак находится под таким углом, что запускать двигатель опасно.

Причины отказов двигателя и способы их устранения.

Как работает автозапуск.

Правильное натяжение ремней вентилятора.

Когда станина двигателя ослаблена.

Сколько бензина, масла, смазки и воды следует использовать в среднем за час пробега.

Когда необходимо заменить звездочки или шестерни дорожной цепи.

Сколько времени требуется для замены комплекта звездочек и шестерен.

Когда гусеница или ведущие цепи Coventry слишком ослаблены.

Когда сцепление слишком сильное и как это исправить.

Когда проскальзывает сцепление и как это отрегулировать.

Когда вторичные шестерни слишком сильно изношены для дальнейшей эксплуатации и каков эффект их неполного зацепления.

Сколько времени требуется для переключения таких передач.

Когда гусеницы или второстепенные шестерни смазаны чрезмерно или недостаточно.

Когда тормоза работают или нет.

Сколько времени требуется для подготовки резервуара к дневному пробегу.

Сколько времени требуется для тщательной очистки и регулировки резервуара после рабочего дня.

Сколько времени требуется для демонтажа танков и регулировки спонсонов.

Как следует размещать оборудование резервуара.

Приспособления, необходимые для демонтажа различных секций резервуара, и как это следует делать.

Что командиру роты так же необходимо ежедневно осматривать танки, как командиру кавалерийского эскадрона - своих лошадей.

Для интересного “Курса немедленных действий”, т.е. Оказания первой помощи двигателю, инструкторам даны следующие указания:

“Чтобы с самого начала внушить доверие, особое внимание следует уделить тому факту, что в баке практически существует только три причины отказа двигателя —Клапаны,Зажигание и Бензин.

“Если принять это во внимание, то очень небольшой опыт в выполнении простых операций, связанных с этими тремя функциями, в сочетании с небольшой подготовкой в области диагностики позволят студентам очень легко справляться с проблемами по мере их возникновения.

“Водители должны "на ощупь" определять, работает ли их двигатель правильно или нет, и любой член экипажа должен быть в состоянии немедленно обнаружить любую нерегулярность в звуке выхлопа снаружи машины и сообщить о ней.

“Когда студенты пройдут курс (с использованием книги) о том, что делать, когда:

“1. Двигатель не запускается,

“2. Двигатель запускается и останавливается после нескольких оборотов,

“3. Нерегулярный звук выхлопа —машина не будет подниматься,

“4. Обратный щелчок карбюратора,

“5. Перегрев и стук,

Инструктор должен устанавливать ошибки, которые ученики должны исправлять”.

Ему дают идеи почти по пятнадцати способам возникновения симптома “Двигатель не заводится”.

“Предлагается, чтобы Инструктор вставил лист бумаги между платиновыми наконечниками в маленьком магнето, или установил неисправный контактный выключатель с жестким коромыслом в большом магнето, или смазал сегменты распределителя снаружи небольшим количеством грязного масла; если он хочет перепутать заглушки, он может вставить одну с закрытым зазором, забитым грязью или с треснувшей изоляцией. Чтобы вызвать симптом № 2, он может вставить проколотый поплавок в карбюратор, или вставить кусок тряпки в проход между поплавковой камерой и форсунками, или заблокировать кран под автозапуском. Или для того, чтобы создать нерегулярный звук в выхлопе и заставить машину отказаться подниматься, он может снять ролик и штифт с одного или нескольких впускных клапанов; или установить две неисправные заглушки в двигатель. Чтобы вызвать перегрев двигателя, он должен вставить дополнительное звено в болт вентилятора радиатора, открыть воздушную заслонку или вызвать течь в одном или нескольких патрубках выпуска воды. Он может заставить двигатель

постукивать и греметь, регулируя клапаны с ненормальными зазорами, и так далее с рядом других дефектов, которые каждый студент, в свою очередь, должен будет диагностировать и устранять”.

Для проведения курса боевой практики “Повышения квалификации” инструкторам предлагается руководствоваться следующими моментами:

“Боеприпасы, необходимые для стрельбы каждого человека, составят 20 патронов с гильзами, 5 патронов с гильзовой дробью и 250 патронов S.A.A.

“Перед началом Боевой практики необходимо обратить внимание на следующие моменты:

“Что каждое упражнение или схема носят практический характер, т.е. Что они должны приносить определенные уроки в условиях, максимально приближенных к боевым.

“Во время тренировки все отверстия и т.д. В резервуарах будут закрыты. Цели должны как можно ближе соответствовать тем, с которыми вы встречались в бою. С тренировкой нельзя торопиться, и Танк никогда не должен содержать больше, чем обычный экипаж. Учащимся должно быть разрешено кататься на крышах Резервуаров, чтобы понаблюдать за эффектом возгорания. Таким образом, наблюдая за ошибками других, они должны быть в состоянии избежать совершения тех же ошибок сами, когда придет их очередь стрелять.

“Экипажи танков должны рассматривать боевые упражнения так же, как полевые стрельбы для пехоты.

“Во время боевой практики необходимо часто надевать визоры и противогазы.

“Перед началом боевой практики экипажи и артиллеристы построятся снаружи танков, и им будет объяснена схема атаки, а также то, как предполагается провести атаку и каковы их цели. Все водители и наводчики должны полностью понимать схему атаки и то, что от них ожидается; им необходимо сказать, чтобы они попросили своего командира танка объяснить любой момент, который им кажется непонятным. Позиции, где ожидаются противотанковые орудия, должны быть указаны им на карте, а также может быть предоставлена другая информация такого типа. Это добавит остроты и интереса мужчинам.

“Водителям следует напомнить, что качество съемки, вероятно, будет зависеть от их вождения.

“Офицер-артиллерист должен следить за тем, чтобы цели были расположены правильно; он всегда должен проходить Курс стрельбы в танке перед тренировкой, чтобы убедиться в этих моментах.

“Если используются вспышки или используются движущиеся цели, он должен следить за тем, чтобы утомленные люди знали свою работу, и офицер-артиллерист всегда должен давать этим утомленным людям одну репетицию перед боевыми упражнениями, поскольку наиболее важно, чтобы в течение дня все прошло гладко.

“Инструкторы младшего командного состава должны быть отчитаны, по одному на каждое орудие в танке, который ведет огонь, и их обязанностью будет следить за тем, чтобы пункты, которым учат на начальной подготовке, применялись и чтобы соблюдались необходимые меры предосторожности.

“В конце каждого боевого упражнения всегда будет проводиться конференция. Все члены экипажей, студенты, инструкторы и т.д. Будут присутствовать. Тонем конференции должны быть конструктивная критика и поощрение. Выявленные недостатки должны быть тщательно объяснены, чтобы все могли услышать, усвоить и исправить в будущем. Стрелок так же стремится учиться и совершенствовать свою стрельбу, как Инструктор стремится заполнить ученика, который сделает ему честь”.

В разведшколах также были организованы очень отличные курсы. Но едва ли не самой интересной деятельностью Разведывательной части была серия импровизированных курсов — схемы на открытом воздухе, тренировки в помещениях и лекции, которые они организовывали в то утомительное время, пока танковый корпус “стоял на четвереньках” в январе, феврале и начале марта 1918 года.

События того времени мы предлагаем изложить в следующей главе, кроме первой.

К тому времени было много других танковых операций, которые мы в настоящее время вообще не фиксируем. Французы обучили и оснастили танковый корпус. Американцы были заняты танками, а подразделение нашего собственного корпуса участвовало в двух сражениях в Палестине.

Примечание к главе XI

Истории о первых днях Wool описаны в Истории 6-го батальона.

Когда первые несколько партий танков были отправлены в лагерь в Бовингтоне со станции Вул, были приняты самые тщательные меры предосторожности, чтобы защитить машины от глаз непосвященных.

Маршрут охранялся военными полицейскими под командованием личного состава. Все гражданское движение было остановлено, и — как будто Танки были "Леди Годива" — все жалюзи в передних комнатах ферм и коттеджей, примыкавших к дорогам, пришлось опустить, а всех жителей переселить в задние комнаты.

Этот ритуал соблюдался каждый раз, когда прибывала партия Танков.

Один фермер заметил, что он был рад помочь сохранить тайну любым способом, который показался властям выгодным, но он подумал, что им, возможно, было бы интересно узнать, что за день или два до этого сломался танк и что он со своими лошадьми помог отбуксировать его на свой двор, где он простоял сорок восемь часов.

ГЛАВА XII

ФРАНЦУЗСКИЙ ТАНКОВЫЙ КОРПУС —АМЕРИКАНСКИЕ И БРИТАНСКИЕ ТАНКИ В ЕГИПТЕ

Говорят, что в сознании англосаксов есть нечто такое, что имеет особое отношение к комитетам.

“Хватит, ” сказал логичный азиат, когда английский миссионер объяснял ему доктрину Троицы. “ Я вас прекрасно понимаю. Это Комитет из трех человек”.

По крайней мере, нет никаких сомнений в том, что британский танк возник из комитетов и был полностью доработан и доведен до формы большим ассортиментом этих превосходных корпусов.

То же самое и с американским танковым корпусом. Три или четыре имени в равной степени известны в его ранних анналах.

Но у французов один человек, и только один человек, выделяется как Отец и Мать Танков. Это были генерал Суинтон, сэр Альберт Стерн и генерал французских танков Эллес. Иными словами, сначала он был главным независимым изобретателем, черпая свое вдохновение(в начале 1915 года) в тракторах Holt, которые он видел в работе у британцев. Затем он долгое время был главным "движущим фактором" идеи танков в официальных кругах и был представителем главнокомандующего в Министерстве вооружений по вопросам танков. Наконец, 30 сентября 1916 года он был объявлен в газетах “Комендантом арсенала [49](#) вооруженных сил”.

Личность этого замечательного человека настолько проникла во французский танковый корпус и вдохнула в него жизнь, что мы не приносим извинений читателю, приводя следующую восхитительную миниатюрную биографию генерала Эстьена, написанную рукой майора Роберта Спенсера, британского офицера связи при французском танковом корпусе:

Жан Батист Эжен Эстьен родился в Конде-ан-Барруа (Лотарингия) 7 ноября 1860 года. Из-за развития событий во время франко-прусской войны 1870-71 годов его школа, лицей Бар-ле-Дюк, была вынуждена закрыться, и именно во время вынужденного отпуска в возрасте десяти лет в Конде у его родителей родилась идея сделать военную карьеру. Однажды он был заинтересованным зрителем прохождения колонны прусской артиллерии по мощеным улицам своего родного города и пришел в юношеское восхищение от этой демонстрации военной мощи. Он поспешил вернуться, чтобы рассказать родителям о своем решении однажды войти завоевателем в город под грохот оружия за спиной.

С этого часа он посвятил себя жизни артиллериста и со временем поступил в знаменитую Политехническую школу, где его математические способности проявились в полной мере.

Со временем он также окончил артиллерийское училище в Фонтенбло, а в 1884 году поступил в гарнизонный город Ванн в звании второго лейтенанта.

Получив звание капитана в 1891 году, он завершил обучение использованию *коллиматора* [50](#) и стал апостолом использования прямой наводки для полевой артиллерии, которую ему в конечном итоге удалось внедрить во французской армии. В 1909 году он был вызван в Венсен с целью определить, можно ли как-либо использовать самолеты совместно с полевой артиллерией, и ему удалось создать часть авиационной службы Ф.А. Это, однако, было передано Р.Е. и лейтенанту. -Полковник Эстьен, следовательно, попросил вернуть его на службу в полк.

В 1913 году он снова был вызван в Венсен для продолжения своих исследований и находился здесь в начале войны, когда получил командование 22-м артиллерийским полком. Этим он командовал в Бельгии и на протяжении всего отступления от Шарлеруа к Сене. С ним были два его экспериментальных самолета, которые оказали неоценимую услугу во время битвы на Марне, где он служил под командованием генерала Петена.

“Именно во время отступления полковник Эстьен впервые рассказал членам своего штаба о будущем, которое будет сопровождать машину, способную пересекать вспаханные поля и траншеи, перевозить оружие и людей. С этой мыслью в голове он обычно предлагал своим случайным посетителям и членам своего Персонала принимать всевозможные своеобразные позы под столами и т.д., Чтобы определить, сколько людей может удобно разместиться в определенном кубическом пространстве.

“Его последнее командование перед тем, как его выбрали отцом будущего *Шарада д'Ассо*, было под Верденом, когда он, не колеблясь, применил шквал своих тяжелых орудий, чтобы отразить угрожающую немецкую атаку.

“Как мужчина, он, кажется, наслаждается вечной молодостью. Он невысокого роста, без шеи и с большой круглой головой. У него седые, пышные волосы, поношенные *en brosse*, и он кажется чисто выбритым, настолько коротко подстрижены его седые усы.

“Сразу бросаются в глаза две вещи: очарование его неизменной улыбки и быстрый блеск его карих глаз.

“Как рассказчик он неподражаем, в то время как как лектор, его удивительная сила выражения, владение словарным запасом и убедительное использование сравнений позволяют ему донести до своей менее эрудированной аудитории определенную долю своих обширных знаний. Это ни в коем случае не ограничивается военной тематикой, и его способность цитировать классиков отмечена, хотя он по крайней мере однажды опубликовал длинное стихотворение в томе, посвященном математике артиллерийского дела.

Как ярый филолог, он весь ощетинивается при звуке слова “*Tапсque*” из французских уст и начинает яростный крестовый поход против использования иностранных слов в качестве замены хороших французских эквивалентов.

“У него громкий и звучный голос, а речь сопровождается частыми жестами, его любимым жестом является прижатие левой руки к груди, как будто он подразумевает, что его высказывания исходят из его сердца.

“У него много характерных поз, и во время разговора часто можно увидеть, как он перекидывает свой *кепи* с одной стороны головы на другую. На самом деле его почти никогда не видно, разве что небрежно сдвинутым на одно ухо.

“Его восхищение кавалеристом, возглавляющим триумфальный въезд в город, сводится к нулю его убежденностью в том, что он бесполезен в современной войне. Он предпочел бы видеть победоносного генерала, входящего в город пешком в сопровождении *частинаемников*, как более типичного для современного поля боя.

“Он сам отличный ходок, и его часто можно увидеть в одиночестве, одетым, по своему обыкновению, в бледно-голубые гетры, пережиток униформы Империи, и летом без носков.

Эту последнюю привычку ему порекомендовал друг, и ее принятие им типично для мужчины в том смысле, что он всегда готов тщательно обдумать и лично испытать любой предложенный ему план.

“Этому качеству, добавленному к его огромному личному обаянию и обширному опыту, он обязан своему несомненному праву войти в число великих людей этой войны, успешное завершение которой всегда было мечтой его жизни”.

1 декабря 1915 года полковник Эстьен написал официальное письмо главнокомандующему французскими армиями, в котором он изложил идею нового двигателя войны точно так же, как полковник Суинтон ранее в том же году нашему собственному военному министерству. Несколько дней спустя ему дали интервью во французском генеральном штабе, где он смог подробно изложить свои теории относительно нового вооружения. Можно предположить, что здесь он получил некоторое поощрение, поскольку примерно через неделю после этого посетил инженерный завод Schneider Engineering Works в Париже и обсудил механические детали с руководством.

Но добрым семенам, которые полковник Эстьен посеял в Штабе, потребуется некоторое время, чтобы прорасти. Он вернулся к своему командованию, теперь артиллерией 3-го корпуса, в то время перед Верденом. Все это время он неофициально поддерживал связь с заводом Шнайдера.

Наконец, примерно 25 февраля 1916 года он узнал, что департамент артиллерии заместителя министра решил разместить заказ на 400 бронированных машин у компании Schneider.

Но примерно два месяца спустя, в конце апреля, он услышал еще более удивительную новость.

Департамент заместителя министра без одобрения главнокомандующего или какого-либо уведомления его, Эстьена, разместил заказ еще на 400 автомобилей другого и более тяжелого типа, приводимых в движение бензиново-электрическим двигателем.

Каким бы любопытным ни было их происхождение, эти 400 машин были действительно произведены и были известны как танки St. Chamond. Говорят, что именно на украденных чертежах этого типа немцы впоследствии основали свои еще более тяжелые ”Хагенсы“ и ”Шульцы“.

В течение лета новое французское министерство вооружений создало экспериментальную и учебную зону в Марли-ле-Руа, а в начале осени полковник Эстьен был назначен командующим французскими танками и, как мы уже говорили, делегирован, насколько это касалось этого подразделения, от главнокомандующего к Министерству вооружений.

Как и британцы, французы начинали нуждаться в названии для своей новой военной машины.

Но более логичные, чем мы, они выбрали вместо абсурдного, хотя и приятного прозвища “Артиллерия Ассо”, которое они сократили до букв “А.С.”, как более приятное на слух, чем “А.А.”

Очевидно, полковник Эстьен не имел ни малейшего представления о наших действиях в направлении “Ленд Крузера”.

Интересно предположить, с каким нетерпением он, должно быть, читал о том, что происходило на Сомме в течение двух недель, прежде чем его наконец назначили на новую должность. Его “сердце”, должно быть, действительно было “на нашем фестивале”, когда британские танки повсеместно приветствовались общественностью, и когда даже самые консервативные солдаты были вынуждены признать, что новое оружие, по крайней мере, заслужило право на дальнейшие испытания.

В октябре 1916 года в Шамплё, на южной окраине Компьенского леса, был открыт центр подготовки личного состава, и сюда в декабре была доставлена первая партия из шестнадцати танков Schneider, за ними в последующие месяцы последовали другие партии танков Schneider и St. Chamonds, пока в апреле 1917 года девять рот Schneider и одна рота St. Chamond и их экипажи не были готовы к бою.

16 апреля 1917 года французские танки приняли участие в своем первом сражении, сражаясь с 5-й французской армией при попытке прорыва через Шмен-де-Дам.

Из восьми задействованных рот Шнейдера пяти удалось достичь третьей и последней цели, но из-за отсутствия предварительной подготовки пехоты атака в целом была не очень успешной, и танки, хотя и сыграли чрезвычайно доблестную роль, серьезно пострадали.

Неделю или две спустя одна рота Сен-Шамона и две роты Шнейдера приняли участие в наспех подготовленной операции совместно с 6-й армией.

"Шнайдеры" действовали очень хорошо, но из шестнадцати машин St. Chamond только одной удалось пересечь немецкие траншеи. Все летние месяцы 6-я французская армия готовила очередное наступление к западу от Шмен-де-Дам, и для этого сражения, предупрежденные своим предыдущим опытом, пехота и танки усердно тренировались вместе, специальные подразделения, известные как *отряды сопровождения*, обучались тому, как помогать танкам перебираться через траншеи.

Но подвижный ум полковника Эстьена был недоволен. У него была другая идея. На этот раз его разум рассматривал идею атакующих сил в бронетехнике с несколько иной точки зрения.

Он представил себе волны вооруженных стрелков, атакующих в открытом порядке, причем у каждого человека, помимо доспехов, было скорострельное оружие, из которого он мог стрелять по мере продвижения.

Теперь броня, которая защитит от пулеметного и ружейного огня, слишком тяжела для человеческих ног. Броня должна приводиться в движение независимо. Более того, если его пассажир должен стрелять по мере продвижения, он должен нести его так же, как и самого себя. Это предполагает наличие двигателя, и если есть двигатель, должен быть второй человек, который присматривал бы за ним. Этот набор предложений он изложил фирме Renault в июле 1916 года, и был разработан дизайн знаменитого танка Renault.

Но Министерство ничего этого не хотело слышать.

Однако проекты были проработаны более детально, и в конце ноября 1916 года полковник Эстьен предложил главнокомандующему построить несколько таких машин. Некоторым, пояснил он, уже было приказано действовать в качестве “командных” танков для тяжелых батальонов. Главнокомандующий согласился на испытание.

Это, однако, состоялось только в марте 1917 года, и когда оно состоялось, министерство все еще не было убеждено.

Поэтому в мае были организованы еще одни демонстрации, когда, наконец, они перестали сомневаться, и, наконец, в июне 1917 года было заказано 3500 новых машин.

В октябре пять рот тяжелых танков, которые проходили подготовку все лето, были спущены на воду, когда 6-я армия нанесла свой удар под Мальмезоном.

Как и прежде, роты Шнейдера добились успеха, и снова почти все танки Сен-Шамон были неспособны даже вступить в бой.

Тем не менее, в конце октября общий вердикт заключался в том, что французские тяжеловесы оправдали себя, хотя многие солдаты старой закалки все еще сомневались в их полезности.

Но в ноябре британские танки участвовали в битве при Камбре, и все сомнения окончательно рассеялись у французов.

Можно себе представить, что полковник Эстьен не преминул привести факты, подтвержденные этим боем.

Это были факты, которые невозможно было отрицать или игнорировать. Министерство сняло свою хватку с тормозов, и с этого момента жизнь за кулисами Французского танкового корпуса стала счастливой. Было решено сформировать тридцать батальонов легких танков, каждый из которых должен был состоять из семидесяти пяти машин, и фирмы Schneider, Renault и Berliet приступили к их изготовлению, в то время как в Америке было заказано более тысячи машин.

Всю зиму 1917-18 годов французский танковый корпус, как и британский, продолжал тренироваться и организовываться.

Будущее французских танков обещало быть блестящим.

Эти непревзойденные составители “непрошенных свидетельств”, германский генеральный штаб, приписывал великие победы, которые французское оружие одержало в конце лета 1918 года, главным образом использованию “массы танков”.

Естественно, анналы французского танкового корпуса полны историй об отдельных подвигах храбрости.

Шеврель, Р.К., бригадный генерал 505-го полка, Шар Леже.

“В ходе атаки он отказался бросить свой танк, который оставался изолированным в немецких рядах. Защищенный своей башней, он непрерывно открывал пулеметный огонь по окружавшему его врагу и расстреливал из своего револьвера тех, кому удавалось приблизиться к танку и кто призывал его сдаться. В течение тридцати шести часов он ни разу не расслаблялся. Наконец спасенный нашими наступающими войсками, он немедленно приступил к демонтажу своего танка и вызвался поддержать дальнейшее продвижение пехоты, а затем привел свой танк к месту сбора.

Военная полиция и Гербовый крест с Пальмовой ветвью”. — Официальный вестник от 26 октября 1918 года.

Селлье, Пьер, бригадир 35-го полка 11-й тяжелой батареи.

“Этот солдат 18 июля, когда его танк был подбит снарядом, встал во главе пятнадцати американских солдат и направился к позиции, откуда немцы использовали множество пулеметов, чтобы отразить атаку. С ними он сразился из автоматической винтовки и вынудил немцев сдаться после часовой борьбы. Результатом этого акта стал захват пятнадцати офицеров, в том числе одного полковника, оружия и множества пулеметов.

Chevalier de la Légion d’Honneur and Croix de Guerre with Palm.”—Official Gazette.

Доктор Жиль, Рауль Жюль Гюстав, Сте. в 506-м полку, Шар Леже.

“Несмотря на то, что он был ослеплен ранами, он вернул свой танк во французские порядки, руководствуясь (сигналами, размещенными на его плечах) командиром танка Маршалом де Логисом Жозефом, который сам был ранен в живот.

Военная медицина и Гербовый крест с Пальмовой ветвью”. — Официальный вестник, № 2127 “D”, 26 июля 1918 г.

Полковник Эстье́н был повышен в звании до дивизионного генерала и получил галстук Почетного легиона, а главнокомандующий французскими армиями издал следующий специальный приказ того дня французскому танковому корпусу:

“Vous avez bien mérite (de) la Patrie.”

Американские танки

К моменту объявления Соединенными Штатами Америки войны (апрель 1917 г.) ценность танков уже была продемонстрирована в бою британцами в ходе наступления на Сомме, а к концу октября 1916 г. французы уже тренировались на своих первых машинах. Поэтому неудивительно, что американцы, с их большим опытом обращения с тракторами (читатель, наверное, помнит, что именно американский трактор был главным ингредиентом в составе Mark I.), испытывали сильное желание включить это новое подразделение в состав своих Экспедиционных сил.

Полковнику Рокенбаху, который позже должен был командовать американским танковым корпусом в полевых условиях, было поручено начать предварительные приготовления. Он прибыл во Францию в июне 1917 года и последовал за генералом Першингом в Шомон, Генеральный штаб Соединенных Штатов, где немедленно занялся будущей организацией Корпуса.

К 23 сентября 1917 года было утверждено временное создание Американского танкового корпуса. Они должны были соответствовать по численности первоначальному Экспедиционному корпусу, который должен был состоять из двадцати дивизий и десяти запасных дивизий, то есть из одной армии. Американский танковый корпус во Франции должен был состоять из пяти тяжелых и двадцати легких батальонов с обычным составом штабных подразделений, рот складов, инструкторов и мастерских; а в Соединенных Штатах должен был сохраняться Учебный центр, вмещающий два тяжелых и два легких батальона. Когда американские экспедиционные силы были увеличены до трех армий, было разрешено создать новое танковое подразделение, соответствующее им. В каждой армии должно было быть по

пять бригад. Эти бригады должны были состоять из одного тяжелого и двух легких батальонов. Легкие танки должны были быть французского типа Renault, а тяжелые - британского образца. Первые танки, которыми были оснащены американцы, на самом деле были французского или британского производства, но как только на какое-либо предприятие были наложены санкции, производство танков в Америке получило развитие, и к моменту подписания перемирия было готово к отправке несколько тысяч машин американского производства.

Американцы были настолько увлечены танками, что частное предприятие не бездействовало, и в начале октября 1918 года во Францию прибыл трех с половиной тонный танк Ford. Этому танку действительно выпала честь стать первым танком американского производства, появившимся во Франции. Но, хотя он был чрезвычайно маневренным и удобным, его конструкторам не совсем удалось создать настоящую боевую машину. Однако его можно было производить быстро и в больших количествах, и, несмотря на его дефекты, в Америке сочли, что стоит продолжить его строительство, и традиция гласит, что было заказано не менее 10 000 таких маленьких танков Ford.

Осенью 1917 года ряд американских офицеров, которые позже должны были отвечать за организацию и обучение нового танкового корпуса, были отправлены с визитами в британскую и французскую бригады, чтобы узнать как можно больше как об ошибках, так и об успехах двух старых корпусов. К февралю 1918 года в Американский танковый корпус набралось большое количество добровольцев, некоторые из них находились в Англии в Вулле, которые должны были сформировать американское тяжелое подразделение, а другие (около 500) - в Бурге во Франции, где формировался Учебный центр для обучения легким французским машинам Renault. В Бурге находилось десять французских танков, которые использовались в учебных целях, и в течение лета, по мере увеличения числа обучаемого персонала, это число было увеличено, и в конце августа в Учебный центр для предстоящих операций были доставлены 124 танка Renault.

Два легких батальона были сформированы в бригаду под командованием полковника Г. С. Паттона, младший лейтенант, и они двинулись к выступу Сент-Михиэль. Здесь они вступили в бой вместе с Первой американской армией 12 сентября, что стало первым случаем, когда силы Соединенных Штатов сражались независимо.

Но, увы, это снова была наша Первая битва на Сомме! Никто до конца не понимал повадок новых зверей, и, к сожалению, обоим батальонам пришлось пройти более двадцати километров до места их стоянки от железнодорожной станции, и, поскольку местность в тылу была очень труднопроходимой, им вообще не удалось догнать пехоту в первый день. Сопротивление противника было, однако, очень слабым, поскольку они уже решили сдать Выступ, но несчастья все еще преследовали несчастные Танки. У них кончился бензин, а поскольку никаких припасов не было в наличии, на второй день они не смогли приступить к действиям.

Однако на третий день они все-таки вступили в бой, но к этому времени противник был полностью деморализован американской пехотой, и им ничего больше не оставалось, как принять сдачу нескольких пленных. Два батальона практически не понесли потерь и были выведены практически нетронутыми.

В следующий раз американские легкие танки появились в начале октября в Аргонне, в операциях, где они сражались бок о бок с французскими танковыми подразделениями. На этот

раз двум батальонам повезло гораздо больше, и хотя им, должно быть, сильно мешал тот факт, что у них и пехоты, с которой им предстояло сотрудничать, не было возможности тренироваться вместе, танки сослужили хорошую службу. Все машины были пущены в ход в первый день, хотя в первоначальном плане сражения предлагалось придержать резерв на второй день; но пехота была задержана, и вместо этого резервные танки должны были отправиться на помощь во второй половине первого дня. С этого времени и до 13 октября эти два батальона непрерывно находились в распоряжении пехоты. Но, как и у нас в первые дни, пехота, похоже, не имела четкого представления об использовании и ограничениях танков, и батальонам часто приходилось преодолевать много утомительных миль - во многом в ущерб своим машинам — без окончательного приказа вступить в бой. В одном или двух случаях они использовались для самостоятельной разведки и для штурмов без поддержки позиций, которые пехоте не удалось захватить. К середине октября пройденное большое расстояние и потери в боях привели к тому, что численность двух батальонов чрезвычайно сократилась, и они были сформированы во временную роту, которая сопровождала продвижение американских войск вплоть до заключения перемирия.

Третий легкий батальон также был мобилизован французами и снабжен семьюдесятью двумя танками. Вербовка также продолжалась, и только в Бурге насчитывалось не менее 7000 офицеров и рядовых, ожидавших приема в Корпус.

Между тем, 24 августа 1918 года 301-й тяжелый батальон США выехал из Вула во Францию и почти сразу же был отправлен в передовой район, где был присоединен сначала к 1-й, а затем к 4-й и 2-й британским танковым бригадам. С 4-й бригадой, а еще позже со 2-й танковой бригадой 301-й, как мы увидим в главах XX и XXI, было суждено принять участие в нескольких успешных операциях.

301-я почти полностью основывала свои методы обучения на британских традициях, и хотя американский танковый корпус, несомненно, внедрил бы собственные усовершенствования и методы, если бы война продолжалась, 301-я, будучи на протяжении всей своей действительной службы бригадой с британскими танками, очень мудро приняла боевую организацию, практически единую с британской. Их привычки различались лишь в незначительных деталях. Их процедура разведки, например, была почти точно такой же, как у нас, за исключением одного улучшения. Унтер-офицеры Специальной разведки освободили офицеров разведки, командиров танков и отделений от работы по руководству машинами на подходящих маршах. От танкодромов до пунктов сосредоточения танками командовали эти унтер-офицеры, которые непосредственно подчинялись офицеру разведки батальона. Эта система сработала чрезвычайно хорошо.

В последующих главах мы увидим, насколько достойным представителем как родов войск Соединенных Штатов, так и лучших традиций британского танкового корпуса 301-й батальон проявил себя в высшем боевом испытании.

В феврале 1919 года, к сожалению своих британских коллег, бойцы 301-го полка отплыли в Америку, когда генерал Эллес выразил чувства всех чинов своего корпуса в специальном приказе.

“15 февраля 1919 года.

“1. В связи с отбытием 301-го американского танкового батальона я хотел бы официально выразить свою признательность за оказанные им услуги.

2. Батальон практически является частью Британского танкового корпуса с апреля 1918 года и, полностью сохраняя свою национальную идентичность, сотрудничал с британскими войсками и адаптировался к британским методам с духом, который заслуживает самого полного признания.

3. В полевых условиях 301-й батальон, понеся тяжелые потери в своем первом бою при Бони, который мог бы сдержать менее решительные войска, вызвался добровольцем для участия в следующем бою, в котором, как и в последующих, он нанес тяжелые потери противнику при Бранкуре, Селле и Катильоне.

4. Я чувствую, что выражаю мнение всех командиров и военнослужащих, которые были с ними связаны, выражая искреннее сожаление по поводу ухода наших американских товарищей и желая им всяческой удачи в будущем.

(Подпись) Х. Дж. Эллес,
генерал-майор,
командующий танковым корпусом в полевых условиях”.

Танки в Палестине

Вторая и Третья битвы за Газу, апрель и ноябрь 1917 г.

“Газа еще держится, но все ее сыновья пали,

Все в одно мгновение были подавлены и пали”.

Самсон Агонист.

Танки, участвовавшие в битве на Сомме осенью 1916 года, оказались достаточно успешными, чтобы власти сочли необходимым проверить их возможности на каком-нибудь другом театре военных действий.

Соответственно, небольшой — очень маленький — отряд танков был направлен для “оказания помощи нашим войскам на Синайском полуострове”.

К сожалению, в конечном итоге было отправлено только восемь танков, и далее, ⁵¹“из-за досадной ошибки старые экспериментальные машины были отправлены вместо новых, как предполагалось”.

Таким образом, эксперимент был настолько миниатюрным, что нельзя сказать, что он доказал что-либо, кроме того, что и так было ясно, то есть общего предположения о том, что при некоторых механических модификациях танки идеально подходят для ведения войны в пустыне.

Танков было, конечно, слишком мало, чтобы оказать какое-либо влияние на исход войны в Палестине, и две битвы, в которых они сражались среди пальм и кактусов и залегли в фиговых рощах, представляют собой скорее любопытный, чем важный, эпизод в их истории.

Поле, на котором они сражались, походило на равнину Фландрии, одну из тех зловещих земель, которые, кажется, навеки обречены быть свидетелями борьбы людей.

52“Земля от Вади эль Ариш — древней ‘Реки Египта— - до Филистимской равнины в течение двух тысяч шестисот лет была ареной войны. Иногда завоеватели с севера, такие как Навуходоносор, Наполеон и Мехмет Али, или с юга, такие как Али Бей, встречались с врагом в Египте или Сирии, но чаще решающий бой велся у ворот. Аскалон, Газа, Рафа, Эль-Ариш - все эти имена известны в истории. Вверх и вниз по полосе обращенных к морю уровней маршировали великие армии Египта и Ассирии, в то время как евреи со страхом взирали на это со своих бесплодных холмов.... В этих воротах древней вражды теперь на долю Турции выпало вести переговоры со своим врагом”.

В декабре 1916 года небольшая рота из 22 офицеров и 226 других чинов под командованием майора Натта погрузилась на восемь танков в Девонпорте и Эйвонмуте и в январе высадилась в Египте.

Первым делом нужно было показать штабам различных боевых частей, с которыми им предстояло сотрудничать, что именно танки могут и чего не могут делать.

Поэтому демонстрации проводились среди песчаных дюн близ Килбана, деревни, расположенной между Порт-Саидом и Эль-Кантарой на Суэцком канале.

Однажды в феврале — точная дата кажется неопределенной53— подразделение получило приказ немедленно выдвигаться в зону боевых действий, и в течение трех часов после получения сообщения весь небольшой отряд со своими танками и вспомогательным оборудованием двигался в направлении передовой зоны. Задержка произошла на полпути, в Эль-Арише, который был захвачен совсем недавно, но на следующее утро эшелон с танками прибыл в пункт назначения, Хан Юнус, старую цитадель крестоносцев, окруженную фиговыми рощами и расположенную в глубине страны примерно в пятнадцати милях к юго-западу от Газы.

Здесь отряд оставался около десяти дней.

В течение этих десяти дней Первая битва за Газу подошла к концу.

Газа не была захвачена, поскольку, хотя мы сражались на ее улицах, мы просто не смогли продолжать атаку достаточно долго, чтобы сохранить то, что мы завоевали, из-за нехватки воды.

В своем донесении генерал Мюррей, главнокомандующий египетскими экспедиционными силами, охарактеризовал это как наиболее успешную операцию, которой только безводная природа страны помешала обернуться “полной катастрофой для врага”.

Нам пришлось снова отступить к нашим запасам воды, но мы немедленно начали готовить вторую атаку с большими силами.

На этот раз большие цистерны были установлены впереди и наполнены водой, доставляемой по железной дороге. Три недели тщательной подготовки были отведены на то, что должно было стать одной из самых ожесточенных битв на Восточном театре военных действий.

Мы должны были атаковать турецкие силы численностью около 30 000 человек, расположенные на фронте примерно в шестнадцать миль, между Газой на севере и Херейрой и Шерией на юго-востоке.

Два хребта, Шейх-Аббас и Мансура, тянутся почти под прямым углом к побережью и контролируют город Газу с юга, и захват этих высот был возложен на 52-ю, 53-ю и 54-ю дивизии.

На их левом фланге было море, а правый, на фронте Херейра, был защищен Пустынной колонной, состоящей из кавалерийских подразделений и Имперского верблюжьего корпуса, укомплектованного австралийским, новозеландским и британским персоналом.

Восемь танков должны были быть широко расставлены на решающих пяти милях пути атаки. Ближайшая к морю 53-я дивизия должна была иметь два танка, которые должны были находиться в резерве до тех пор, пока пехота не достигнет своей первой цели. Рядом с ними 52-я дивизия должна была иметь четыре танка, которые должны были поддерживать пехоту в атаке на хребет Мансура. В составе 54-й дивизии два танка должны были поддерживать атаку на хребет Шейх-Аббас. Сражение должно было состояться в два этапа; на первом этапе предполагалось взять внешнюю оборону турции, а на втором - прорвать внутреннее кольцо и захватить саму Газу.

Это была страна песчаных дюн, глубоких впадин и перекрещивающихся хребтов, лабиринт, превосходно приспособленный для обороны и содержащий бесконечные естественные пулеметные позиции. Между Газой и морем противник соорудил двойную линию траншей и редутов⁵⁴, “прочно удерживаемых пехотой и пулеметами, хорошо размещенными и замаскированными в непроходимых живых изгородях из кактусов, построенных на высоких илистых берегах и окружающих фруктовые сады на окраинах города”.

Танковый отряд был практически не способен вести разведку; были проложены маршруты к исходным позициям, а в удобных местах были созданы склады бензина и боеприпасов, но подготовка к наступлению была невозможна.

Все восемь танков достигли мест сбора до рассвета 17 апреля, и в ноль часов, на рассвете того дня, который обещал быть палящим, первая фаза атаки была успешно начата.

Наступление 53-й и 52-й дивизий стало полной неожиданностью для турок, и шесть танков вообще не вступили в бой в первый день, поскольку противник бежал из своих окопов и опорных пунктов в полном замешательстве, а медлительные Mark I и Mark II. не имели никаких шансов подобраться к нему. Внешняя линия обороны пала к семи утра того дня. Однако два танка на фронте 54-й дивизии пережили немало боев. Один получил прямое попадание и был уничтожен, но другой проделал замечательную работу по выбиванию противника из его окопов к северо-западу от хребта Аббас. Танк нанес тяжелые потери, и нашей пехоте оставалось только подойти и занять оборону, оставленную турками.

К вечеру три атакующие дивизии заняли удовлетворительные позиции на возвышенности и приступили к закреплению и подготовке ко второму этапу.

Утром 19 апреля мы снова атаковали, на этот раз более широким фронтом, французский военный корабль и два британских монитора поддерживали слева, а австралийцы - справа. Однако трем первоначальным дивизиям снова предстояло нанести главный удар.

Для семи уцелевших Танков была намечена очень жесткая программа.

Четверка с 52-м полком в центре, наконец, получила четыре линии обороны для атаки, и их порядки были изменены в ночь перед боем.

В 53-й дивизии два танка должны были действовать отдельно, каждый из которых выполнял последовательность задач, в то время как в 54-й танку-одиночке был отведен только один редут.

На этот раз турки были готовы к встрече с нами.

Один из танков 53-й дивизии, “Тигр”, возглавил наступление пехоты на своем участке. Враг был быстро отброшен от нашей первой цели, хребта Самсон. Танк двинулся ко второй цели, редуту Эль-Ариш, но пехота не смогла последовать за ним, и, пробыв в бою шесть часов и выпустив 27 000 выстрелов из своих пулеметов, Танк отступил, весь его экипаж был ранен.

На фронте 52-й дивизии наше продвижение встретило ожесточенное сопротивление.

Турки сосредоточили сотни пулеметов по всему фронту, но на этом участке их огонь был особенно интенсивным. Один танк смог сослужить хорошую службу на Аванпост-Хилл, которую он помог очистить до того, как получил прямое попадание.

Из трех других танков один упал в овраг, борта которого неожиданно обвалились под его весом; другой был выведен из строя прямым попаданием, в то время как третий в конце концов восстановился.

Целью танковых боев с 54-й дивизией был особенно сильный редут. Работы продолжались, но гарнизон вскоре сдался из-за продвижения танков. Наша пехота немедленно заняла позицию, которую турки немедленно приступили к обстрелу.

Вскоре танк был подбит, одна из его гусениц сломана, и турки, контратакуя, в конце концов захватили танк, пехоту и редут.

К наступлению ночи наше положение по всей линии фронта стало неблагоприятным. Левый фланг 54-й дивизии был более или менее в воздухе. На нескольких участках линии фронта мы были вынуждены покинуть недавно завоеванные главные хребты. Мы потеряли 7000 человек, наши войска были измотаны пылью и жарой, и им снова не хватало воды. Сражение пришлось признать неудачным. Танков было слишком мало и они были слишком старого типа для той работы, которую им поручили.

Однако их сотрудничество было высоко оценено, и считалось, что они обеспечили хорошую защиту пехоте.

Интересно отметить, что к моменту окончания сражения, как говорят, каждая из этих устаревших машин преодолела в среднем по сорок миль местности.

Третья битва при Газе

Вторая битва за Газу оказалась настолько безуспешной, что участвовавшие в ней войска пришлось вывести с их передовых позиций.

Танки были сосредоточены в фиговой роще в тылу. Здесь для них не нашлось работы, и они оставались до октября, получив подкрепление в виде трех машин Mark IV.

Теперь командование принял генерал Алленби, и предстояло новое наступление на Газу, поскольку город и его оборонительные сооружения фактически препятствовали нашему дальнейшему продвижению вдоль побережья или к Иерусалиму.

На этот раз нам предстояло действовать на еще более широком фронте. Обычные ударные части, те же три дивизии и восемь танков, должны были атаковать ближайшее побережье.

Рядом с ними смешанные силы французских, итальянских и вест-индийских войск должны были совершать ложные рейды в районе Аванпост-Хилл.

Напротив самой Газы должны были атаковать несколько кавалерийских дивизий, конных и спешенных, а от Херейры до Безр-Шевы австралийцы должны были предпринять синхронную атаку. Фактически, эта позиция должна была быть переломлена обширным фланговым движением.

23 октября 1917 года танки выдвинулись на новую станцию на берегу моря.

Отсюда, верхом на лошади и на лодке, был тщательно разведан новый район. Это была особая местность с живой изгородью из кактусов и прочным глинистым берегом, и в ней был вырыт настоящий лабиринт траншей. Это была страна маленьких фиговых рощ и небольших орошаемых садов, и ее тесные границы обеспечивали врагу бесконечное укрытие. Однако она была разделена на танковые сектора, и благодаря терпеливому труду командиры танков, наконец, сформировали более или менее связную картину сложностей. Офицеры-танкисты и унтер-офицеры были прикреплены к каждой бригаде, с которой им предстояло работать, за десять дней до сражения.

Большинству танков было поручено доставить припасы для личного состава, такие как проволока, пикеты, лопаты и мешки с песком для своей пехоты. Все это они должны были нести на своих крышах.

Первая фаза атаки, приуроченная к полнолунию за час до полуночи, должна была проводиться независимо от танков и состоять из атаки пехоты, защищенной ползучим заграждением. Пока продолжалась эта атака, шесть танков должны были отойти на исходные позиции, чтобы быть готовыми к наступлению в 3 часа ночи, два танка оставались в резерве. Следует отметить, что планы, подготовка и взаимодействие были в целом гораздо более полными, чем для Второй битвы за Газу, но, к сожалению, одна ошибка в той битве была повторена.

Шести танкам первой линии было предоставлено не менее двадцати девяти целей для атаки.

В одиннадцать часов ночи с 1 на 2 ноября началась первая фаза сражения.

156-я пехотная бригада атаковала холм Амбрелла, первую цель. Турки были застигнуты врасплох, сопротивление было незначительным, и даже их артиллерия, казалось, была слишком ошеломлена, чтобы стрелять.

Однако, к сожалению, дым сражения и густая дымка сделали атмосферу настолько плотной, что ни один луч ожидаемого лунного света не достиг сражающихся, и пехоте пришлось сражаться, а танкам совершать марш-бросок в полной темноте.

Кроме того, когда вражеская артиллерия наконец проснулась, она открыла шквальный огонь по нашим тыловым районам, где собиралась вторая волна. Однако все Танки благополучно прорвались и были на своих постах за полчаса до второго ноль-ноль в 3 часа ночи

Турецкое сопротивление к этому времени усилилось, и когда танки и свежая пехота двинулись вперед под сильным заградительным огнем, им пришлось столкнуться с упорным сопротивлением.

Два танка, приданные редуту Эль-Ариш, после упорного боя успешно вытеснили противника из окруженной крепости и пробирались через лабиринт траншей, кактусовых изгородей и садов за ними, когда один получил прямое попадание, а другой был подбит в темноте. Оба экипажа сразу присоединились к пехоте. Медленно, карабкаясь по илистым отмелям, часто сражаясь врукопашную в темноте, мы продвигались вперед. Турки сражались упорно, но дюйм за дюймом мы оттесняли их. Оставшиеся танки медленно двинулись дальше.

Наконец-то по всему побережью были взяты все цели. Танк № 6 захватил Морской пост и, сопровождаемый пехотой, двинулся вдоль траншей противника, прорвав проволоку до самого Берегового поста. Он последовательно атаковал три других опорных пункта и разместил свои боеприпасы в назначенном месте. Он снова продвигался вперед, чтобы атаковать одну изолированную турецкую траншею. когда одна гусеница сломалась, что положило конец блестящей подаче. Экипаж двинулся дальше, но Танк пришлось временно оставить.

Оба резервных бака загорелись из-за пустых мешков с песком, которыми были загружены их крыши, и загорелись от жара выхлопных труб.

Атака с побережья сделала свое дело, и контроль турок над Газой был ослаблен.

Другие атакующие, войска, выдвинувшиеся из Беэр-Шевы, полностью сломили сопротивление противника и отбросили его назад на девять миль по восьмимильному фронту.

Битва была решающей, и примерно после трехдневных боев наши войска наконец вошли в Газу. Наше упорство в атаках было хорошо вознаграждено. Зритель, комментируя битву, сказал: “Самсон разрушил ворота Газы, но генерал Алленби защитил ворота Палестины”.

В целом Танки увенчались успехом.

Все машины, кроме одной, достигли своей первой цели; четыре достигли своей второй, третьей и четвертой, а один танк достиг своей пятой.

Впоследствии все пять поврежденных машин были восстановлены.

Это была последняя танковая операция, в которой участвовала армия Палестины, поскольку по той или иной причине отремонтированные танки больше никогда не использовались.

Однако позже, во время отступления турок, у нас возникли большие трудности с окружением потрепанного и блуждающего турецкого арьергарда.

Мы почувствовали потребность в какой-нибудь овчарке, поэтому во Францию была направлена миссия с просьбой приобрести несколько танков Уиппет.

По иронии судьбы, эта миссия попала в штаб-квартиру танковых войск во Франции 21 марта, в тот самый день, когда началось немецкое наступление. Нет необходимости добавлять, что никаких Уиппетов отправлено не было.

Казалось, что для тяжеловесов не осталось работы, и поэтому Танковое подразделение передало свои машины в Артиллерийский отдел в Александрии и вернулось в Англию.

ГЛАВА XIII

НЕИЗВЕСТНОСТЬ — ЭПИЗОД “ДИКИХ КРОЛИКОВ” — НАМЕРЕНИЯ ВРАГА

История танкового корпуса с начала февраля почти до конца марта 1918 года - это история ожидания, стратегических ходов в неожиданных местах, усердных репетиций премьерных вечеров, занавес над которыми так и не поднялся, бесконечных приготовлений к событиям, которые так и не произошли.

И во всех ходах, на всех случайных участках или в открытом поле, когда в ежечасном ожидании немецкой атаки танки и их экипажи лежат наготове под живой изгородью, проявляются пинкертоновские усилия танкового корпуса по самосовершенствованию, его решимость завершить зимнюю подготовку.

Еще до середины января мы прекрасно понимали, что враг намеревался нанести удар, и нанести сильный. У него было изматывающее прикрытие. Мы росли, а он шел на убыль. Он по-прежнему превосходил нас, у него по-прежнему было больше свободных людей, но к середине лета он понял, что союзники будут превосходить его численностью.

Мы знали, что дома у него тоже были неприятности, от которых единственным спасением была победа.

Кроме того, мы давно знали, что до окончания войны, когда бы и каким бы ни был этот конец, мы должны ожидать последней отчаянной борьбы. Это был бы последний рывок раненого зверя, в котором он все еще мог бы вцепиться нам в глотки, последний ошеломляющий порыв урагана, который все еще мог бы привести корабль в замешательство и сокрушить.

Все признаки говорили о надвигающейся буре, но ни один не говорил, с какой стороны нам следует ее ожидать. Немцы концентрировались таким образом — у основания большого выступа, образованного их линией, — что они могли нанести свой удар везде, где это могло в последний момент показаться им выгодным.

К лучшему или к худшему, было решено, что имеющиеся у нас силы должны быть беспристрастно распределены по всей линии. Не то чтобы у нас был большой выбор, поскольку

с нашими ограниченными ресурсами концентрация в какой-либо одной стратегической точке должна означать фактические бреши в нашей обороне в других местах.

Потому что в январе мы захватили еще сорок миль линии фронта, а людей, о которых так часто ходатайствовало Верховное командование во Франции, к ним не прислали.

Нас ждали трудные три месяца, и удерживать растянутую линию обороны было всем, на что мы могли надеяться.

Весенняя кампания Великобритании и Франции должна быть оборонительной. Русского фронта больше не существовало, и до тех пор, пока американцы не будут готовы — что могло произойти не раньше середины лета, — немцы будут иметь численный перевес почти в четверть миллиона человек. Кроме того, их положение на внутренних линиях и превосходные боковые железнодорожные коммуникации могли в любой момент обеспечить им подавляющее местное превосходство.

Однако раньше мы сталкивались с худшими шансами. Мы могли сформировать сильную линию и хитроумные схемы защиты, по которым противник напрасно бил. Нашей первой защитой была глубокая передняя зона. Она состояла, во-первых, из линии аванпостов, а во-вторых, из “линии сопротивления”.

Линия сопротивления была проложена чрезвычайно тщательно. Примерно через каждую милю были устроены редуты особой прочности, так что на этом участке атакующие попадали в ловушку за нашей проволокой и оставались под перекрестным огнем наших пулеметов.

Фактически, эта линия должна была предложить “участки” сопротивления и таким образом нарушить упорядоченное продвижение противника, который должен был прибыть на следующую линию, в “зону боевых действий”, ослабленным и дезорганизованным.

Здесь должен был развернуться главный бой, и на эту зону мы потратили все наше мастерство и усердие, но, будучи уверены, не подготовили серьезных позиций в тылу.

Танки были расставлены по всему шестидесятимильному фронту.

Под Ленсом в районе 1-й армии находилась 1-я танковая бригада.

2-я бригада находилась в резерве 3-й армии в Эплинкуре, недалеко от Бапома.

3—я бригада, которая находилась в процессе оснащения танками "Уиппет", также находилась в резерве 3—й армии.

4-я бригада была придана 5-й армии и обосновалась в лагерях близ Перонна.

5-я бригада находилась в процессе формирования, и поэтому перед ней не было поставлено определенной задачи, хотя, как мы увидим, 13-я (ее ядро) Батальон действительно побывал в значительных боях.

Каждая танковая бригада разработала схему обороны совместно с армией, к которой она была прикреплена. Как правило, танки, которые подтягивались настолько скрытно, насколько это было возможно, должны были находиться в засаде до последнего момента, а затем, появляясь,

как описал это генерал Эллес, “подобно диким кроликам из своих нор”, обрушиваться на немцев с фланга или тыла.

Его фраза пришлась по душе танковому корпусу, и весь этот период *tout court* часто называют “Дикими кроликами”, к некоторому недоумению непосвященных.

II

Их планы были подготовлены, танки на позициях, после тщательной разведки танковый корпус ждал - процесс, который все войска считают утомительным и деморализующим, если только не будут найдены какие-то действительно выгодные способы использования их времени.

Для танкового корпуса насущной потребностью в тот момент было дальнейшее обучение. Несколько батальонов были преждевременно отозваны с незаконченных курсов, некоторые были почти свежими, и им еще предстояла большая часть тактической подготовки. Повсюду были подразделения и отдельные лица, которые должны были восполнить потерю “посещаемости школы”.

Большая трудность заключалась в том, что батальоны и даже роты были настолько рассредоточены, что собрать студентов для обучения было практически невозможно.

О регулярных учебных программах не могло быть и речи, поэтому руководители танковой подготовки немедленно приступили к разработке новых курсов, которые соответствовали бы изменившимся обстоятельствам.

В некотором смысле Разведывательная сторона преуспела лучше всех.

Их главный учебный материал — реальная страна, за которую предстояло сражаться, — предназначался для изучения их студентами, и даже когда ученики были настолько разбросаны, что не удавалось собрать достаточную аудиторию для официальной лекции, можно было реализовать множество хитроумных практических схем и всегда можно было выполнить письменную работу.

У них был довольно определенный стандарт, к которому они должны были стремиться. Если бы батальоны оставались в районах проведения учений, каждый офицер и рядовой прошли бы пятидневный курс рекогносцировки. В обычных условиях такие курсы были организованы более или менее следующим образом:

В первый день студенты прослушали вводную лекцию, попрактиковались в нанесении слоев мелом, прослушали короткую лекцию по чтению карты, провели практическое сравнение карты и страны, по которым им предстояло ответить на вопросы.

Во второй день обучали визуализации страны на карте, а также практиковались в помещении с моделью. Во второй половине дня отрабатывались зарисовки панорам, прослушивалась короткая лекция, проводилась некоторая визуализация и отрабатывалась характеристика достопримечательностей, а в завершение дня проводился ночной инструктаж.

На третье утро было проведено тщательное наблюдение за определенным сектором с использованием зарисовок и заметок, а также проведены практические занятия по обеспечению видимости. Позже студентов повели на “обзорный марш”, и, описав особенности

страны, которую они пересекли, они должны были написать отчет о новом секторе, который они наблюдали утром, и по этому отчету их позже допросили.

На четвертый день они посетили новый сектор, в котором ранее делали пометки на карте. Эти заметки они должны были сравнить с реальностью и понять, не ошиблось ли их воображение. Затем последовала лекция о препятствиях, обычно встречающихся на подходах маршах, и лекция о аэрофотоснимках с практической работой. Последовала ночная работа, особое внимание уделялось изучению звезд.

На пятый день косые и другие аэрофотоснимки были сравнены с реальной местностью, и была прочитана лекция, в которой были изложены особые моменты курса.

Иногда, однако, в период “Дикого кролика” лекции были возможны, и для этих случаев был разработан довольно новый тип дискурса, в котором рассматривались более широкие аспекты разведки и изучения местности.

Вспомнилась местная история: как люди жили и сражались в деревнях и на кукурузных полях, которые лежали непосредственно вокруг них; как группа благочестивых торговцев воздвигла ту огромную церковь—аббатство, которая стояла отдельно, в благодарность за спасение их города от чумы; как в этот маленький городок Революция привела Комитет общественной безопасности и как он проводил свои судебные заседания в кофейне Европейского отеля или как Бонапарт останавливался в том или ином замке по пути в Лагерь в Булони.

Или, опять же, лекция могла бы быть более строго военной и касаться места разведки среди военных искусств, а также действий и реакции одного рода войск на другой — вездесущей трилогии проволоки, траншей и пулемета, новых теорий работы артиллерии, последних достижений в тактике или действия новейших отравляющих газов.

Затем, когда какая-нибудь изолированная танковая рота или даже подразделение день и ночь стояли наготове у своих машин и лекции были невозможны, странствующий инструктор предлагал изгнанникам небольшие схемы для выполнения.

Типичными являются два следующих упражнения:—

“Две небольшие группы офицеров в разное время выходят на позиции, с которых открывается хороший обзор. Они выбирают ориентиры и т.д. И их особенности, делая заметки или наброски. На основе этих заметок или набросков каждая сторона задает три или четыре вопроса о достопримечательностях, общих наблюдениях, пройденных маршрутах и т.д. По возвращении обе стороны обмениваются вопросами, ответы записываются, и эти ответы возвращаются авторам вопросов для исправления.

“Уловочные вопросы, такие как “Сколько окон было в таком-то доме?”, конечно, не будут учитываться, и разрешены только полезные тесты.

Упражнение II.— Студента попросили набросать очертания коттеджа с расстояния около 800 ярдов. Затем он должен был оценить положение дома на карте и контурные линии местности, каков был бы внешний вид этого коттеджа с другой точки зрения. Затем он должен был сделать набросок этого гипотетического возвышения и, наконец, пройти по земле и сравнить свои фантазии с действительностью”.

Были также даны практические рекомендации по приближению марш-бросков с помощью упражнения по прокладке ленты и ориентированию по компасу.

III

И все же немцы сдерживались, а мы все ждали и размышляли о том, что может сулить нам предстоящая кампания. Для Танкового корпуса это, казалось, определенно предвещало новую форму ведения боевых действий — танковую дуэль.

О приготовлениях немцев ходили всевозможные слухи, и сводки разведки танкового корпуса за конец февраля полны мелких сведений совершенно нового рода.

На заводе Круппа определенно производились какие-то танки.

Были пойманы заключенные, которые описывали их как более крупные и тяжелые, чем британские машины. У нас были основания полагать, что людей отзывали из некоторых других частей для формирования танковых экипажей.

Затем, в Сводке следующего дня, сообщалось, что летчики обнаружили, что в некоторых полковых, бригадных и дивизионных тренировочных схемах, которые проводились противником, использовались лошади и повозки, представляющие собой танки. По-видимому, репетировались всевозможные комбинированные атаки пехоты и танков. Опять же, некоторые недавно захваченные пленные говорили, что несколько брошенных танков, которые немцы захватили в Камбре, приводились в порядок, как они, по-видимому, думали, скорее как учебные, чем как боевые машины.

Можно себе представить, что представление о новой войне, о том, что они впервые встретятся со своими сородичами в бою, было чрезвычайно интересно всем чинам танкового корпуса; и не было ни одной хижины в ни одном лагере, где не были бы по-настоящему разработаны замечательные новые идеи по тактике и маневрам, с помощью которых можно было бы уничтожить нового врага.

Мы не знали, что впереди нас ждали горечь и тревога долгого отступления; отступления, желчь и полынь которого проникли в самые наши души и о запутанных событиях которого даже сейчас почти невозможно написать ни с точностью, ни беспристрастно.

ГЛАВА XIV

МАРШ-ОТСТУПЛЕНИЕ

“В миле от города,

Толпа запрудила пути;

Страшное это было зрелище

На протяжении двух долгих ночей и дней.

“Для пожилых людей на костылях,

И женщины, беременные,

И матери , рыдающие над младенцами

Который прижимался к ним и улыбался,

И больных людей, переносимых на носилках

Высоко на шеях рабов,

И отряды обожженных солнцем земледельцев

С жатвенными крюками и шестами.

“И стада мулов и ослов

Нагруженный бурдюками с вином,

И бесконечные стада коз и овец,

И бесконечные стада крупного рогатого скота,

И бесконечные вереницы повозок

Который заскрипел под тяжестью

Мешков с зерном и хозяйственных товаров,

Перекрыл все ревущие ворота.

“Теперь, с тарпейской скалы,

Могли ли бледные бюргеры шпионить

Линия пылающих деревень

Красное в полуночном небе.

Отцы города,

Они сидели всю ночь и день,

Каждый час появлялся какой-нибудь всадник

С тревожными вестями”.

Лорд Маколей.

Я

Примерно 14 марта воздушная разведка предупредила 3-ю и 5-ю армии о том, что в тылу противника происходит новое злоеущее сосредоточение.

Следует помнить, что эти две армии, которым были приданы 2-я, 3-я и 4-я танковые бригады, удерживали рубеж, пролежавший между Буллекурмом на севере и Сен-Кантенем на юге.

Позади них лежали старые поля сражений на Сомме, а вокруг них была сухая, довольно голая равнинная местность с небольшим количеством лесов, разделенная широкими долинами, пересекавшими ее с востока на запад. Это была часть линии, по которой, как мы давно предполагали, может быть нанесен удар.

3-я и 5-я армии, теперь уже поднятые по тревоге, немедленно приступили к рейду на врага и, захватив нужных пленных и осмотрев их, получили одну и ту же историю.

Четверг, 21 марта, должен был стать днем нападения.

Погода, которая была ясной в течение недели или двух, испортилась во вторник, 19-го, и весь день лил сильный дождь. В ночь на 20-е поднялся густой туман и густо покрыл холмы. Такие погодные условия только делали атаку более уверенной, и по всей линии фронта танки были выдвинуты на отведенные им позиции.

В два часа ночи 21-го британская линия обороны была предупреждена о готовящемся нападении. Передовая зона была уже полностью укомплектована, но в 4.30 был разослан приказ о укомплектовании зоны боевых действий. И этот приказ не был преждевременным. Над позициями все еще густо висел туман, и под его прикрытием немцы тайно подтягивали свои войска, пока по всему фронту между Буллекурмом и Ла-Фером они не сосредоточили тридцать семь дивизий на линии, расположенной чуть более чем в миле от наших передовых постов.

Драма вот-вот должна была начаться. Без четверти пять все немецкие батареи от Марны до Дюнкерка открыли огонь. Такой бомбардировки раньше никто не знал, и она достигла своего апогея на фронтах 3-й и 5-й армий.

Потоки газовых снарядов и бризантных взрывчатых веществ были обрушены на наши передовые и боевые порядки, на наши штабы, на позиции нашей артиллерии и на все наши линии связи.

Батареи 3-й и 5-й армий отвечали, как могли, но из-за тумана наши артиллерийские наблюдатели были беспомощны. Ничего не было видно на пятьдесят ярдов впереди, и немецкий огонь, казалось, обрушивался на нас с какой-то чужой планеты.

К 8 или 9 часам первые группы немцев начали продвигаться вперед, чтобы перерезать нашу проволоку тут и там вдоль фронта атаки и незаметно просочиться через линию наших застав.

Мы начали понимать, что враг ведет себя самым необъяснимым образом. Даже к 10 часам — насколько мы могли судить в суматохе — он, казалось, в некоторых местах вообще не предпринимал попыток пехотной атаки. В других случаях компактные, но явно изолированные небольшие группы гвардейцев, или кокшаферов, или солдат из какого-нибудь другого отборного полка прорывались прямо через нашу передовую зону и оказывались далеко за пределами мест, где перекрестный огонь наших пулеметов должен был остановить их, прежде чем люди в редутах, полуослепшие в облаках газа, поняли, что немцы пересекли Ничейную землю. Снова и снова гарнизоны подвергались нападению с тыла, прежде чем они успевали послать какое-либо предупреждение людям, находившимся в зоне боевых действий. Когда они все-таки попытаются подать сигнал, корабль будет скрыт туманом.

Слишком часто первым известием об атаке, достигавшим наших батарей, было появление немецкой пехоты на их фланге и в тылу.

Не оставалось ничего другого, как выкашивать врага в упор, пока, наконец, орудийные расчеты не будут сметены нахлынувшей волной.

Как и при Ипре, мы с удивлением почувствовали, что столкнулись с тактикой, с которой никогда раньше не сражались. Наше предположение оказалось совершенно правильным. Это была система внезапности, и теория *Штурмтруппена* была доведена до своего крайнего завершения. Мистер Бакан сравнил новый метод с движением руки, кончики пальцев которой обуты в сталь, проталкивающуюся в мягкое вещество.

На практике штурм проводился следующим образом: атаке пехоты предшествовала короткая, но чрезвычайно интенсивная бомбардировка, при которой использовалось большое количество газа.

За этим последовало продвижение с неравномерными интервалами групп высококвалифицированных штурмовых войск, вооруженных легкими траншейными минометами или пулеметами (каждая группа действительно представляла собой своего рода живой танк. Действительно, для нас было хорошо, что они были всего лишь из плоти и крови, без брони и двигателей.) Эти группы, за которыми внимательно следили и поддерживали полевые батареи, образовали бреши, через которые хлынули линейные войска, управляемые сложной системой сигнальных ракет.

Таким образом, каждое звено обороны может оказаться зажатым между “пальцами” — обойденным с фланга и окруженным.

Каждым отрядом наступающего противника командовал специально обученный офицер, чье руководство в целом являло собой образец мастерства и инициативы; каждому отряду было приказано продвигаться вперед, насколько позволяли его силы, и каждый солдат имел железный паек на несколько дней.

Когда один полк продвинулся настолько далеко, насколько это было возможно, его место занял другой, таким образом, волны наступления перескакивали друг через друга бесконечной цепью.

Опасность такой тактики очевидна, но 21 марта система продемонстрировала поразительный успех.

II

Как и во всех катастрофах, события, казалось, развивались со страшной быстротой.

За мгновение до автомобильной аварии вы свободный человек; мгновение после - и вы вовлечены в бесконечную череду последствий, которые возникли, пока вы могли задерживать дыхание, и среди грибов, разрастающихся, вы можете блуждать всю оставшуюся жизнь.

Через пять часов после начала немецкой канонады мир, казалось, изменился для двух армий, стоявших на пути урагана.

В течение следующих четырнадцати дней немцам предстояло продвинуться вперед на сорок миль, и даже тогда их продвижение должно было быть остановлено не британской армией, а постепенным ослаблением их системы снабжения.

Все четырнадцать дней отступления прошли в полном замешательстве. Подразделения были неразрывно перемешаны, и связь была невозможна.

Младшим командирам всегда приходилось предпринимать какие-то немедленные действия в связи с информацией, которую они справедливо считали недостоверной. На фланге любого отдельного корпуса часто было больше немцев, чем на его фронте. Когда мы пытаемся сформировать какое-либо общее представление о событиях того периода, нам кажется, что актеры движутся в каком-то тумане, из которого они на мгновение появляются, выполняют какое-то действие, которое может показаться уместным, а может и не показаться, а затем снова исчезают в сумятице, оставляя нас гадать о смысле пьесы. Насколько события того времени могут быть описаны в хронике, мы предлагаем в течение этих двух недель отдельно следить за действиями трех танковых батальонов, в основном задействованных, и не прилагать никаких усилий, чтобы представить целостную картину этого возвращения к царству “Хаоса и старой Ночи”.

4-й и 5-й батальоны (4-я бригада) находились близ Картины (к югу от Перонна).

Утром 21-го два танковых батальона были выдвинуты на линию фронта, два танка 4-го батальона контратаковали у Пизьера и очистили от противника перерезанную железную дорогу.

22-го числа всем танкам был отдан приказ вступить в бой. Пехота отступала, и их главной обязанностью было выиграть время и прикрыть это отступление.

Двенадцать танков 5-го батальона атаковали противника в Хервилли Вуд и несколько танков 4-го батальона близ Эпехи. Оба подразделения понесли довольно серьезные потери.

На данный момент два батальона, похоже, более или менее разделились.

Той ночью семнадцать танков, принадлежащих 5-му батальону, собрались в Картины, а на следующий день (23-го) получили приказ отойти за Сомму.

Единственным доступным местом для переправы был мост в Бри, в нескольких милях к югу.

Они немедленно отправились в путь, но продвижение врага было слишком быстрым для них. Они не смогли пересечь мост, и, чтобы не попасть в руки врага, все машины были уничтожены их экипажами.

История одного из этих танков рассказана в Истории 5-го батальона:

“Танк младшего лейтенанта Т. Э. Ван Зеллера прикрывал отход пехоты через Сомму, двигавшуюся от Картины к Бри на восточном берегу реки. Он нанес противнику тяжелые потери и находился под сильным и непрерывным артиллерийским обстрелом. Прибыв в Бри поздно вечером 23-го, он обнаружил, что мост вот-вот будет взорван и что его танк не сможет переправиться. Соответственно, он уничтожил свой танк, а затем приказал своему экипажу помочь перенести раненых через мост. Обнаружив, что двое серьезно раненых остались

позади, он решил вместе с тремя членами своей команды попытаться спасти их в последний момент.

“Когда они были на полпути, мост был взорван впереди и позади них. Младшему лейтенанту Ван Зеллеру, однако, удалось переправить весь отряд через обломки под сильным артиллерийским огнем и, в конце концов, вернуть их за наши позиции на западном берегу реки.

“За это он был награжден званием магистра, а трое членов его экипажа, участвовавших в последнем отважном усилии, были награждены Военной медалью”.

Были и другие места, где теперь “спешившиеся” танкисты могли переправиться через реку.

Но у них не было средств передвижения, и поэтому они были вынуждены сжечь или иным образом уничтожить большую часть своих припасов и снаряжения.

Действительно, как правило, пушки Льюиса от танков были их единственным спасением.

Однако один старший сержант спрятал или закопал несколько своих инструментов, и шесть месяцев спустя, когда британское наступление снова отступило, они были найдены.

К 24 марта батальон потерял все свои танки. Но почти во всех случаях пушки Льюиса были отремонтированы.

Когда экипажи отступили, они были немедленно организованы в стрелковые подразделения "Льюис" и распределены вдоль линии фронта везде, где их помощь была наиболее необходима.

Полковнику О'Келли, командующему 5-м танковым батальоном, пришлось проявить собственную инициативу в этом вопросе, поскольку коммуникации к этому времени были безнадежно дезорганизованы, а необходимость в этом возникла незамедлительно.

Однажды также был отправлен отряд, который, так сказать, исчез, и каждой стороне пришлось полагаться на своего отдельного командира.

Экипажи танков не были обучены ведению такого рода боевых действий, но странные дилеммы, в которых часто оказывается танк, приучили их к неожиданностям, и, таким образом, оставленные в покое, они проявляли много инициативы.

Главная работа, которая выпала на их долю, заключалась в формировании арьергардов и прикрытии отступления пехоты.

Продовольствия и боеприпасов не хватало, и они, как и другие войска, перенесли много лишений.

Каждый из этих стрелковых отрядов Льюиса состоял примерно из четырех офицеров и сорока солдат, и обычно у них было с собой двенадцать пушек Льюиса.

Три таких отряда сражались близ Масвиле и Мерленкура, другие - близ Виллер-Бретонне, Ке, Харбоньера и Маркура, и общее отступление привело их почти к Амьену.

Снова и снова небольшим отрядам не удавалось вовремя получить приказ об отходе, и им приходилось пробиваться обратно с боем после того, как они были окружены и отрезаны противником.

Иногда они сражались с французской пехотой, но в основном с шервудами, королевскими стрелками и королевскими стрелками 19-го корпуса.

Была проделана исключительно хорошая индивидуальная работа, о чем свидетельствует список отличников. История подразделения 5-го батальона дает типичную картину:

55“5-й отряд под командованием лейтенанта Питта состоял из младших лейтенантов Уайта и Сорма, сорока одного человека и семи орудий. 28 марта этот отряд был присоединен к "Силам Кэри" и получил приказ удерживать оборону по обе стороны дороги ВиллерБретонне— Варфузе—Абанкур, позиции, которые следовало удерживать в течение двух дней любой ценой.

Устанавливая орудия, лейтенант Питт был ранен, и командование принял младший лейтенант Уайт.

- Артиллерийское отделение “Виккерс” находилось на позиции к северу от дороги, поэтому младший лейтенант Уайт разместил свои орудия на южной стороне. Пехота, удерживавшая оборону в этом месте, состояла из мужчин низшей категории и выздоравливающих, и не более двадцати человек имели какой-либо опыт обращения с винтовкой.

“В 18:00 28-го числа было получено сообщение, что противник собирается атаковать, и с близкого расстояния по ним был открыт пулеметный огонь.

Пехота начала отступать, но была собрана младшим лейтенантом Уайтом и капитаном Бингхэмом, М.К., и отведена на их прежние позиции.

Затем младший лейтенант Уайт принял командование этим участком. В 10 часов вечера противник снова атаковал, но снова был отброшен огнем орудия Льюиса.

“На следующий день (29-го) противник предпринял атаку справа, но она была полностью отбита анфиладным огнем орудий младшего лейтенанта Уайта, противник понес чрезвычайно тяжелые потери. Некоторое облегчение было оказано в ночь с 29-го на 30-е кавалерией, подошедшей справа от этого сектора.

“Вражеские пулеметы и снайперы были очень активны, но двое из первых и три снайпера были уничтожены огнем пистолета Льюиса. Младший лейтенант Уайт удерживал оборону до 10.30 вечера 31-го, когда его сменили австралийские войска.

“За доблестную защиту этой позиции младший лейтенант Уайт был награжден званием магистра

“Капрал С. Арчболд, работавший под командованием младшего лейтенанта Уайта, проявил заметную храбрость в эти трудные дни. В одиночку он управлялся со своим пистолетом Льюиса, переносил его и боеприпасы на новую позицию, стреляя из него и заряжая магазины без посторонней помощи в течение двадцати четырех часов. За этот период он помог отбить две вражеские атаки.

“30-го числа он был ранен снайпером в голову, но продолжал работать с оружием весь день, пока его офицер не приказал ему отправиться на перевязочный пункт. Эта преданность долгу принесла ему звание D.C.M. Другой член этой партии, П.Т. У. Лайон, был награжден званием М.М. за передачу важных сообщений среди бела дня по открытой местности под сильным пулеметным и ружейным огнем с расстояния 200 ярдов”.

В период с 24 марта по 2 апреля 5-й батальон отправил в линию фронта в общей сложности восемьдесят четыре орудия Льюиса с экипажами.

Ушли все свободные люди: повара, офицерская прислуга, писари и санитары. Они понесли тяжелые потери, и 4 апреля батальон, или то, что от него осталось, был доставлен в Оши на грузовике.

Здесь они достали ружья Хочкиса и снова начали тренироваться. Но их недолго оставили в покое.

12 апреля они получили приказ снова сформироваться в стрелковый батальон Льюиса, и на следующий день их снова обнаружили на передовой, на этот раз в Метерене, недалеко от Хазебрука, где они сменили пехотный батальон, который удерживал линию разграничения через деревню и изолированный пункт возле церкви Метерен. 15 апреля они получили известие, что противник захватил высоту между Нев-Эглиз и Байелем, а 16-го враг продвинулся на Метерен.

“Прорвавшись через участок траншеи, который был оставлен без присмотра, они оттеснили пехоту справа, а также роту ‘Б’ и встали позади последней. Секция № 8 была полностью отрезана и утеряна.

Младший лейтенант Картер проявил большое присутствие духа на этом этапе. Он был офицером разведки своей роты. Увидев положение, созданное вражеским прорывом, он немедленно сплотился и реорганизовал различные отряды, когда они отступили и заняли позицию в тылу. Он все время находился под сильным артиллерийским обстрелом.

“Положение роты “С” тогда стало шатким.

Младший лейтенант Доусон при содействии младшего лейтенанта Бейлисса немедленно вывел четыре своих орудия на открытое место, прикрыл теперь открытый фланг и задержал атаку. В ночь с 27-го на 28-е он вырыл траншею, соединив эти изолированные посты с нашей первоначальной линией, и разместил свои орудия в этой новой траншее. Противник установил два орудия за живой изгородью примерно в 200 ярдах перед позицией. Однако эти два орудия были выведены из строя до того, как был произведен выстрел. Немцы также попытались собраться за этой же изгородью для атаки, но были отброшены с большими потерями. Эта хорошо продуманная оборона, выполненная на всем протяжении под фронтальным и анфиладным огнем, спасла роту от атаки, которая поставила бы под угрозу всю позицию”.

17 апреля батальон, за исключением двадцати орудий, был заменен горцами Аргайла и Сазерленда. После оказания помощи в отражении еще одной серьезной атаки оставшиеся орудийные расчеты были, наконец, выведены и присоединились к остальной части батальона в Мон-де-Кот.

24 апреля подразделения 5-го батальона, которые помогали удерживать рубеж перед Кеммелом, были в ожесточенных боях.

Враг атаковал после ожесточенной бомбардировки, и холм Кеммель был взят.

29-го числа противник открыл шквальный огонь по газу и его превосходительству и атаковал Мон-Руж большими силами. Их прогоняли, но они возвращались снова и снова, и всегда их отбивали.

Наконец, в первых числах мая батальон был сменен и отправлен обратно в район тренировок и отдыха в Бланжи, дивизионный генерал похвалил оружейные расчеты за их поведение в полевых условиях.

История 4-го батальона очень похожа на историю 5-го. Все последние дни марта происходили одни и те же душераздирающие разрушения машин, у которых закончился бензин или смазка, или были какие-то незначительные дефекты, на устранение которых не было времени. Снова пришлось сжечь аптечки и бытовые материалы, и снова ружья Льюиса были залечены. Были сформированы обычные стрелковые подразделения Льюиса, но на этот раз сражений было не так много, их главное сражение состоялось 26 марта на дороге Брей-Альберт, где они проявили себя чрезвычайно хорошо.

2-й батальон находился недалеко от Марикура, когда произошла авария, и двадцать пять его танков вступили в бой днем 22 марта.

56“Танки должны были появиться в поле зрения, когда они пересекали дорогу Бапом-Камбре, и как только противник заметил их вступление в бой, по ним был открыт очень сильный пулеметный огонь, за которым через несколько минут последовал сильный артиллерийский огонь прямой наводкой. Несколько танков были подбиты снарядами почти сразу, как только они оказались среди вражеской пехоты, которая, как оказалось, была очень многочисленной, как будто готовилась к дальнейшему наступлению.

“Появление танков, по-видимому, стало полной неожиданностью для пехоты противника, которая дезорганизовалась и в замешательстве отступила на некоторое расстояние.

“Танки провели атаку без какого-либо взаимодействия пехоты и практически без артиллерии.

Потери как в танках, так и в личном составе были тяжелыми, но атака достигла своей цели, поскольку расстроила планы противника и задержала любое дальнейшее наступление с его стороны почти на сутки. В то время Штабу было известно, что противник немедленно готовится к атаке, и появление танков сделало это невозможным.

“Первые танки вышли из строя около 7.30 вечера”

Из двадцати пяти танков, которые вступили в бой, только шесть вышли неповрежденными, и батальон был не в том состоянии, чтобы снова сражаться без реорганизации.

Но враг продолжал наступать, и дорогу Альбер-Бапом нужно было защищать любой ценой.

Итак, 24-го числа уцелевшие танки были укомплектованы и снова отправлены вперед, а экипажи без танков были сформированы в подразделения пушек Льюиса.

Они ждали всю ночь на 24-е, ожидая, что их пошлют вперед.

Никаких приказов не поступало до полудня 25 марта, когда их отправили в лагерь 3-й танковой бригады близ Брея, который позже в тот же день им было приказано сжечь, чтобы он не попал в руки врага.

Весь следующий день пехота отступала, а вместе с ней и орудийные расчеты Льюиса.

Некоторое представление о неразберихе можно составить из того факта, что в этот момент 2-й батальон был разделен не менее чем на восемь частей, ни одна из которых не могла достаточно быстро связаться со своими товарищами, чтобы сделать возможными какие-либо совместные действия.

У 8-го и 10-го батальонов все еще оставалось несколько танков в боевом порядке, и в тот день, когда 3-я армия была вытеснена через старое поле битвы на Сомме, они вели исключительно хорошие арьергардные бои по обе стороны дороги Альбер-Бапом. Танки получили специальную благодарность от генерала, командующего 3-й армией.

Другим инцидентом, подробностей о котором авторам не удалось получить, была операция, в которой участвовало танковое подразделение scratch, сформированное из всех боевых танков автошколы в Авелюи.

7-й батальон был одним из нескольких, которые не оказались на пути урагана, и, следовательно, не потеряли ни одного танка.

Однако определенное количество его бойцов было организовано в стрелковые подразделения Льюиса, и к середине апреля в них произошло значительное количество боев.

Одно такое подразделение было придано 61-й дивизии близ леса Ниппе и вместе с ними охраняло линию укрепленных блиндажей.

Там не было окопов, и местность была абсолютно плоской. Местонахождение противника было крайне неопределенным. Артиллеристы танка "Льюис" удерживали импровизированный рубеж примерно в полутора милях, их штаб находился в небольшом фермерском доме недалеко от Мервилля. Едва отряд занял позицию, как противник обрушил шквальный огонь.

Присутствовавший офицер разведки описал последующие события в письме домой:

Я вышел через северную дверь фермы. Пуля подлого снайпера просвистела над моей головой, потом еще одна и еще. Пули все летели с севера, и казалось, что фриц пробрался через город и нападет на нас с тыла. Это то, что он действительно сделал. Рядом со мной был убит сержант, и Нортон, [57-летний](#), велел мне вернуться в штаб дивизии и доложить о ситуации. После того, как я пробыл там около часа, вернулся посыльный и сообщил, что Нортон был ранен, и вскоре после этого мы услышали, что враг прорвался к северу от Канала. Как раз в этот момент подошел генерал Эллес и спросил, как обстоят дела, и, услышав, что на северной стороне Канала находятся несколько танков и люди другого батальона, сказал, что поднимется и посмотрит сам. У него был с собой адъютант, и он взял с собой и меня. Мы подъехали на автомобиле прямо к тому месту, где встретились с нашими людьми, которых оттесняли к северу

от Канала. Затем мы вышли из машины и пошли дальше пешком. На генерале была даже не жестяная шляпа, а красно-золотая. Он вышел за отступающую пехоту и, достав карту, провел военный совет, который не прерывали пулеметные очереди.

Затем он отослал меня назад на пару сотен ярдов и велел остановить каждого человека на определенном перекрестке, реорганизовать их и заставить занять новые позиции. Я так и сделал, и таким образом мы восстановили линию фронта. Генерал принял командование и устроил свой штаб в небольшом доме, пока его не вытеснили из него в соседний ров. Меня отправили обратно в штаб дивизии, чтобы доложить и получить еще немного боеприпасов. Когда я вернулся, ситуация была практически такой же, и мы неплохо держались. Затем генерал предположил, что мы могли бы посмотреть, в каких домах на самом деле находился враг. Во время этих расследований Ян Стюарт самостоятельно продвинулся вперед на нашем фланге и вступил в частный бой с ротой немцев, убив, среди прочих, того, кто был на велосипеде, а сам вернулся на захваченной машине с документами настоящего гонщика в кармане.

“Около семи часов вечера нас сменила новая дивизия, и я вернулся в штаб дивизии около девяти. На следующее утро командир появился вместе с остальной частью батальона”.

3-й танковый батальон, чей лагерь в Брее был уничтожен, теперь представлял собой полноценное подразделение "Уиппет".

В течение первых нескольких дней Уиппеты не видели настоящих боев, но были подвержены многочисленным тревогам и совершили множество бесплодных экскурсий с места на место.

В лагере Брэй, к сожалению, было некоторое количество машин для игры в Уиппет, которые были временно остановлены из-за неисправности двигателя.

Но не было ни запасных частей, ни времени на ремонт, и многие машины пришлось взрывать “незапятнанными”.

26 марта две роты 3-го батальона были переброшены в лес Майи-Майлет.

Как только прибыли машины, командиры рот отправились на разведку позиций возле деревни (Майи-Майе).

Результат их исследований типичен для всего ретрита:

58“Положение на фронте между Бомон-Амелем и Эбютерном оказалось очень неясным, между этими двумя пунктами, по-видимому, существовал разрыв в нашей линии. Единственные наши войска, которые удалось обнаружить, состояли из двух небольших постов численностью примерно в один взвод каждый на окраине Колинкампа, территория впереди и между ними была занята вражескими патрулями и пулеметчиками”.

Около полудня Уиппеты прибыли в деревню. Командирам частей объяснили ситуацию, и половина танков двинулась по главной улице, в то время как остальные охраняли два фланга.

Небольшой отряд нашей пехоты, удерживавший деревню, был готов отступить перед быстро наступающим противником, когда прибыли танки.

Танки продвинулись вперед почти за деревню, как вдруг на опушке леса они встретили 300 человек противника, наступавших сомкнутым строем.

Немцы были слишком удивлены, чтобы пытаться сопротивляться, и в беспорядке бежали.

Некоторые из них были подбиты пулеметами "Уиппета", и многие сдались пехоте, которая к этому времени уже прибыла.

Остатки войск рассеялись, и танки преследовали их до самых окраин Ошонвилье.

Два "Уиппета" оставались на патрулировании около часа, но дальнейших атак предпринято не было, и они вернулись в деревню около 3 часов дня. Позже, брешь в наших рядах была заполнена прибытием новозеландской дивизии. Это успешное небольшое действие интересно как первое в истории, в котором участвовали "Уиппетс".

В этот и последующие дни патрулировали еще несколько подразделений "Уиппетов" и тяжелых танков.

Несколько танков 10-го батальона дважды сражались в Россиньольском лесу, а "Уиппеты" 2-го батальона участвовали в бою близ Бузенкура во время ослепительного ливня.

Повсюду повторялась одна и та же история с деревнями, вопрос о принадлежности которых был "неясен", с разрывами в линии фронта, которые танкам приходилось преодолевать в течение критического часа или двух, часто стреляя из пулеметов по наступающим волнам противника, пока орудия не раскалялись и их не заклинивало, и танкам приходилось отступать. Часто они возвращались до тех пор, пока у них не заканчивался бензин, и экипажам приходилось взрывать свои машины.

Новые машины Medium A ("Уиппеты") зарекомендовали себя исключительно хорошо, и было на удивление мало случаев механических неисправностей.

В истории батальона описано множество прискорбных сцен, имевших место во время отступления, судьба жителей, для которых наш уход означал полное разорение, поразившее очевидцев как самая удручающая черта всего происходящего.

59“Во время вывода войск положение жителей деревни было плачевным. Можно было видеть, как обезумевшие от страха женщины, дети и старики с самыми живыми воспоминаниями о поведении немцев на оккупированной ими территории устремлялись на запад из своих домов, толкая перед собой на ручных тележках свои скудные пожитки и попеременно призывая на помощь своих Святых и обрушивая их гнев на ненавистных бошей”.

Отступление было трагичным не только для тех членов танкового корпуса, которым пришлось стать свидетелями величайших страданий этих крестных ходов. Тактики танкового корпуса испытывали меньшее огорчение при созерцании ужасающей потери танковых машин и людей.

Танки были слишком разбросаны, чтобы выдержать их вес.

60“Бить ими, когда они раздавались 21 марта, было все равно что бить открытой рукой, а не сжатым кулаком.

“Когда обрушился немецкий удар, не было времени нанести удар и одновременно сомкнуть пальцы”.

Из 370 танков, годных к бою, только 180 участвовали в боевых действиях, у очень многих машин заканчивались припасы или они были выведены из строя из-за какой-либо временной механической неисправности и поэтому погибли, не сделав ни единого выстрела.

Вина заключалась в том, что пехотные командиры, под началом которых они действовали, не до конца понимали функции и ограничения танка или понимали, что, поскольку окончательная потеря большого количества машин Mark IV. при таком отступлении была неизбежна, было бы гораздо лучше дать танкам побегать за их деньги.

III

Villers Bretonneux

Только после того, как немецкое наступление продлилось более месяца, танки противника наконец встретились в бою.

Противник отбросил нас на расстояние шести-семи миль от Амьена и теперь планировал более или менее массированную атаку на позиции на возвышенностях, которые фактически были внешней защитой не только города, но и жизненно важной железной дороги Амьен-Париж. Прорыв в этом секторе был бы серьезной катастрофой, а ситуация была тревожной. Погода стояла неустойчивая, и по утрам в районе Соммы часто бывал туман.

В 6.30 23 апреля на реке стоял густой туман, и под прикрытием этого тумана немцы атаковали всю линию фронта к югу от Соммы после короткой и особенно интенсивной бомбардировки.

Рота тяжелых танков 1-го полка и семь "Уиппетов" 3-го батальона были спешно переброшены во владения 3-го корпуса, к северу и югу от Виллер-Бретонне, где, по слухам, немцы собирались использовать танки, и действительно, когда, наконец, сквозь туман показались первые небольшие группы немецкой пехоты, их сопровождали три огромные фигуры.

Именно над танками этого типа, "Шульц" и "Хаган", с таким восторгом резвились лондонские мальчишки на параде Конной гвардии весной 1919 года. Теперь все, что мы могли видеть о них, пока они медленно продвигались сквозь туман, это то, что они были намного больше и тяжелее тяжелых британских танков и что они имели форму черепахи, бронированный "панцирь" повсюду спускался на гусеницы, как своего рода кринолин.

Они прорвались прямо через нашу линию, открыв путь пехоте, которая следовала за ними. Но три наших танка под командованием капитана Ф. К. Брауна, командира полка, случайно оказались на пути к тому самому месту (Каши), где атаковали немецкие танки. К несчастью, двое из троих были женщинами, от чьих пулеметов было мало толку против нового толстокожего врага.

Однако они продолжали, надеясь найти бреши в броне своих противников, но, несмотря на их превосходство в маневренности, обе женщины вскоре были подбиты снарядами немецких танков.

Одному танку-самцу под командованием лейтенанта Митчелла теперь противостояли три неповрежденные вражеские машины, каждая из которых была более тяжело бронирована, чем британский танк. Лейтенант Митчелл, однако, немедленно вступил в бой с ними и, после некоторого уклонения от залпов трех своих противников, которые, казалось, пытались

приблизиться к нему, ему удалось добиться прямого попадания одной из своих шестифунтовых пушек в ведущего немца. Он выстрелил еще дважды, каждый раз попадая в один и тот же автомат. Третий выстрел довершил его замешательство; пытаясь убежать, он упал в песочницу, где лежал на боку, а его гусеницы все еще безрезультатно дребезжали.

Когда первый противник окончательно вышел из строя, британский танк повернулся к двум другим.

Но они не стали ждать и уже незаметно поджали хвост, оставив лейтенанта Митчелла хозяином положения.

Таков был довольно бесславный конец первой попытки немцев встретить британский танковый корпус его собственным оружием.

Примерно полчаса спустя неподалеку от места этой странной стычки вступили в бой семь "Уиппетов", вышедших с севера от Кашиэ и атаковавших противника на гребне между Виллер-Бретонне и Хангард-Вудом. Гребень удерживали пулеметные группы, укрытые в воронках от снарядов, в то время как на восточных склонах два немецких батальона выстраивались на открытом месте, готовые к атаке. "Уиппеты" переходили от блиндажа к блиндажу, уничтожая пулеметные группы, а затем приступили к борьбе с пехотой. Их успех был ужасен. Они ворвались прямо в ряды врага, у которого не было абсолютно никакого прикрытия, искосили несчастных немцев, пока они стояли. По оценкам, по меньшей мере 400 человек из числа противника были убиты, а остальные в конце концов в замешательстве бежали, и угрожавшая атака была полностью сорвана.

Мало того, что эти два батальона были уничтожены, но к наступлению ночи стало ясно, что по крайней мере на какое-то время немецкое наступление определенно задержали какие-то обстоятельства. Мы не знали этого, но наша защита выдержала последние голодные позывы великого весеннего прилива.

Его импульс был слишком исчерпан, чтобы прорвать хрупкую плотину наших позиций в Виллер-Бретонне. Немецкое наступление достигло спада.

Произошел один инцидент, который искренне обрадовал оказавшихся в затруднительном положении бойцов Танкового корпуса. В самый мрачный момент отступления, когда машины десятками приносились в жертву, и когда серые волны немецкой пехоты, казалось, преследовали наших усталых людей бесконечным, неутомимым броском, генерал Эллес получил телеграмму от мистера Докера, председателя компании Metropolitan Carriage Company из Бирмингема:

“Рабочие Столичной транспортной компании единогласно приняли решение отказаться от любых праздников и сделать все возможное, чтобы ускорить доставку танков для оказания помощи своим товарищам на Поле боя”.

ГЛАВА XV

РАВНОВЕСИЕ—ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ—ХАМЕЛЬ—БАЛЛОН Д'Эссаи

Возможно, не будет излишней фантазией рассматривать сражения 24, 25 и 26 апреля, хотя они ни в коем случае не были одинаково удовлетворительными небольшими сражениями, как относящиеся к другой и более счастливой эпохе, чем сама битва при Виллер-Бретоне. 23-го числа мы боролись за свои жизни. В течение трех последующих дней боев становилось все более и более очевидным, что произошли изменения. Либо благодаря нашим отчаянным попыткам спасти Амьен, либо в силу каких-то более глубоких причин, какими бы измотанными и дезорганизованными мы ни были, мы снова начали сближаться с немцами. Перемена была незначительной, но от этого не менее ощутимой.

25-го несколько танков 1-го и 3-го батальонов сражались вместе с 3-м корпусом в контратаке на самую передовую из новых немецких позиций в Акуэн-ском лесу. Танки проявили большую активность, и нам удалось прорваться к некоторым передовым немецким постам.

26-го числа четыре танка 1-й бригады пережили интересный опыт.

Силы союзников на этом участке линии представляли собой весьма любопытную смесь родов войск и рас.

Сцена, произошедшая, например, в соседнем лесу примерно за десять дней до этого, так описана историком 1-го батальона:

“Аббатский лес представлял собой самое живописное зрелище, и любой, кто взял на себя труд прогуляться по нему, мог бы получить уникальный опыт наблюдения практически за всеми представленными родами войск как британской, так и французской армий. В этом лесу можно было найти танки всех описаний, Mark IV, V, "Уиппеты" и французские "Рено", тяжелую и легкую артиллерию, британскую пехоту, австралийцев, французскую кавалерию и пехоту марокканцев и, наконец, отряд Пограничного легиона верхом на маленьких арабских пони, которые представляли странный контраст с тяжелыми артиллерийскими "першеронами".

26 апреля 1-й батальон сражался совместно с марокканской дивизией.

Противник предпринял мощную атаку на фронт, удерживаемый этими войсками, в 6 часов утра 26-го, под прикрытием обычного сильного тумана. Однако очень скоро танковое подразделение под командованием капитана Гровса вклинилось прямо в ряды наступающих немцев и нанесло им тяжелые потери. Французская колониальная пехота, которая была вынуждена отступить, немедленно сплотилась и остановила немецкое наступление. В ходе боя танк младшего лейтенанта Уилсона оказался среди нескольких немецких тяжелых орудий, которые он атаковал картечью⁶¹ и пулеметным огнем, ранив большую часть их экипажей и убив остальных. Затем мистер Уилсон патрулировал вверх и вниз по некоторым траншеям, удерживаемым противником, и нанес им очень тяжелые потери своим анфиладным огнем. В конце концов, расстреляв все патроны в своем Танке, он решил вернуться, но пока он был в пути, его магнето сломалось. Однако он отправил обратно посыльного за новым магнето, и после того, как оно

было установлено, он вернулся к месту сбора, его танк понес общие потери в виде двух человек, получивших легкие ранения.

28-го другая рота того же батальона снова сотрудничала с Марокканской дивизией. На этот раз нападавшими были союзники, их целью был лес Хангард. Из-за ошибки четыре танка вступили в бой довольно поздно. Танк младшего лейтенанта Джонса, однако, вел очень хорошие бои, уничтожив большое количество пулеметных гнезд в лесу и в целом оказав большую помощь марокканской пехоте в ее продвижении. Танк оставался в Лесу до тех пор, пока не были израсходованы все его боеприпасы, а затем, поскольку пехота решила не предпринимать дальнейших атак, он был отозван и присоединился к своей Роте.

За исключением небольшой операции 1-го батальона 2 мая, танковый корпус не участвовал в боевых действиях в течение следующих шести недель, и только 4 июля они снова участвовали в каких-либо значительных действиях.

II

Общая ситуация в мае все еще была такова, что вызывала у нашего Верховного командования определенное беспокойство. После этого события легко проявить мудрость и сказать, что немцы, очевидно, опередили свой транспорт и перегнали ограниченную пропускную способность дорог в опустошенной местности, которая лежала у них за спиной. В начале мая это, хотя и было правдой, не было очевидным. Между тем, мы были слишком ослаблены катастрофами последних шести недель, чтобы иметь возможность контратаковать. Следовательно, у противника были те же возможности для восстановления, что и у нас, и хотя мы были уверены, что после такого урагана сражений у обеих армий должна быть передышка, мы ни в коем случае не были уверены, какими будут соответствующие роли двух противоборствующих сторон, когда борьба возобновится. Нашей самой насущной потребностью было заполнить бреши в наших дивизиях и заделать огромные бреши, которые немецкое наступление проделало в наших оборонительных системах. Самой большой потребностью были люди. Нам, правда, пришлось проложить новые линии траншей и реконструировать старые системы, которые уже существовали, но было маловероятно, что противник предоставит нам время для создания новых оборонительных сооружений, сравнимых с теми, которые он уже доказал своей способностью преодолевать. Следовательно, наши главные усилия должны быть направлены на закупку новых и хорошо обученных войск. Чтобы закупить людей, должны быть железные дороги, по которым их можно было бы перебрасывать.

62“Глубина, на которую противник проник в долинах Соммы и Лиса, нарушила важные боковые железнодорожные линии и создала чрезвычайно серьезную ситуацию в отношении поддержания коммуникаций в Северной Франции. В Амьене, Бетюне и Хазебруке часто используемые железнодорожные узлы оказались под эффективным огнем вражеских орудий, в то время как железнодорожный центр в Сен-Поле оказался под угрозой. Чтобы облегчить ситуацию, была предпринята комплексная программа строительства железных дорог”.

В период с апреля по июль было проложено около 200 миль путей широкой колеи и построена целая серия новых оборонительных сооружений, включающих, каким бы невероятным это ни казалось, 5000 миль траншей. Не были исключены из схемы реорганизации и танки. Но, увы! из-за крайней потребности в пехотных подкреплениях и трудности немедленного перевооружения

батальонов, потерявших свои танки во время Отступления, эта “реконструкция” приняла форму не увеличения, а уменьшения численности. Было предложено сократить количество танковых бригад с шести до четырех. Однако появление танков противника вскоре поставило крест на этом проекте. Корпус не только сильно потерял в технике, но и бои, проведенные подразделениями “Льюис Ган”, были особенно напряженными, и несколько батальонов понесли такие потери в обученных и опытных людях, что вызвали большое беспокойство в штабе танковых войск. Однако Танковый корпус находился в таком же затруднительном положении, как и остальная британская армия, и ничего не оставалось, как собрать по крупицам как можно более изящно и как можно быстрее приступить к работам по восстановлению. Весь май машины Mark V. прибывали во Францию со скоростью около шестидесяти машин в неделю. Некоторые батальоны, которые не принимали никакого участия в Отступлении, были оставлены в своих первоначальных районах на случай, если немцы нападут, так что мы обнаруживаем, что батальоны (например, 1-й бригады) уже в середине мая совершали “Дикий кролик”. Однако по большей части Корпус был собран вместе и проходил интенсивную подготовку в районе Бермикорта. Все танковые части должны были быть готовы к боевым действиям — перевооружены, переоснащены и переподготовлены - к 1 августа.

В начале июня Центральные мастерские приступили к работе по изготовлению саней для перевозки припасов, мостов, по которым “Уиппеты” могли преодолевать широкие препятствия, и “Колыбелей” для тяжелых танков. Тамошние “Шпаргалки” представляли собой большие шестиугольные дубовые ящики, усиленные сталью, которые представляли собой улучшенную и облегченную версию фашин, импровизированных для битвы при Камбре. Учебные полигоны и мастерские гудели от приготовлений, и когда в последние дни июля поступил сигнал, как мы увидим, оказалось возможным выпустить 400 танков с уведомлением немногим более чем за неделю.

Именно во время тренировок Корпуса в Бермикуре был заложен фундамент прекрасных отношений, которые впоследствии всегда существовали между танками и французской пехотой. Случилось так, что большое количество французских военнослужащих было расквартировано в районе расположения Танкового корпуса и вокруг него, и их стремление узнать как можно больше о наших машинах и их тактике доставляло большое удовольствие бойцам британского танкового корпуса. Генерал Ле Местр, командующий 10-й французской армией, особенно настаивал на проведении демонстраций танков для подразделений, находящихся под его командованием. Это было сделано, и в течение всего мая и июня еженедельно проводились две или три такие демонстрации. Помимо французских войск, посмотреть, к их большому удовольствию, пришли представители ряда британских и колониальных корпусов, а также канадского и австралийского корпусов.

III

Мы уже говорили, что в последней половине мая и июне было проведено лишь несколько незначительных танковых боев. Однако два из этих небольших столкновений были довольно интересными. Начнем с того, что 11 июня 17-й бронетанковый батальон провел свой первый бой совместно с французами. В 9.30 утра 10 июня полковник Картер, командующий батальоном, получил приказ явиться в 1-ю французскую армию в Конте. В Конте были даны инструкции батальону проследовать в Равенель, недалеко от Сен-Жюста. Батальон получил этот приказ по телефону, и, хотя ночь была очень темной и сырой, а дороги забиты машинами, к пяти утра 11

июня, проехав шестьдесят миль, он добрался до Равенеля. В тот же день он вступил в бой вместе с 10-й французской армией в ее контратаке у Беллуа. Два отделения броневиков открыли по противнику пулеметный огонь, но, к сожалению, дороги здесь были завалены всевозможными обломками. Это помешало машинам быть такими активными, какими они были, чтобы проявить себя позже.

Второй небольшой операцией был ночной рейд, интересный как первый, в котором когда-либо участвовали танки. Здесь 10-й батальон сражался совместно с 4-м корпусом. Мы пытались захватить ряд постов близ Бакуа, задействовав всего пять взводов пехоты и пять женских танков. Рейд начался примерно в половине двенадцатого ночи. Мы были встречены шквальным огнем из траншейных минометов и пулеметов, и пехота была задержана. Однако танкам удалось продвинуться вперед, и они продолжили атаку в кромешной темноте самостоятельно. Продвигаясь вперед, они встретились с несколькими большими группами немцев, по “коричневым” из которых они открыли огонь. Танков у противника, безусловно, было очень много, хотя, поскольку, как мы уже говорили, было чрезвычайно темно, было невозможно произвести очень точные подсчеты “мешка”. Достаточно любопытно, что ни один танк не был поврежден окопным минометным огнем, который был чрезвычайно сильным. Один танк был атакован особо смелой группой противника, и экипаж расстрелял их из револьверов. Позже этому же танку удалось спасти раненого пехотного офицера, который ранее был взят немцами в плен. Рейд интересен тем, что он продемонстрировал возможность маневрирования танками в темноте через позиции противника — ни одна машина не сбилась с курса — а также показал, какую защиту машинам обеспечивала их невидимость.

IV

К середине июня британскому верховному командованию стало не терпиться как-нибудь проверить положение дел по ту сторону линии фронта, где находился противник. Это они предлагали сделать с помощью более или менееограниченной и предварительной атаки, атаки, которая могла бы, в случае успеха, использоваться как генеральная репетиция более крупных предприятий, или которая, в случае неудачи, не слишком сильно связала бы нас. Австралийцы постоянно беспокоили своих*хвизави* на фронте Виллер-Бретонне, и Верховное командование заявило, что по этой и другим причинам, по их мнению, лучшего места, чем сектор напротив Виллер-Бретонне, для запуска нашего *ballon d'Essai* *вряд ли можно было найтти*. *ballon d'Essai*, с которого можно было бы запустить наш. Что это были за “другие причины”, не появлялось в течение почти месяца после начала сражения. Предлагалось задействовать от шестидесяти до семидесяти танков, принадлежащих 5-й бригаде. Наша атака должна была иметь строго ограниченную цель, ее предполагаемой целью был захват отрога, идущего от главного плато Виллер-Бретонне к Сомме, на восточной стороне Амеля, и, таким образом, получить важное наблюдение и, между прочим, полезный плацдарм для любого последующего наступления. День “Z” должен был состояться 4 июля.

Сразу после принятия решения об атаке танки и австралийцы начали совместную тренировку в районе расположения 5-й танковой бригады. Танковые подразделения сразу же были постоянно присоединены к соответствующим австралийским пехотным частям, с которыми им предстояло сражаться, и благодаря этому культивировались очень тесные товарищеские отношения. Было (согласно традиции) крайне необходимо предпринять некоторые особые шаги

для обеспечения доверия австралийской пехоты к танковому корпусу, поскольку в отсутствие артиллерийской подготовки от танков почти полностью зависели бы успех и престиж австралийцев в этом первом наступлении союзников после мартовской катастрофы.

Теперь австралийцы, хотя и имели, так сказать, естественную склонность к активности и внезапности танка в противовес подготовленной артиллерийской атаке, не были склонны одобрять Танки без должной на то причины.

У них все еще были яркие воспоминания о трагедии ошибок, произошедшей в 1917 году на Буллекорте.

Однако они были очень непредубежденными, и боевые партнеры недолго тренировались вместе, прежде чем их отношения стали особенно сердечными.

Какими бы застенчивыми и неприятными ни были австралийцы в начале, триумфальный успех их партнерства в бою не оставил у них воспоминаний о прежней застенчивости и заставил их громогласно восхвалять комбинацию, которая, как уже давно чувствовали танки, окажется особенно эффективной.

План нападения вскоре обрел четкие очертания. Это заслуживает более или менее подробного рассмотрения, поскольку именно на линиях сражений при Камбре и Хамеле впоследствии были основаны все намеченные танковые атаки.

63“Операция должна была проводиться прямым наступлением пехоты и танков двумя волнами под прикрытием непрекращающегося артиллерийского обстрела. С точки зрения бригады, главный интерес представляли, во-первых, предварительные договоренности с австралийским корпусом и соответствующей пехотой; во-вторых, несколько сложные планы размещения танков на их исходных рубежах с должным обеспечением маскировки; и, в-третьих, разработанные методы доставки больших количеств пехотных припасов к конечной цели. На конференции, проведенной Австралийским корпусом за три дня до акции, планы были окончательно утверждены, и после этой даты никакие изменения в них не допускались. Таким образом, офицеры пехоты и танкисты смогли с полной верой договориться о том, что их взаимные договоренности будут выполнены без изменений, и этого метода придерживались во всех последующих операциях подготовленного типа с Австралийским корпусом. Танки использовались в масштабах, которые были велики пропорционально атакованному фронту, и самым важным фактором в плане было сокращение потерь среди пехоты”.

Основными тактическими объектами атаки были опорные пункты Вайр-Вуд, Хамел-Вуд, Грушевидная траншея и деревня Хамел. Не существовало определенной системы траншей, за исключением старых британских рубежей к востоку от Хамеля, которые сейчас занимал противник и которые, конечно, изначально были расположены лицом к востоку. В остальном немецкая оборона состояла из пулеметных гнезд.

Атакующими силами были 4-я австралийская дивизия и четыре роты американской пехоты. Артиллерия должна была обеспечивать перекатывающийся заградительный огонь, за которым должна была наступать пехота, за которой следовали танки, которые должны были проходить перед ними только при столкновении с сопротивлением. Это последнее соглашение не оказалось удачным.

Все шло хорошо, плодородная страна лежала неподвижно и улыбалась в своей летней гордости. Лагерь, отведенный танкам, находился в пяти милях за линией фронта, под углом, образованным слиянием рек Сомма и Люс.

64“Это было идеальное место для проведения летних месяцев. В вечерней прохладе, глядя на запад, поверх нескошенных кукурузных полей, мы могли любоваться прекрасным видом на старый город Амьен, его большой собор с множеством церковных шпилей поменьше и бездымных труб, сгрудившихся вокруг него и выделяющихся на фоне заходящего солнца. К востоку виднелась разрушенная деревня Виллер-Бретонне, стоящая на холме 104, ее замок возвышался над окружающими развалинами домов. Трудно было поверить, что линия огня была так близко, пока вид внезапно не закрылся знакомым зрелищем разрывающейся шрапнели и густого дыма от газовых снарядов”.

Шестьдесят боевых танков, задействованных в атаке, были разделены на две волны: первую из сорока восьми и вторую из двенадцати машин. Поскольку предполагавшееся наступление было непродолжительным, в обычной гигантской системе складов снабжения не было необходимости. Напротив, каждый боевой танк перевозил боеприпасы и воду для пехоты, а четыре танка снабжения были выделены для перевозки припасов для личного состава и других запасов.

65“Каждая из этих четырех машин в конечном итоге доставила груз весом около 12 500 фунтов. в пределах 500 ярдов от конечной цели и в течение получаса после ее захвата. Общее количество припасов, доставленных 4 июля, составило 40 фунтов. на человека, что соответствует нагрузке перевозящего отряда численностью 1250 человек. Количество людей, использовавшихся в танках снабжения, составляло двадцать четыре человека.

Точная информация о времени и месте не была предоставлена Танковому корпусу всего за неделю до сражения; но поскольку район был тщательно разведан в течение последних двух месяцев, для завершения этой части подготовки пришлось сделать очень мало.

В ночь с 1 на 2 июля танки были переброшены к месту сбора, что было преждевременным шагом, который стал результатом последних сохраняющихся сомнений австралийцев относительно способности Танков прибыть вовремя на *место встречи*. Таким образом, ни одному Танку не было предоставлено ни единого шанса опоздать на линию старта.

Машины звена “С” 8-й эскадрильи самолетов должны были завтра дебютировать в качестве почетных членов Танкового корпуса, поскольку теперь были полностью реализованы замечательные возможности взаимодействия самолетов и танков, и Танковому корпусу была выделена собственная эскадрилья.

VI

В три часа утра 4 июля, почти до того, как небо начало светлеть, по всей нашей линии обороны заработали танковые моторы, и в две минуты шестого "грациозный Марк V" двинулся вперед вслед за своей пехотой в сопровождении двух низколетящих самолетов. Пока танки продвигались вперед, экипаж благословлял безупречную работу своих новых машин, поскольку не было ни единой механической неисправности любого рода, и они знали, что проницательные глаза австралийцев были устремлены на них, как буравчики.

Но весь день должен был стать для Марка V. одним длинным триумфом

То тут, то там, по мере продвижения атаки, танки шли впереди, следуя вплотную за разрывами снарядов. То здесь, то там австралийцы были впереди. Пехота противника почти не сопротивлялась, но их пулеметчики сопротивлялись нам с упорством и отвагой, которых мы привыкли ожидать.

Но наш натиск был неумолим. Немцы обнаружили, что новые танки обладали смертоносной силой маневра, которую они использовали в полной мере, расходуя мало боеприпасов на пулеметные гнезда, но даже когда они проходили мимо огневой точки в первом натиске, они быстро разворачивались к несчастным артиллеристам и подминали под себя орудия и расчеты. Как мрачно замечает танковый хроникер: “Этот метод исключал все шансы на то, что враг снова придет в себя после того, как атака пройдет мимо”.

В течение дня было уничтожено более 200 пулеметов. Были также другие, более редкие небольшие группы отборных людей, которых танки тут и там выбивали из посевов.

Эти маленькие группы, обычно состоявшие из трех человек, были вооружены специальной винтовкой гигантских размеров, предназначенной для стрельбы — подобно нашему пистолету Льюиса — с сошек. Его снарядом была тяжелая бронебойная пуля со стальным сердечником.

Это было новое противотанковое оружие, оружие, от которого немцы возлагали большие надежды.

В составе 13-го батальона танк, продвигавшийся впереди пехоты, наткнулся на несколько вражеских блиндажей на дальней стороне траншеи, слишком широкой, чтобы их машина могла ее пересечь. Из этих блиндажей противник вел жаркий огонь.

Командир танка, младший лейтенант Эдвардс, и рядовой Беннс немедленно выбрались из своего танка и пешим порядком атаковали гарнизон. Вдвоем они убили семерых врагов из своих револьверов, а остальных взяли в плен и при первой возможности передали пехоте.

Было много прекрасных примеров индивидуальной работы, особенно случаев, когда танки помогали друг другу под шквальным огнем, и нет никаких сомнений в том, что именно этому дружескому сотрудничеству, этому буксированию хромящих танков из горячих точек отчасти были обязаны удивительно низкие потери в машинах.

В донесении рассказывается, как шло сражение по всей линии фронта.

“Двигаясь вверх и вниз за заграждением, танки либо уничтожали противника, либо заставляли его укрываться в блиндажах, где он становился легкой добычей пехоты. Хамель был взят путем обхода с флангов и тыла, враг был выбит из Вайрского леса, и к концу дня наши войска достигли всех своих целей и взяли более 1500 пленных”.

Наш маленький успех был полным и триумфальным.

Не менее пятидесяти семи из шестидесяти боевых танков прошли весь день без единой царапины, убитыми и ранеными пехотинцы составили менее половины немецких пленных, прошедших через наши камеры; и, как мы видели, битва между танками и пулеметами велась *на выезде*, соотношение убитых немцев к попавшим в плен было необычно высоким.

Что касается экипажей танков, то у них было ранено всего тринадцать человек. К нашему большому удовлетворению, все пять поврежденных машин были спасены, и, таким образом, вооружение Mark V. не могло быть исследовано противником.

Но поначалу едва ли не самой поразительной характеристикой победы казалось идеальное взаимодействие танков и пехоты.

Танки и австралийцы с одинаковым энтузиазмом восприняли выступления друг друга. Австралийцы были удивлены и восхищены весом и надежностью, которые шестьдесят танков придали своему удару, а также чувством поддержки и товарищества, которое испытали их люди.

Танковый корпус был в равной степени впечатлен превосходной *моралью* австралийцев,⁶⁶ “которые никогда не считали, что наличие танков освобождает их от участия в боевых действиях, и которые мгновенно использовали любую возможность, созданную танками”.

Между ними установилась щедрая и прочная дружба. 5-й танковой бригаде и ее австралийцам было суждено на протяжении всего предстоящего партнерства демонстрировать почти непобедимую комбинацию.

Но не только боевые партнеры были довольны и удивлены.

По всему фронту союзников разнеслась весть о победе.

Мы запустили наш пробный *воздушный шар д'Эссаи*, и вот он взлетел выше наших самых смелых ожиданий и теперь висел в небе, как символ. Все люди могли бы знать, что, хотя Аполлион встал поперек всего пути, мы победили его и наконец выбрались из Долины Унижения.

ГЛАВА XVI

С ФРАНЦУЗАМИ —БИТВА При МОРЕЙ

5-я бригада и австралийцы поклялись в вечной дружбе с освежающим энтузиазмом.

Они были как две подружки-школьницы, которых нельзя разлучать, и в Во, куда они ушли на совместные тренировки, образно говоря, весь день ходили, обняв друг друга за талию.

Поэтому, когда 17 июля в 5-ю танковую бригаду поступил приказ отправить батальон на юг сражаться с французами, воцарился ужас.

Если кто-то и ушел, то только 2-й батальон, который вообще не сражался при Хамеле.

Но, несомненно, можно было бы найти какой-нибудь выход, при котором собственная танковая бригада австралийцев не была бы столь жестоко расчленена?

И власти с прямо-таки отеческой благожелательностью - после небольшого хихиканья - были фактически вынуждены заключить другое соглашение; как твердо верили друзья, исключительно по их представлению. Были, однако, и другие, более военные соображения.

Атаку по-прежнему должен был вести бригадный генерал Кураж, но по этому случаю к бригаде следует добавить дополнительный батальон, 9-й.

Этот явно причудливый протест новообретенных родственников и уступчивость властей должны были трижды оправдаться в событиях следующих нескольких месяцев.

Ибо в этот ранний период любая мелочь могла помешать выковке оружия, которое должно было стать обоюдоострым мечом, которым мы должны были “поражать бедро Амалика”.

Как только было решено, что 9-й батальон должен уйти, сразу же начались приготовления.

Планы французов были уже далеко продвинуты вперед, прежде чем танки вообще появились на сцене. Атакующие войска действительно находились в этом районе с апреля, но танки чувствовали, что они будут навеки опозорены, если будут вынуждены хотя бы намекнуть, что хотели бы хотя бы на день отложить это свое первое сражение с французами.

Действительно, в этом сражении мы видим первый пример удивительного “ускорения”, которому подверглась армия союзников почти сразу после сосредоточения объединенного командования в руках маршала Фоша.

Офицер, присутствовавший на протяжении всего сражения и его подготовки, пишет:

“В определенную среду генерал Эллес и генерал Кураж имели беседу в 3 часа дня с командующим 4-й армией и консультировались относительно проекта.

“В 4.30 они встретились с генералом Дебени (командующим французской армией) и командующим французским корпусом, когда были определены железнодорожные пути и общая схема передвижения.

“Той ночью 9-й батальон был предупрежден, и бой состоялся на рассвете следующего вторника”.

Практика совершенствуется, и постепенно мы обнаружили, что атаки в парадной форме, на подготовку к которым у нас всегда, как само собой разумеющееся, отводился месяц, на самом деле могут быть организованы вдвое быстрее.

Мы видим в грандиозной битве при Амьене, о которой войска, принимавшие в ней участие, были уведомлены всего за десять дней, насколько масштабную реформу нам удалось осуществить.

II

Атака должна была состояться на рассвете 23 июля и должна была быть — как и в Хэмелене — более или менее ограниченным и экспериментальным сражением.

Его непосредственной целью было захватить Сент-Риберт-Вуд, чтобы обойти Майи Рейневаль с юга с фланга, уничтожить несколько крайне нежелательных немецких батарей, расположенных близ Сент-Рибера, и продвинуть французские полевые орудия на восток таким образом, чтобы они нацелились на высокие хребты, господствующие над правым берегом реки Авре.

Местность здесь была холмистой, почва хорошо дренированной, и, за исключением ряда больших и очень густых лесов, препятствий для танков было очень мало.

Предполагалось достичь трех целей. Первой была трасса, проходившая через лес Совилье, ферму Адельпар и Ле-Труа-Бокело. Для его захвата было выделено двенадцать танков и четыре батальона французской пехоты.

Вторая цель включала в себя расчистку плато к северу от лесного массива Совилье и захват угла лесного массива Арпан. Для выполнения этой задачи было выделено двадцать четыре танка и четыре пехотных батальона.

Третья представляла собой линию немецких постов, известную как “Голубая линия”, прикрывавшую вторую цель, и должна была быть атакована крупными силами пехоты и всеми уцелевшими танками. Всей атаке должна была предшествовать короткая интенсивная бомбардировка, включающая тяжелую контрбатарейную работу, а ползучий заградительный огонь должен был состоять из смеси фугаса и дыма. Танки должны были атаковать группами по три человека, два впереди и один в непосредственной поддержке, пехота наступала небольшими группами непосредственно за танками.

За три дня до сражения офицеры 9-го батальона и часть штаба 5-й бригады прибыли на место сражения и с помощью штаба 3-й французской дивизии произвели довольно тщательную рекогносцировку местности. В тот же вечер танки были выведены из строя в Конте.

9-й батальон был занят тактической подготовкой, насколько это было возможно, со своими новыми коллегами на учебном полигоне 5-й бригады. Времени было мало, а языковые трудности велики, но, несмотря на это, было достигнуто очень дружеское взаимопонимание.

Помимо этого, ему предстояло совершить необычно много пеших походов.

Ему пришлось преодолеть более восьми миль через всю страну до места своего захвата. От Конте, железнодорожной станции, танки продвинулись еще на восемь миль, прежде чем вступили в бой.

В десять часов ночи накануне сражения танкам сообщили, что атака, которая должна была начаться на рассвете, отложена до 5.30. К этому времени, с некоторым сожалением размышляли танкисты, будет уже совсем светло.

Однако ничего не оставалось делать, кроме как надеяться, что ветер поможет нашим дымовым завесам.

Некоторое время погода была хорошей, но утром в день нападения пошел сильный дождь, вызванный южным ветром.

Перспектива создания действительно эффективного дымового облака казалась не очень большой.

Однако именно в наилучшем боевом настроении танки и их пехота двинулись вперед в ноль часов — действительно, хотя это был не переход и все оружие пострадало довольно сильно, приподнятое настроение, похоже, было особенно характерно как для французов, так и для британцев в этом сражении.

Военнослужащий Танкового корпуса наивно свидетельствует о том, каким образом танки подняли хвосты.

“Бригадный генерал Кураж, который был на виду, постоянно посещал батальон и беседовал с офицерами. Исходя из характера его предложений и советов, самый обычный мыслитель мог бы легко прийти к выводу, что немцы ему безразличны”.

По мере продвижения танков и пехоты первой волны они обнаружили, что противник ведет довольно сильный заградительный огонь во многих местах. Однако, двигаясь впереди пехоты, танки очистили лес Аррачи, уничтожив несколько пулеметов, и после небольшого сопротивления захватили первую цель — деревню Совилье, ферму Адельпар и Ле-Труа-Бокело - за пятнадцать минут до прибытия пехоты. Два танка были подбиты снарядами.

На втором этапе танки рот "В" и "С" выдвинулись вперед в поддержку своей пехоты по обе стороны Совильер-Вуда. Продвигаясь вперед, они обогнули французские патрули, но через некоторое время повернули назад, чтобы поддерживать связь. Было уже около 9.30 утра, танки не могли сразу найти своих товарищей, и, к сожалению, пока они таким образом курсировали, не менее шести танков были выведены из строя, один за другим, одной батареей, по-видимому, одной из тех, что скрывались к югу от Сент-Риберт-Вуда, и уничтожение которых было одной из целей атаки.

На другом участке командир батальона 51-го полка французской пехоты, который продвигался в поддержку, решил, что, если возможно, он атакует Харпон Вуд, и обратился за помощью к офицеру, командующему танковой ротой “Б”. Командир роты немедленно с готовностью включился в этот план, и между ними был быстро разработан план атаки французской пехоты и семи танков. Эта небольшая импровизированная акция имела большой успех, танки и пехота должным образом захватили Лес и, по крайней мере, одну батарею противника. Были повреждены только два танка.

Недалеко от Харпона танк капитана Далтона в суматохе из-за дыма на некоторое расстояние опередил свою пехоту. Недалеко от Леса капитан Далтон обнаружил вражескую батарею. После небольшого маневрирования ему удалось получить прямое попадание в одно из орудий и пулеметным огнем отогнал расчеты других орудий, тем самым заставив замолчать всю батарею. Затем он маневрировал, выводя свой танк на позицию, чтобы отбуксировать одно из вражеских орудий, но в этот момент его машина получила прямое попадание, и вскоре после этого второй снаряд добавил повреждений. Капитан Далтон эвакуировал свой экипаж и, сделав это, приложил все усилия, чтобы вернуться к брошенному Танку, поскольку следует помнить, что до сих пор ни один Mark V. так и не попал в руки немцев. Он находился под интенсивным пулеметным огнем и на виду у противника, но, понимая важность подрыва остатков своего танка, все же предпринял эту авантюру. Но все было напрасно, поскольку, пытаясь таким образом доползти, он был тяжело ранен в бедро. Однако ему удалось оттащить себя обратно во французские ряды.

Также младший лейтенант К. Мекреди, командир отделения, не был менее озабочен тем, чтобы его подбитый танк был полностью уничтожен, а не попал в руки врага.

Он продвигался впереди своей пехоты, когда снаряд из скрытого полевого орудия попал в танк, в котором он возглавлял атаку. Сразу же схватив несколько дымовых шашек, он вылез из своей машины, вернулся назад и, сбросив бомбы, поставил дымовую завесу, чтобы прикрыть танки, следовавшие за ним, чтобы они не разделили судьбу его собственной машины. Его маневр оказался совершенно успешным, поскольку под прикрытием дыма другие танки изменили направление движения и избежали огня орудий. С некоторым трудом мистеру Мекреди удалось пробраться обратно к своему танку под сильным вражеским обстрелом и пулеметным огнем, успешно взорвать его и готовился возвращаться, когда обнаружил, что один из его экипажа лежит раненный в ногу в очень незащищенном месте. Этого человека ему удалось увезти с собой в безопасное место.

К вечеру все три цели были достигнуты, и французское командование было очень удовлетворено успехом операции.

Особенно обрадовался генерал, командующий 3—й дивизией, генерал Бургон, который был большим другом британского танкового корпуса и не меньше нас беспокоился о том, чтобы никакая заминка не омрачила это первое совместное сражение.

И французы, и англичане понесли довольно тяжелые потери, французская 3-я дивизия, с которой мы действовали, потеряла более семисот офицеров и рядовых.

Пятнадцать танков из тридцати шести были подбиты прямыми попаданиями, и довольно большая часть из этих пятнадцати не подлежала восстановлению.

Однако потери противника также были тяжелыми. Всего пленных было более полутора тысяч человек, и мы захватили 5 полевых орудий, 45 траншейных минометов и 275 пулеметов.

Прежде чем 9-й батальон вернулся на полигон, он имел честь пройти инспекцию у генерала Дебени, командующего 1-й французской армией.

Он был достаточно любезен, чтобы выразить крайнее удовольствие от того, как сражались танки, и в своем специальном Приказе дня похвалил Батальон, которым они всегда будут гордиться.

“Наконец, я должен выразить особую благодарность британскому танковому батальону, чья мощная и самоотверженная помощь способствовала нашему успеху.

“Под командованием опытного и умелого руководителя танки снова пополнили ту богатую жатву лавров, которую это новое оружие не переставало собирать с момента своего первого появления в сентябре 1916 года. Они подали Дивизии лучший пример храбрости, энергии, товарищества в бою и доведенной до высшей степени совершенства военной подготовки. Их помощь позволила пехоте одержать блестящую победу, в которой они сами во многом участвуют”.

Наконец, в знак товарищества между французскими войсками 3-й дивизии и 9-м танковым батальоном, этот батальон имел честь быть награжденным значком 3-й французской дивизии. С того дня они с гордостью носят его на левом рукаве.

ГЛАВА XVII

БИТВА При АМЬЕНЕ, ИЛИ СРАЖЕНИЕ 8 АВГУСТА

Я

Амбициозное наступление, начатое немцами 15 июля, провалилось. Наше несколько пробное контрнаступление под Хамелем оказалось на удивление успешным, и общая военная ситуация полностью изменилась.

Немецкие резервы, казалось бы, были почти израсходованы, в то время как наши — свежие войска, которые поступили в распоряжение весной и в начале лета, — теперь были включены в состав и обучены. Более того, американская армия быстро росла.

Наконец-то мы снова были готовы перейти в наступление с большим размахом.

23 июля, когда успех сражений 18-го был полностью обеспечен, было проведено совещание, на котором генерал Фош попросил, чтобы британская, французская и американская армии одновременно перешли в наступление.

Их атаки должны были быть немедленными.

На британском фронте после некоторого рассмотрения преимуществ различных участков боевых действий было решено, что атака должна быть нанесена к востоку от Амьена на фронте, простирающемся от Альбера до Мондидье, и ее непосредственной целью должно было стать освобождение железной дороги Париж-Амьен, близость которой к немецким линиям оказалась столь серьезным препятствием для наших транспортных перевозок.

В случае успеха сражения наше продвижение можно было бы использовать во второй атаке, направленной на линию Сен-Кантен-Камбре. Целостность этой линии была жизненно важна для врага, в чем он давным-давно признался, вложив труд и деньги в обширные разработки оборонительных сооружений Гинденбурга.

Ибо в двадцати милях за линией Гинденбурга лежали крупные железнодорожные узлы вокруг Мобежа, ключевого пункта всей его системы боковых коммуникаций.

Если бы нам удалось однажды проникнуть так далеко, мы перерезали бы единственные коммуникации, по которым немецкие войска на юге в Шампани могли снабжаться и поддерживаться, и полностью отрезали бы эти войска от группы немецких армий, действующей во Фландрии.

Первым шагом в этом великом предприятии была приснопамятная битва при Амьене.

II

Немедленно начались приготовления к великому наступлению. Планы сражения были впервые доведены до сведения командиров, которые должны были принять в нем участие, в последних числах июля, день “Z” был назначен на 8 августа.

Три танковые бригады, которым предстояло сражаться (5-я, 3-я и 4-я), получили первое представление о том, что происходит 27 июля, а их приказы были подтверждены 4 августа.

Вкратце, таковы были общие линии, на которых должно было вестись сражение.

Приготовления должны были быть ускорены. Они должны были быть столь же секретными, сколь и краткими.

Само сражение должно было проходить в два этапа.

Сначала атака без артподготовки, но под защитой стелющегося заградительного огня. Все действие должно было во многом повторять Первую битву при Камбре, за исключением того, что на этот раз (1) еще большее количество танков — около 430, включая “Уиппеты”, — должны были возглавить сражение; (2) должны были использоваться легкие стрелковые порядки пехоты; и что (3) как и при Хамеле, на этот раз мы атаковали более или менее импровизированную линию обороны. Вторая фаза атаки, которую должна была провести свежая волна войск, должна была начаться примерно через четыре часа после “зеро”, то есть после взятия первой цели.

Во время этого второго этапа артиллерия должна была быть подтянута, и мы должны были наступать без заградительного огня.

Справа должен был находиться Канадский корпус, и с ними должна была сражаться 4-я бригада с 67 танками.

В центре австралийским корпусом, его обычным боевым партнером, 5-й танковой бригадой, снова должна была действовать 68-я бригада.

Слева, к северу от Соммы, двум дивизиям 3-го корпуса должны были быть приданы по 10-му танковому батальону.

Позади этих трех корпусов должны были быть сосредоточены три кавалерийские дивизии, 3-я бригада танков “Уиппет” и 17-й батальон броневиков.

Их работа заключалась в основном в эксплуатации второго этапа. Батальон бронетехники только что вернулся после операций с французами.

69 “Когда 6-я французская кавалерийская дивизия была отведена на отдых, 17-й батальон проследовал в Санлис, и в 9 часов утра, только что войдя в этот город, он получил приказ немедленно проследовать в Амьен и явиться в штаб Австралийского корпуса. Амьен, до которого было почти 100 миль, был достигнут той же ночью.

“ По прибытии, лейтенант.- Полковнику Картеру сообщили, что его подразделение должно принять участие в планируемой атаке к востоку от этого города. Главной трудностью, предвидевшейся при действии бронетранспортеров в этом районе, было пересечение

траншей. Хотя для решения этой проблемы был отведен всего один день, это было достигнуто путем придания батальону небольшого количества танков. Эти танки использовались для буксировки броневиков через препятствия, или, скорее, по гусеницам, которые танки прокладывали через них. Это решение оказалось в высшей степени успешным”.

Как ни мало было времени на подготовку, был спланирован и приведен в исполнение тщательно продуманный обманный план, чтобы создать впечатление, что мы намереваемся сражаться во Фландрии. Канадцы были поставлены в шеренгу на фронте Кеммель, где со временем противник их опознал. В этом районе были разбросаны помпезные штабы и пункты сбора раненых. По всему полю 1-й армии наши радиостанции передавали сообщения о сосредоточении войск, и были приняты меры, чтобы создать впечатление, что в районе Сен-Поля происходит большое скопление танков. Здесь, действительно, в погожие дни танки тщательно тренировались с пехотой — так сказать, в те дни, когда вражеские самолеты дальней разведки и фотографирования, вероятно, работали в тылу наших войск.

Уловка оказалась совершенно успешной, и — как мы узнали впоследствии — весть о нашем “планируемом крупном наступлении во Фландрии” вскоре распространилась, и к тому времени, когда мы были готовы нанести удар на Сомме, враг уже ожидал, что его атакуют с севера.

III

Тем временем близ Амьена проходили беспокойные дни и еще более беспокойные ночи.

Читатель должен представить себе, что сложные приготовления, подобные тем, которые были описаны как подготовка к Камбре и на выполнение которых потребовался месяц, теперь должны были быть выполнены чуть более чем за неделю.

Необходимо было провести разведку, согласовать детали планов и связи, а также произвести сброс, причем последний в беспрецедентно крупных масштабах, поскольку такое большое количество танков никогда раньше не участвовало в боевых действиях вместе.

В центре (австралийский сектор) некоторые подразделения 5-й бригады были недавно оснащены пехотными танками Mark V. star. Никто не был хорошо знаком с этими машинами, и поэтому, в дополнение к другим приготовлениям, такие подразделения должны были отрабатывать ношение пехоты со своими австралийцами. Одно обстоятельство значительно усилило братские чувства 5-й бригады к своим знакомым боевым партнерам. Как только завершилась заключительная конференция, генерал Монаш изложил принцип, согласно которому ни при каких обстоятельствах не должны допускаться какие-либо изменения в утвержденных на тот момент планах. Таким образом, все танковые подразделения могли с полной уверенностью проработать детали своих схем.

Поле боя лежало по обоим берегам реки Сомма, которая протекала к северу от района атаки и доходила до Перонна, почти под прямым углом к линиям двух армий.

К югу от него несколько оврагов, примерно параллельных линии фронта, спускались к реке с возвышенностей, которые образовывали водораздел между Соммой и небольшой рекой Люс.

Двум из этих крутых оврагов, долине Серизи, и другому, который тянулся от Моркура почти до Харбоньера, предстояло стать важными элементами сражения, поскольку они служили превосходным прикрытием для укрытия батарей или для сбора войск для контратаки.

Следующие заметки о Luce были предоставлены автору майором Хотблэком:—

“Река Люс, хотя и была всего лишь небольшим заболоченным ручьем, представляла *the* большую трудность в плане операций.

Часть его находилась на французских позициях, и поскольку наведение новых мостов привлекло бы внимание противника, атакующим войскам пришлось пересечь его в нескольких местах и затем развернуться в темноте.

“В том секторе, где Люс протекала в тылу противника, она проходила по диагонали через фронт атаки канадской дивизии.

Было потрачено много усилий на выяснение всех возможных подробностей об этой маленькой реке, и это вызвало беспокойство у всех, кого это касалось, начиная с самого фельдмаршала и ниже.

Участок фронта Люс лежал в пределах линий, которые тогда удерживали французы, и в дополнение к различным офицерам разведки, генерал-майору Липсетту, командующему 3-й канадской дивизией, и бригаде Дж. Генерал Хэнки, командующий 4-й танковой бригадой, провел личную разведку реки в целом и моста Домарат в частности.

“Оба этих генерала имели отличную репутацию за личную храбрость и всегда старались сами увидеть, каковы условия на самом деле, прежде чем вводить в бой свои войска.

Французские войска, удерживавшие тогда оборону, не зная ничего, кроме того факта, что им на смену придут британцы, выразили величайшее удивление и восхищение нашей тщательностью и замечательной добросовестностью и упорством наших генералов и офицеров Генерального штаба, так часто посещавших передовые позиции в нездоровом секторе. У нас не было другого выбора, кроме как вежливо заверить их, что это была их неизменная практика всякий раз, когда речь заходила о какой-либо помощи”.

Как еще один результат большой секретности, которая была наложена, ни один офицер не знал, кто еще был посвящен в эту тайну, и однажды майор Хотблэк и еще один британский офицер встретились на берегах Люса, и каждый дал пространные объяснения, которые объясняли все, кроме истинной причины, по которой они там оказались. Два дня спустя эти офицеры встретились на оперативном совещании и поздравили друг друга с правдоподобностью своих нескольких объяснений. Нелегко было притворяться, что для них было вполне нормальным грести в Люсе в непосредственной близости от врага.

Однако в тот день все шло хорошо, и информация о реке оказалась верной до мельчайших деталей, и, как и ожидалось, хотя мосты в тылу противника были взорваны, промежутки были достаточно малы, чтобы танки могли перейти их по опорам.

Вообще говоря, наступление было хорошим, а тот факт, что погода некоторое время перед днем атаки была относительно хорошей, еще больше облегчил наши приготовления.

Всю ночь, в течение четырех или пяти ночей перед сражением, перевозящие Танки курсировали вверх и вниз, образуя свалки из десятков тысяч галлонов бензина и воды и миллионов патронов.

Наконец пришло время для окончательной передислокации как боевых танков, так и танков снабжения на их исходные позиции, примерно в двух милях за линией фронта.

1-я танковая артиллерийская рота была придана 5-й австралийской дивизии и располагалась во фруктовом саду к северу от Виллер-Бретонне.

Все шло хорошо до позднего вечера 7 августа, когда от случайного выстрела противника один из этих танков загорелся.

Противник незамедлительно начал интенсивный обстрел этого района и уничтожил почти всю роту танков и их снаряжение. Именно по этому случаю младший лейтенант Хендерсон Смит был награжден Военным крестом.

Следующий отчет о его поступке фигурирует в списке “Почестей и наград”:—

“Как только был подбит первый танк, младший лейтенант Смит бросился на место происшествия и собрал людей, чтобы оказать ему помощь, и таким образом начал работу по спасению Танков. Он проявил высочайшее мастерство в организации вывода танков из огня.

“Хотя некоторые из его помощников были военнослужащими из других частей и не имели опыта работы с танками, этому доблестному офицеру удалось увести два танка из эпицентра пожара. Это смелое действие, несомненно, позволило людям справа от него спасти три танка. К сожалению, эти два танка были подбиты и подожжены взрывами на других танках. В каждом случае младший лейтенант Смит покидал пылающую машину последним. Танки были загружены взрывчаткой для пехоты, ружейными патронами, бомбами, траншейными минометами и т.д., Кроме того, в каждый было по две заправки бензином”.

Обстрел был неприятным инцидентом не только из-за потери в последний момент машин и массы припасов, которые они несли, но и потому, что такой обстрел мог свидетельствовать о том, что противник заподозрил присутствие танков.

Однако, как и при Камбре, ничего нельзя было поделаться, и оставалось только попытаться побыстрее доставить новые склады взамен сгоревших. Это было успешно выполнено.

Последние места для размещения 300 тяжелых танков были расположены по всему фронту примерно в 4000 ярдах от передовой.

Примерно в то время, когда танки подходили к этим “местам старта”, противник, возможно, был несколько озадачен, заметив, что несколько больших самолетов с чрезвычайно шумными двигателями продолжали летать между линиями обороны. В любом случае, чего он не заметил, так это шума, производимого 300 наступающими танками.

IV

Ночь с 7-го на 8-е была сырой и тихой, и примерно в четыре часа 8-го над долиной реки начал подниматься густой наземный туман. Вскоре весь воздух превратился в одно безмолвное белое море пара. Он был настолько плотным, что атакующей пехоте и танкам пришлось немедленно приготовиться двигаться исключительно по компасу, поскольку сквозь плотное безмолвное покрывало невозможно было разглядеть ни на ярд вперед.

Казалось бы, ничто не могло быть дальше от мыслей немцев, чем то, что душная тишина раннего осеннего утра будет так ужасно нарушена. В четверть пятого на его линии было совершенно тихо. Он был далек от агрессивного настроения в этом секторе, и в течение недели его поведение было ненавязчивым. То тут, то там немецкий часовой в серой шинели, посеребренной, как паутинка, жемчужинами тумана, кашлял и притопывал ногами, вяло вглядываясь сквозь туман в поисках заблудившихся нарушителей границы Ничейной территории.

Внезапно в 4.20 наша массированная артиллерия открыла интенсивный огонь на протяжении одиннадцати миль фронта.

Линия фронта немцев была залита ураганом снарядов, а позади его неподготовленные батареи на некоторое время были полностью подавлены яростью нашего огня.

Прежде чем немцы успели опомниться, по всей линии фронта на них из тумана вынырнули десятки и двадцатки танков.

Передовые позиции были полностью разгромлены, танки не столько уничтожали противника своим огнем, сколько просто уничтожали его пулеметные точки и подминали под себя расчеты и орудия.

Вскоре наша первая волна вышла за пределы слабо удерживаемой системы передовых траншей противника, а выжившие и вторая волна пробивались через его разрозненные пулеметные точки к цели первой фазы.

С австралийцами в центре рота 13-го батальона быстро продвигалась по холмистой местности, очевидно, “проглатывая землю” как на первом, так и на втором этапах с разбегу.

70 “Метод атаки был адаптирован к местности; оставив пехоту закрепляться на гребне, танки продвигались вперед через долину, поддерживая огонь по изолированным пулеметным позициям, и занимали позиции на переднем гребне. Во всех случаях это заставляло противника сдаваться и позволяло пехоте продвинуться на следующий гребень. Справа от этого сектора рота ‘Б’ быстро разместила свою пехоту на последней цели первой фазы к северу от главной дороги. У роты “С” слева было больше проблем; полевое орудие, установленное на возвышенности за рекой недалеко от Чипилли, находилось на позиции, чтобы вести анфиладу наступающих, и подбило три танка. Это на некоторое время привело к отходу пехоты. Однако к полудню оставшиеся танки вывели свою пехоту на требуемые конечные позиции, и всякое активное сопротивление прекратилось. На протяжении всей операции было множество свидетельств поспешного отступления противника. В овраге к юго-востоку от Моркура был оставлен транспортный парк с повозками и сбруей, а на южном конце того же оврага была обнаружена полевая столовая, хорошо укомплектованная легкими винами и немецким пивом”.

У канадцев продвижение также было быстрым, но здесь туман был настолько густым, что танковые подразделения полностью перемешались и бодро сражались на участках друг друга.

Тщательно спланированная и методичная атака должна была смениться более или менее примитивной схваткой, в которой каждый танк обычно выискивал и уничтожал немцев, где бы они ни находились.

Хотя этот метод и далек от научного, в сочетании с *elan* канадской пехоты он оказался весьма успешным.

С 3-м корпусом бои были тяжелее, и наступление было сопряжено с большими трудностями. Тяжелые танки и пехота, однако, вскоре повсеместно удержали рубеж, взятие которого должно было ознаменовать конец первого этапа (*т. е.* Марселькав и долина Серизи к югу от Морланкура).

V

Вторая фаза атаки, начавшаяся через четыре часа после нуля, сильно отличалась от первой. Туман, который препятствовал нашему наступлению, но скрывал его, теперь уступил место яркому солнечному свету. Враг был достаточно предупрежден и имел время направить свою “отважную артиллерию и пулеметчиков” навстречу наступлению. В этих условиях его сопротивление усилилось. Что касается австралийцев, то ⁷¹ “Полевые батареи противника, стрелявшие по открытым прицелам, вступили в бой и подбили танки, некоторые в окрестностях Байонвилье и близ деревни Серизи. Однако экипажам во многих случаях удавалось продвинуться вперед со своими орудиями Хотчкисса и вывести из строя вражеские батареи. Уцелевшие танки продвигались к конечной цели, австралийская пехота быстро воспользовалась образовавшимися брешями”.

Конечной целью, выделенной 2-му танковому батальону, была деревня Харбоньер.

Пулеметный и артиллерийский огонь был сильным. Однако танки первой волны собрались в долине Серизи и вместе с остальной частью батальона начали атаку на вторую цель.

Лейтенант. Полковник Брайс победоносно повел свои танки к последовательному захвату всех отведенных им целей — Варфузе, Ламотта, Байонвилье и ряда других деревень.

Наконец они достигли Харбоньера, своей последней цели, и, все еще пешком, полковник Брайс вошел туда со своими ведущими танками и водрузил над деревней австралийский флаг.

Говоря наивными словами о “Почестях и премиях”, “Это оказало самое стимулирующее воздействие на каждого”.

В том же секторе лейтенант Перси Ид и его танк (из 2-го батальона), по-видимому, в одиночку захватили деревню и, что лучше всего, торжественно потребовали расписку при передаче ее австралийцам.

⁷² “Во время нападения 8 сентября. этот офицер проявил большую инициативу, мастерство и храбрость, столкнувшись с неожиданным сопротивлением противника.

Получив информацию от пехоты о том, что Марселькав все еще держится и угрожает их правому флангу, он согласовал план атаки с командиром пехоты и приступил к подавлению сопротивления. Он уничтожил по меньшей мере шесть пулеметов с их расчетами, кроме того, взял много пленных. Затем он передал деревню пехоте, с которой взял расписку. После восстановления своей позиции и во время второй фазы атаки он услышал противодействие со стороны байонвильцев, поэтому он направился к этой деревне. Приближаясь к нему с юго-запада, он обнаружил группу из трех легких полевых орудий, два из которых вели по нему огонь с близкого расстояния. Эти орудия уже подбили несколько танков. С большой отвагой и

решимостью он направил свой танк в их сторону и так направил огонь своих орудий, что рассеял артиллеристов. Подбив одно из полевых орудий, он проследовал в деревню, где его танк был непосредственно ответственен за захват по меньшей мере сорока вражеских танков.

“На протяжении всей операции этот командир танка подавал своему экипажу великолепный пример мужества и решимости. (Немедленная награда.)”

История 13-го батальона особенно полна намеков на превосходные отношения с их боевыми партнерами, австралийцами.

Все танки этого батальона были выведены на раскрашенную доску в цвета их собственной пехоты, из которой по одному унтер-офицеру оставалось с каждым экипажем и ехало в танке в качестве наблюдателя в день боя. Здесь можно отметить, что эти австралийские сержанты принесли наибольшую пользу в поддержании связи с пехотой и, кстати, вернулись в свои части с в значительной степени возросшим мнением о мужестве и выносливости личного состава танкового корпуса.

На втором этапе один танк использовался для поддержания связи между двумя ротами пехоты, пока не удалось ликвидировать брешь в линии фронта.

С канадцами вторая фаза была такой же жаркой. Типичная операция была проведена с помощью машины, принадлежащей 14-му батальону.

73Танк младшего лейтенанта Гулда продвигался к Красной линии, с которой открывался вид на долину, идущую на юг. Здесь было обнаружено, что противник готовится к контратаке. Вражеский транспорт с большим количеством отставших, по оценкам, около 1000 человек, полностью отступал вверх по дороге, а в самой долине формировались силы, оцениваемые в половину батальона, которые подкреплялись другими отрядами, заходившими с холма в тыл. Все это время этот танк находился под сильным огнем пулеметов и снайперов с левого фланга и тыла. По транспорту был открыт огонь из 6-фунтовых орудий, и наблюдались прямые попадания. Огонь М.Г. также был направлен с хорошим эффектом по отличным целям в долине, вызвав замешательство и дезорганизацию в рядах противника. При длительном движении на высокой скорости внутренняя часть танка быстро стала невыносимой из-за жары и паров бензина, и экипаж был вынужден эвакуировать его и укрыться под ним. В этот момент двое членов экипажа были ранены, один заболел, один потерял сознание, а один бредил. К счастью, прежде чем противник смог воспользоваться затишьем, подошли два танка “Уиппет” и кавалерийский отряд, и противник в долине начал отступать за холм”.

1-й танковый батальон вместе с канадцами пострадал чрезвычайно серьезно.

74“Из-за того, что французы были задержаны, британцы подверглись сильному анфиладному огню из деревень Бокур и Ле Кенэ, и девять из одиннадцати танков, принадлежащих роте “А”, получили прямые попадания от полевой батареи, стрелявшей по открытым прицелам из Ле Кенэ. Большинство загорелось и сгорело дотла, что привело к очень тяжелым потерям: трое из четырех командиров Подразделений были убиты, а оставшийся один ранен и взят в плен. За этой катастрофой последовал особенно героический поступок со стороны младшего лейтенанта Касселла, который заметил разрушительный огонь батареи и, пройдя мимо горящих жертв ее снарядов, направился прямо к ней, в попытке отомстить за гибель своих товарищей. Его героизм был напрасен, потому что не успел он пройти и нескольких ярдов, как получил

попадание снаряда в переднюю часть своего танка, которое вывело его из строя и убило младшего лейтенанта Касселла и большую часть его экипажа”.

Тем временем Уиппеты и кавалерия продвинулись вперед.

Они и бронетранспортеры должны были продвигаться за пределы атаки пехоты и тяжелых танков.

Обычно Уиппеты должны были предшествовать кавалерии, чтобы заставить замолчать пулеметы, разобраться с проволокой, если таковая имеется, и вообще проложить путь.

Однако на практике:

75“Была обнаружена трудность в поддержании связи с кавалерией из-за невозможности угнаться за скачущими всадниками, с одной стороны, и невозможности конного наступления под сильным пулеметным огнем, с другой стороны. Таким образом, два отделения роты ”С” 3-го батальона потеряли связь со своей кавалерией при подъеме на крутой холм из долины Игнокур”.

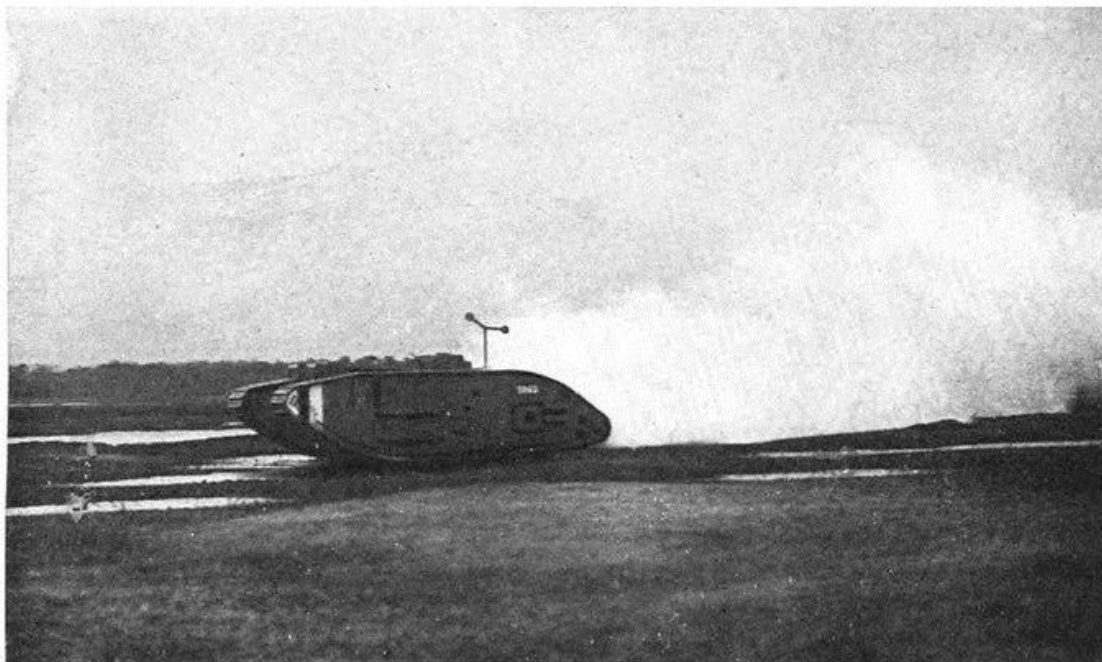
На самом деле было бесчисленное количество случаев трудностей со связью.

“Другой роте было приказано установить связь с 3-й кавалерийской бригадой, но, когда она прибыла на место встречи, никакой кавалерии замечено не было.

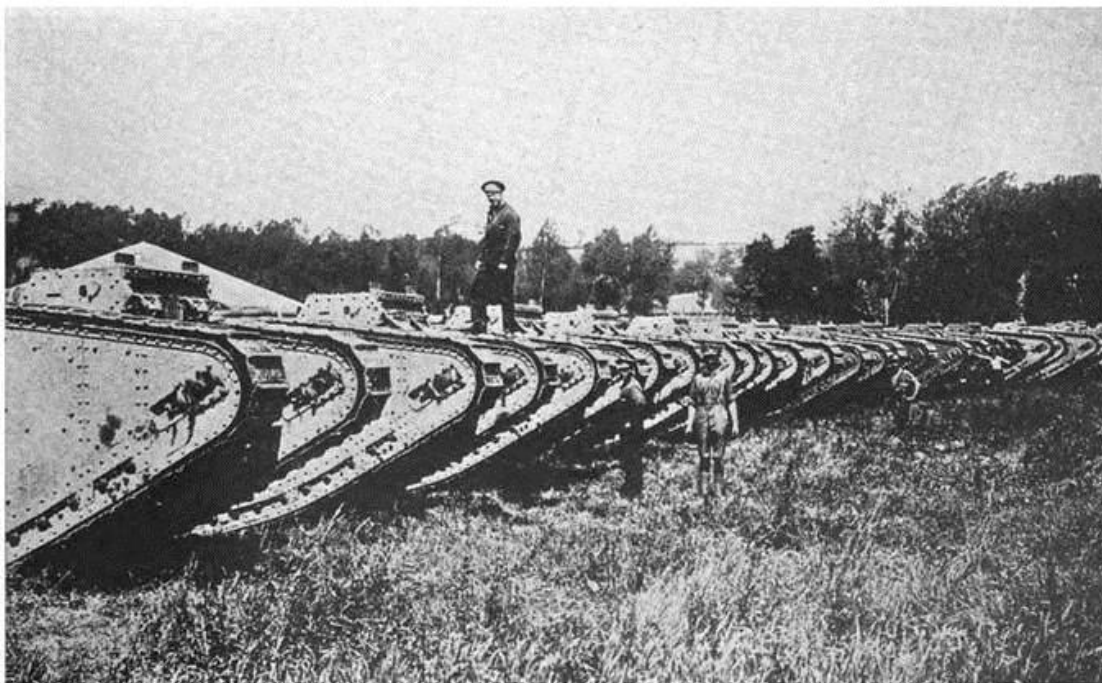
“Нулевой час был отложен на три часа, но об этом стало известно позже.

“Поскольку не удалось связаться с кавалерией, около полудня канадской пехоте, атаковавшей Бофорт и Уорвиллерс, была оказана помощь. Эта атака была успешной, и Уиппетс оказал большую помощь”.

Гораздо счастливее была судьба некоторых Уиппетов, которые играли независимую роль. Ниже приводится рассказ из первых рук о приключениях одной из таких машин, всеми запомнившегося Уиппета “Музыкальная шкатулка”.

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА И СЕМАФОР

ТАНКОДРОМ

Как покажет история, в течение многих месяцев не поступало никаких известий о судьбе машины или ее экипажа, состоящего из одного офицера, лейтенанта К. Б. Арнольда, и двух человек, наводчика Риббанса и механика—водителя Карни, и только в январе 1919 года в "Еженедельных танковых заметках" появилась следующая удивительная история:

“8 августа 1918 года я командовал ‘Музыкальной шкатулкой’ Уиппета в роте ‘Б’ 6-го батальона. Мы покинули пункт сбора в ноль (4.20 пополудни) и двинулись через местность к южной стороне

железной дороги в Виллер-Бретонне. Мы пересекли железную дорогу колонной секций по мосту на восточной окраине города. Я добрался до британской линии фронта и прошел сквозь австралийскую пехоту и несколько наших тяжелых танков (Mark V.) вместе с оставшимися Уиппетами из роты 'Б'. Четыре участка роты 'Б' двигались параллельно железной дороге (Амьен-Хам) через страну на восток. Проехав около 2000 ярдов в этом направлении, я обнаружил, что оказался ведущей машиной из-за того, что остальные машины были сброшены в кювет и т.д. Непосредственно передо мной я мог видеть больше Mark V. За танками вплотную следовала австралийская пехота. Примерно в это время мы попали под прямой артиллерийский огонь полевой батареи из 4 орудий, вспышки которой я мог видеть, между Абанкурмом и Байонвиллерами. Два танка Mark V. Справа от меня были подбиты. Я видел, как из этих машин выходили клубы дыма, и экипажи эвакуировали их. Пехота, следовавшая за тяжелыми машинами, понесла потери от этой батареи. Я повернул наполовину налево и побежал по диагонали через фронт батареи на расстоянии около 600 ярдов. Оба моих орудия смогли открыть огонь по батарее, несмотря на это, они выпустили по мне около восьми выстрелов без повреждений, но достаточно близко, чтобы их было слышно внутри кабины, и я мог видеть вспышку каждого орудия при выстреле. К этому времени я уже скрылся за полосой деревьев, растущих вдоль обочины. Я бежал вдоль этой полосы до тех пор, пока не поравнялся с батареей, после чего повернул полностью направо и задел батарею сзади. Заметив наше появление из-за полосы деревьев, артиллеристы, числом около тридцати человек, побросали свои орудия и попытались уйти. Наводчик Риббанс и я составляли всю группу. Я двинулся вперед, делая крюк влево, и расстрелял нескольких врагов, которые, казалось, были деморализованы и передвигались по местности во всех направлениях. Этот крюк вернул меня к железнодорожной ветке на Северо-запад от Гийокура. Теперь я мог видеть, как приближаются другие Уиппеты, а также несколько Mark V. Австралийская пехота, которая великолепно следовала за нами, теперь прошла через позицию батареи, которую мы засекли, и залегла на проселочной дороге примерно в 400 ярдах от батареи и немного левее ее. Я вылез из своей машины, подошел к австралийскому полному лейтенанту и спросил, не нужна ли ему какая-нибудь помощь. Во время разговора с ним он получил пулю, которая попала в металлическое наплечное кольцо, и осколок гильзы вошел ему в плечо. Пока он одевался, прибыли майор Райкрофт (конница), лейтенант Уотерхауз (танки) и капитан Стрейкен из роты "Б" 6-го батальона и получили подтверждение от австралийского офицера о том, что мы вывели из строя полевую батарею. Я рассказал майору Райкрофту о том, что мы сделали, а затем сразу же снова двинулся в путь, поскольку четверем машинам (лейтенант Уоткинс тоже прибыл) показалось неразумным оставаться неподвижными на одном месте. Я двинулся параллельно железнодорожной насыпи в восточном направлении, миновав два кавалерийских патруля численностью около двенадцати человек в каждом. Первый патруль получал потери от группы противника на кукурузном поле. Я разобрался с этим, убив троих или четверых, остальные скрылись из виду в кукурузе. Продвигаясь дальше на восток, я увидел второй патруль, преследующий шестерых врагов. Конь, шедший впереди, так устал, что не мог заметно обогнать самого заднего гунна. Некоторые из ведущих беглецов обернулись и выстрелили в кавалериста, когда его меч был вытянут и практически касался спины последнего гунна. Лошадь и всадник были сбиты слева от дороги. Остальные кавалеристы развернулись вправо, приблизившись вплотную к железнодорожной насыпи, где спешили и попали под огонь противника, который к этому времени занял позицию на железнодорожном мосту и вел огонь через парапет, нанеся одному или двум раненым. Я разгонял машину до тех пор, пока нам не стал хорошо виден мост, и убил четверых врагов одной длинной очередью, двое других перебежали мост и скрылись из виду,

спустившись по противоположному склону. Слева от нас, примерно в трех четвертях мили, я мог видеть горящий поезд, который буксировал паровоз. Я двинулся дальше на восток, по-прежнему параллельно железной дороге, и осторожно приблизился к небольшой долине, отмеченной на моей карте как имеющая хижинки Бошей. Когда я вошел в долину (между Байонвиллером и Харбоньером) под прямым углом, было видно, как многие противники собирают вещевые мешки, а другие отступают. Когда мы открыли огонь по ближайшему, из хижин появилось много других, направлявшихся к концу долины, их целью было перебраться через насыпь и таким образом скрыться из нашего поля зрения. Мы убили многих из них. Я обошел вокруг, Рибанс зашел в одну из хижин и вернулся, и мы насчитали около шестидесяти убитых и раненых. Среди хижин были видны следы обстрела снарядами, но мы, безусловно, составили большую часть подсчитанных там потерь. Я свернул налево от железной дороги и поехал по пересеченной местности, поскольку было видно, как отступают линии вражеской пехоты. Мы много раз стреляли по ним с дистанции от 200 до 600 ярдов. Эти цели были мимолетными из-за того, что противник при обстреле попадал в кукурузу. Несмотря на это, должно быть, было нанесено много потерь, поскольку мы курсировали вверх и вниз по меньшей мере час. Я больше не видел наших войск или машин после того, как покинул уже упомянутые кавалерийские патрули. Во время крейсерства, будучи единственной машиной, которой удалось прорваться, мы неизменно подвергались интенсивному ружейному и пулеметному обстрелу. Здесь я бы попросил вас не перевозить бензин снаружи машины, поскольку согласно приказу мы перевозили девять канистр бензина на крыше для дозаправки в тылу врага (если представится такая возможность). Перфорированные канистры позволяли бензину растекаться по всей кабине. Эти пары в сочетании с сильным всплеском пули и сильной жарой после девяти-десяти часов работы (к тому времени) привели к тому, что в этот момент было необходимо дышать через загубник коробчатого респиратора, фактически не надевая маску.

ПРОДВИГАЕМСЯ. БИТВА При АМЬЕНЕ

ПОДЪЕЗЖАЮЩИЕ БРОНЕВИКИ

“В 2 часа дня или около того я снова двинулся на восток, параллельно железной дороге и примерно в 100 ярдах к северу от нее. Я мог видеть большой аэродром, а также наблюдательный шар на высоте около 200 футов. Я также мог видеть большое количество автомобильного и конного транспорта, движущегося во всех направлениях. Над вершиной другого хребта слева от меня я увидел прикрытие грузовика, двигавшегося в мою сторону; я скрылся из виду и подождал, пока он не въедет на мост, после чего застрелил водителя. Грузовик съехал в правый кювет. Теперь железная дорога вышла из выемки, в которой она находилась все это время, и я мог видеть обе ее стороны. Я мог видеть длинную шеренгу людей, отступавших по обе стороны железной дороги, и стрелял по ним с расстояния 400-500 ярдов, нанося тяжелые потери. Я проехал через них, а также запомнил одну лошадь и возницу запряженного парусиной фургона на дальней стороне железной дороги. Теперь мы пересекли небольшую дорогу, пересекавшую главную железную дорогу, и увидели большие вереницы лошадей и повозок, которые тянулись поперек железной дороги и рядом с ней. Стрелок Риббанс (R.H. gun) отсюда имел вид на южную сторону железной дороги и непрерывно стрелял по автомобильному и конному транспорту, двигавшемуся по трем дорогам (по одной северной и южной, одна почти параллельно железной дороге и одна по диагонали между этими двумя). Я выпустил много очередей на расстоянии 600-800 ярдов по транспорту, блокирующему дороги слева от меня, вызвав большую неразбериху. Ружейный и пулеметный огонь в это время не был сильным из-за нашего внезапного появления, поскольку все дороги были перекрыты для того, чтобы пересечь железную дорогу. В среднем проходе этих шеренг было около двенадцати человек. Я выпустил по ним длинную очередь. Некоторые упали, а другие забрались под колеса и в подлесок. Я повернул на четверть влево, к небольшой рощице, где примерно в 200 ярдах от нас было больше лошадей и людей. По пути мы встретили самый интенсивный ружейный и пулеметный огонь, какой только можно вообразить со всех сторон. Когда это было возможно,

мы открывали ответный огонь, пока не была отстрелена крышка порта L.H. revolver. Я снял переднее ружье, зафиксировал крепление и прижал корпус ружья к отверстию. Бензин все еще стекал по внутренней стороне задней двери. Пары и жар в сочетании были очень плохими. Мы все еще двигались вперед, и я кричал водителю Карни, чтобы он разворачивался, поскольку продолжать движение было невозможно, когда два сильных сотрясения последовали одно за другим, и кабина загорелась. Карни и Рибанс добрались до двери и рухнули. Я был почти побежден, но сумел открыть дверь, вывалился на землю и смог вытащить двух других мужчин. Горящий бензин стекал на землю, где мы лежали. Свежий воздух привел нас в чувство, мы все встали и бросились бежать подальше от горящего бензина. Мы все были в огне. В этой спешке Карни был ранен в живот и убит. Мы перекатывались снова и снова, пытаясь погасить дым. Я видел, что со всех сторон приближается большое количество врагов. Первый прибывший напал на меня с винтовкой и штыком. Я схватил это, и острие штыка вошло в мое правое предплечье. Второй мужчина ударил меня прикладом винтовки по голове, попал в плечо и шею и сбил с ног. Когда я пришел в себя, вокруг меня были десятки людей, и каждый, кто мог дотянуться до меня, делал это, и я получал хорошие пинки. Они были в ярости. Нас с Рибансом увели, и мы стояли одни примерно в двадцати ярдах от толпы. Завязался спор, и в конце концов нас отвели в землянку, где нам на руки надели бумажные повязки. Наши лица оставили такими, какими они были. Затем нас погнали по дороге к главной железной дороге. Там мы присоединились к отряду противника примерно из восьми человек и прошли мимо полевой кухни, где я подавал знаки о еде. У нас ничего не было с 8.30 вечера накануне акции, а в 15.30 нас подожгли. Мы отправились в деревню, где на моей разведывательной карте был отмечен штаб дивизии. Пожилой полный офицер допросил меня, спросив, офицер ли я. Я сказал 'Да'. Затем он задал еще несколько вопросов, на которые я ответил: 'Я не знаю'. Он сказал: "Вы имеете в виду, что не знаете или не скажете мне?" Я сказал: 'Ты можешь воспринимать это как хочешь'. Затем он ударил меня по лицу и ушел. Мы поехали в Шолоне, в брезентовую больницу, расположенную по правую сторону железной дороги, где мне сделали противостолбнячную инъекцию. Позже меня снова допросили, с тем же результатом, что и вышеописанный, за исключением того, что вместо побоев я получил пять дней одиночного заключения в комнате без окна и только маленький кусочек хлеба и тарелку супа каждый день. На пятый день меня снова допросили, и я сказал то же, что и раньше. Я сказал, что он не имел права помещать меня в одиночную камеру и что, если меня не освободят, я должен при первой же возможности сообщить о нем в самые высокие инстанции. На следующий день меня отправили, и в конце концов я добрался до лагеря во Фрейбурге, где нашел своего брата, капитана А. Э. Арнольда, М.К. танкового корпуса. Поведение наводчика Рибанса и водителя Карни на всем протяжении было выше всяких похвал. Водитель Карни вел машину от Виллер-Бретонне и далее.

*“(Подпись) К. Б. Арнольд, лейтенант,
“6-й танковый батальон.*

“1 января 1919 года.”

Цистерна была найдена недалеко от небольшой железной дороги на восточной стороне дороги Харбоньер-Розьер.

VI

Финальная стадия дневного сражения была достигнута к полудню.

Бронетранспортеры, быстро продвигавшиеся на восток по главным дорогам, многое сделали для полной деморализации противника.

76“Противник, отступив, был полностью деморализован. От командиров броневинов, которые возвращались по главной дороге Виллер-Бретонне, можно было услышать, как они преследовали возбужденные немецкие штабные машины и офицеров через разрушенную деревню Фокур и в конце концов были задержаны, потому что движение противника было настолько перегружено на дорогах в тылу, что они не могли продвинуться дальше. Затем сообщалось, что военно-воздушные силы завершили эту неразбериху, добившись отличных результатов в полетах на низкой высоте над этими дорогами

“Машины, повернувшие на север, въехали в Проярт и Шеньоль, две из них двигались вверх к реке Сомма. В Проярте машины застали немецкие войска за обедом; их они подбили и рассеяли во всех направлениях, а затем, двигаясь на запад, встретили массы противника, изгнанного австралийцами из их окопов. Чтобы застать врасплох этих людей, двигавшихся на восток, машины спрятались на окраинах Проярта и продвинулись вперед только тогда, когда противник был на расстоянии от пятидесяти до ста ярдов, когда они двинулись вперед, быстро расстреливая большое количество людей. Рассеявшись перед машинами в Проярте, противник двинулся через местность в направлении Шеньоля, но был встречен машинами, которые проследовали в эту деревню, и они снова были обстреляны и рассеяны. Недалеко от Шеньоля один броневинок ‘потренировался’ в стрельбе из пулеметов по грузовику, полному солдат, и продолжал вести огонь до тех пор, пока грузовик не съехал в кювет. Было также несколько случаев, когда бронированные автомобили следовали за немецкими транспортными средствами без каких-либо подозрений на что-либо необычное, пока не был открыт огонь в упор.

“Хотя к вечеру 8-го вышло из строя более половины машин, среди их личного состава не было потерь, достаточно серьезных, чтобы потребовалась эвакуация”.

Танки Mark V. star успешно достигли конечной цели дня и доставили своих пехотных пулеметчиков на рубеж, который должен был стать пределом нашего продвижения.

Однако то, что они были должным образом “доставлены”, - это все, что можно сказать о многих из этих несчастных.

Движение, жара и испарения внутри Танка, закрытого для действий, почти неизменно оказывались непосильными для всех, кроме хорошо просоленного экипажа самого Танка.

Следовательно, там, где огонь был встречен слабо, пулеметчики появлялись либо верхом, либо пешком позади него.

Там, где огонь был сильным, и им строго приказывали войти, а Танк закрывали, их доставляли покрасневшими, с лихорадкой и либо рвотой, либо в крайне слабом состоянии, и они были совершенно непригодны к несению службы, пока им не давали хотя бы пару часов отдыха.

Только австралийский корпус и его танки взяли около 7900 пленных, а общее количество захваченных нами составило более 13 000 пленных и более 300 орудий, не считая всевозможных припасов и боеприпасов. На протяжении одиннадцати миль наступления мы продвинулись на глубину почти семи миль, и (за исключением Ле-Кенуа, который мы захватили перед рассветом 9-го) были взяты все внешние укрепления Амьена. Бронированные машины и часть кавалерии, как мы видели, участвовали в боевых действиях далеко за их пределами. К северу от Соммы наше наступление было наиболее ожесточенным, но даже здесь мы значительно продвинулись вперед, и потери противника были особенно тяжелыми.

Железная дорога Париж-Амьен была полностью освобождена, и в Депеше первый день боев характеризуется как “оглушительный успех”.

VII

Всю ночь на востоке, за пределами нашего продвижения, мы слышали, как противник взрывает свои склады боеприпасов.

Всю ночь его транспорт и передние части двигались на восток, и всю ночь наши летчики висели над его отступающими колоннами.

На следующее утро мы снова атаковали по всей линии, фактически задействовав не менее 155 танков.

Австралийцы наступали на Лихон, Фрамервилл и Воксвиллер, в то время как справа от них канадцы продолжали наступление к югу от железной дороги Амьен-Шолн.

В атаке на Фреймервилл из тринадцати участвовавших танков был подбит только один.

Этот факт объяснялся замечательным взаимодействием пехоты и танков.

77“Стрелки, работающие рука об руку с машинами, уничтожали полевых артиллеристов противника, как только танки появлялись в поле зрения. В Воксвиллере семь танков вступили в бой незадолго до полудня без сопровождения пехоты и артиллерийской поддержки. После того, как танки немного продвинулись вперед, 5-я австралийская дивизия последовала за ними и захватила не только высоту, но и саму деревню, которая не входила в их первоначальную цель”.

Близ Розьера сопротивление усилилось, и здесь не менее восьми танков было подбито немецкой батареей, вступившей в бой близ Лихона. Только в 5 часов вечера эта батарея замолчала, и в ту ночь мы не добрались до Лихонса.

78“Дневные операции были особенно интересными из-за быстроты, с которой противник привел в действие свои полевые батареи с господствующих позиций против танков, наступающих среди бела дня. Он также использовал несколько низколетящих самолетов против пехоты, но поскольку они не несли бомб, их огонь не оказывал никакого воздействия на танки. Сопротивление, оказанное его стрелками и пулеметчиками, было слабым и ясно показало моральный эффект победоносного наступления предыдущего дня”.

Вместе с канадцами было мобилизовано как можно больше танков, и около пятидесяти пяти вступили в бой. Они продвигались вперед, как и прежде, волнами, те же танковые батальоны взаимодействовали с теми же пехотными дивизиями, что и накануне.

К северу от Соммы вместе с 3-м корпусом (в который входила 33-я американская дивизия) 10-й танковый батальон ввел в бой шестнадцать танков.

Им предстояла трудная задача в районе Чипилли, где у противника было большое количество пулеметов, искусно спрятанных в лесах и оврагах. Однако к раннему вечеру все цели были взяты, и наши позиции продвинулись вперед в соответствии с теми, которые мы удерживали к югу от реки, причем продвижение было достигнуто ценой потери пяти человек из шестнадцати задействованных машин.

Действия "Уиппетов", поскольку им было предложено действовать в составе кавалерии, были разочаровывающими. По какой-то ошибке связных их слишком долго продержали в штабе бригады.

Однако у Бофорта и Уорвиллера они смогли оказать большую помощь пехоте, выгоняя вражеских пулеметчиков из кукурузы и расстреливая их, когда они убегали.

В целом день 9 августа был успешным, поскольку мы продолжали неуклонно продвигаться вперед по всей нашей линии.

VIII

Фактически мы продвинулись вперед так далеко, что в ходе боев следующего дня достигли по всей линии фронта старых систем траншей времен Первой битвы на Сомме. И именно этот факт в сочетании с обычным и неизбежным затуханием всех атак, не подкрепленных огромными резервами, теперь снизил скорость нашего наступления до нуля. Два дня спустя мы перестали стучать молотком.

10-е число оказалось неудачным днем для танков, потому что, хотя мы продвигались вперед, восемьдесят пять танков, участвовавших в боях, сильно пострадали на каждом участке.

Что касается канадцев, то из-за того, что приказы были отданы с опозданием, время атаки пришлось изменить, и в конце концов она состоялась при дневном свете без задымления.

Было встречено упорное сопротивление, и из сорока трех участвовавших в бою танков не менее двадцати трех получили прямые попадания.

До войны кавалерии и Уиппетам приходилось особенно туго: старые системы траншей и старая обстреливаемая территория, которыми враг умело и основательно воспользовался, оказались слишком тяжелыми для обеих родов войск.

С австралийцами была организована довольно примечательная ночная атака.

Во время боев трех предыдущих дней было признано крайне неудобным использовать долину Соммы в качестве межкорпусной границы, и генералу Монашу было разрешено расширить свою территорию на север таким образом, чтобы австралийцы удерживали обе стороны долины.

Таким образом, было предпринято движение на окружение, о котором капитан Денни, член парламента, дает следующий отчет в своей статье о работе австралийцев, появившейся в "Дейли Телеграф" в апреле 1919 года:

“3-й и 4-й австралийским дивизиям было приказано провести операцию по окружению в ночь с 10 на 11 августа, чтобы отрезать отрог Этинем к северу от Соммы и горный хребет к востоку от Проярта, к югу от Соммы. Общие направления операции как к северу, так и к югу от реки были схожими. Колонны должны были двигаться по определенным дорогам, оставляя цели далеко на флангах, а затем окружить позиции противника. Каждую колонну сопровождали танки, и она должна была двигаться в восточном направлении, а затем развернуться в направлении Соммы. Было признано, что это действие сопряжено с определенным риском, поскольку танки никогда не испытывались таким образом ночью, но ввиду *морального* состояния противника на этом этапе было сочтено, что эффект продвижения танков и пехоты немедленно приведет к краху обороны.

“Действия к северу от реки были полностью успешными. К югу от реки противник рано ночью сильно бомбил передовой район, что привело к значительной задержке в подготовке к атаке. Продвижение поначалу было медленным из-за сильного вражеского артиллерийского и пулеметного огня, а также дезорганизации, вызванной бомбардировками. Два танка, выделенных для операций, были уничтожены или выведены из строя очень скоро после часа ноль”.

Почти с самого начала атаки сильный вражеский пулеметный огонь велся с большой вражеской свалки на обочине главной дороги. Танки не могли в темноте обнаружить эти пулеметы и мало что могли сделать, чтобы помочь пехоте. Поэтому было решено отказаться от операции и отвести пехоту под прикрытием неприцельного огня танков, которые сами были отозваны, когда пехота отошла подальше.

Только вечером 12 августа танки и пехота смогли продвинуться в этом секторе, и мы заняли позиции к востоку от Проярта.

К 11 августа резервы танкового корпуса были израсходованы, а танки и их экипажи сражались практически до полной остановки. У них было три дня непрерывных боев и маршей, и из тридцати восьми танков, которые вступили в бой 11-го, не было ни одного, который остро нуждался бы в ремонте. Экипажи были полностью измотаны. Мы уже описывали условия, при которых мужчины сражались в Mark V. Танк, и как в среднем после трех часов пребывания в закрытом танке, орудия которого находятся в действии, все мужчины начинают страдать от сильной головной боли и головокружения, а большинство - от тошноты, высокой температуры и нарушений сердечного ритма.

После битвы при Амьене экипажи большинства уцелевших танков сражались три дня, а не три часа, причем 50 процентов из них были на грани краха. Некоторые из них были на грани краха. Однако, как мы уже говорили, было собрано тридцать восемь машин и экипажей, и 11 августа десять танков 2-го батальона помогли австралийцам при взятии Лихонса. Этим танкам предстоял марш-бросок протяженностью восемь миль, прежде чем они достигли мест своего старта.

Вместе с канадцами танки атаковали Домени и дважды входили в деревню, но 4-я канадская дивизия не смогла продвинуться вперед для закрепления из-за отсутствия поддержки справа.

12-го, пока шесть танков все еще сражались в районе Проয়ারта к северу от Соммы, 4-я и 5-я бригады были выведены, за ними на следующий день последовали остальные танки.

IX

Мы объявили привал, и битва при Амьене подошла к концу, поскольку союзники снова выбрали время и место, где они должны были дать сражение.

Командиры, у которых во рту был горький привкус вынужденных действий при отступлении маршем, должно быть, чрезвычайно наслаждались этим простым выбором. В уверенных словах Дешеша есть что-то волнующее. Нам было наплевать на новое место битвы! Мы бы изменили его и сражались в другом месте!

“Заброшенный район боевых действий, который теперь лежал перед нашими войсками, изрытый старыми линиями траншей, изрытый воронками от снарядов и пересеченный во всех направлениях спутанными полосами проволоки, весь покрытый двухлетней дикой растительностью, предоставлял непревзойденные возможности для упорной пулеметной обороны

Поэтому я решил прекратить сражение на этом фронте и перенес фронт наступления от 4-й армии в сектор к северу от Соммы, где атака противника казалась неожиданной. Мое намерение состояло в том, чтобы 3-я армия действовала в направлении Бапома, чтобы обойти линию старой обороны на Сомме с севера”.

Мы нанесли удар сразу. Танкам было дано всего четыре дня на капитальный ремонт машин и подлатку экипажей, ибо 21 августа мы открыли новое сражение.

Между тем трудно было осознать, насколько велик был моральный и физический удар, который мы нанесли немцам. Июльские атаки были предварительными, но битва при Амьене стала решающей победой, верным доказательством того, что немцы потеряли всякую надежду выиграть войну силой оружия.

Но в то время мы не могли с уверенностью прочесть громоподобный знак нашего освобождения. Мы могли видеть только более непосредственные результаты сражения.

79“В течение пяти дней город Амьен и проходящая через него железная дорога были освобождены. Двадцать немецких дивизий потерпели сокрушительное поражение от тринадцати британских пехотных дивизий и трех кавалерийских дивизий при содействии полка 33-й американской дивизии и поддержке примерно 400 танков. Нами было захвачено почти 22 000 пленных и более 400 орудий, и наша линия фронта была продвинута вперед на глубину около двенадцати миль на жизненно важном участке. Кроме того, наше глубокое продвижение в сочетании с атаками французских армий справа от нас вынудило противника спешно эвакуировать обширную территорию к югу от нас.

“Эффект этой победы, последовавшей так близко после победы союзников на Марне, на *моральный* уровень как немецких, так и британских войск был очень велик. Воодушевленные надеждой на немедленную и решительную победу, за которой последует скорый и благоприятный мир, постоянно убежденные в том, что резервы союзников исчерпаны, немецкие солдаты внезапно оказались атакованными с двух фронтов и отброшенными с

тяжелыми потерями от большой и важной части своих прежних завоеваний. Реакция была неизбежной и носила глубокий и длительный характер.

С другой стороны, наши собственные войска почувствовали, что наконец-то представился удобный случай и что при поддержке превосходящей артиллерии и многочисленных танков они теперь могут решительно продвигаться вперед, чтобы пожинать плоды своей терпеливой, бесстрашной и успешной обороны в марте и апреле“.

Однако мы знали, что нам еще предстоит тяжелые бои, и тщательно анализировали каждый этап боевых действий, чтобы понять, не сможем ли мы извлечь из них какой-нибудь практический урок, который поможет нам в ближайшие месяцы.

Танковое командование отметило несколько моментов “для справки”. Во-первых, сражение завершилось бы быстрее, если бы у танков был больший общий резерв.

Тогда ни Mark V., ни Whippet не были достаточно быстры для открытой войны.

Если бы у нас тогда были машины, подобные тем, что мы имеем сейчас, с 80 скоростями, вдвое превышающими скорость Mark V., и радиусом действия 100 миль и более, мы бы, по скромным подсчетам, закончили сражение в первый день.

Наконец, мы не использовали наши Уиппеты с максимальной пользой.

3-й (легкий) Командир бригады, бригадир.Генерал Хардресс-Ллойд, таким образом, превосходно резюмировал уроки сражения и изложил альтернативные принципы, на которых можно было бы использовать легкие машины:

“Я не думаю, что целесообразно пытаться использовать нынешний Уиппет в сочетании с кавалерией. В ходе этих операций были бы достигнуты лучшие результаты, если бы Уиппетс работал в тесном взаимодействии с Марком В. Танки и пехота.

“Уиппет недостаточно быстр, чтобы соответствовать тактике кавалерии на ранних стадиях сражения.

“Роль Уиппетов должна заключаться в том, чтобы продвигаться вперед среди отступающего противника и не давать ему перестроиться, задействовать подошедшее подкрепление, в конечном итоге позволив пехоте продвинуться дальше, захватить пленных, оружие и т.д.

“... Они должны двигаться вперед в тесном контакте с тяжелыми танками, чтобы быть достаточно близко, чтобы при необходимости нанести удар. При сдерживании кавалерии скорость “Уиппета” недостаточна для того, чтобы машина могла оказаться в переднем положении в необходимый момент, и ее наступательная мощь будет серьезно снижена”.

Но не для нас битва 8 августа преподала свои главные уроки.

Немецкое верховное командование проявило красноречие в негодующих увещеваниях и страстно потребовало, чтобы опыт немецкой армии был использован и чтобы то, что произошло 8-го числа, никогда больше не повторилось.

11 августа генерал Людендорф издал секретный Приказ:

“Войска позволили застать себя врасплох массовой атакой танков и потеряли всякую сплоченность, когда танки внезапно появились позади них, прорвавшись под прикрытием тумана, естественного и искусственного. Организация обороны, как на первой линии, так и в тылу, была недостаточной для обеспечения систематической обороны.... Как оружие против танков, подготовленная оборона местности должна играть большую роль, чем когда-либо, и отвращение людей к кирке и лопате должно быть преодолено любой ценой.... Особенно необходима защита от танков. Было абсолютно недопустимо, чтобы танки, проникнув в нашу передовую линию, не встретив препятствий или чего-либо еще, могли продвигаться по дорогам или рядом с ними на протяжении многих миль.... Принцип, согласно которому группа войск, даже находясь в окружении, должна защищать свою территорию, если не будет приказано иное, до последнего человека и последнего патрона, похоже, канул в лету ... большая часть наших солдат неумело сражается с танками. Танк - легкая добыча для артиллерии всех калибров”

Далее следует отчет о мерах по надлежащему размещению артиллерии против танков, а остальная часть Приказа посвящена указаниям пехоте относительно того, на какой дистанции противотанковое ружье и пушка наиболее эффективны. Рассмотрение этих моментов является долгим и исчерпывающим. Людендорф далее возлагает большие надежды на “активный и изобретательный гений нижних чинов унтер-офицеров в организации танковых ловушек и требует всяческого поощрения тех, кто проявляет какой-либо изобретательский талант”.

Это были всего лишь разносчики лекарств. Когда, как при Амьене, взаимопонимание между пехотой и танками почти идеальное, и когда великолепный бой австралийцев и канадцев опирается на 400 танков, даже войска самой хорошо обученной армии в мире не могут выдержать согласованного удара их атаки.

16 августа командующий 4-й армией генерал сэр Генри Роулинсон издал Специальный приказ:

-*Танковый корпус.* Успех операций 8 августа и последующих дней был в значительной степени обусловлен заметной ролью, сыгранной 3-й, 4-й и 5-й бригадами танкового корпуса, и я хочу официально выразить свою искреннюю признательность за неоценимые услуги, оказанные как "Марком V.", так и "Марком V. стар" и "Уиппет".

“Задача тайной сборки такого большого количества танков потребовала очень тяжелой и непрерывной работы всех заинтересованных сторон в течение четырех или пяти ночей, предшествовавших сражению.

“Тактическое управление танками в бою требовало мастерства и физической выносливости подразделений, которые были встречены с отвагой и преданностью выше всяких похвал.

“Я хочу официально выразить свою признательность за великолепный успех, которого они достигли, и сердечно поздравить Танковый корпус в целом с завершенностью их подготовки и замечательной доблестью, проявленной всеми чинами, фактически задействованными в этом случае. Из их опыта можно извлечь много жизненно важных уроков. Я надеюсь, что они будут приняты близко к сердцу всеми заинтересованными сторонами и в полной мере использованы, когда в следующий раз Танковому корпусу придется вступить в бой.

“Роль, которую сыграли танки и "Уиппеты" в сражении 8 августа, была во всех отношениях очень хорошей игрой.

“(Подпись) Х. Роулинсон, генерал,
Командующий 4-й армией.

“Штаб 4-й армии,
“16 августа 1918г..

Не были менее щедрыми и австралийцы.

Следующее сообщение типично для многих. Оно было отправлено Brig.-Генерал Кураж (командующий 5-й танковой бригадой) командира 4-й австралийской дивизии:

- 5-я танковая бригада Г.О.К.

“Я хочу выразить вам и командованию, связанному с нами 8 августа и в последующие дни, от имени 4-й австралийской дивизии нашу глубокую признательность за самую доблестную службу, оказанную Танковым корпусом во время наших наступательных операций. Неизменное мастерство и отвага, с которыми танки, индивидуально и коллективно, использовались во время боя, вызывали восхищение всех чинов пехоты, с которыми они были так тесно связаны, и наш успех был в значительной степени обязан вашим усилиям.

“Мы искренне надеемся, что в будущих наступательных операциях, в которых мы можем принять участие, мы будем иметь честь быть связанными с теми же подразделениями Танкового корпуса, что и во время операций 8 августа и последующих дней.

“(Подпись) Э. Г. Синклер Маклаган,
генерал-майор,
командующий 4-й австралийской дивизией“.

Наконец, в поздравительной телеграмме после сражения Главнокомандующий высоко оценил мастерство и храбрость, проявленные танковым корпусом при одержании этой знаменательной победы.

ГЛАВА XVIII

ОТНОШЕНИЕ НЕМЦЕВ — “ЛОВУШКИ Для ЛЮДЕЙ И ДЖИНЫ” -БИТВА При БАПОМЕ

Я

Мы, как уже говорили, приостановили битву при Амьене.

Но пауза продлилась всего несколько дней.

Новое сражение должно было состояться в районе, лежащем между реками Сомма и Скарпе, и сэр Дуглас Хейг в своем Донесении для выбора именно этого места приводит две причины.

“Противник, по-видимому, не был готов встретить атаку в этом направлении, и благодаря успеху Четвертой армии он занял выступ, левому флангу которого уже угрожали с юга. Еще одной причиной моего решения было то, что местность к северу от реки Анкре не была сильно повреждена снарядами и была пригодна для использования танков. Успешное наступление между Альбером и Аррасом в юго-восточном направлении повернуло бы линию Соммы к югу от Перонна и давало все основания надеяться на далеко идущие результаты. Это было бы шагом вперед на пути к стратегической цели Сен-Кантен-Камбре”.

Интересно посмотреть, какое высокое место танки теперь занимали в оценке Генерального штаба и насколько тщательно учитывались их особенности.

Но естественной историей Танка занялось не только британское верховное командование.

После небольших июльских сражений и более крупного сражения 8 августа отношение немецкого Генерального штаба полностью изменилось.

Когда мы впервые начали использовать танки, следует помнить, что немцы, хотя и небрежно называли их “жестокими и отвратительными”, фактически насмеялись над ними как над импровизацией, с помощью которой мы надеялись пополнить наш скудный запас более законных боевых средств.

Кроме того, их презрение ко всему, что мы делали, было искренним, британское происхождение Танков прокляло их без дальнейшего расследования.

“Ищите и смотрите, ибо из Галилеи не приходит ничего доброго”.

Сами немцы совершенно ясно выразили свою позицию.

“Использование 300 британских танков при Камбре (1917) было ”битвой за материальные ценности”, и немецкое высшее командование с самого начала решило *не* вести "битву за материальные ценности"".

Их политикой были массы людей, а не механизмы, количество, а не качество.

Лучшие бойцы пошли в пулеметные части и в штурмовые отряды. Во многих случаях остальная пехота не представляла особой боевой ценности, хотя многие из этих людей могли бы быть с пользой использованы в войне, которая была если не материальной, то, по крайней мере, такой, в которой экономические факторы играли большую роль.

Однако немецкое высшее командование смогло ознакомиться с боевым порядком, в котором на бумаге было указано около 250 дивизий.

Но немцы, таким образом, естественно, были не в состоянии найти рабочую силу для строительства дополнительных материалов, таких как танки; кроме того, они концентрировали любую рабочую силу и любые подходящие материалы, которыми они располагали, на создании подводных лодок.

Кажется очевидным, что о проводимой политике в целом, по крайней мере в том, что касалось танков, пожалели еще до окончания войны.

Следующие ныне хорошо известные выдержки из немецких документов указывают на воздействие наших танков на немецкую армию:

“Офицеры штаба, присланные из Ставки Верховного Главнокомандования, сообщают, что причины поражения Второй армии⁸¹ заключаются в следующем:

“1. Тот факт, что войска были застигнуты врасплох массовой атакой танков и растерялись, когда танки внезапно появились у них за спиной, прорвавшись под прикрытием естественного и искусственного тумана.

“2. Отсутствие организованной обороны.

“3. Тот факт, что артиллерии, выделенной резервным пехотным частям, находившимся в распоряжении Вышестоящего командования, было совершенно недостаточно для организации нового сопротивления при артиллерийской поддержке против прорвавшегося противника и его танков.

“Ludendorff, 11. 8. 18.”

“Группа армий кронпринца.

“12. 8. 18.

“Генштаб сообщает, что во время недавних боев на фронтах 2-й и 18-й армий большое количество танков прорвалось на узких участках фронта и, продвигаясь прямо вперед, стремительно атаковало позиции батарей и штабы дивизий.

“Во многих случаях невозможно было вовремя защититься от танков, которые атаковали их со всех сторон.

“Теперь необходимо разработать противотанковую оборону, чтобы справляться с подобными ситуациями”.

Сигнальная связь—

“Сообщения, касающиеся Танков, будут иметь приоритет над всеми другими сообщениями или звонками вообще”.

“Приказ от 8. 9. 18”.

II

Первые попытки германского верховного командования бороться с танками были наполовину пренебрежительными, главным образом для того, чтобы успокоить свою пехоту, которая, как им казалось, без особой причины подвержена чрезвычайным нервным припадкам и панике при приближении новых противников.

Меры защиты были плохо продуманы и применялись небрежно.

Следует помнить, что осенью 1917 года немцы захватили несколько наших машин Mark IV.

Они использовали их в целях пропаганды, выставляя напоказ на улицах Берлина и демонстрируя армии, как человек может продемонстрировать безвредность змей с помощью ручной кобры.

Пехотинцам прочитали лекцию о страданиях, выпавших на долю экипажей танков, об их механических дефектах, уязвимости и общей никчемности. Например, следующий отрывок появился в Приказе, изданном 7-й немецкой кавалерийской дивизии. Из текста можно сделать вывод, что Приказ был проиллюстрирован подробными рисунками.

“7-я кавалерийская дивизия "Шютцен", начальник штаба 26.9.18.

“Тема:—Противотанковая оборона.

“Приказ по дивизии

“1. Общие положения.

“Пехота не должна позволять себе пугаться танков. Боеспособность танка невелика из-за плохой видимости, а стрельба из пулеметов и пушек затруднена и неточна из-за движения.

“Было доказано, что экипажи танков нервничают и склонны поворачивать назад или покидать танк даже в случае ограниченного огневого воздействия, такого как заградительный огонь легкого Т.М. (траншейного миномета) с расстояния 800-1000 ярдов. Чтобы затруднить работу артиллерии, танки движутся к своей цели зигзагообразным курсом.

“Вражеская пехота следует за танками без особого энтузиазма. Опыт показывает, что вражеские атаки вскоре пресекаются прицельным пулеметным и артиллерийским огнем. Взаимодействие между танками и их пехотными подразделениями должно быть максимально затруднено. Оружие должно быть тщательно отделено и уничтожено. Все снаряды, которые не попадают в броню под прямым углом, ricochetят, а не проникают внутрь. Огонь артиллерии, легких траншейных минометов и противотанковых ружей эффективен по всем частям танка, особенно по бортам и кабине (на иллюстрациях выделены красным). С другой стороны, пулеметный и ружейный огонь пулями А.П. должен быть направлен, в частности, на смотровые и пулеметные бойницы (на иллюстрациях они выделены зеленым и синим)”.

Но враг не удовлетворился простой диалектической обороной. Среди других практических мер немцы, с любопытной непоследовательностью, решили сформировать собственный небольшой танковый корпус, частично вооруженный новыми танками немецкого производства, а частично трофейными британскими машинами.

Но тут возникла небольшая неожиданная неловкость. Пехота, из которой они теперь хотели набрать свои танковые экипажи, к сожалению, была полностью убеждена неопровержимыми аргументами, которые они только что услышали, и теперь полностью уверовала в совершенную бесполезность, крайнюю уязвимость танков.

Таким образом, получилось, что немецкий танковый корпус состоял из людей на удивление неохотных и нерешительных. В общей сложности было произведено всего пятнадцать немецких танков и только двадцать пять трофейных британских Mark IV. Танки ремонтировались, так что в целом это дело было незначительным.

Немецкие танки были, как мы уже говорили, намного тяжелее и крупнее британских или французских тяжелых танков, хотя, как мы уже отмечали, они скорее напоминали французский St. Chamond. Они не могли пересекать большие траншеи или сильно обстреливаемую местность из-за своей формы и отсутствия зазора между землей и корпусом. На ровной земле их скорость была хорошей — около восьми миль в час.

Их броня была толстой и прочной, способной выдерживать бронебойные пули, а на большой дистанции - даже прямые попадания полевых орудий, не стреляющих бронебойными снарядами. Однако только передняя часть танка была достаточно прочной для этого, а крыша вообще почти не была бронирована.

Они были очень уязвимы к попаданию обычных боеприпасов стрелкового оружия из-за многочисленных щелей и стыков, оставшихся в броне.

Самой интересной особенностью этих в остальном чрезвычайно плохих машин было то, что они двигались по пружинящей трассе. Использование рессор для столь тяжелого танка было единственным прогрессивным шагом в немецком дизайне.

Их экипаж состоял из офицера и не менее пятнадцати других чинов. Этот огромный экипаж, вдвое превосходящий тяжелый британский танк, фактически вступил в бой в танке длиной 24 фута и шириной 10 футов. Однако тесная связь экипажа была чисто физической, поскольку они состояли не менее чем из трех различных родов войск и, похоже, практически не тренировались вместе как команда.

Были водители, которые были механиками, были наводчики, которые были артиллеристами, и пулеметчики, которые были пехотинцами. Военнослужащие британского танкового корпуса были одно время сильно озадачены заявлениями пленных немецких танкистов о том, что в том или ином случае пехота испортила стрельбу или что артиллерия не поддержала их в обстоятельствах, когда не было особого вопроса о сотрудничестве с другими родами войск. Впоследствии они пришли к пониманию, что преданные анафеме представители конкурирующих родов войск находились внутри машины, а не снаружи.

Но на самом деле машины конкурентов составляли лишь малую часть немецких противотанковых средств, поскольку, как мы уже говорили, после побед июля и начала августа их разработка вызывает панику, а после битвы при Амьене мы видим, как сам Людендорф изливает душу по этому поводу.

Он, очевидно, понимал, что противотанковой обороной пренебрегали, и, вероятно, понимал также, что это пренебрежение будет трудно объяснить армии и общественности, которые в результате неудач вот-вот станут крайне критически относиться к своим лидерам.

Таким образом, после битвы при Амьене немцы начали лихорадочно наводить порядок в своих домах, и мы находим специальных штабных офицеров, назначенных в штабы армии, корпусов, дивизий и бригад, единственной обязанностью которых была организация противотанковой обороны в пределах их формирования.

Специальная артиллерия была выделена и разделена на два отделения. Первое заключалось в том, чтобы обеспечить несколько передовых бесшумных орудий в каждом секторе дивизии. Они должны были оставаться скрытыми до момента нашей атаки, а затем сконцентрироваться на

наших танках. Эти орудия, однако, оказались склонны глушиться нашим заградительным огнем или не были способны различить свою добычу в полумраке наших рассветных атак. Во-вторых, должны были быть резервные орудия, в обязанности которых входило выдвигаться вперед и занимать предварительно разведанные позиции после начала танковой атаки. Как правило, именно этих орудий танки должны были опасаться больше всего. Наконец, все немецкие батареи, включая гаубицы, имели общие инструкции планировать свои позиции таким образом, чтобы наступающие танки были подвержены обстрелу прямой наводкой с расстояния примерно 500 или 600 ярдов. В случае танковой атаки задействование наших машин теперь должно было быть первым вызовом артиллерии, исключая контрбатарейную или любую другую работу. Что касается пехоты, то главная роль, отведенная ей, заключалась в том, чтобы “не терять головы” и “сохранять спокойствие”. В других приказах им предписывалось отходить во фланг в случае танковой атаки. “Однако не было дано никаких советов относительно того, как это следует делать, когда танки атакуют на фронте в двадцать или тридцать миль”.

Возник большой арсенал специального противотанкового оружия, и самым важным из них было противотанковое ружье, о котором мы говорили ранее.

82 “Оружие весило 36 фунтов и имело длину 5 с половиной футов. У него не было магазина, и он стрелял одиночными выстрелами, используя пневматические патроны калибра .530. Очевидно, что это было слишком заметное и слишком медленное оружие, чтобы быть действительно эффективным против танков, хотя стальной сердечник мог пробивать броню британских танков с расстояния в несколько сотен ярдов.

“Однако главным недостатком противотанкового ружья было то, что немецкий солдат им не пользовался. Он не был обучен его использованию, боялся его удара, а еще больше боялся самих Танков. Сомнительно, что один процент. из противотанковых винтовок, захваченных в ходе наших танковых атак, когда-либо стреляли”.

Препятствия на дорогах, такие как тележки с камнями, соединенные проволочными тросами, бетонные частоколы и мины, составляли значительную часть остального противотанкового арсенала противника. Минбыло значительное разнообразие. Они варьировались от сложных, специально изготовленных устройств до осколочно-фугасных снарядов, закопанных в землю и наспех оснащенных устройством, с помощью которого они взрывались под действием веса танка.

Иногда их хоронили рядами поперек дорог, а иногда устанавливали обширные минные поля. Их исключительная неэффективность всегда казалась военнотанковому корпусу чем-то загадочным, соотношение усилий к результату всегда казалось количеством тонн мины на каждый поврежденный танк.

Однако мы всегда думали, что однажды сможем столкнуться с действительно эффективным типом мины, и, возможно, немцы были довольны, если их усилия хотя бы заставили наших монстров ходить осторожно, поскольку в тщательно разработанном документе, содержащем всевозможные инструкции по противотанковой обороне, они несколько патетично заключают: “Каждое препятствие, даже если оно лишь временно сдерживает вражеский танк, имеет ценность”.

Но была одна форма оружия, которая, мы были уверены, должна была быть разработана немцами. Это была та, с которой мы совсем не стремились столкнуться. Мы представляли себе

оружие, которое практически должно было быть пулеметной версией противотанкового ружья; то есть оружие, которое могло бы выпускать поток высокоскоростных крупнокалиберных пуль со скоростью двести пуль в минуту. На самом деле это был почти точно такой двигатель, который немцы установили на свой пулемет “Tuf”, интересный отчет о котором приводится в “Еженедельных заметках о танках”.

Название было сокращением от “*Tank und Flieger*” (танк и самолет), поскольку именно против этих врагов и предназначался этот пулемет. Он должен был состоять не менее чем из 250 деталей, изготовленных шестьюдесятью различными фабриками, из которых *Maschinen Fabrik Augsburg Nürnberg* была единственной, кому было поручено собрать и смонтировать его. Выпущенный снаряд должен был иметь диаметр 13 миллиметров. В результате экспериментов, проведенных с трофейными танками, немцы установили, что эти пули могут пробивать стальные пластины толщиной 30 миллиметров. Не менее шести тысяч этих орудий должны были поступить на вооружение к апрелю 1919 года, а поставка должна была начаться в начале декабря прошлого года — всего на месяц позже.

Однако, когда было подписано перемирие, фирмы уже владели большей частью запасов и сырья для изготовления оружия, производство которого к тому времени было близким к завершению. Сразу после подписания перемирия всем заводам по телефону было дано указание продолжать производство “Tuf”, и примерно 20 ноября они получили письменное подтверждение этого приказа и получили указание любой ценой сохранить своих рабочих. Наша оккупация левого берега Рейна оказалась серьезным препятствием для продолжения производства, поскольку полностью прервала сообщение между несколькими заводами. Заводы Pfaff в Кайзерлаутерне (Пфальц) и great Becker steel works во Фрефельде, сыгравшие важную роль в производстве пушек, были вынуждены закрыться, поскольку оба находились на левом берегу Рейна.

Военный министр на протяжении всего периода его производства запрашивал ежедневные и ежеминутные отчеты о ходе работ над “Тафом”, и ему был отдан приоритет как над подводными лодками, так и над самолетами. Но снова, как всегда, во всем, что касалось танков, немцы опоздали на несколько месяцев. Нам так и не суждено было столкнуться с этим конкретным оружием с маркировкой V. Современный танк его нисколько не боится.

III

Теперь наша хроника дошла до трех последних и решающих месяцев войны.

Это был период непрерывных боевых действий, когда сражение, начатое на каком-либо конкретном участке, распространялось по фронту с обеих сторон, пока, наконец, к середине октября вся линия фронта не была охвачена ревущим пожаром; а ко второй неделе ноября пламя докатилось почти до границ Германии, и силы противника иссякли перед ним.

Сначала мы провели серию более или менее слаженных атак. Затем последовал прорыв линии Гинденбурга после Второй битвы при Камбре и наспех организованные бои в октябре, кульминацией которых стало полное поражение немецкого оружия.

На момент написания статьи весь этот период чрезвычайно трудно проанализировать и классифицировать по определенным сражениям, обычно это вопрос мнений, когда можно сказать, что одно сражение закончилось, а другое началось. Даже номенклатура все еще

изменчива. Возьмем, к примеру, обширное начальное сражение, которое бушевало 21 и 23 августа и завершилось 2 сентября. В нем участвовали три отдельные армии. Было по меньшей мере три дня принципа “Z”, и битва, кажется, безразлично известна как битва при БапOME, Вторая битва при Аррасе или даже как битва при Амьене. Точно так же, если бы историк попытался назвать это событие по дате, было бы более уместно назвать его битвой 23 или 21 августа. Многие можно сказать в пользу немецкого плана окрестить свои сражения каким-нибудь причудливым названием или окрестить их “Кайзерхлакт” или “Кларенс”, в зависимости от вкуса. Кампания безымянных сражений может бросить вызов усилиям Клио по расчленению и аккуратной организации и победить ее стремление увидеть аккуратный ряд действий, высушенных, классифицированных и помеченных в ее *Hortus Siccus*.

Мы указали на изменения, которые произошли в отношении нашего собственного и немецкого верховного командования к танкам. Сами танковые корпуса многому научились, и многое было упорядочено и систематизировано в их методах. Мы обнаруживаем, что к августу подготовка танкового корпуса к сражению была настолько сведена к рутине, что пытаться вести хронику подготовки к любой из наших запланированных атак означало бы составлять просто *центо*, фрагменты которого можно было бы отобрать из подробностей, уже записанных для Камбре, Амеля и Амьена. Поэтому мы надеемся, что читатель, не слышавший никаких перечислений галлонов бензина, тонн смазки или акров карт, поймет, что каждому из этих “официальных” сражений предшествовали обычные титанические подготовительные работы.

IV

Битва при БапOME, как мы уже говорили, должна была стать продолжением битвы при Амьене (8 августа). 21 августа 3-я армия должна была начать наступление к северу от Анкра с общей целью оттеснить противника к БапOME. Тем временем 4-я армия должна была продолжать давление на противника к югу от реки. 22 августа должно было стать днем “затишья”, и его предполагалось использовать для переброски войск и орудий на позиции на фронте 3-й армии. Главный удар должен был быть нанесен 23-го 3-й армией и теми дивизиями 4-й армии, которые находились к северу от Соммы, в то время как остальная часть 4-й армии вела прикрывающие действия на фланге основной операции. Впоследствии, если наши усилия увенчаются успехом, обе армии в целом должны были продвигаться вперед с предельной энергией и использовать любое преимущество, которое мы могли бы получить. Если наш успех был таков, что мы оттесняли противника с занимаемой им высоты, обеспечивая таким образом безопасность нашего южного фланга, то 1-я армия должна была немедленно предпринять еще одну атаку на север. Это постепенное расширение фронта наступления было направлено на то, чтобы ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара и заставить его перебрасывать свои резервы по частям.

Большое количество танков должно было быть сосредоточено в районе 3-й армии. Они должны были атаковать между Мойенневиллем и Бакуа совместно с 4-м и 6-м корпусами. С ними должны были действовать 1-я и 2-я бригады.

Вместе с 4-й армией 23 августа 3-й корпус должен был атаковать между Брей и Альбертом, а 4-я танковая бригада должна была оказать помощь в этом наступлении. Затем с частью 4-й армии, действовавшей к югу от Соммы, а именно с австралийцами, как обычно, сотрудничала 5-я танковая бригада, которая также действовала 23-го числа. В ходе двухдневных операций должны были быть задействованы 3-й, 6-й, 7-й, 14-й, 15-й, 11-й, 12-й, 10-й и 17-й батальоны.

Общее количество в 280 машин на первый взгляд кажется удивительно небольшим, учитывая количество задействованных батальонов, но следует помнить, что большинство подразделений участвовали в горячих боях под Амьеном за десять дней до этого, и что некоторые батальоны не могли собрать более шестнадцати боевых танков в ожидании ремонта и новой партии машин.

Танки снабжения и самолеты должны были действовать совместно, как обычно, причем последние в большей численности, чем раньше; поскольку непосредственно перед сражением 73-я эскадрилья, вооруженная самолетами Sopwith Camels, была придана танковому корпусу в дополнение к 8-й эскадрилье для борьбы с артиллерией.

Одной из наиболее заметных особенностей всего сектора наступления была железная дорога Альбер-Аррас, которая проходила на некотором расстоянии за линией фронта противника. Оказалось, что он был тщательно подготовлен противником к обороне, им в упор командовало большое количество полевых орудий, которые были специально и тайно отведены с более передовых позиций, и все участки линии, где было возможно пересечь танкам, то есть “нейтральные” участки, где линия не была ни укреплена, ни вырублена, были не только тщательно зафиксированы, но и перекрыты бетонными и железными противотанковыми частоколами.

Атака должна была начаться в 4.55 утра 21-го числа 4-м и 6-м корпусами и их танками.

V

Утро наступило под неизбежным белым покровом тумана, который теперь, казалось, всегда сопровождал наши атаки. Почти до 11 часов утра ничего нельзя было разглядеть дальше, чем на несколько ярдов впереди, и танки с величайшим трудом сохраняли направление движения. Однако если туман сбивал с толку нас, то врага он сбивал с толку вдвойне. Немцы были полностью захвачены врасплох; мы даже нашли свечи, все еще горящие в траншеях, когда пересекали их, а бумаги и оборудование были разбросаны повсюду, свидетельствуя о поспешном бегстве.

НЕМЕЦКИЕ ПРОТИВОТАНКОВЫЕ СРЕЛКИ
(С ФОТОГРАФИИ, НАЙДЕННОЙ У ПЛЕННОГО)

ПРОТИВОТАНКОВОЕ РУЖЬЕ В СТАЛЬНОЙ БАШЕНКЕ (VPRES)

ТРОФЕЙНЫЙ НЕМЕЦКИЙ ТАНК

НЕМЕЦКОЕ ПРОТИВОТАНКОВОЕ РУЖЬЕ

Мы так легко преодолели линию фронта, что вскоре поняли, что нам, должно быть, противостоит система обороны, весьма похожая на ту, которую немцы применили под Ипром. Он держал свои резервы далеко позади слабо удерживаемой линии обороны, и, как мы уже говорили, без нашего ведома, его орудия были отведены таким образом, чтобы прикрывать железную дорогу.

"Броневики" и "Уиппеты" принимали активное участие в нападении на Баквой. На въезде в деревню на дороге, по которой двигались броневики, образовалась большая воронка после того, как по ней была проложена ровная дорожка с помощью "Уиппета". Затем машины пронесли через вражеские позиции, достигнув Аше-ле-Пти впереди нашей пехоты, и заставили замолчать несколько пулеметов. Две машины получили прямые попадания, одна из них сгорела и полностью разрушена.

Во время атаки на Курсель капитан Ричард Эннесли Уэст из 6-го батальона принял на себя командование несколькими пехотинцами, потерявшими ориентацию в густом тумане. Он собрал всех разбежавшихся людей, которых смог найти. Он сел верхом, и в течение утра под ним подстрелили двух лошадей; но после того, как была подстрелена вторая лошадь, он продолжил свою работу пешком. Сплотив пехоту, он продолжил выполнение своей первоначальной задачи по продвижению своих танков вперед, и наш захват Курселя произошел главным образом благодаря его личной инициативе и отваге. Он был удостоен звания доктора философии

Около одиннадцати часов большая часть обоих Mark V. Танки и "Уиппеты" достигли железнодорожной линии. Несколько передовых танков даже пересекли его, когда в одно мгновение туман рассеялся с внезапностью опущенной завесы. Появилось ослепительное солнце, и каждый наступающий танк отчетливо выделялся в его ярком свете. Немецкая артиллерия, прикрывавшая железную дорогу, немедленно открыла смертоносный огонь по танкам, и каждая отдельная машина оказалась в центре зоны обстрела пулями и разрывами снарядов. Пехоте, продвигавшейся вперед, приходилось избегать этих маленьких огненных вихрей. Именно в это время было учтено большинство из тридцати семи танков, подбитых снарядами в течение дня.

Это был хороший день для противника с противотанковой точки зрения, такой день действительно никогда не должен был повториться.

Младший лейтенант Хиксон из 3-го танкового батальона был одним из немногих, кто провел свой танк через линию фронта как раз перед тем, как рассеялся туман. Когда взошло солнце, он оказался прямо перед батареями противника на расстоянии выстрела в упор. Его "Уиппет" был немедленно подбит, но ему удалось увести двух своих людей в безопасное место.

Артиллерийский и пулеметный огонь был чрезвычайно сильным, но, не думая о собственной безопасности, он сразу же вернулся пешком, чтобы предупредить несколько других танков, которые собирались пересечь железную дорогу в том же месте. В этом он преуспел и, несомненно, спас большое количество машин от вывода из строя. Позже, хотя это место все еще находилось под сильным огнем, он предпринял несколько безуспешных попыток залечить свой танк.

Погода вряд ли могла обернуться для нас хуже. Продержись туман на полчаса дольше, танки смогли бы незамеченными прорваться к артиллерийским позициям. Однако рассеяние тумана, по крайней мере, позволило самолетам, прикрепленным к Бакам, подняться в воздух. Зенитные орудия сразу же вылетели в атаку на вражеские батареи, и было совершено немало боевых действий.

Весь остаток дня мы сражались под палящим солнцем.

Соппротивление немцев было на удивление разрозненным; то тут, то там мы обнаруживали, что каждый дюйм нашего продвижения оспаривается, пулеметчики и артиллеристы сражались со своим оружием до последнего момента, а резервы предпринимали небольшие контратаки при каждом удобном случае.

То тут, то там большие группы, численностью в сотню и более человек, сдавались прежде, чем танки успевали открыть огонь.

Экипажи танков, особенно Mark V. и Whippets, вентиляция которых была менее адекватной, чем у старых Mark IV, сильно страдали от ужасающей жары.

В одном или двух случаях весь экипаж Mark V., по-видимому, потерял сознание из-за ужасающей жары, паров от собственных двигателей и газа, используемого противником, за потерей сознания последовали временная полная потеря памяти и крайняя прострация.

Внутри "Уиппетов", хотя мужчинам жилось немного лучше, отсутствие вентиляции было столь же фатальным для эффективности.

83“Жара временно вывела из строя несколько Уиппетов в качестве боевого оружия.

“В жаркий летний день один час бега при закрытой двери делает Уиппета безоружным, за исключением стрельбы из револьвера.

Выделяемое тепло настолько сильное, что оно не только вызывает разбухание боеприпасов, вызывающее заклинивание орудия, но и фактически в нескольких случаях приводит к взрыву снарядов внутри танка.

“Оружие стало слишком горячим, чтобы его держать в руках, а в одном случае температура рулевого колеса стала невыносимой”.

Но наконец наступил вечер, и с наступлением темноты две армии разделились.

Мы понесли больше потерь, чем рассчитывали, — в основном из—за случайного тумана, - но в целом мы были вполне удовлетворены событиями дня.

Мы вышли к общей линии железной дороги практически по всему фронту атаки. Мы захватили Аше-ле-Пти и Лонгист-Вуд, Курсель и Мойенневиль. Самое главное, что позиция, необходимая нам для начала нашего главного наступления, была успешно занята, и мы взяли более 2000 пленных.

ГЛАВА XIX

ПРОРЫВ ЛИНИИ ДРОКУР-КЕАН —БИТВА При ЭПЕХИ

Я

Мы уже говорили, что 22 августа по первоначальному плану было посвящено консолидации сил и переброске орудий. Только 3-й корпус в районе 4-й армии с его двадцатью четырьмя танками 4-го и 5-го батальонов предпринял промежуточную атаку на фронте Брей-Альберт.

Мы достигли всех наших целей. 18-я дивизия форсировала реку Анкр, захватила Альбер охватывающим движением с юго-востока, и наша линия между Соммой и Анкром теперь была продвинута значительно восточнее дороги Брей-Альберт.

Левый фланг 4-й армии был отведен вперед в соответствии с остальной частью нашей линии.

Теперь путь для того, что на самом деле было главной атакой, был расчищен, хотя в этой атаке было задействовано не самое большое количество танков.

Наступление началось 23 августа серией атак по всему тридцатитрехмильному фронту, то есть от нашего соединения с французами к северу от Лихона до места близ Меркателя, где линия Гинденбурга от Кеана и Буллекура соединялась со старой линией обороны Аррас-Вими 1916 года.

Почти все сто танков, вступивших в бой в этот день, были свежими машинами, которые не сражались 21-го числа.

Они были распределены группами вдоль фронтов как 3-й, так и 4-й армий.

К югу от Соммы, вместе с австралийцами близ Шуйнолля, в бой вступила самая крупная группа из почти шестидесяти танков. Это были машины, принадлежащие 2-му, 8-му и 13-му батальонам.

Противник отвел свои противотанковые орудия на вершину хребта, взобраться на который танкам было невозможно, кроме как в одном месте. На этом единственном участке переправы они навели свои орудия, и здесь несколько танков получили прямые попадания.

Мы атаковали, как обычно, без предварительной бомбардировки и столкнулись с отчаянным сопротивлением, немецкие пулеметчики защищали свои позиции с необычайным героизмом и часто вели огонь из своих орудий до того самого момента, когда они и их оружие были повержены в прах атакующим танком.

Особенно интересный отчет об этом действии приводится в "Истории 13-го батальона" -

“Вскоре стало очевидно, что противник был готов оказать упорное сопротивление; определенной системы траншей не было, но пулеметные гнезда были обнаружены в организованных блиндажах почти с самого начала; в то время как Сен-Мартенский лес и лощина к востоку от него, Херлевильский лес и карьер на его южной оконечности были надежно защищены пулеметами на подготовленных огневых позициях. Как и прежде, немецкие артиллеристы сражались с великолепным упорством и отвагой; командир одного танка утверждал, что подбил более тридцати пулеметов, и это утверждение было поддержано находившейся рядом с ним пехотой; оценки нескольких других танков были почти такими же высокими. Эти пулеметы были снабжены бронебойными пулями, а танки были сплошь изрыты и во многих местах пробиты ими. Нет никаких сомнений в том, что, сами став мишенями для этих

батарей, танки спасли много жертв среди пехоты. Хорошо вооруженная австралийская пехота быстро воспользовалась шансами на продвижение, и к 6.30 утра все они были у своих конечных целей. После восхода солнца дневная жара на открытом воздухе стала невыносимой, а в Танках - невыносимой. Сообщалось о нескольких случаях, когда во время акции у мужчин начинался бред. Причина, по-видимому, троякая: погодные условия были тяжелыми даже для новичков; во многих случаях сводный экипаж недавно перенес напряжение боевых действий без последующего полного отдыха; и третий недостаток, который был присущ конструкции Mark V. Танк, теперь впервые стало очевидным. В этих двигателях тепло, выделяемое при взрыве пороховых газов, очень велико, и выхлопные трубы быстро раскаляются докрасна и даже добела. В новом двигателе это просто неудобство, но после определенного периода использования соединения выхлопных труб имеют тенденцию деформироваться и, таким образом, выбрасывать во внутренний воздух углекислый газ, образующийся при взрыве. Эти газы, если вдыхать их постоянно, даже в небольших количествах, вызывают истощение, спутанность сознания и, наконец, потерю сознания. Кроме того, эффект является кумулятивным, и человек, однажды отравившийся парами, быстрее подвергается их дальнейшему воздействию. Изучение этих состояний и поиск средств от них с тех пор стали делом первостепенной важности.

“Из двенадцати танков 13-го батальона, участвовавших в этой операции, семь достигли своих конечных целей. Пять танков получили прямые попадания из полевых орудий противника, экипажи в этих случаях продолжали движение со своими орудиями Хотchkисса и помогали пехоте продвигаться вперед.

“В конце концов девять танков подтянулись к штабу Роты, два из них были выведены из строя их друзьями на буксире”.

Всего в этой части сражения к нам перешли 2000 пленных и важные деревни Шеньоль, Эрлевиль и Шень еще до наступления ночи.

На всем протяжении пути повторялась одна и та же история.

В районе 3-й армии, где в общей сложности шестьдесят пять танков сражались несколькими довольно разрозненными группами, сражение началось несколько раньше атакой при лунном свете, которая началась незадолго до 4 часов утра против деревни Гомекур. Во владениях 6-го корпуса 3-ю дивизию поддерживали десять танков Mark IV. Танки 12-го батальона. Они атаковали Гомекур, победоносно захватили его и захватили 500 пленных. К северу от них, на втором этапе, гвардейская дивизия с четырьмя Mark IV захватила деревню Амелинкур. В Бихукуре, сразу за Аше-ле-Гран, 300 человек противника были вынуждены танками сдаться пехоте. В одном танке "Уиппет" погибли офицер и сержант, и рядовой самостоятельно привел свой танк в действие, когда появилась цель, заблокировал заднюю ось и выстрелил из пистолета Хотchkисса.

Позже утром несколько "Уиппетов" из 6-го батальона действовали совместно с пехотой 4-го корпуса к востоку от Курселя. Внезапно было замечено, что таблица артиллерийского заграждения была изменена, и что скорость продвижения заградительного огня теперь составляла 100 ярдов за четыре минуты, то есть значительно медленнее, чем предполагалось изначально. Поэтому танкам приходилось маневрировать и разворачиваться, чтобы пропустить заградительный огонь вперед. В это время они постоянно находились под огнем

противотанковых орудий. Семь "Уиппетов", однако, не стали ждать, а прошли сквозь наш заградительный огонь и, выйдя за его пределы, застали врасплох и рассеяли большое количество укрывшихся врагов. Пока немцы бежали, пулеметчики "Уиппета" смогли нанести им тяжелые потери. Тем временем на эти семь танков обрушился настоящий шквал пулеметного огня, особенно со стороны Аше-ле-Гран. Изменив направление, они двинулись навстречу беспокоившим их пулеметам и преуспели в том, чтобы отрезать несколько сотен солдат противника к северу от деревни, которые сдерживали атаку нашей пехоты. Уиппеты атаковали и аккуратно оттеснили их к нашим позициям, где королевские стрелки короля немедленно взяли их в плен. Аше-ле-Гран был взят с необычайно малыми потерями.

Благодаря улучшению погодных условий взаимодействие самолетов в течение дня было гораздо более успешным, чем 21 августа.

Сообщения, сброшенные с самолетов, были бесценны для управления всеми разрозненными действиями и для предоставления информации, с помощью которой командиры могли перебрасывать резервы туда, где они были нужны.

Нижеследующее даст читателю представление о том, какого рода информацию постоянно предоставляли самолеты.

“Сообщение поступило в штаб 1-й бригады.

Лейтенант Виттал (пилот). Лейтенант Митчелл (наблюдатель). 12 часов дня.

“Четыре Уиппета, замеченные на G. 21, два Mark IV. и несколько Уиппетов, замеченных на G. 15d, все движущиеся на юго-востоке”

“Несколько Уиппетов и Отметина V. замечены на рисунках G. 16a, G. 10 и 11d, на C.E.

“Мы не удерживаем Бихукорт”.

Работа противотанкового орудия, проделанная в этот день, также была чрезвычайно успешной, ниже приводится отчет о боях, в которых участвовала противотанковая машина:

“73-я эскадрилья.

“В 13:15 было замечено, что батареи разворачиваются и вступают в бой близ Беханьи. На эти батареи было сброшено двадцать четыре бомбы и выпущено почти 2000 снарядов, что вызвало величайшую неразбериху. Несколько передков были опрокинуты, лошади обратились в паническое бегство, а личный состав разбежался во всех направлениях”.

В целом у нас были все основания быть удовлетворенными событиями этого дня, и мы приготовились продолжить операцию со всей возможной энергией завтра.

II

Но к 24 августа в 1-й, 3-й и 4-й бригадах было всего пятьдесят три танка, пригодных к бою, и почти все подразделения, которые вошли в этот день, представляли собой разношерстные соединения из разных батальонов. Одно сводное подразделение 11-го батальона вело очень успешные действия совместно с 4-м корпусом, несмотря на то, что приказы поступали к ним с

опозданием и что им предстоял марш-бросок протяженностью шесть или семь миль. Им удалось догнать пехоту, и все их цели были взяты.

В течение второй половины дня танки, принадлежащие 9-му батальону, атаковали и встретили очень упорное сопротивление напротив Мори-Копс, где прочно удерживалась линия Гинденбурга. Здесь более одного вражеского гарнизона отказались сдаться, и их всех пришлось перебить. На один отряд численностью около шестидесяти человек пришлось четыре выстрела из 6-фунтовых гильз.

Одна машина, которая позже в тот же день выполняла разведывательную работу близ Круазия, испытала особенно волнующие ощущения. Экипаж был вынужден эвакуироваться из танка из-за фосфорных бомб, которыми его облил противник. Прежде чем покинуть его, командующий офицер повернул головку своей машины в сторону дома и пустил танк по его одинокому пути; затем, почти задыхаясь от паров, он вышел и шел между передними рогами движущейся машины, пока внутренняя часть бака не очистилась от фосфора. Все это время он и машина были полностью окружены противником. В конце концов, он благополучно доставил свой танк домой.

На фронте 4-й армии пять танков 1-го батальона атаковали на рассвете 47-ю дивизию в попытке вернуть Хэппи-Вэлли, которая была потеряна нами накануне днем. Атака была чрезвычайно успешной, и, помимо нашей первоначальной цели, к нашим достижениям добавилась крупная деревня Брей.

В течение следующей недели боевые действия состояли из серии небольших локальных столкновений, по большей части импровизированных на месте соответствующими подразделениями.

Танки сражались каждый день то на одном, то на другом участке линии фронта, и каждый день мы оттесняли упорно сопротивляющегося врага все дальше и дальше назад.

Мы предлагаем лишь дать краткий отчет о большинстве действий этого периода.

25 августа около сорока двух танков снова были в действии небольшими “сгустками”, растянутыми на фронтах 4-го и 6-го корпусов. Танки 3-го, 7-го и 10-го батальонов вступили в бой, 9-й батальон атаковал вместе с Гвардейской дивизией к северу от Мори. Из-за густого тумана взаимодействие танков и пехоты было феноменально затруднено, и атака оказалась не очень успешной. Во время боя у одного танка пятеро членов экипажа были ранены пулями из противотанковых ружей.

На фронте Канадского корпуса 26 августа была проведена атака в районе Фампу и Невилль-Витассе с помощью танков 9-го и 11-го батальонов.

Под Мончи было подбито несколько танков, экипажи присоединились к пехоте для отражения локальной контратаки. Сержант одного экипажа, услышав, что противник захватил его танк, собрал своих людей и бросился вперед, чтобы вернуть его, добравшись до одной вспомогательной двери машины, когда противник выбирался из противоположной.

В отчетах танкового корпуса 27 августа описывается как “день без происшествий”. Четырнадцать танков 9-го и 11-го батальонов были использованы для зачистки очагов сопротивления.

28-го числа вообще ни один танк не вступил в бой.

Но 29-е число было более запоминающимся, поскольку в этот день противник эвакуировал Бапом, а в незначительной атаке на Фремикур лейтенант К. Х. Сьюэлл выиграл VC

Это было очень небольшое сражение к юго-западу от Бегнатра, в котором приняли участие всего четыре танка "Уиппет".

Следующее взято из отчета о сражении, присланного командиром лейтенанта Сьюэлла:

“Примерно в 14 часов пополудни 29 августа "Уиппетс" из 3-го (Легкого) Танковый батальон достиг карьера возле "Монумента Комеморати", к юго-западу от Фаврея. Действуя в соответствии с инструкциями, полученными от Новозеландской дивизии, одно отделение "Уиппетс" под командованием лейтенанта К. Х. Сьюэлла получило приказ выдвинуться вперед, чтобы прояснить ситуацию на фронте 3-й новозеландской стрелковой бригады перед Фремикуром и дорогой Бапом-Камбре, где пехота, по сообщениям, была остановлена пулеметным огнем.

“По достижении железнодорожной линии к юго-востоку от Бегнатра впереди нашей пехоты вражеские батареи и пулеметы открыли шквальный огонь по участку ‘Уиппетс’. Маневрируя, чтобы избежать обстрела и сохранить строй, машина № А.233, которой командовал лейтенант О. Л. Рис-Уильямс, съехала набок в глубокую воронку от снаряда и полностью перевернулась, одновременно загоревшись.

Лейтенант Сьюэлл из ведущего “Уиппета”, увидев тяжелое положение машины лейтенанта Рис-Уильямса, немедленно выбрался из своего "Уиппета" и пришел на помощь; лопатой он вырыл вход в дверь кабины, которая была прочно заклинило и врезалась в стенку воронки от снаряда, взломал дверь и освободил экипаж.

“Если бы не быстрые и доблестные действия лейтенанта Сьюэлла, заключенный экипаж мог бы сгореть заживо, поскольку они были беспомощны выбраться самостоятельно без посторонней помощи.

“В течение всего этого времени "Уиппеты" подвергались очень сильному обстрелу, а земля была изрыта пулеметным огнем с близкого расстояния. При попытке вернуться к своей машине лейтенант Сьюэлл, к сожалению, был несколько раз ранен, впоследствии его тело было найдено рядом с телом его водителя, наводчика Нокса. У., также убитого, недалеко от танка, который в то время находился в пределах досягаемости нескольких пулеметов и огневых точек пехоты”.

Спасенные мужчины горячо восхваляли доблесть, с которой лейтенант Сьюэлл спас их от особенно ужасной формы смерти.

30-го числа 3-я дивизия должна была предпринять операции по захвату деревень Экуст и Лонггатт с системой траншей за ними. Шесть танков 12-го батальона должны были действовать и в ожидании приказов уже выдвинулись к началу долины Сэнсе. К сожалению, их приказы поступили в батальон только в 9 часов вечера накануне сражения. Ночь была очень темной, и, как назло, офицер-разведчик, который единственный знал местность, был отозван в тот день в Англию, и до того, как танки достигли места старта, оставалось еще почти четыре мили кратчайшим путем. Было ясно, что машинам придется прекратить свою работу, если они

доберутся до места вовремя. Всю операцию преследовали неудачи. Записывающая группа в кромешной темноте выбрала неправильное направление, и когда, наконец, танки достигли точки, откуда проводники пехоты должны были провести их остаток пути, проводник левого отделения полностью потерял себя и танки еще до того, как они прошли половину расстояния. В течение часа танки и их проводник блуждали по опустошенным пустошам около Экоста. Проводник даже не смог указать на карте, где была сформирована пехота. Наконец командир отделения сам отправился вперед и сумел определить местонахождение линии фронта и своей собственной позиции, но только для того, чтобы обнаружить, что он находится почти в миле отсюда, а до “нуля” оставалось пять минут. Было невозможно, чтобы он добрался до места сражения вовремя, и он отвел свое Отделение в соответствии с инструкциями, поскольку находился на открытой позиции. Таким образом, несчастная пехота преодолела вершину без сопровождения единственного танка. Штурм закончился полным провалом, и пехота понесла тяжелые потери.

84“31 августа состоялась еще одна акция. Рота "С" 15-го батальона под командованием капитана Г. А. Смита помогала 185-й бригаде атаковать Вокс-Вракур с юга.

“Пять танков достигли своих целей, один вышел из строя из-за механических неисправностей; эти танки показали значительную эффективность и оказали большую помощь пехоте. Снова был открыт огонь из крупнокалиберных пулеметов и противотанковых ружей. После представления сами танки стали немymi свидетелями того, через что им пришлось пройти. В частности, на танке "Опоссум", которым командовал лейтенант К. Ф. Узиелли, на бортах осталось очень мало краски из-за следов от пуль. Пехота сильно пострадала. В одном случае численность взвода при достижении цели составляла всего три человека”.

III

Но мы достигли той стадии сражения, когда стало ясно, что еще одно значительное усилие с нашей стороны того стоило.

Соппротивление противника показало, что он страстно стремился выиграть время. Он отступал с крайней неохотой.

Настал момент удвоить наши удары.

Фактические небольшие операции, проведенные Танками в течение этих последних нескольких дней, были лишь второстепенным фактором. Танки и пехота были заняты подготовкой к масштабной атаке, которая должна была состояться 2 сентября. В этот день все масштабное сражение достигло своего апогея, и мы прорвали знаменитую линию Дрокур-Кеан, которую нам не удалось достичь в апреле 1917 года. Эта линия была переключателем, который подключался к системе Гинденбурга. Хотя у нас было мало времени для тщательной подготовки, атака должна была стать практически полномасштабной: восемьдесят один танк был задействован на сравнительно небольшом участке. Мы ожидали сильного сопротивления, и наша диспозиция была очень тщательно продумана. Порядок нашей атаки был следующим, начиная с юга:

В составе 4-го корпуса под Виллер-о-Флосом - 7-й танковый батальон.

С 6-м корпусом у Лагникура и Морья 12-й и 6-й батальоны 1-й бригады, а против фактической линии Дрокур-Кеан с канадцами и 17-м корпусом столько танков, сколько могли собрать 9, 11 и 14-й батальоны 3-й бригады (всего около сорока).

Битва должна была состояться в труднопроходимой местности долины Сэнсе, и активные действия велись на протяжении всего времени подготовки к возобновленному сражению. Таким образом, сборка танков проходила в условиях исключительной сложности, некоторым из них пришлось передвигаться вдоль нашего фронта по районам, которые были далеки от здоровых. Оборона противника была построена весной 1917 года. Они отличались чрезвычайно прочными проволочными поясами, и мы ожидали, что немцы приложат все усилия, чтобы удержать эти укрепления любой ценой.

Ночь была в 5.30 утра, и только забрезжил ясный рассвет, когда мы начали нашу атаку.

На участке Лагникур танки 12-го батальона немедленно попали под сильный огонь полевых орудий и противотанковых ружей.

Когда стало светлее, мы обнаружили, что несколько тяжелых винтовок с большим эффектом стреляли из брошенного "Уиппета". Вскоре с этим гнездом разобрался самец Танка.

Один женский танк в этом секторе произвел более 4000 выстрелов из САУ, пока, выведя из строя все свои орудия Льюиса, кроме одного, и тяжело ранив пятерых членов экипажа, он не попытался вернуться, его командир, лейтенант Сондерс, попеременно вел машину, нажимая на тормоза и ведя огонь из оставшегося орудия. Когда танк, таким образом, был успешно выведен, от прямого попадания он загорелся, и раненные были спасены с большим трудом.

Недалеко от Лагникура действовали "Уиппеты" из 6-го батальона.

Ими командовал лейтенант.-Полковник Уэст, о действиях которого 21 августа мы уже рассказывали историю:

85“В ночь с 1 на 2 сентября девять "Уиппетов" под командованием капитана К. Х. Стрейкена покинули Гомекур, чтобы атаковать в направлении Лагникур. Из-за давления, при котором Баки работали в течение последних пяти недель, на капитальный ремонт было мало времени, а поскольку Баки работали плохо, было невозможно запустить их вовремя к нулевому часу. Командир, лейтенант.-Полковник Р. А. Уэст, D.S.O., M.C., покинул лагерь рано утром 2 сентября в сопровождении двух конных санитаров. Это было его намерение встретиться с "Уиппетс" до того, как они вступят в бой, клянусь Лагникуром. Он верхом добрался до пехоты, чтобы понаблюдать за ходом сражения и выяснить, когда следует послать Уиппетов вперед. Он прибыл на линию фронта, когда противник проводил сильную локальную контратаку. Пехотный батальон понес тяжелые потери среди офицеров, и его фланги были оголены. Понимая, что существует опасность того, что батальон отступит, он сразу же выехал перед ними под чрезвычайно сильным пулеметным и ружейным огнем и сплотил людей. Несмотря на то, что противник теперь был совсем близко от него, он взял ситуацию на себя и выделил сержантов для замены потерявших офицеров. Затем он разъезжал взад и вперед перед людьми, перед лицом неминуемой смерти, подбадривая всех и призывая их 'Держаться, мужчины, и показать

им бой'. Его последними словами были 'Ради Бога, окажи достойную поддержку'. Он упал, изрешеченный пулеметными пулями”.

Пример полковника Уэста вдохновил пехоту удвоить усилия, и вражеская атака была отбита. Первоначально он пришел в батальон в качестве командира роты и был награжден орденом почета за свою работу в битве при Аррасе. С 8 августа по 2 сентября он был награжден званием магистра, знаком отличия для своего D.S.O., а за свое последнее действие - VC

В других местах бои были не такими ожесточенными, и в целом мы столкнулись с меньшим сопротивлением, чем ожидали.

В канадском секторе броневики действовали в тесном взаимодействии с самолетами танкового корпуса. В какой-то момент несколько машин ехали по дороге, когда четыре машины были подбиты снарядами из скрытых батарей. Однако сопровождавшие их самолеты немедленно атаковали немецкие орудия с такой яростью, что экипажи выведенных из строя машин, хотя и были полностью окружены противником, смогли избежать плена.

К полудню на канадском участке весь сложный лабиринт проволочных заграждений, траншей и опорных пунктов, составлявший линию Дрокур-Кеан, был в наших руках, но в других местах до сумерек шли ожесточенные бои, особенно на обратных склонах хребта Дьюри. Сами Дуры мы взяли, захватив город Майор. Однако в тот день наша задача, по нашему мнению, не была полностью выполнена, и на следующее утро танки и пехота приготовились “привести в порядок” линию фронта, особенно лес Марикорт.

Но задолго до часа ноль, в 5.20, зарево горящих свалок на востоке, казалось, указывало на то, что противник уже отступает, и, фактически, когда танки прошли сразу после рассвета, они почти не встретили сопротивления, если не считать небрежного огня пулеметчиков арьергарда. Небольшие отряды противника были обнаружены в блиндажах в ожидании поимки. Его пехота и орудия были уже далеко на пути обратно к Северному каналу.

IV

Вторая битва при Аррасе закончилась, мы прорвали знаменитую линию Дрокур-Кеан и нанесли удар, от которого *моральное* состояние противника так и не восстановилось.

Всего с 21 августа в бою участвовало около 500 танков, и, за исключением одной или двух незначительных неудач, каждая атака завершалась дешевым успехом. Мы продвинулись вперед на пятнадцать или двадцать миль по фронту примерно в тридцать миль.

86“В ночь со 2-3 сентября противник быстро отступал по всему фронту 3-й армии и правее 1-й армии. К концу дня он занял позиции вдоль общей линии Северного канала, от Перонна до Ипра, и оттуда к востоку от Эрми, Инши-ан-Артуа и Экуст-Сен-Кантен до Сенсе, к востоку от Леклюза. На следующий день он начал отход также с восточного берега Соммы, к югу от Перонна, и к ночи 8 сентября удерживал генеральную линию Верман—Эпехи—Гавринкур, а оттуда вдоль восточного берега Северного канала.

“Отход продолжался на фронте французских войск справа от нас.

“На протяжении всего этого поспешного отступления наши войска внимательно следили за противником. Многие из его арьергардов были отрезаны и взяты в плен; во многих случаях наши

передовые орудия наносили большой урон его отступающим колоннам, в то время как наши летчики в полной мере использовали предлагаемые им замечательные мишени. В наши руки попало огромное количество материалов и много оружия”.

Но все танковые бригады так остро нуждались в переоснащении, новых машинах и свежих экипажах, что после 3 августа их пришлось вывести в резерв Генерального штаба, и, “измотанные преследованием”, они не могли принимать дальнейшего участия в сражении чуть более двух недель.

Тем не менее, эти две недели прошли не в отдыхе, а в лихорадочной подготовке самого трудного рода. Мы начали практиковаться в установке детских кроваток, поскольку возвращались к линии Гинденбурга.

Остальные псы войны подняли боевой клич. Танки не собирались терять время.

К 18 сентября 5-я бригада смогла вывести в поле несколько машин. Они принадлежали ко 2-му батальону, который не участвовал в боевых действиях с начала последнего сражения.

V

На этот раз танки должны были быть переброшены на юг, в район 4-й армии.

Всего должно было быть около двадцати танков, и они должны были действовать совместно с австралийцами и 9-м и 3-м корпусами на широком фронте между Эпехи и Виллере.

87“Операции, которые должна была предпринять 4-я армия, были направлены на захват линии аванпостов Гинденбурга, чтобы (1) обеспечить прямое наблюдение за главной линией Гинденбурга и (2) обеспечить продвижение позиций нашей артиллерии в рамках подготовки к штурму основных позиций”.

Фронт атакованного района составлял около четырнадцати миль, таким образом, батальон из двадцати танков мог быть использован только против определенных известных опорных пунктов.

Восемь танков были выделены 3-му корпусу слева, восемь танков в центре должны были взаимодействовать с 1-й и 4-й дивизиями Австралийского корпуса.

В правом секторе 9-го корпуса четыре танка были переданы 6-й дивизии.

Ночь была прекрасной, но когда наступил час ноль (5.20), пошел сильный дождь, и весь день погода была пасмурной, видимость часто была настолько плохой, что командиры танков радовались своим компасам.

88“Рота, действовавшая в составе 3-го корпуса, преследовала две основные цели - деревни Эпехи и Ронссой. Прежнее место было взято без особого сопротивления, противник сдался в большом количестве при появлении танков. Ронссой защищался более надежно; здесь пулеметный огонь бронебойными пулями был очень сильным, и также свободно использовались противотанковые ружья. Целью двух танков была очень сильная организация траншей и укрепленных коттеджей, известная как Четырехугольник, которая служила ключом к немецкой оборонительной системе между Фресной и Селенси”.

Во время атаки два танка, принадлежащие роте “С”, вели чрезвычайно доблестный бой.

89“Первой целью был Фресной, но, продвигаясь вперед, пехота попала под сильный пулеметный огонь из Четырехугольника на своем правом фланге. Оба офицера, невидимые друг другу в тумане и дыму, направили свои Танки прямо в самую гущу огня. Младший лейтенант Г. Ф. Смоллвуд прибыл первым и столкнулся с ужасающим сопротивлением, с которым он успешно справлялся, когда его танк попал в кювет при пересечении проселочной дороги, при этом все орудия, кроме одного, были прикрыты. Использовать отключающий луч было невозможно из-за интенсивного огня с близкого расстояния. В этот момент младший лейтенант У. Р. Хеджес, ведя свой собственный танк, поскольку водитель был убит, а второй водитель тяжело ранен, появился из тумана, направляясь к Четырехугольнику, ведя огонь из всех орудий. Капитан Хэмлет, командир отделения, также находился внутри этого танка. Как раз в тот момент, когда младший лейтенант Хеджес, казалось, одерживал верх над врагом, его танк загорелся. Очевидно, были предприняты отчаянные усилия, чтобы потушить их, но через пять минут капитан Гамлет и экипаж выпрыгнули из Танка с правой стороны прямо в объятия гуннов, которые окружили Танк. Младший лейтенант Хеджес, однако, выскочил с другой стороны и бросился сквозь них, хотя и подвергся шквальному огню. Несмотря на два или три попадания, он добрался до укрытия на проселочной дороге примерно в пятидесяти ярдах от танка младшего лейтенанта Смоллвуда. Последний покинул танк и привел с собой младшего лейтенанта Хеджеса. Сильный обстрел вокруг танка вынудил его эвакуироваться, и младший лейтенант Смоллвуд с экипажем заняли позицию со своими пулеметами и успешно сдерживали натиск врага. Позже пехота, которая была задержана примерно в 200 ярдах позади, смогла подойти и занять пост. Тем временем младшего лейтенанта Хеджеса отправили на перевязочный пункт, но он туда так и не прибыл. Судьба этого очень доблестного офицера до сих пор неизвестна”.

На фронте 9-го корпуса продвижение было медленным, но к концу дня мы удержали Ронсуа и Харджикорт.

Дается хорошее представление о незначительных механических трудностях этой части кампании в истории 2-го батальона:

“Связь, разведка и обслуживание танков оказались гораздо более сложными, чем обычно, из-за нехватки транспорта, который был в таком состоянии, что нельзя было полагаться ни на легковой автомобиль, грузовой кузов или мотоцикл. Ближайший ремонтный парк М.Т. находился в двадцати пяти милях отсюда. Долгие ночные переходы означали работу с танками днем. Разведку и поддержание связи часто приходилось проводить пешком с последующей потерей времени. С 13 по 18 сентября ни у кого не было ни отдыха, ни сна”.

Мы не возобновляли наступление до 21-го числа, когда девять танков помогли наступлению на фронте 3-го корпуса против ферм Кнолль и Гиймон и Кеннемон. Два из этих танков имели модель Mark V. Star и несли передовых пехотных пулеметчиков.

Но мы столкнулись с отчаянным сопротивлением противника, пулеметы стреляли бронебойными пулями, противотанковые ружья, полевые орудия и фугасы использовались против нас.

В результате атаки нам не удалось занять желанные позиции, и нам пришлось дорого заплатить за эту неудачу.

Снова прошло два дня, а тем временем (20-го) 8-й, 16-й и 13-й батальоны и 5-я рота снабжения были выдвинуты вперед.

Намечалось крупное предприятие.

Этот доселе более или менее изолированный сектор атаки должен был быть “объединен” с новым масштабным планируемым наступлением, которое должно было быть предпринято не менее чем тремя армиями, причем их удары должны были наноситься в быстрой последовательности.

Тем временем участок земли, которого мы так жаждали, оставался в руках врага.

Мы стремились удержать высоты к северу от Селенси и очистить внушительный Четырехугольник к югу от Френуа.

Таким образом, 9-му корпусу предстояло атаковать на фронте в две дивизии с помощью двадцати танков только что прибывшего 13-го батальона.

Планы обсуждались на конференции, состоявшейся 22 сентября, и в ту же ночь основные экипажи доставили танки на сборные пункты.

Боевые расчеты были доставлены на грузовиках на следующий день, в соответствии с мудрой практикой, которая теперь начала широко применяться, когда было достаточно личного состава, чтобы это было возможно. Заключительный марш-бросок был начат в 8.30 вечера 23-го числа.

90“После зачистки Сент-Квентин-Вуда, при которой некоторая задержка была вызвана воздушными сигнальными проводами, которые приходилось передавать из рук в руки, чтобы не зацепить стандарты семафора, танкам пришлось пройти через сильный изматывающий огонь, в котором в основном использовались газовые снаряды. Таким образом, последняя часть марша была проделана с закрытыми баллонами и часто в противогазах; в результате экипажи, особенно роты, работавшей слева, сильно страдали от газов и бензиновых паров. Ожидая на исходных рубежах, танки подверглись сильному обстрелу, а самолеты противника дважды в течение ночи сбрасывали сигнальные ракеты точно над участками, где справа находится 6-я дивизия”.

Противотанковые орудия были чрезвычайно активны на протяжении всей операции.

Три танка, которые вместе с пехотой ворвались прямо в Четырехугольник, были выведены из строя одним орудием.

В общей сложности потери танков составили 50%. потери машин в этом бою.

Однако мы отвоевали несколько наблюдательных пунктов, которые были необходимы для следующей атаки, и хотя нам не удалось удержать Четырехугольник, к концу дня мы практически обошли его с флангов.

Так закончилось маленькое сражение при Эпехи.

Наше продвижение не было долгим, поскольку враг с отчаянной отвагой отвоевывал каждый ярд.

Его потери были огромными, и это незначительное сражение пополнило “мешок” союзников не менее чем 12 000 пленными и 100 орудиями.

ГЛАВА XX

ВТОРАЯ БИТВА При КАМБРЕ, ИЛИ БИТВА При КАМБРЕ-СЕНТ. КВЕНТИН

Противник полностью отступал, но у нас были все основания полагать, что, вернувшись “домой”, на линию Гинденбурга, он будет всеми силами сопротивляться нашим дальнейшим попыткам продвинуться вперед.

Если бы мы атаковали линию и наше наступление было бы успешным, и мы смогли бы прорвать его оборону, путь, как мы уже говорили, лежал бы прямо к сердцу его огромной системы боковых железнодорожных коммуникаций. Мы могли бы полностью разделить его силы надвое. Но, кроме этого, если бы мы могли победить его здесь, на избранном им поле битвы, если бы мы могли ранить его, даже за крепостным валом, на котором он годами тратил столько бесконечного труда, где, в открытой неподготовленной местности позади, он мог надеяться противостоять нам? Ристалище было готово к схватке *на опережение*, две силы сурово противостояли друг другу, ибо от судьбы чемпионов в этом бою зависела судьба немецкой нации. Это должна была быть танковая атака. Мы должны были вести наступление на очень широком фронте и должны были продолжить нашу систему нанесения ударов в быстрой последовательности на альтернативных участках фронта. Последний удар был нанесен 4-й армией 18 сентября. Новое сражение должны были начать 1-я и 3-я армии.

91 “На фронтах 1-й и 3-й армий сильные позиции, прикрывающие подступы к Камбре между каналами Норд и Шельда, включая участок самой линии Гинденбурга к северу от Гузокура, все еще находились во владении противника. Его окопы в этом секторе выходили на юго-запад, и было желательно, чтобы они были взяты на ранних стадиях операции, чтобы артиллерии 4-й армии было легче занять позиции”.

На юге, как только определенные выгодные пункты, ферма Кеннемон, Холм и Белликур, окажутся в наших руках, должно было наступить затишье, и 4-я армия должна была атаковать в полном составе 29-го, двумя днями позже, - то есть как только у немцев появится время основательно задействовать свои резервы в первой схватке.

Тем временем Танковые бригады пришлось быстро реорганизовать и перераспределить, почти все батальоны были перетасованы. Примерно треть имевшихся в наличии машин должна была быть переброшена на северный участок фронта, а остальные две трети должны были вступить в бой с 4-й армией 29-го числа.

Для большей ясности проще рассматривать две половины сражения по отдельности, поскольку, хотя они были полностью взаимозависимыми и составляли часть одной стратегической концепции, каждая из них предлагала свои собственные совершенно разные тактические проблемы. В каждом из них земля имела четко выраженные топографические особенности, которые придавали каждой половине особый характер.

Часть I

Я

Мы уже говорили, что 1-я и 3-я армии должны были нанести удар первыми. Танки, принадлежащие 7-му и 11-му батальонам 1-й бригады, должны были сражаться с канадцами и 4-м корпусом напротив Бурлона и Гузокура, а 2-я бригада должна была выделить 15-й батальон, который должен был сотрудничать с 17-м корпусом напротив Гренкура и Флескьера.

Всего предполагалось задействовать пятьдесят три боевых танка.

Как и в секторе 4-й армии, особое расположение местности оказало главное влияние на нашу тактику ведения боя, поскольку в районе 4-й армии канал был центральным объектом атаки.

В Первом сражении при Камбре все танки атаковали с юга от северной излучины Северного канала близ Гавринкура и таким образом обошли вражескую сторону этого большого препятствия.

Теперь мы были в лучшем положении, чтобы форсировать прямую переправу, как стратегически, так и механически, и следовало предпринять это рискованное предприятие. Прямая наземная разведка самого канала была невозможна, поскольку противник сильно удерживал этот берег, но всемыслимые источники информации были исчерпывающе использованы в попытке найти места переправы танков, которые могли бы дать хотя бы вероятность успеха.

Специальные наблюдатели совершали смелые полеты на низколетящих самолетах, и из последовательных наборов аэрофотоснимков сложилась замечательная мозаика.

Это было прокомментировано, повторно сфотографировано, увеличено и распространено среди всех заинтересованных сторон для дальнейшего уточнения и аннотации по мере сбора дополнительной информации; майор Макавити из разведки Канадского корпуса и капитан Освальд Бирли из штаба 1-й армии, в значительной степени ответственные за тщательность этого, а также нескольких предыдущих “наземных” исследований.

Кроме того, *Чемпионский гарнизон, мосты и Шоссейные дороги* службы и рабочие чертежи инженеров для канала были переданы в качестве пожертвований, а также свидетельства ряда заключенных, беженцев и *репатриантов*.

Из таких источников и на основании таких свидетельств было окончательно определено необходимое количество переправ, и танки были определенно и по отдельности выделены для них, хорошо это или плохо.

Но когда все было сделано, остались один или два момента, по поводу которых все еще оставался тревожный элемент сомнения.

На одном из таких участков, где аэрофотоснимки показали брешь в подпорных берегах сухого канала, которая могла обеспечить достаточную ширину для прохода танков, а могла и не обеспечить, переправа была необходима для локального успеха атаки. Каким—то образом проход должен был быть обеспечен - и, казалось, был только один надежный способ сохранить наш контракт с пехотой, которая должна была штурмовать Канал в этом месте.

Предполагалось построить мост из трех старых танков, на широких спинах которых младшие и более подготовленные могли бы перебраться через него и вступить в рукопашную с врагом. Соответственно, были разысканы четыре старые машины, признанные неисправными по гарантии, специально усиленные внутренними деревянными распорками, и им была поручена самоотверженная задача соскользнуть на дно канала и там раскачиваться и маневрировать, пока они не лягут бок о бок, готовые к тому, что бойцы переползут по ним.

В прессе под заголовком “Танковый мост” была очень красочно описана сама переправа.

“Париж, 28 сентября.

“Французский корреспондент рассказывает следующий интересный эпизод, произошедший во вчерашнем сражении.

Было решено, что танковое подразделение старых типов возглавит атаку, подставит себя под огонь противника и, достигнув края канала, спрыгнет в русло так, чтобы образовался импровизированный мост от одного танка к другому. Быстрые танки должны были последовать за ними, и этот новый быстрый тип должен был пройти за спинами их старших товарищей, открывая путь пехоте. На этот опасный пост были приглашены добровольцы, и для одного экипажа требовалось, чтобы десять экипажей предложили себя. В конце концов пришлось тянуть жребий, чтобы выбрать героических победителей этого почетного состязания. Замечательный подвиг был совершен. Старые, покрытые шрамами танки, покрытые древними ранами, с гордостью полученные в боях на Сомме и в боях более года назад под Камбре, в последний раз прошли свой медленный и массовый путь и с благородным самоотречением ринулись за грань. По их телам гигантскими шагами прошли новые мощные танки, наши солдаты последовали за ними к победе, и вскоре после восьми часов они вошли во Флескьер”.

На самом деле действительность несколько не соответствовала этому описанию. Машины-ветераны оказались совершенно не приспособлены к долгому переходу, и даже наименее ветхая из четырех в конце концов остановилась, находясь еще в нескольких милях от Канала.

Значит, “Танкового моста” все-таки не было, хотя, как выяснилось, его отсутствие никого не смутило, за возможным, хотя и маловероятным исключением корреспондента “крупного плана”.

К счастью, сомнительная переправа оказалась осуществимой, и все машины, за исключением одной, подорвавшейся на фугасе, благополучно миновали ее.

II

Атака была, как обычно, на рассвете, и, когда танки и пехота первой волны преодолели вершину, они встретили ожесточенное сопротивление. Справа мы столкнулись с особенно сильным сопротивлением у хребта Бокамп.

В "Истории 11-го батальона" говорится о необычайно доблестных боях противника на этом участке.

“В некоторых случаях они даже пытались вытащить пулеметы и 6-фунтовые пушки из танков. Мы нанесли много потерь, фактически задавив пулеметы и пехоту, а также своим огнем”.

Действительно, немцы здесь постоянно контратаковали в течение дня, настолько важной они считали эту позицию. Однако, несмотря на это, мы успешно укрепили свой правый фланг.

К северу от них гвардейцы и 3-я дивизия форсировали канал под их шквальным пулеметным и артиллерийским огнем, захватили Рибекур и Флескьер, гвардейцы заняли Ровальский лес и продвинулись к северу от часовни Преми, где 2-я дивизия продолжила наступление.

История 15-го батальона рассказывает историю четырех танков, которые сотрудничали с Гвардейской дивизией. Это типично для этой части сражения. На северной окраине Флескьера они ожидали прибытия 1-го гренадерского полка, заполнив паузу, помогая гордонам занять деревню.

Когда прибыли гвардейцы, ситуация все еще оставалась неясной, и майор Скеггс, командовавший танками, предпринял дерзкую передовую разведку от Флескьера к часовне Преми.

Танки были немедленно подтянуты к северу от деревни, вступив в бой с несколькими станковыми и полевыми орудиями, которые вели огонь из Ровного леса. Чтобы прикрыть продвижение пехоты, танкам пришлось продвигаться по голому участку местности, открытому прямой наводке из нескольких полевых орудий.

Два танка, “Орхидея” и “Отелло”, вскоре были подбиты, и остались только “Орест” 2-го лейтенанта Риддла и “Ориби” сержанта Уотли.

Но именно в центре танки вели свое главное сражение. Под покровом темноты канадцы и 63-я дивизия продвинулись по западному берегу канала в районе Мювре и Сен-ле-Маркиона. В предрассветных сумерках они штурмовали сам канал. Сопротивление здесь было далеко не хорошо организовано.

92 “Часовня Силкем и Вуд-Свитч были забиты вражеской пехотой, которая находилась в большом замешательстве, неспособная двигаться ни в ту, ни в другую сторону. Танк ‘Одетта’, которым командовал младший лейтенант К. У. Лак, показал себя там великолепно, направив все свои орудия на врага и применив картечь в упор”.

Весь день 15-й батальон вел бой.

“Около 16.30 3-я дивизия вооруженных сил, 63-я дивизия, вызвала бригадного генерала (бригада не установлена), который спросил, могут ли танки продвинуться вперед с его бригадой, которая тогда собиралась возобновить наступление. Ему сообщили, что у них осталось очень мало бензина, но они продолжают движение, если он (бригадный генерал) возьмет на себя ответственность за то, что танки застряли прямо на передовой без бензина. Бригадный генерал согласился с этим и сказал, что хочет вывести свою бригаду на линию Маркиона.

Два танка двинулись вперед и подобрали пехоту к северу от Грейнкура. С этого момента они шли впереди пехоты, практически не встречая сопротивления.

“За Анне танки попали под сильный пулеметный огонь со стороны Фонтен-Нотр-Дам. Оба танка были развернуты бортовым огнем, и огонь был перенесен на немецкие пулеметы, чтобы поддержать пехоту, наступавшую слева. Группы противника, которые, как было замечено, переваливали через гребень в направлении линии Маркион, были обстреляны всеми танковыми орудиями, которые только могли быть пущены в ход. Враг обратился в бегство, что привело к многочисленным жертвам.

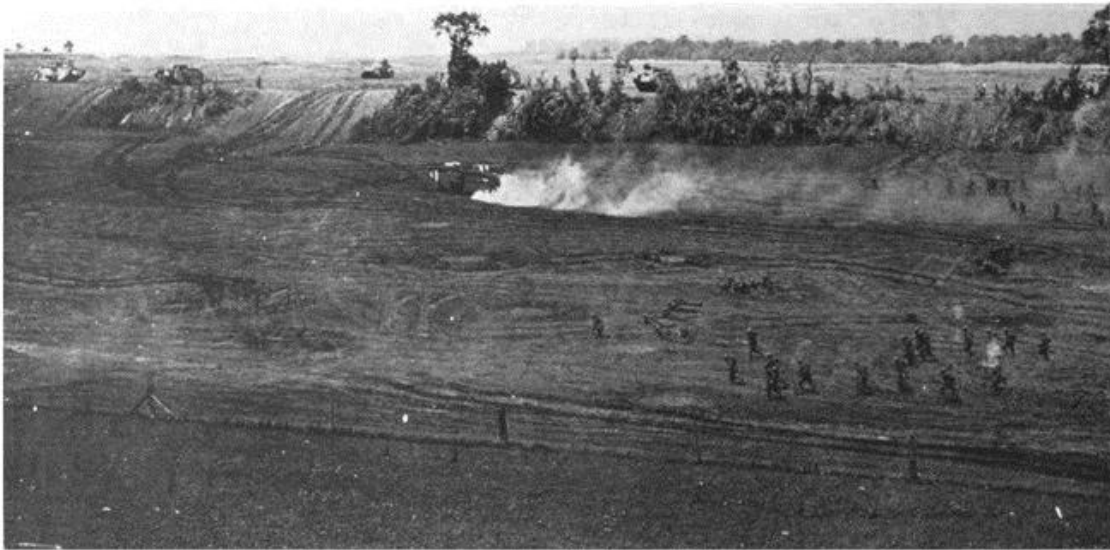
Вскоре после этого несколько тяжелых снарядов, предположительно выпущенных из траншейных минометов, упали совсем рядом с танками. Эти два танка достигли точки примерно в 1000 ярдах от Кантена, прежде чем завершить свою работу.

“Бензин к тому времени почти закончился, экипажи были сильно измотаны, покинув место окончательной стоянки примерно в полночь 26-27 сентября. Необходимые работы с Танками были завершены, поэтому они были отведены в точку значительно восточнее канала”.

Тем временем наша линия фронта была продвинута к востоку от Анне до Фонтен-Нотр-Дам. Деревню Бурлон взяли 7-й танковый батальон и канадцы. Мы проехали через Бурлонский лес, который теперь был полностью в нашем распоряжении.

На крайнем левом фланге дивизия 22-го корпуса также форсировала канал, очистила Соши-Лестре и двинулась дальше на север.

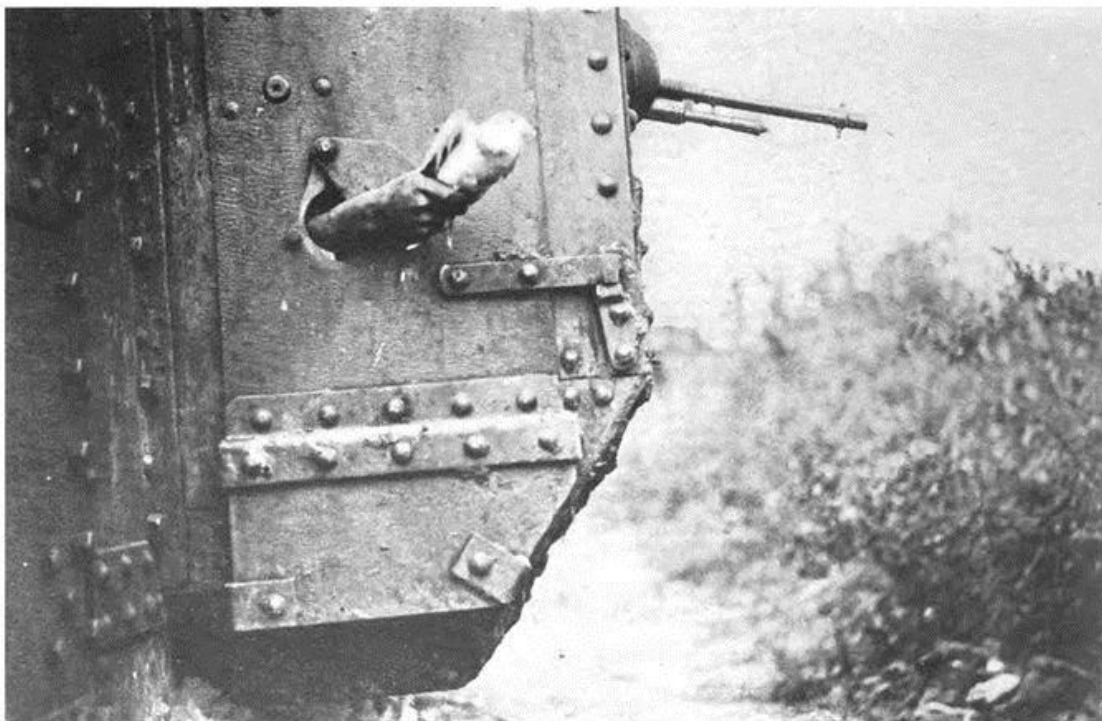
Взаимодействие с воздуха было особенно эффективным в течение всего дня. Работа 8-й эскадрильи, однако, была сильно затруднена, поскольку они были сосредоточены на фронте 4-й армии для недавних боев там и, следовательно, имели длительный перелет и сложную сигнальную связь, когда им было приказано работать с 3-й и 1-й армиями. Однако их договоренности со своими партнерами-танкистами были, как обычно, достойны восхищения. С 7-м батальоном, которому вместе с канадцами была поставлена задача форсировать Северный канал напротив Инчи, а затем захватить деревню Бурлон, сотрудничество было особенно хорошим; в штаб батальона были сброшены не только важные сообщения, но и оружие, которое вело огонь по трем нашим танкам из леса Бурлон, было эффективно разбомблено, и дважды летчик прогонял его экипаж из своего пулемета.

ПЕХОТА, НАСТУПАЮЩАЯ ПОЗАДИ ТАНКОВ. УЧЕБНАЯ АТАКА У БЕРМИКУРА

ТУННЕЛЬ КАНАЛА Св. КВЕНТИНА, БЕЛЛИКУР.

ВЫПУСКАЮТ ПОЧТОВОГО ГОЛУБЯ

28 сентября танки 7-го и 11-го батальонов снова вели бой при Байленкуре. Семь танков 11-го батальона 5-го корпуса захватили Виллер-Гислен и Гоннелье.

К вечеру 28-го мы достигли всех наших целей и продвинулись за наш старый рубеж прилива, который был у нас в Первом сражении при Камбре. Фонтен-Нотр-Дам, деревня Бурлон, Эпинуа и Эйнкур были все нашими, и мы захватили более 10 000 пленных и 200 орудий. Танки понесли тяжелые потери, но понесли их не напрасно.

Часть II

Я

Мы уже говорили, что в первоначальном плане сражения предполагалось, что определенные наблюдательные пункты - Кеннемон, Холм и Белликур - окажутся в наших руках примерно за день до начала главного наступления на фронте 4-й армии.

Эти укрепленные высоты имели важное значение из-за особой географии этого участка линии.

По всему этому участку фронта, более или менее параллельно линиям армий, проходит — глубокий и широкий — канал Сен-Кантен.

Однако на протяжении трех с половиной миль между Белликуром и Вендуйлем он проходит под землей через туннель.

Мы видели, как на северном участке линии противник полагался на Северный канал как на главное препятствие для наступления.

В августе мы захватили документ, который доказывал, что он понимал, что если мы вообще начнем наступление на юге, и независимо от того, будем ли мы атаковать с танками или без, то именно на этот промежуток в три с половиной мили обрушится наш самый сильный удар.

Фотография дает прекрасное представление о том, почему мы должны были любой ценой избегать определенных участков канала, а сэр Дуглас Хейг в своем Донесении дает замечательное представление о некоторых сложных особенностях здешней топографии.

“Общая конфигурация грунта, по которому проходит этот участок канала, приводит к образованию глубоких выемок глубиной местами около шестидесяти футов; в то время как между Белликуром и окрестностями Вендуйля канал проходит через туннель на расстояние 6000 ярдов. По бокам выемок противник соорудил многочисленные блиндажи с туннелями и бетонные укрытия. Вдоль верхнего края он замаскировал хорошо расположенные бетонные или бронированные пулеметные точки. Сам туннель использовался для обеспечения жилых помещений для войск и был соединен шахтами с траншеями наверху. К югу от Белликура русло канала постепенно мелеет, пока в Белленглизе канал не окажется почти на уровне земли. К югу от Белленглиза канал пересох.

“На западной стороне канала, к югу от Белликура, две тщательно организованные и чрезвычайно сильно заминированные линии непрерывных траншей проходят примерно параллельно Каналу, на средних расстояниях от него 2000 и 1000 ярдов соответственно. Вся серия оборонительных сооружений с многочисленными защищаемыми деревнями, содержащимися в них, образовывала пояс местности глубиной от 7000 до 10 000 ярдов, организованный за счет использования всех доступных средств в самую мощную систему, вполне заслуживающую присущей ей высокой репутации”.

На участке фронта в три с половиной мили, где только танки и артиллерия могли пересечь линию канала, система аванпостов, которые повсюду защищали линию Гинденбурга, была усилена вдвойне и приобрела естественную силу благодаря своему расположению на высотах, под которыми прорыт Канал.

Только очень “парадная” атака на такую высокоорганизованную систему, как Линия Гинденбурга, могла быть успешной, и для того, чтобы начать такую атаку, было важно, чтобы мы уже удержали фермы Кнолль, Гиймон и Кеннемон.

Мы видели, как в последний день или два битвы при Эпехи мы снова и снова атаковали линию фронта, должным образом захватили сектор напротив Белликура, но как за два дня до начала главного наступления Холм и Кеннемон все еще были в руках противника.

Такое положение дел вызывало серьезную тревогу, поскольку вся сетовая атака была основана на идее использования этой линии в качестве “стартовой” позиции.

Предполагалось, что две американские дивизии, которые должны были сражаться на этом участке, будут введены туда только после того, как этот рубеж будет обеспечен.

Теперь было решено, что они сами должны предпринять последнюю попытку захватить линию обороны перед главным штурмом, который должен был начаться на рассвете 29 сентября.

Поэтому на рассвете 27-го 27-я американская дивизия при поддержке двенадцати танков 4-го батальона снова атаковала под прикрытием стелющегося заградительного огня.

93“Атака встретила сильное сопротивление, и конечная достигнутая позиция стала предметом противоречивых сообщений от задействованных войск и от воздушных наблюдателей. Последующие события показали, что небольшие группы американцев и танков достигли окрестностей своей цели и очень храбро удержались там; но линия в целом существенно не продвинулась в ходе дневных операций.... Теперь заградительный огонь не мог быть возобновлен на этом фланге из-за знания того, что группы американских солдат, а также некоторое количество раненых американцев окажутся незащищенными от нашего собственного огня. Кроме того, любое изменение в планах заградительного огня, которые уже были выпущены, неизбежно привело бы к путанице”.

Следовательно, либо вся главная атака должна быть отложена, либо американские дивизии и часть британских войск к северу от них должны начать примерно в 1000 ярдах позади своего заграждения и с очень неопределенного плацдарма.

Было принято решение о последнем.

94“Исходный рубеж артиллерии, как первоначально планировалось, должен был хорошо удерживаться, и войска 27-й американской дивизии должны были выстроиться для атаки на линии, продвинутой как можно дальше вперед, и им должно было помочь дополнительное количество танков. Численность танков была увеличена до такой степени, что должна была легко подавить сопротивление противника к западу от линии старта. Считалось, что это, при низкой скорости заградительного огня, позволит американцам выполнить свою задачу”.

Но была еще одна трудность, серьезное препятствие, о котором мы совершенно не подозревали. Британское противотанковое минное поле, состоящее из рядов закопанных тяжелых мин для траншейных минометов, каждая из которых содержала 50 фунтов аммонала, было установлено незадолго до того, как мы потеряли этот район в марте 1918 года, и до танков не дошло никакой информации об этом минном поле.

Таким образом, будет видно, что шансы на успех на этом участке фронта были очень высоки до наступления дня 29 сентября 1918 года, богатого событиями.

Вся атака должна была вестись по двенадцатимильному фронту. Пехота должна была воспользоваться рядом пешеходных мостов, разрушить которые наша бомбардировка помешала противнику выбраться наружу, и в некоторых местах наши люди были готовы перейти воду вброд или вплавь.

Однако ожидалось, что основное сопротивление будет оказано на знаменитых трех с половиной милях.

Всего должно было быть задействовано около 175 танков, включая новый американский батальон, и четыре корпуса.

9-му корпусу справа были приданы 5-й, 6-й и 7-й танковые батальоны 3-й бригады.

В центре, вместе с австралийским и американским корпусами, должны были сражаться 1-й, 4-й и 301-й американские батальоны 4-й бригады.⁹⁵

8-й, 13-й и 16-й батальоны 5-й танковой бригады должны были находиться в резерве 4-й армии.

Почти до нуля часов 29-го мы все еще надеялись получить известие о том, что мы удержали Холл и Кеннемон. Но никаких обнадеживающих сообщений не поступало.

Таким образом, 301-му американскому танковому батальону было суждено дебютировать в очень необычном мире.

96“Разведка 301-го полка перед боем была проведена очень эффективно, несмотря на многие недостатки. Особенно запись была классическим примером мужества и эффективности. Следует иметь в виду, что это не был спокойный фронт, и что попытки занять линию его аванпоста заставили Бошей чрезвычайно нервничать и быть настороже. Как следствие, ночи, предшествовавшие битве, были одними из самых грязных в моей жизни. Командир батальона (я забыл его имя), командир одной роты (лейтенант Т. К. Недейл) и сержант были вырублены во время наблюдения за записью. Лейтенант Недейл перевязал ему раны и продолжал свою работу до нуля часов. В связи с этим инцидентом стоит упомянуть, что у каждого американского танка была своя лента, протянутая через нашу линию фронта по направлению к Бошу военнослужащими роты R.O.S. Командиры танков сказали мне впоследствии, что им пришлось начать бой до того, как закончилась их лента”.

II

Когда забрезжил рассвет, обычный туман стал густым и добавил свою долю неразберихи к утренней неопределенности.

По всей линии фронта битва беспорядочно раскачивалась, перерастая в то, что было, пожалуй, самой полной “путаницей” из всех сражений Войны.

На севере бои были чрезвычайно тяжелыми.

Из-за невозможности эффективного заградительного огня американская 27-я дивизия серьезно пострадала от массированного огня вражеских пулеметов с момента начала атаки.

Как раз в тот момент, когда танки 301-го полка выдвинулись на подмогу, готовые расправиться с пулеметами, которые, как описывает очевидец, к этому времени “выкашивали других американцев целыми полосами”, не менее десяти машин налетели на забытое минное поле.

Американские танки пережили самую горькую из катастроф войны - бесполезные разрушения от рук своих же коллег.

Взрывы были ужасающими, у многих машин было вырвано все днище и большая часть экипажей погибла.

Чуть дальше к югу наше наступление продвигалось успешно.

Танки 4-го и 5-го батальонов и их пехота продвинулись вперед. Сложная система траншей и путаница проволочных заграждений и блиндажей, однако, привели к определенной потере сплоченности, так что к тому времени, когда была достигнута деревня Белликур, атакующие войска находились на некотором расстоянии позади заграждения, и значительная часть сил атаки была сведена на нет.

Но, хотя несколько крупных отрядов противника все еще держались, на этом участке мы фактически прорвали линию Гинденбурга еще до полудня.

Но теперь туман начал рассеиваться. Противник все еще удерживал ферму Кеннемон и земли к северу от нее большими силами, и с этой высоты они теперь могли видеть достаточно хорошо, чтобы вести сокрушительный огонь в спины войскам, наступавшим в секторе Белликур. Ситуация была критической и требовала немедленных действий.

Майор Хотблэк, начальник разведки танкового корпуса, наблюдавший за ходом сражения вблизи этого пункта, к счастью, осознал ситуацию раньше противника и поспешил предпринять импровизированный отвлекающий маневр. К счастью, он нашел два танка⁹⁷, которые ждали, готовые принять участие в более поздней стадии атаки. С разрешения командира батальона две машины были спешно приведены в движение, и майор Хотблэк вскочил в головной танк. Машины быстро двинулись к хребту Кеннемон. Пехоты, доступной немедленно, не было, а при нынешней погоде ждать было некогда; поэтому два танка без артиллерийской или пехотной поддержки атаковали то, что впоследствии оказалось непрерывным участком фронта противника.

Но если на британских позициях царила неразбериха, то нет сомнений в том, что немцы, хотя и сражались чрезвычайно хорошо, были далеки от ясности относительно фактического положения. В суматохе они, по-видимому, приняли две изолированные машины за значительную силу. Два танка успешно пробились к доселе неприступному гребню и фактически преуспели в том, чтобы сбросить с него врага, уничтожив большое количество защитников и захватив некоторое количество пулеметов. Затем, наконец, немецкие полевые артиллеристы осознали ситуацию и, будучи в остальном невозмутимыми, открыли сокрушительный огонь по двум самонадеянным машинам. Им удалось подбить и поджечь оба судна, экипажи были вынуждены эвакуироваться, понесся значительные потери.

Майор Хотблэк, хотя и частично ослепший, смог продолжать бой, но единственный офицер был тяжело ранен, и, таким образом, для удержания хребта осталось смехотворно мало сил — один офицер и пять или шесть солдат. Совершенно неустрашимые, они немедленно приступили к подготовке немецкой контратаки, которая теперь, когда танки были выведены из строя и пылали, казалась неминуемой. Повсюду валялось множество вражеских пулеметов, и некоторые из них были готовы к бою, поскольку собственные орудия танков были уничтожены, когда машины были подбиты.

Пока эти орудия разворачивались для их бывших владельцев, к крошечному гарнизону присоединились сначала австралийский, а затем американский офицер, каждый с ординарцем, которые каждый по отдельности вышли, чтобы попытаться выяснить положение дел. Им быстро объяснили ситуацию, и вскоре она стала еще более ясной из-за ожидаемой контратаки немцев. Дважды в ходе боев на предыдущей неделе противник возвращал себе этот гребень, когда он удерживался в силе. На этот раз менее дюжины человек успешно противостояли им, и хотя почти каждый из защитников был ранен, они держались до тех пор, пока несколько часов спустя не пришла помощь.

За участие в этой операции майор Хотблэк был награжден планкой к Военному кресту. Это было его последнее действие на войне, поскольку полученные им раны вывели его из строя до подписания перемирия.

Довольно интересно отметить, что этот офицер был ранен пять раз в ходе войны — четыре раза в голову; но наша система госпиталей настолько достойна восхищения, что сейчас ему практически не стало хуже от пережитого.

На крайнем правом фланге сражения атака 9-го корпуса увенчалась полным успехом, 46-я дивизия особенно отличилась при взятии Белленглизе.

98“Экипированные спасательными поясами, с циновками и плотами, 46-я дивизия штурмовала западный рукав канала в Белленглизе и к северу от него, некоторые пересекали канал по пешеходным мостам, которые у противника не было времени разрушить, другие спускались с отвесных склонов стены канала и, переплыв или перейдя вброд дальний берег, взбирались по дальней стене к немецким траншеям на восточном берегу”.

Танки, конечно, не могли пересечь границу со своей пехотой. Они двинулись на Белликур, пересекли туннель в ближайшем пункте и повернули на юг, продвигаясь по дальнему берегу канала и прибыв как раз вовремя, чтобы принять участие в атаке на Монши.

Наш успех здесь был настолько полным, что только одна дивизия захватила 4000 пленных и семьдесят орудий.

Многие из этих батарей были атакованы с тыла танками и пехотой, когда они еще находились в действии, причем противник ни в малейшей степени не осознавал, что их обошли с фланга.

III

В конце дня было совершенно ясно, каким должен быть конечный результат битвы. Но наш фронт был чрезвычайно рваным, и бреши, которые мы пробили в Линии Гинденбурга, были лишь узкими.

Итак, в течение нескольких дней наши атаки продолжались по всем фронтам; от севера Камбре, где танки 7-го батальона и канадцы встретили отчаянное сопротивление, вплоть до нашего соединения с 1-й французской армией к югу от Сен-Кантена.

За исключением партии из шести машин, принадлежащих 1-й бригаде, которая участвовала в атаке к северу от Камбре, все танковые операции того периода велись в районе 4-й армии, где мы были заняты вбиванием клина, тонкий конец которого мы с таким трудом вбили 29 сентября.

30-го двадцать танков, принадлежащих 5-му, 6-му, 13-му и 7-му батальонам, сражались разными группами, но ни один из них не добился поразительного успеха, в одном или двух случаях из-за того, что подтянутая свежая пехота не привыкла к танкам, и поэтому связь была нарушена.

Деревня Бони, в которую только что вошли броневики 29-го числа, все еще упорно держалась.

1 октября танки 9-го батальона участвовали вместе с 32-й дивизией в атаке на часть линии близ Жонкура. В этой операции танки очень успешно использовали дымовые завесы.

2 октября танки не участвовали в боях, но 3 октября в бой вступило около сорока машин.

Как и в предыдущие дни, мы столкнулись с упорным сопротивлением, и, как и в предыдущие дни, фут за футом, дюйм за дюймом мы продвигали нашу линию вперед, всегда терпеливо увеличивая ширину пробитых нами отверстий.

Теперь предполагалось новое крупномасштабное наступление, и для этого наступления Танковому корпусу предстояло предоставить от восьмидесяти до девяноста машин, часть из которых находилась на фронте 3-й, часть - 4-й армий. Немедленно были начаты приготовления, и 4-го числа танки не вступили в бой.

Однако наша линия фронта только что достигла окраин двух больших деревень, Монбреана и Бореуара, и мы не хотели начинать день нашего нового наступления с уличных боев — самой непредсказуемой из всех форм ведения войны.

Поэтому австралийцы и 16-й танковый батальон атаковали Монбрехен и после напряженного, но блестящего небольшого сражения захватили его.

Приближалась последняя фаза битвы при Камбре и Сен-Кантене; более того, последняя фаза войны, которую мы вели почти четыре года.

На следующий день нам предстояло помериться силами с разорванными, но все еще внушительными руинами, которые когда-то были Линией Гинденбурга.

ГЛАВА XXI

ВТОРАЯ БИТВА При ЛЕ—КАТО-БЕГУЩАЯ БИТВА

I

“Сводка разведки танкового корпуса, 8 октября”

“Сегодня утром между Камбре и Сен—Кантенем была предпринята атака на фронте в восемнадцать миль, которая была полностью успешной — все цели были достигнуты - несмотря на упорную пулеметную оборону.

“Тяжелые танки и "Уиппеты" сотрудничали.

“Линия теперь проходит через Ньерньи—Э., Серанвильер и Ла Таржетт—Энес Милл-Э. окраина Эсна — через линию траншей Брисе Вуд—Валинкур-Одиньи до Валинкур Вуд—W. из Валинкура —Н. и Э. из Серена—Э. из Премона—Э. из Бранкура—Э. из Борегара.

“Глубина проникновения варьируется, максимальная составляет 6000 ярдов.

Французы продолжили наступление на южном участке фронта и добились успехов в окрестностях Фонтен-Утетра и Эссињи-ле-Пети.

“Было взято большое количество пленных, но фактическое количество пока неизвестно.

“Противник предпринял мощную контратаку со стороны Авуа против нашей линии между Ньерны и Серанвилье, и ситуация в Форенвиле не совсем ясна.

“В этой контратаке противник использовал трофейные британские танки. Семь появились на затонувшей дороге к северо-востоку от Ньерджни без какой-либо поддержки пехоты. Наша пехота использовала вражеские противотанковые ружья, и, как сообщается, четыре или пять вражеских танков были выведены из строя”.

Такова была форма, в которой новости о том, что оказалось последним боевым действием войны, достигли отдыхающих танковых батальонов и великой танковой организации в тылу.

Все происходящее почему-то казалось необычайно драматичным. Теперь повсюду было ощущение важности событий. В глубине души мы знали, что час пробил. И все же враг так часто проявлял неожиданные силы, мы так часто обманывались в оптимизме, и теперь мы сражались с какой-то неожиданной радостью оттого, что добивались успеха, чувствуя, что немецкое сопротивление действительно рушится под нашими ударами.

Каждый раз, нанося удар, мы испытывали лихорадочное нетерпение из-за собственной усталости, которая оттягивала следующий удар. Мы жаждали быть уверенными, наносить удары снова и снова, неважно как, и так положить конец долгому кошмару.

Весь тот последний месяц мы спешили вперед, ослепленные усталостью, слишком жаждущие следующего сражения, слишком глубоко озабоченные кульминацией великой драмы, чтобы беспокоиться о деталях наших достижений в последнем действии.

Пытаясь вести хронику того периода, трудно снова не почувствовать нетерпение того часа или достичь достаточной отстраненности, чтобы описать отдельные нити, из которых был соткан великий узор победы.

II

Вернемся к атаке 8 октября.

Помимо очень хороших действий, которые вели Уиппеты из 3-го и 6-го батальонов близ Серена и Премона, в атаке были две особенно интересные особенности: во-первых, действия 301-го американского и 1-го танкового батальонов; и, во-вторых, контратака немецких танков, которая упоминается в Сводке.

Девятнадцать танков 301-го полка вступили в бой напротив Серайна, продемонстрировав отличную результативность.

99“На одном железнодорожном перерезе близ Бранкура, который представлял собой скопление пулеметов, я насчитал почти пятьдесят искалеченных Бошей, попавших в анфиладу с картечью, когда танки пересекли линию фронта. Потери пехоты были очень невелики, и все сходилось во мнении о том, как виртуозно американские танкисты расправились с противником MG.

“Кульминацией сопротивления в битве стало выступление майора Сассе, Д.С.О., за которое он получил свою награду.”.....

“Как и в прошлый раз, он вступил в бой в составе Беспроводного танка. После взятия Бранкура он оставил свой танк на этой стороне деревни и отправился вперед на разведку. В конце концов он поднялся на церковную башню, чтобы посмотреть на битву спереди. В это время начался очень сильный обстрел деревни, и майор Сассе заметил, что пехота начала отступать. Соответственно, он спустился вниз и попытался найти на месте офицера, командующего войсками. Не имея возможности сделать это, он сам принял командование, остановил отступление и организовал войска в качестве оборонительной силы на окраинах деревни. Были выставлены орудия Льюиса, и людям было приказано сопротивляться любой попытке со стороны бошей вернуть деревню, если это будет предпринято. Как и ожидалось, началась решительная контратака, которая была успешно отбита отрядом майора Сассе. Это произошло во второй раз, и майор Сассе отправил радиogramму с просьбой о помощи. Несколько часов спустя американское подкрепление спасло его из довольно опасного положения”.

Именно танкам 12-го батальона выпал интересный жребий познакомиться с трофейным британским Mark IV. Танки в действии.

Четыре танка, принадлежащие роте “А”, находились в окрестностях Ньерньеса, когда противник предпринял сильную контратаку. Поле боя было затянуто густым дымом, и еще не совсем рассвело, и когда в полутьме танкисты и пехота увидели четыре танка, двигавшихся им навстречу, они предположили, что незнакомцы принадлежали к роте “С”, которую послали совершить обходной маневр, и которая, как они предполагали, каким-то образом смогла обойти врага с фланга с необычайной скоростью. “L 16” под командованием капитана Роу находился недалеко от фермы под названием Мон-Сент-Мев, когда в поле зрения появились танки, и передовой был в пятидесяти ярдах, прежде чем капитан Роу понял, что это вражеская машина. Он немедленно произвел по нему 6-фунтовый выстрел, который вывел его из строя, но почти в то же время в “L 16” попали два снаряда, один из которых прошел через кабину, ранив капитана Роу и убив его водителя. Командир танка немедленно вывел свой экипаж и перешел к “L 19”, который находился поблизости, и повел его вперед, к немецким машинам, о присутствии которых он все еще не знал. На “L 19” уже было ранено пять человек, он был в огне и, не имея оставшихся артиллеристов, не мог использовать свои 6-фунтовые орудия. Его командир, младший лейтенант Уорсап, однако, ничуть не обескураженный, немедленно открыл огонь по врагу из своих пушек Льюиса, пока танк не получил прямое попадание, от которого загорелся во второй раз. Теперь ничего не оставалось делать, кроме как эвакуировать машину, и когда немецкая контратака, казалось, увенчалась успехом, мистер Уорсап взорвал обломки своего танка.

“L 12”, третий танк мужского пола, был подбит и окончательно выведен из строя до того, как его командир и экипаж обнаружили, что странные Танки не принадлежат роте “С”. Оставался “L 8” под командованием лейтенанта Мартелла, но у этого танка был протекающий радиатор, и в нем почти не было воды. Он тоже был подбит, и три его орудия “Льюис” вышли из строя. Лейтенант Мартелл, однако, отправил свой расчет обратно, и ему и офицеру-артиллеристу удалось подобраться к трофейному немецкому полевому орудью, которое они вдвоем развернули и использовали против танков противника, почти сразу получив прямое попадание в один из них. Теперь две немецкие машины были уничтожены. И вот, наконец, появился настоящий танк роты “С” — женского пола - и, наконец, подбил или распугал две оставшиеся немецкие машины. Положение было восстановлено, и пехота, отошедшая перед контратакой, снова двинулась

вперед и вновь заняла горный хребет за Ньергнисом. Сравнение британских и немецких отчетов об этой акции не лишено интереса.

Новости Немецкого радио

“Во время тяжелых боев к югу от Камбре 8 октября немцы ... Танки и колонна пехоты продвигались вперед ... за стеной искусственного тумана. Немецкие танки, которые нащупывали свой путь вперед, застали врасплох большое количество англичан, стоявших неупорядоченными группами. Пулеметным и танковым огнем англичане были отброшены назад. Английские войска на восточной окраине Ниргни обратились в бегство и эвакуировались. По дороге Камбре-Кревекюр пять английских танков продвигались в поддержку собственной пехоты. Когда они попали в поле зрения немецких танков, английские танки остановились, и их подожгли собственные экипажи”.

К концу дня мы продвинулись вперед и расширили нашу линию по всему фронту атаки, и следующий день был посвящен эксплуатации.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ПОЛКОВНИК И ГЕНЕРАЛ ЭЛЛЕС
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ № 18.

Генерал-майор Х. Дж. Эллес, К.Б.Н., Д.С.О., командующий ТАНКОВЫМ КОРПУСОМ в полевых условиях.

18 октября 1918 года.

1. Его величеству королю было милостиво угодно стать ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ танковым корпусом 17-го числа.

2. От имени ТАНКОВОГО КОРПУСА была отправлена следующая телеграмма:

“Его Превосходительству Королю,

“Здесь только что получено известие о том, что ваше величество милостиво согласились стать главнокомандующим танковым корпусом. Все чины глубоко осознают эту знаменательную честь, оказанную Корпусу, и полны решимости продолжать быть достойными ее.

ГЕНЕРАЛ ЭЛЛЕС.

“Передовой танковый корпус штаба.
В бою. 17 октября”.

3. Получен следующий ответ:

“Генерал-МАЙОРУ Х. Дж. ЭЛЛЕСУ.
Штабу танкового корпуса, В действии.

“Я искренне благодарю вас за послание, которое вы передали мне от имени всех чинов Танкового корпуса.

“Я действительно горжусь тем, что являюсь главнокомандующим этой великой британской организацией, созданной нами, которая сыграла столь заметную роль в наших недавних победах.

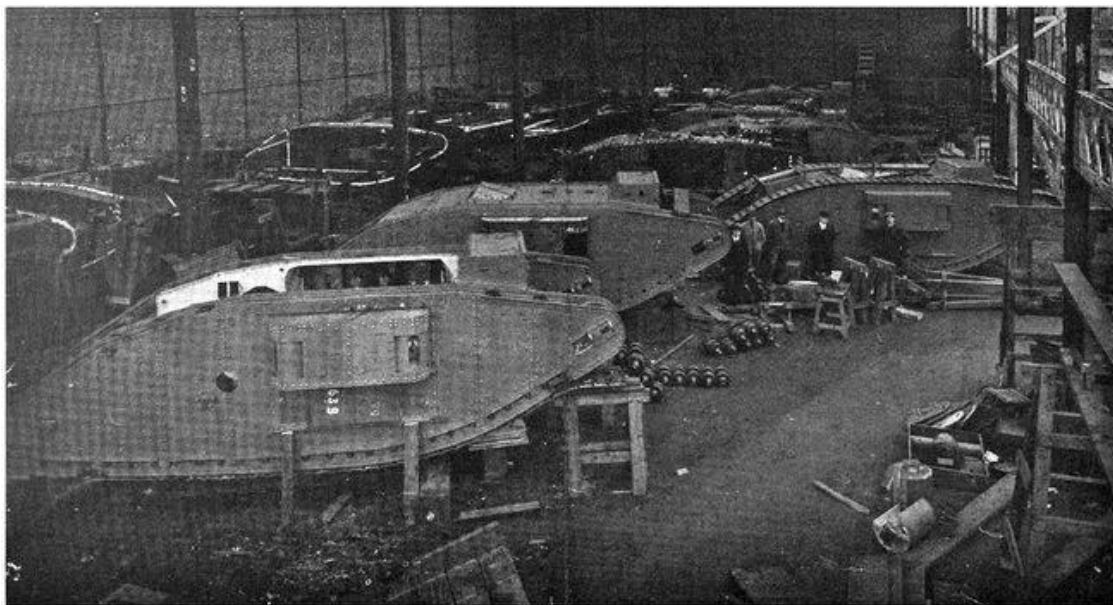
“Я желаю вам всем всяческой возможной удачи.

ДЖОРДЖ Р. И., главнокомандующий.

Букингемский дворец.
ЛОНДОН, 18 октября”.

(Подпись) Х. Дж. ЭЛЛЕС, генерал-майор.
Командующий танковым корпусом в полевых условиях.

Противник полностью отступал, и быстрое наступление встретило самое слабое сопротивление. Современная запись в Сводке разведки танкового корпуса отмечает эту особенность.

ПРОИЗВОДСТВО

“9 октября.

“В направлении Ле-Като было совершено проникновение на расстояние более шести миль, и в захваченном районе было занято двадцать шесть деревень.

“Танки снова вступили в бой.

“Вскоре после полуночи наши войска начали наступление к северу от Камбре, захватив Рамильи и обеспечив себе плацдарм через канал Эско в Пон-д'Эр.

“Сегодня утром весь Камбре был оккупирован

“В донесениях с воздуха говорится, что на дорогах к северу и юго-востоку от Ле-Като царит большая неразбериха, и что наши низколетящие разведчики стреляют по рекордным целям

“Количество пленных, взятых во время вчерашней атаки британскими войсками, составило 6300 человек, а французами в районе Сен-Кантена - 1200. Подробностей о сегодняшних захватах пока не поступало”.

Битва при Камбре-Сен-Кантене подошла к концу, и Линия Гинденбурга теперь фактически перестала существовать, поскольку была прорвана на фронте почти в тридцать миль.

Перед всеми британскими войсками во Франции, от севера Менина до Богена, в семи милях к северо-западу от Гиза, простиралась открытая местность, не изрезанная траншеями, не натянутая проволокой. Настало время эксплуатации.

Учитывая нашу сравнительную численную слабость, поздний сезон и природу страны, то, что они пробились так далеко, было заметным достижением. Теперь быстрое преследование было выше сил даже пехоты. Ибо немецкая армия, хотя и была разбита, еще не была сломлена.

100“Преследование кавалерией было немыслимо, поскольку немецкие арьергарды располагали многими тысячами пулеметов, и пока существовало это оружие, преследование, о котором мечтают кавалеристы, было совершенно невозможно. Только одно оружие могло превратить нынешнее поражение в разгром — танк, но их осталось немного, поскольку с 8 августа танковыми батальонами было передано на утилизацию не менее 819 машин, а сами эти батальоны потеряли личным составом 550 офицеров и 2557 других чинов при боевом состоянии около 9500 человек”.

3—й, 4—й, 5-й, 7-й и 15-й батальоны - или то, что от них осталось, - все должны были быть выведены в резерв Генерального штаба 12 октября.

III

Битва при Селле

Однако так быстро, как только позволяли усталость нашей пехоты и малочисленность наших танков, мы преследовали бегущие, но все еще сплоченные немецкие дивизии.

Снова и снова враг пытался развернуться, простоять за какой-нибудь естественной защитой столько времени, сколько позволило бы ему организовать отступление. У него все еще оставалась надежда, что сокращенный рубеж позволит ему совершить последнее соединение, если только тем временем слишком стремительное бегство не превратило его армию в толпу и если продвижение союзников удастся ненадолго остановить перед жизненно важным центром Мобежа.

Семь танков 5-го батальона продвинулись вместе с французами и 9-м корпусом к Рикервальскому лесу; но первой операцией этого нового типа, в которой приняло участие сколько-нибудь значительное количество машин, было сражение на реке Селле, которое началось в районе 4-й армии 17 октября.

101“Наши операции начались 17 октября атакой 4-й армии на фронте примерно в десяти милях к югу от Ле-Като совместно с 1-й французской армией, действовавшей к западу от Самбра и канала Уаза. Штурм, начатый в 5.20 утра, был предпринят 9-м, 2-м американским и 13-м корпусами.... Противник удерживал труднопроходимую лесистую местность к востоку от Боheyна и линию Селле к северу от нее большими силами, его пехота хорошо поддерживалась артиллерией”.

4-й была соответствующая танковая бригада.

1-й батальон был придан 9-му корпусу справа.

2-й американский корпус в центре, как обычно, сражался с 301-м американским батальоном.

Слева у 13-го корпуса был 16-й батальон, в то время как 6-й танковый батальон находился в армейском резерве.

Немцы выбрали место для сражения с большим мастерством. Они удерживали правый берег Селле, и, следовательно, сама река протекала по Ничейной земле. Такой конкретный выбор

обороны, несомненно, был продиктован страхом перед танками. Прошел сильный дождь, и река разлилась.

102“О ручье было известно очень мало, за исключением того, что он менялся каждые несколько ярдов по характеру, ширине и глубине; и единственным способом установить безопасные места переправы для танков была личная разведка.

“Эта работа была успешно выполнена командирами 1-го и 301-го батальонов, которые сражались бок о бок друг с другом.

“Необходимая разведка на фронте 301-го полка обещала быть чрезвычайно опасной, а успех - довольно сомнительным из-за присутствия нескольких неустановленных постов Бошей на нашей стороне ручья. Речь шла о том, чтобы проскользнуть через них незамеченными, получить необходимую информацию и снова вернуться по своим линиям.

“Лейтенант Т. К. Нэйдейл, командир батальона, взялся сделать это в компании пехотного гида из сектора. Этот офицер прошел вниз по течению 500 ярдов, буквально под носом у постов Бошей, и вернулся на наши позиции с необходимыми разведанными. Таким образом, он смог выбрать безопасные переправы для всех своих танков”.

В 5.30 утра 17 октября туман был настолько густым, что танкам пришлось продвигаться вперед по ориентирам компаса. Пехота ничего не могла видеть, и ей приходилось во многих случаях почти полностью полагаться на Танки в качестве ориентиров. На каждом танке из сорока восьми были установлены люльки, и с их помощью к северу от Сен-Супле и Молене оба танковых батальона благополучно форсировали реку у ранее выбранных бродов.

Очевидно, что немцы почти полностью полагались в своей обороне на разлившуюся реку, и лишь кое-где мы встречали какое-либо сопротивление. Изолированные посты, однако, иногда держались с большой энергией, и из-за тумана и неравномерной скорости нашего продвижения все сражение было чрезвычайно запутанным. Противник был хорошо снабжен артиллерией и везде, где позволял туман, умело ею пользовался.

Около 10 часов утра пехота, которую сильно задержали пулеметы возле Демилье, вызвала на помощь Уиппетов из 6-го батальона. Несколько машин немедленно поспешили наверх, но даже тогда пулеметный огонь был настолько сильным, что пехота лишь с большим трудом могла продвигаться вперед даже под прикрытием "Уиппетов". Как раз в тот момент, когда они приближались к деревне, три "Уиппета" были быстро подбиты одним полевым орудием. Лишенная прикрытия из этих машин, пехота была вынуждена снова отступить. Деревня была взята значительно позже.

18-го и 19-го пехоте удалось значительно продвинуться вперед, и в 14 часов 20-го мы предприняли еще одну атаку, все еще на линии Сель, к северу от Ле-Като.

Были задействованы только четыре танка 11-го батальона. Сопротивление противника было серьезным, поскольку он смог установить прочные проволочные заграждения вдоль большей части линии. На этот раз, поскольку доступных бродов не было, танки успешно форсировали реку по подводному шпальному мосту, который саперы тайно построили ночью, причем противник совершенно не подозревал о его существовании, пока, к своему ужасу, не увидел танки, переправляющиеся через реку.

Были ожесточенные бои вокруг Нойвилли, Солема и Хаспра, но мы достигли всех наших целей на возвышенностях к востоку от Селле, все четыре танка успешно достигли своей конечной цели.

За нашим захватом этих позиций на реке Сель немедленно последовала более крупная ставка, на этот раз на генеральную линию, проходящую от канала Самбр вдоль опушки леса Мормаль до окрестностей Валансьена. Мы должны были предпринять ночную атаку на пятнадцатимильную линию в районе 4-й армии, 9-й, 5-й и 13-й корпуса при поддержке тридцати семи танков из 10-го, 11-го, 12-го и 301-го (американских) батальонов.

Нулевой час был 1.30 ночи, к сожалению, долгожданный лунный свет был скрыт, а ночь туманной и темной. Чтобы усугубить наши трудности, враг беспрепятственно обстреливал нас газом. Приходилось надевать противогазы, и через них было невозможно что-либо разглядеть. Следовательно, мы не продвинулись далеко до рассвета. Но как только рассвело, мы двинулись вперед, танки отлично стреляли по “наземной дичи”, было выпущено большое количество картечи, и в конечном итоге и танки, и пехота достигли своих целей.

На следующий день 17-й корпус перешел в наступление на участке 1-й армии, таким образом, расширив линию нашего наступления еще на пять миль к северу до Шеле. Однако на этом этапе наступления 1-й армии танков не было, но шесть машин, принадлежащих 10-му батальону, атаковали близ Робусарта. Одному из этих танков удалось взорвать немецкий склад боеприпасов удачным выстрелом из одной из своих 6-фунтовых пушек. Это привело противника в сильное замешательство, в то время как взрывы его собственных снарядов значительно помогли нам в уничтожении.

IV

Теперь мы достигли другой - последней — стадии сражения. Природа местности начала меняться, потому что мы наконец-то двинулись в путь.

103“Несмотря на неблагоприятную погоду и решительное сопротивление на многих участках немецких пулеметчиков, за два дня наша пехота и танки продвинулись на пять или шесть миль по труднопроходимой местности”.

Теперь мы достигли местности, наполовину заросшей лесом, наполовину покрытой пастбищами и фруктовыми садами, которая лежала на окраине леса Мормаль, “как бахрома на нижней юбке”, и последняя из наших битв разыгралась среди деревьев Эвекского леса и Поммерей.

Мы были в миле от Ле-Кенуа, который лежал на поляне в лесу.

У нас не было возможности провести капитальный ремонт наших машин. Таким образом, именно в состоянии механической “эффективности”, о которой незадолго до этого следовало бы сказать, что ни о каком сражении не могло быть и речи, большинство оставшихся танков весело справились с этим трудным участком наступления.

ГЛАВА XXII

РАЗГРОМ—МОРМАЛЬСКИЙ ЛЕС—БИТВА При САМБРЕ—ПЕРЕМИРИЕ

Я

“На карту был поставлен какой-то более важный вопрос, какое-то более могущественное дело, чем когда-либо до того, как взмолился меч или возвестила труба”.

Де Квинси.

4 ноября 1-я, 3-я и 4-я армии должны были нанести удар по объединенному фронту протяженностью около тридцати миль, от Самбры к северу от Уази и Валансьена. Местность, по которой предстояло наше наступление, была чрезвычайно трудной: на юге реку Самбр пришлось форсировать почти в самом начале. В центре большой лес Мормаль, хотя кое-где и прореженный немецкими лесничими, все еще представлял собой непреодолимое препятствие. На севере находился сильно укрепленный город Ле-Кенуа, который, естественно, защищался несколькими реками, протекавшими параллельно линии нашего наступления, что неоднократно предоставляло противнику возможности для успешной обороны.

2 ноября мы провели небольшую операцию к западу от Ландреси. Мы стремились улучшить наши позиции возле Хаппегарбеса перед крупной атакой 4-го числа.

Участвовали только три танка 10-го батальона.

К сожалению, хотя мы захватили все наши цели, немцы внезапно воспрянули духом, предприняли внезапную атаку, и мы снова потеряли их до наступления ночи.

Битва при Мормальском лесу была последней танковой атакой в войне, и для нее мы смогли наскрести всего тридцать семь машин.

Танковые подразделения были обескровлены почти добела. Отделения заменили роты, роты - батальоны, а танки были распределены таким образом, чтобы из их мизерного количества можно было извлечь максимум пользы.

На рассвете, после интенсивной бомбардировки, танки и пехота двинулись на штурм под шквальным огнем, и вскоре они прорвались к позициям противника по всему фронту.

Справа от линии атаки ноль был в 5.45. 9-й корпус, который, как следует помнить, поддерживался четырьмя подразделениями 10-го танкового батальона, продвинулся вперед и захватил Катильон, где танки вели особенно успешные бои. Пехота смогла переправиться через Самбру в этом месте, захватив замок примерно в двух милях к югу от него. Через два часа после нуля два батальона пехоты были к востоку от реки.

Танки 13-го корпуса также действовали чрезвычайно успешно, особенно в окрестностях Хека, Пре и на северо-западной окраине леса Мормаль.

Отчет о боях на этом центральном участке линии дан в Сводке разведки танкового корпуса.

“Раннее утро было ясным, но с рассветом поднялся густой туман, который держался примерно до 8.30. Кроме того, местность на юго-западе Мормаль Форест своеобразно обнесена густыми фруктовыми садами, быстровозводимыми заборами и живой изгородью, из-за чего видимость при наилучших условиях ограничивается не более чем пятьюдесятью ярдами или около того. Пехота в значительной степени зависела от Танков, указывающих направление, и многим из последних приходилось ориентироваться исключительно по компасу. Благодаря этому они могли примерно придерживаться отведенных им маршрутов и оказали значительную помощь пехоте в прорыве через плотные живые изгороди (некоторые из них были заминированы) и в борьбе с пулеметами. Местами вражеский заградительный огонь обрушивался с большим количеством газа, в то время как в других местах он был незначительным. Сопротивление также было необычно ‘неоднородным’: несколько постов МГБ хорошо держались, в то время как по многим другим, хотя и хорошо расположенным и замаскированным, не было произведено ни одного выстрела. У моста Ландреси было оказано демонстративное сопротивление примерно 300 немецких пехотинцев и пулеметчиков, но они сдались, когда были обойдены с фланга переправой через канал на плотках дальше к югу. Противник вырыл вдоль некоторых изгородей глубокие и очень хорошо замаскированные стрелковые ямы, которые кое-где были укреплены. Однако основные силы противника, по-видимому, были отведены примерно на километр в тыл его передовых позиций непосредственно перед нашей атакой. Французские жители самых передовых деревень утверждают, что он начал отход сегодня в пять часов утра. В ряде случаев было обнаружено, что враг прячется, безоружный, ожидающий возможности сдаться. В одной деревне более пятидесяти немцев вышли из подвалов домов, где они прятались вместе с жителями. Другие немцы попытались спрятаться на деревьях, и с ними расправились автоматными очередями. В стрелковых ямах было найдено несколько противотанковых ружей и т.д., Но, по-видимому, ими практически не пользовались. Были случаи, когда отдельные полевые орудия устанавливались для анфилиадрования живых изгородей и прикрытия гребней холмов, но до сих пор не поступало никаких сообщений об их эффекте — если таковые вообще поступали. Сообщается, что к 11 часам утра через одну бригаду, действующую с танками, прошло более 350 пленных, включая командира полка и часть его штаба, в то время как одна дивизия сообщила о более чем 1000 пленных к 12.30. Немецкая голубятня (в комплекте с птицами) была захвачена в Ландресисе. Видимость с воздуха была нулевой до 9 часов утра, и поэтому связь была затруднена.

“Позже.—Теперь заключенные сообщили о 10 000 человек с 200 пистолетами”.

Именно при Ландреси трем танкам снабжения удалось, несмотря на почти полное отсутствие у них вооружения или брони, принять самое доблестное и эффективное участие в сражении.

Эти три танка работали на 25-ю дивизию и подвозили материалы для восстановления одного из многочисленных мостов, разрушенных немцами; когда они приблизились к месту встречи, они обнаружили, что противник все еще удерживает это место некоторыми силами и ему удалось остановить продвижение нашей пехоты. По мере приближения танков они начали вызывать огонь на себя, и их положение стало опасным. Проявив большое мужество и ресурс, танки решили идти дальше и положиться на свой внешний вид (который был похож на внешний вид боевых танков), чтобы выбить противника с его позиций. Один танк был подбит, но два других пошли прямо на врага. Даже когда танки приблизились, у немцев все еще оставалось впечатление, что перед ними бойцы, и часть гарнизона подняла руки, в то время как остальные бежали.

В составе 5-го корпуса 1-я рота 9-го батальона столкнулась с жестким сопротивлением, но, тем не менее, продвинулась далеко в лес Мормаль.

Танки были особенно активны в атаке на Жолимец, к югу от Ле-Кенуа, когда они и 37-я дивизия взяли более 1000 пленных, а позже днем и вечером продвинулись в глубь Леса. К северу от них новозеландцы к 8 часам утра окружили Ле-Кенуа, здесь также действовали танки.

К концу дня мы продвинулись вперед на пять миль, достигнув общей линии Фесни-Ландреси - центра леса Мормаль — и на пять миль за Валансьеном.

104“В ходе этих операций и их развития двадцать британских дивизий наголову разгромили тридцать две немецкие дивизии и захватили 19 000 пленных и более 450 орудий. Справа от нас французская 1-я армия, продолжавшая линию наступления на юг до окрестностей Гиза, не отставала от нашего наступления, захватив 5000 пленных и несколько орудий.

“Этой великой победой сопротивление врага было окончательно сломлено. В ночь с 4 на 5 ноября его войска начали отступать практически по всему фронту сражения”.

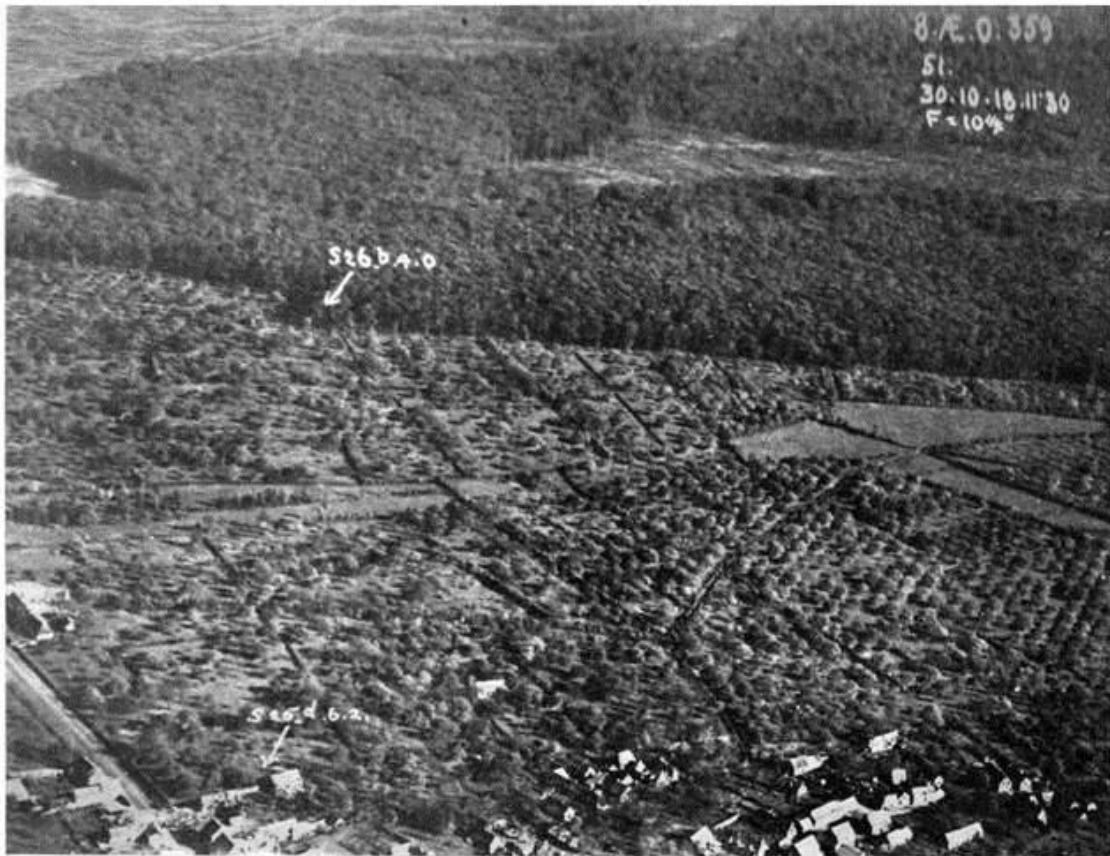
II

Но танковый корпус в конце концов исчерпал свои ресурсы как в машинах, так и в людях.

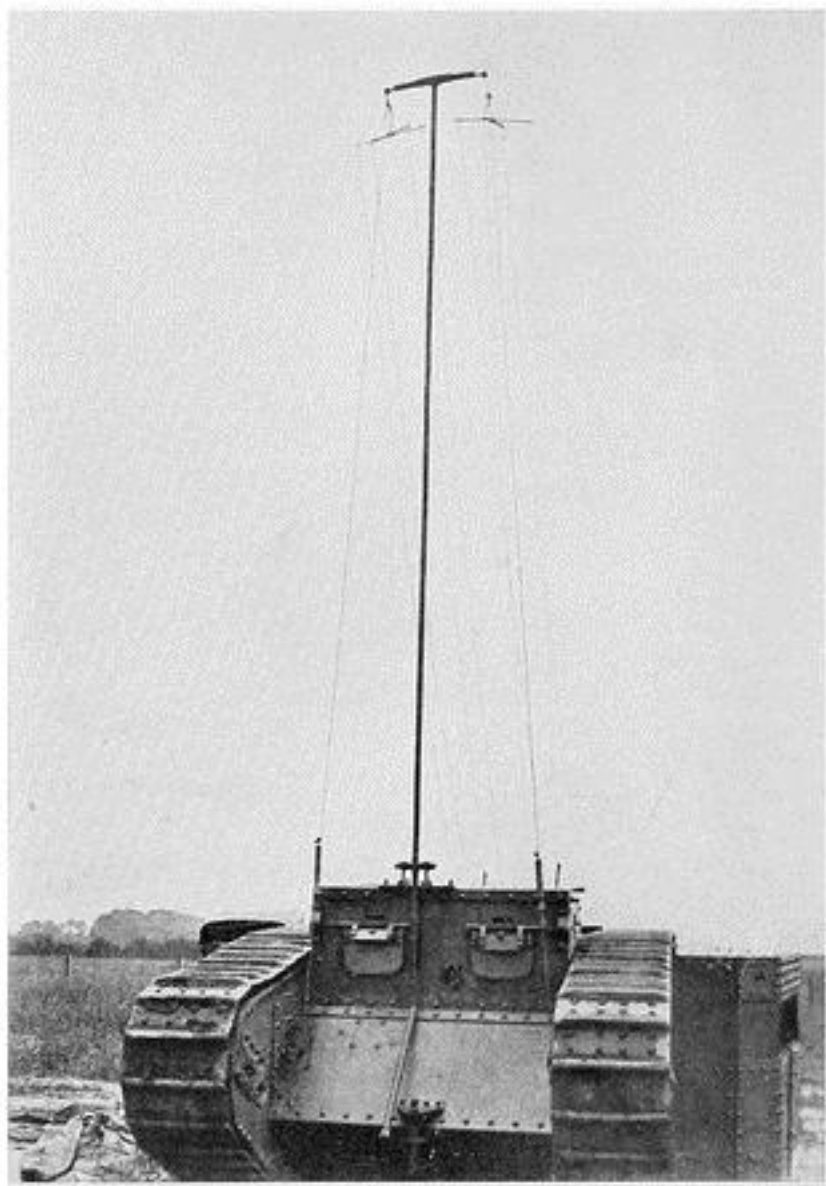
В ожидании подкрепления из Англии они могли на данный момент собрать всего восемь машин, которые можно было послать в погоню за улетающим врагом, и поэтому, хотя броневики продолжали движение, именно 5 ноября состоялась последняя танковая операция войны, когда восемь "Уиппетов" из 6-го батальона приняли участие в атаке 3-й гвардейской бригады на северной окраине леса Мормаль.

Погода была ужасной, а местность наиболее трудной для совместной операции, поскольку ее пересекали многочисленные рвы и заграждения, что делало ее идеальной для арьергардных действий, которые немцы теперь вели по всему своему фронту.

105“В 10 часов утра 5 ноября 3-я гвардейская бригада, прорвавшись через 1-ю и 2-ю бригады, получила приказ продолжать наступление рубежами”.

ЗАПАДНАЯ ОПУШКА ЛЕСА МОРМАЛ

“БЕСПРОВОДНОЙ” РЕЗЕРВУАР

До командира роты Уиппетов не доходило никаких определенных приказов относительно того, какую роль — если таковую вообще — должны были играть его машины.

Однако он и генерал, командующий 3-й гвардейской бригадой, пришли к выводу, что ввиду характера местности и того факта, что реку Бультио придется форсировать на первом этапе сражения, "Уиппеты" должны вести атаку только на вторую, третью и последнюю цели.

Два танка оказались непригодными к бою из-за механических неисправностей. Три танка, прикрывавшие продвижение гренадеров, оказались в местности с небольшими фруктовыми садами, разделенными чрезвычайно высокими живыми изгородями, где было труднее всего обнаружить вражеские пулеметы, огонь которых был здесь значительным.

Поэтому Уиппеты носились взад и вперед по изгородям, как крысиные терьеры, получив приказ ¹⁰⁶стрелять короткими очередями вдоль них для морального эффекта, даже когда

противника не было видно”. Они так и сделали и обнаружили несколько мимолетных целей, прежде чем вернуться, чтобы связаться с пехотой.

Два Уиппета, сотрудничавшие с шотландской гвардией, столкнулись с серьезным сопротивлением. Дважды они и пехота пытались захватить и закрепить высоту за деревней Бувины.

Водитель первого танка был ранен, когда пытался устранить небольшую механическую неисправность, и второй танк продолжил движение в одиночку.

При попытке перебежать вражеский стрелковый окоп, он налетел на зазубренный пень и был поврежден, в конце концов сломавшись в рядах противника за Бувины. ¹⁰⁷ Из рассказов мирных жителей, находившихся в тылу противника, следует, что экипаж продержался до полуночи, после чего танк был взорван.

“Они также сообщили, что после того, как танки прошли через Бувины, противник поспешно отступил, а также освободил железную дорогу, на которой задерживались гранадеры”.

Ночью 3-я гвардейская бригада беспрепятственно продвинулась вперед на полторы мили, но с наступлением темноты четверем оставшимся уиппетам было приказано собраться.

“Было решено не использовать этих четырех на следующий день, и работа была сосредоточена на приведении в форму шести Уиппетов, которые могли быть предоставлены для похода или боя”.

Ибо, хотя на протяжении всего этого периода мы достаточно хорошо знали, что конец наступил, в эти последние несколько дней Войны мы приобрели новую традицию. В британской армии вошло в великолепный обычай действовать так, как будто Война будет продолжаться вечно.

Дух, который говорит: “До сих пор мне везло. В любом случае, зачем искушать Провидение выигранной войной?”, должно быть, поднял голову в каждом человеке. Но это строго сдерживалось, и никогда среди атакующих войск в эти последние напряженные дни не было обнаружено ни малейшей склонности щадить себя или портить нашу победу чрезмерным бережным отношением к жизни и здоровью. Не только в тяжелых условиях поля боя, но и в тылу проявилась эта новая традиция, и после 5-го танковые экипажи повсюду днем и ночью лихорадочно занимались переоборудованием и доработкой своих машин, полностью полагаясь на то, что их наверняка снова призовут в бой. Кроме того, повсюду Штабы были заняты попытками создать организованную боевую силу из израненных, измотанных боями остатков Корпуса.

Послужной список танкового корпуса с 8 августа был действительно замечательным. С момента той великой танковой атаки прошло девяносто шесть дней почти непрерывных сражений, и за эти девяносто шесть дней в бой было вовлечено около двух тысяч танков и бронемашин.

Почти половина этого количества машин была передана на утилизацию. Из них 313 были достаточно сильно повреждены, чтобы их отправили в Центральные мастерские, которые отремонтировали не менее 204 из них и переиздали батальонам. Из всего 887 машин только пятнадцать были выведены из строя как не подлежащие ремонту.

Личный состав тоже был прискорбно сокращен. Однако общая численность танкового корпуса на 7 августа 1918 года была значительно меньше, чем у одной пехотной дивизии, и встарые времена артиллерийских сражений, таких как Первая битва на Сомме, пехотная дивизия часто несла потери в 4000 человек за двенадцать часов. Для сравнения, потери танков в размере всего 3000 человек за три месяца при боевой численности менее 10 000 человек кажутся сравнительно небольшими. Однако они были достаточно тяжелыми, чтобы вывести Корпус из строя на несколько недель.

III

Тем временем разыгрывался последний акт великой драмы.

Хотя на данный момент у нас не было танков, чтобы разделить с ними кульминационную славу, наши войска продвигались вперед по всему фронту. 6 и 7 ноября сопротивление противника значительно ослабло. Рано утром 7-го гвардейцы вошли в Бавэ; на следующий день пал Авеннес. Шесть машин танкового 17-го бронетанкового батальона здесь отлично несли службу совместно с "Силами Бетелла", машины "в полной боевой готовности" выводили из строя придорожные пулеметы и во многих случаях не давали летящему противнику взорвать перекресток за его арьергардами. Отмон был взят, и наши войска достигли окраин Мобежа, цели, к которой так долго были прикованы наши взоры. К северу от Монса противник теперь быстро отступал. Всю ночь с 7 на 8 ноября мы видели зарево горящих складов за немецкими позициями и слышали нерегулярный грохот их взрывов. Под Турне противник оставил свой плацдарм без боя.

9-го числа противник полностью отступил по всему фронту; гвардейцы вошли в Мобеж в тот момент, когда канадцы приближались к Монсу. Вся наша 2-я армия форсировала Шельду, и на следующий день все пять британских армий двинулись в наступление в линию, перед ними стояли кавалерия, велосипедисты и броневики.

Только в районе Монса было встречено какое-либо сопротивление, и на рассвете 11 ноября Третья канадская дивизия захватила город, убив или взяв в плен весь немецкий гарнизон.

Это была последняя бойня, к которой пришлось приложить наши руки.

В течение четырех дней туда приходили и уходили посланцы и передавали послания. В течение четырех дней мужчины и женщины в Англии слушали и ждали, беспокойные и измученные ожиданием, с внезапным осознанием своего страстного желания вырваться из долгого кошмара.

11 ноября, сразу после одиннадцати утра, церковные колокола зазвонили в каждом городе и деревне у нас дома; и во Франции ожидаемое сообщение тихо передавалось из уст в уста. Нет необходимости описывать момент, который ни один читатель этой книги никогда не забудет.

ЭПИЛОГ

Я

И каков же, спросит читатель, вывод из всего этого?

Во-первых, насколько танки действительно способствовали нашему разгрому немцев?

Во-вторых, какое место занял бы танк, если бы в следующем поколении разразилась еще одна война; и, в-третьих, какое место будет отведено танкам в воссозданной британской армии?

Насколько возможно, мы ответим на эти вопросы по порядку. Ибо на действиях Танков в этой войне будут — или должны быть — основаны ответы на другие вопросы, и по этому пункту мы предлагаем сослаться на показания трех или четырех свидетелей-экспертов.

В остальном у читателя была возможность самому ознакомиться с большим количеством свидетельств.

Он видел, как, когда линия от Швейцарии до моря была сформирована, обе армии искали какие-то средства положить конец патовой ситуации.

Как для союзников, так и для немцев решение проблемы артиллерией было первым. Как, во-вторых, и мы, и немцы, каждый в соответствии со своими национальными привычками мышления, придумали другое решение. Немцы —химики — вероломно использовали газ, несмотря на подписанные обязательства об обратном; мы, механики, —самодвижущийся щит, из-за которого мы могли вести эффективный огонь.

Он знает, как после первой неожиданности противодействовали газу с помощью различных устройств фильтрации воздуха; но как танк постепенно произвел революцию в ведении боевых действий, потому что не существовало особого специфического средства или противоядия от танка, которое зависело не столько от внезапности, сколько от простых факторов его огромной огневой мощи и способности преодолевать препятствия. Независимо от того, сражались ли атакованные войска с танками раньше или нет, танк все равно сминал проволоку и подавлял пулеметный огонь.

Маршал Фош — первый из наших свидетелей.

Он вкратце описывает эволюцию танка и обстоятельства, которые привели к его появлению, в своем предисловии к английскому переводу его переизданных "Принципов войны". Он справился со старой медлительностью "копания в себе".

Мы переводим его слова буквально:

"Пулемет и заграждение из колючей проволоки позволили организовать оборону с бесспорной быстротой. Они придали траншее, или естественному препятствию, прочность, которая позволила распространить фронты наступления на районы, совершенно невыполнимые до этого времени.... Наступление в то время было бессильным, искали новое оружие, и после создания мощной артиллерии были изобретены танки —*то есть* пулеметы или пушки, защищенные броней и ставшие мобильными благодаря бензину, способные на любых типах местности преодолевать заграждения противника и его пулеметы

“Таким образом, только промышленная мощь наций позволила армиям наступать, или же недостаток этой мощи заставил их перейти к обороне”.

Месье Лушер — в январе 1919 года министр вооружений Франции — был решительным сторонником танков во французской армии.

“Есть два вида пехоты: люди, которые вступали в бой с танками, и люди, которые этого не делали; и первые никогда больше не захотят вступить в бой без танков”.

Выводы сэра Дугласа Хейга в его Дешеше, хотя и неизбежно консервативные, от этого не менее значимы:

“С момента начала нашего наступления *8 августа* танки использовались в каждом сражении, и важность той роли, которую они сыграли в слоении сопротивления немецкой пехоты, едва ли можно преувеличить. Вся схема наступления *8 августа* зависела от танков, и с тех пор в бесчисленных случаях успеху нашей пехоты сильно помогало или подтверждалось их своевременное прибытие. Эффект, произведенный на немецкую пехоту появлением британских танков, был настолько велик, что во многих случаях, когда по разным причинам настоящих танков не было в наличии в достаточном количестве, ценные результаты были получены при использовании макетов танков, нарисованных на каркасах из дерева и холста.

“Не принижая мужества нашей пехоты или мастерства и преданности нашей артиллерии, можно сказать, что достижения этих важнейших родов войск были бы ниже полной меры успеха, достигнутого нашими армиями, если бы не очень доблестная и самоотверженная работа танкового корпуса под командованием генерал-майора Х. Дж. Эллеса”.

Наконец, каково мнение врага?

Герр Максимилиан Харден в речи о причинах поражения Германии на первом месте поставил “физический шок от танка”, над которым “смеялся Людендорф”.

Выступая от имени военного министра в рейхстаге, генерал Райсберг сказал:

“Нападение 8 августа между Авре и Анкре не было неожиданностью для наших лидеров. Когда, тем не менее, англичанам удалось добиться большого успеха, причины следует искать в массированном применении танков и внезапности под защитой тумана....

“Американские армии не должны наводить на нас ужас.... Более важным для нас является вопрос танков”.

Командующий 51-м немецким корпусом в Приказе от 23 июля 1918 года отмечает: “Как только танки будут уничтожены, вся атака провалится”.

23 октября немецкое радио опубликовало следующее заявление военного министра генерала Шойха:

“Германии никогда не понадобится заключать мир из-за нехватки военных материалов.

“Превосходство противника в настоящее время обусловлено главным образом использованием им танков.

“В течение длительного периода мы были активно вовлечены в работу по производству этого оружия (которое признано важным) в достаточных количествах.

“Таким образом, у нас будут дополнительные средства для успешного продолжения войны, если мы будем вынуждены продолжать ее”.

Следующий отрывок содержался в немецком Приказе, изданном 12 августа 1918 года:

“Было установлено, что атаки противника были успешными исключительно потому, что танки застали врасплох нашу пехоту, прорвались сквозь наши ряды, и пехота считала, что обошла себя с фланга”.

Немецкая пресса также в целом была склонна приписывать неудачу Германии использованию союзниками танков, и их позицию хорошо иллюстрирует следующий абзац, появившийся в начале октября, в то время, когда немецкие журналисты, похоже, получали самые тщательные инструкции из официальных кругов. Их задачей было подготовить немецкий народ к капитуляции.

“Успехи, которых союзники добились со времени Первой битвы при Камбре, не основаны на какой-либо превосходной стратегии со стороны Фоша или на численном превосходстве, хотя последнее, несомненно, способствовало этому. Настоящей причиной стало массовое использование Танков. В то время как артиллерия может только перерезать проволоку и прочистить траншеи с огромным расходом боеприпасов, танк преодолевает все эти препятствия с величайшей легкостью и прокладывает широкие пути, по которым может следовать наступающая пехота. Они являются самым опасным противником для вражеских пулеметов. Они могут приближаться к пулеметным гнездам и уничтожать их с близкого расстояния. Огромная опасность танка очевидна, если учесть, что оборона передовой зоны боевых действий в основном зависит от оборонительных свойств пулеметов, и что броня танка делает его неуязвимым для ружейного огня, и что пулеметный огонь эффективен лишь в редких и исключительных случаях. Таким образом, пехоте противостоит враг, которому она может причинить мало вреда или вообще не причинить его”.

II

На вопрос о месте танков в следующей войне некоторые восторженные защитники этого вида войск дали самый решительный ответ.

Говорят, что обладание превосходным оружием обеспечивает победу той армии, которая им обладает. На войне любая армия, даже если ее возглавляет посредственный генерал, может спокойно встретиться с армией прошлого века, хотя старую армию возглавляет величайший военный гений своего времени.

108 “Наполеон был бесконечно более великим полководцем, чем лорд Раглан, и все же в 1855 году лорд Раглан разбил бы любую армию, которую Наполеон мог бы выставить против него, потому что люди лорда Раглана были вооружены винтовками Minie.

“Через одиннадцать лет после Инкермана Мольтке разгромил бы армию лорда Раглана наголову, не потому, что он был лучшим солдатом, чем лорд Раглан, а потому, что его люди были вооружены игольчатыми ружьями.

“Если бы у Наполеона при Ватерлоо была рота пулеметов Виккерса, он разгромил бы Веллингтона, Блюхера и Шварценбурга, вместе взятых, так же безжалостно, как лорд Китченер разгромил суданцев при Омдурмане. Это была бы очередная ”резня невинных”.

Говорят, что в любом случае превосходящее оружие победило бы великого тактика прежде, чем он успел бы проявить свой характер. Повторим слова немецкого журналиста: “Их пехоте противостоял бы враг, которому она могла бы причинить мало вреда или вообще не причинить его”.

Мы не будем обсуждать здесь материалистический аргумент, за исключением того, что если бы он был полностью верен, дикари и плохо экипированные представители племен никогда бы полностью не победили хорошо вооруженные цивилизованные войска. Тем не менее, они делали это часто. Станьте свидетелями Первой афганской войны, зулусских войн, американо-индейских войн и множества мелких акций. Материальное выигрывает только тогда, когда мораль стороны, обладающей им, по крайней мере, достаточно сопоставима с моралью ее противников. Иначе Византия с ее “Греческим огнем” правила бы миром.

Согласно этой “материальной” школе мышления, нашим превосходным оружием являются Танки. Они будут разрабатываться по нескольким направлениям, и у нас будут аналоги для всех видов вооружений и служб, кроме тяжелой артиллерии, военно-морского флота и военно-воздушных сил.

Мистер Хью Поллард в своей статье в "Инглиш Ревью" от января 1919 года с большой энергией и изобретательностью описывает историю энтузиастов механического оружия и танков.

“Даже в настоящее время нет эффективного решения проблемы Танков, но, возможно, есть и другие Танки, и в Танке мы заново открыли современное применение очень старого принципа. Танк является наиболее экономичным методом использования живой силы на войне, а также обеспечивает максимально возможный процент неуязвимости задействованных солдат.

“Проблемы с вооружением в будущем будут ограничены тремя парками бронированных машин, в которых очень ограниченное число узкоспециализированных людей будут управлять максимально возможным количеством вооружений наиболее эффективным способом. Бронированный флот на море, бронированные самолеты, бронированные сухопутные корабли или танки — вот что будет нашими силами для ведения войны”.

Танки различной скорости и с различным вооружением заменят как пехоту, так и кавалерию, поскольку один полноразмерный современный тяжелый танк, вмещающий восемь человек, обладает агрессивной мощностью сотни пехотинцев с винтовками, штыками, бомбами и пушками Льюиса. Уиппет обладает примерно такой же скоростью и радиусом действия, что и кавалерия, и один Уиппет, вмещающий двух человек, “может выдержать натиск кавалерийского полка и перебить его до последнего человека и последней лошади, не подвергаясь ни малейшей опасности или неудобству”. Вскоре мы будем считать почти легендарной героическую историю о том, как люди когда-то подставляли свои незащитные тела под пулеметный огонь и снаряды

и как успех их нападения зависел от веса человеческих конечностей и выносливости человеческих мышц.

“Большинство людей думают о танке как о довольно нелепой, но эффективной военной машине. Они рассматривают это как механическую новинку и довольствуются предположением, что современный танк не сильно превосходит самые ранние танки, участвовавшие в битве на Сомме, и что это военное орудие безразличной важности. Реальные факты совершенно иные, ибо современный Аквариум - это просто младенец, крепкий двухлетний малыш, и нет никаких механических ограничений для его будущего. Это может показаться замечанием фанатика, но это совершенно верно....

“Современный танк - это мелочь по сравнению с очевидными разработками, которые приведут к созданию Танка будущего, но даже в том виде, в каком он существует сегодня, это самая экономичная боевая машина, когда-либо созданная. Танк использует бензин вместо мускулов, и это извлекает максимально возможную боевую ценность из людей внутри него; они могут наносить удары, не подвергаясь травмам в ответ, и, прежде всего, они могут сражаться в движении — вещь, находящаяся за пределами возможностей пехоты или орудий сухопутных войск”.

Аргументы тех, кто утверждает, что Танк всегда должен зависеть от более старого вооружения, почти все основаны на предположении, что Танк уже ограничен. “Указывается, что они не могут пересекать реки, что они не защищены от артиллерийского обстрела, от мин, от особых форм нападения. Ответ заключается в том, что современный танк может нести потери, но все навыки и ресурсы немецкой нации не смогли дать эффективный ответ танкам, что река за рекой была форсирована, что линия за линией ‘неприступной’ обороны пала, что глубоко эшелонированная артиллерия, специально предназначенная для борьбы с танками, вышла из строя перед танковой и авиационной атакой. Мы вступаем в войну морского, воздушного и сухопутного флотов, действующих совместно. Противотанковая артиллерия уязвима для бронированных самолетов. Большие коммерческие грузовые самолеты будущего могут даже доставлять легкие танки в самое сердце враждебной территории. Незащищенные люди и оружие наших дней должны исчезнуть”.

И здесь предлагается другой вопрос - вопрос, на который гражданское лицо должно ответить само. Давайте на мгновение предположим, что судьбу войны решает превосходство в вооружении, а не лучшее командование, не более упрямая “воля к победе”.

Какие у нас есть основания предполагать, что следующий конфликт решит превосходство в Танках, а не в каком-либо другом виде оружия, например, в самолетах?

В настоящее время, когда мы пытаемся представить войну против иностранной армии, которую ведет одна сторона только с помощью авиации, мы сталкиваемся с дюжиной механических трудностей даже на наших попытках представить первые этапы: огромное количество баз, наземный персонал, топливо, погодные условия, трудности приземления и, наконец, то, что, возможно, является основной трудностью.

Сам по себе самолет, как и большая пушка, не является двигателем, с помощью которого можно вступить в решающий контакт с врагом, который предпочитает оставаться на земле. Кролики всегда могут спуститься на землю, когда увидят скользящую тень ястреба.

Пока обе стороны не будут экипированы исключительно для воздушного боя, танки или пехота все еще будут необходимы, чтобы играть роль хорька.

Но эти трудности почти наверняка когда-нибудь будут преодолены.

Когда они будут решены, время сравнительно громоздкого резервуара с его зависимостью от судоходства и железнодорожного транспорта закончится. Но мы уверены, что в наше время этого не будет. Поэтому для нас “Война в воздухе” по-прежнему представляет несколько академический интерес. Мы должны позаботиться о том, чтобы выжить в настоящем.

Ибо может ли самый оптимистичный из нас, окидывая взглядом мир, от Средней Европы до Дальнего Востока, от России до Мексики, от Балкан до Египта или от Малой Азии до границ Индии, правдиво заявить, что нам не нужно даже рассматривать возможность войны в пределах его собственного поколения? Увы, нет!

Теперь, на данный момент исключив чисто воздушную войну из наших расчетов, мы можем быть почти уверены, что война между цивилизованными странами, которая велась в течение этого периода, не сильно отличалась бы от войны, которая только что закончилась, и что война между цивилизованной и нецивилизованной страной отличалась бы от нее только по хорошо известным признакам.

Мы слышали много свидетельств, которые делают очевидным тот факт, что за вычетом всех остальных факторов того факта, что у французов и британцев были танки, а у немцев их не было, было достаточно, чтобы выиграть последнюю войну для союзников. Давайте же усердно выращивать личинку настоящего, чтобы мы могли выжить и увидеть более великолепную бабочку будущего — возможно, воздушный аквариум. Должны ли мы пренебречь Танком, потому что кажется вероятным, что в этом (как и в большинстве других дел, угодных Небесам) наши сыновья добьются большего успеха?

Англичане и французы руководили, и в 1919 году до сих пор руководят, исключительно Танками.

Если мы захотим продолжать, у нас есть такой задел как в проектировании, так и в производственном опыте, что мы могли бы легко лишиться возможности какую-либо другую нацию сравняться с нами в течение периода, после которого, как мы предполагаем, “танковая эра” в военной эволюции может закончиться.

, Конечно, невозможно быть слишком осторожным в отношении новых машин, которые уже были изготовлены и протестированы, или в отношении новых проектов, которые существуют.

Возможно, лучше всего эту позицию можно обозначить, сказав, что прогресс в последнее время был настолько быстрым, что те, кто знает, вероятно, были бы рады продать любое количество Mark V. Танки против предполагаемого противника.

III

Нынешние авторы не знают, решили ли мы сохранить свое лидерство или нет. Хватит ли у нас дальновидности, когда дело дойдет до перевооружения армии, отвести танкам то место, которое они должны в ней занимать? Готовы ли мы тратить деньги на эксперименты, деньги, которые мы должны потратить, если хотим сохранить это лидерство? Будут ли предоставлены танкам средства как для механической, так и для тактической подготовки, которые они должны

иметь? Мы можем так легко вернуться в нашу старую колею. Всегда трудно прибегать к новым методам, и отдать главенствующее место в “Новой модели” танкам, безусловно, означало бы произвести очень радикальные изменения. Похоже, действительно существует определенное опасение, что армия и общественность могут посчитать, что танки годятся для войны, но вряд ли подходят для службы в армии.

И все же насколько хорошо требования к мощному танковому соединению в действительности соответствовали бы тем рамкам, которые, по мнению самых мудрых умов, должны быть нашей Армией будущего. Они говорят, что у нас должна быть небольшая и высокоспециализированная Постоянная армия, а за ней огромная Гражданская армия на основе Территориальной системы. Какое оружие в Регулярной армии могло бы быть более подходящим дополнением к пушке и самолету, чем танк? Таким образом, наша Постоянная армия состояла бы из ядра специалистов-механиков.

Также не нужно, чтобы вопрос финансирования когда-либо вставал призрачным образом между нами и идеей мощного танкового соединения, поскольку танк - абсурдно дешевое оружие по сравнению с его эффективностью в пехоте.

Но есть и другое направление, в котором танк должен преуспеть, если он претендует на какое-либо значительное место в нашей Постоянной армии. Эта армия может в любой момент быть призвана для выполнения полицейской работы в любой части мира.

Танк, даже старый Mark I., как мы видели в Газе, подходит для ведения войны в пустыне. “Марк V.” и “Уиппетс” в составе войск генерала Деникина в России были чрезвычайно успешными, и, вероятно, найдется немного видов кампании против получивилизованного противника, в которых новые “Средние” танки не показали бы себя превосходно.

Другой момент заключается в том, что мы ведем “малые войны”, избегая кровопролития настолько, насколько это совместимо с вразумлением наших противников.

Оружие, которое, по общему признанию, в феноменальной степени повлияло на *мораль* даже таких превосходно дисциплинированных войск, как немцы, особенно хорошо приспособлено для этой цели.

Бесконечно гуманнее привести в ужас бунтовщика или дикаря, показав ему Танк, чем расстрелять его из безобидного на вид пулемета. [109](#)

Есть еще одно заключительное соображение.

Читатель все еще может вполне резонно возразить: “Хотя танк, возможно, и был решающим фактором в прошлой войне, и хотя было бы очень удобно использовать его снова, прежде чем мы вложим в него деньги, в прямом и переносном смысле, в будущем, уверены ли мы, что это оружие подходит британскому солдату?” Было время, когда по указанию военных экспертов мы тратили большие деньги на строительство фортов дома и за границей, которые никогда никому не приносили ни малейшей пользы, потому что они не соответствовали нашему стилю ведения боя. Какие у нас есть основания предполагать, что танк понравится нам как постоянное дополнение к вооружению нашей армии в больших масштабах?” Настоящие авторы считают эту линию критики очень правильной. Они отличаются от “твердолобых” сторонников превосходного оружия тем, что считают чрезвычайно важным, чтобы баланс и

уравновешенность палаша соответствовали руке, которая им владеет. Но они верят, что танк, как корабль и самолет, является оружием, особенно подходящим для британского темперамента, и что, по сути, именно по этой причине мы, а не какая-то другая нация, первыми разработали его. Хорошо это или плохо, но у наших командиров как на суше, так и на море есть определенные особенности. Наши люди не любят обороняться. Они ненавидят копать, и в нынешней войне немцы каждый раз терпели поражение в этом особенно непопулярном виде деятельности. Кроме того, едва ли не хуже, чем копать землю, они ненавидят таскать вещи на спине, а мы известны среди всех народов как наименее терпимые к ноше. Все эти особенности пополнили ряды военно-морского флота и кавалерии, и всем этим особенностям соответствуют самолеты и Сухопутные корабли. Наши командиры, как и их люди, предпочитают быть нападающими и любят войну в движении. Почти все кредо Нельсона, нашего самого популярного героя боевых действий, было выражено в его утверждении, что первая и последняя обязанность адмирала - обнаружить флот противника и атаковать его, и в его знаменитом сигнале "Вступайте в более тесный контакт с врагом".

Далее, нашим лидерам особенно и темпераментно не нравятся большие счета мясника. Действительно, именно их крайнее нежелание посылать незащищенных людей навстречу граду пуль из немецких пулеметов лежало в основе большинства очевидных причин, по которым танки были впервые опробованы. Это был решающий фактор. Возможно, мы даже можем сказать, не считая это фантастическим, что именно их бесчеловечность стоила немцам войны. У них не было ни капли сострадания, и они были так же готовы послать "эквивалент пехоты" (скажем, семьдесят незащищенных человек) за борт, как и отправить туда семь человек, закованных в броню. Для них это был самый холодный вопрос военной целесообразности. Чисто по военным соображениям они решили отказаться от семерых, закованных в доспехи. Наши командиры, хотя теоретически они были склонны соглашаться с немецким высшим командованием, хотя они признавали предельную жестокость политики "дешевой войны" и знали, как и Нельсон, что они прибыли на Западный фронт не для того, чтобы спасти свои жизни, все же были соблазнены идеей использовать сталь и бензин вместо плоти и крови. Не раз в ходе бурной карьеры Танков именно это соображение спасало Корпус от вымирания.

Но, конечно, недостаточно того, что танк обеспечивает защиту тем, кто сражается в нем. Траншея или яма в земле сделают то же самое. Но Танк, по сути, является мобильным оружием *нападения*. Это оружие для нации, которая сражается не по своей воле, но когда она сражается, сражается за победу, и за быструю победу с как можно меньшим кровопролитием. Это оружие для людей, которые, если им приходится сражаться, любят сражаться как разумные существа, все еще подчиняющие материальный мир своей воле, и которые крайне неохотно сводятся к ролям простых марширующих автоматов, носильщиков тяжестей и копателей почвы, к ролям, от которых терпеливый немец, казалось, не испытывал отвращения.

IV

Кредо нынешних авторов можно очень кратко резюмировать. Значительное количество свидетельств указывает на вывод о том, что на этапе, на котором достигла военная наука и на котором она, вероятно, будет оставаться по крайней мере в течение поколения, превосходящая сила танков всегда может склонить чашу весов военного баланса сил.

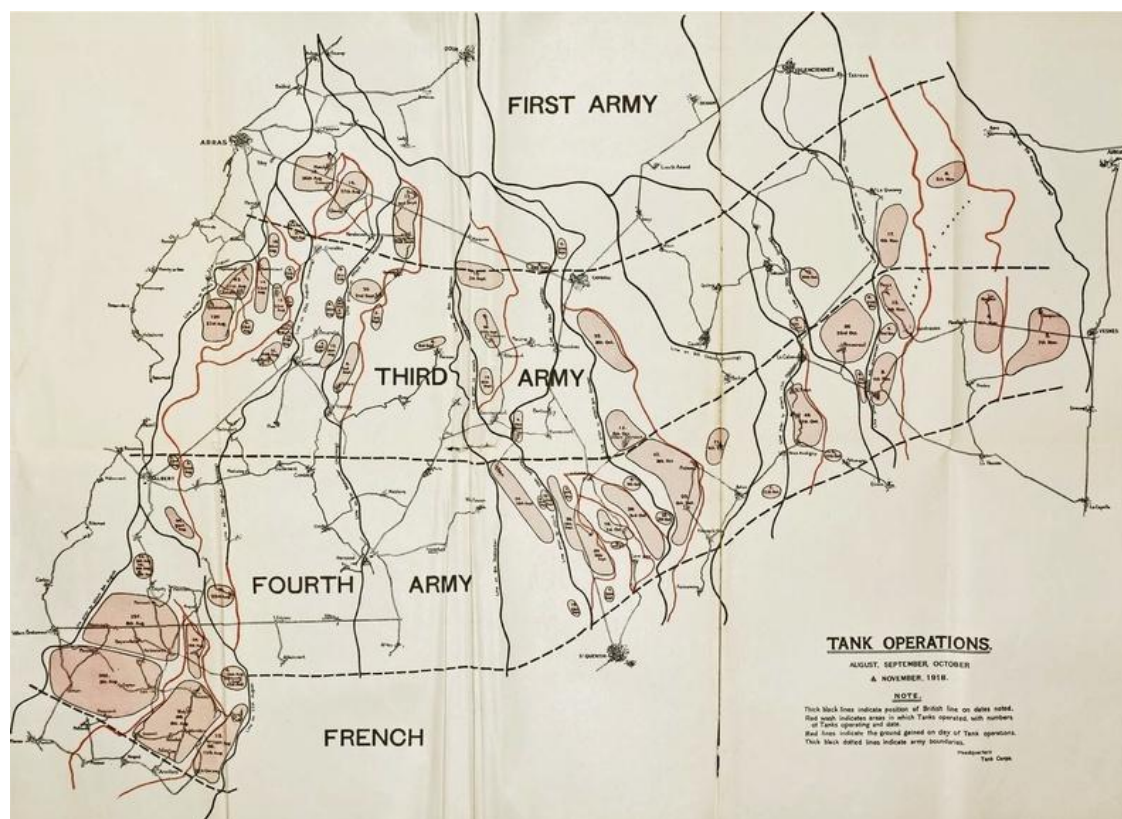
В течение жизни одного поколения может снова наступить время, когда нам придется защищать наши жизни и наши свободы. Мы являемся мировыми лидерами в разработке и

производстве танков. Давайте не будем отказываться от этого лидерства в производстве и применении жизненно важного оружия.

Мы слишком хорошо знаем трагическую цену одного дня войны, и было сказано, что если бы мы были хорошо подготовлены, немцы не напали бы.

Очевидно, что мы не можем так быстро снова впасть в старую ошибку. Мы, конечно, намерены быть вооруженными, но кто может сказать, что из-за полного отсутствия разума это не будет сделано с аркебузами? Конечно, не ради армейского прецедента, не ради подчеркивания наших мирных намерений, не ради экономии небольшого количества денег или даже — что дороже всего — не ради роскоши “не беспокоиться” о нашей армии, мы должны терять наше нынешнее беспрецедентно выгодное положение. Это преимущество не только материальное. Танки привыкли побеждать. Не будем отказываться от прекрасной традиции победы.

Из всего того, что мы приобрели в наших мучительных усилиях, давайте ничего не потеряем.

(Крупнее)

ОПЕРАЦИИ С ТАНКАМИ.

АВГУСТ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ
И НОЯБРЬ 1918 ГОДА.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Толстые черные линии указывают положение британской линии в указанные даты.

Красным цветом обозначены районы, в которых эксплуатировались резервуары, с указанием номеров эксплуатируемых резервуаров и даты.

Красными линиями обозначены позиции, завоеванные в день танковых операций.

Толстые черные пунктирные линии обозначают границы армии.

Штаб
танкового корпуса

СНОСКИ

1 “Я строю надежные и крытые колесницы, которые неуязвимы, и когда они наступают со своими пушками в гущу врага, даже самые большие массы противника должны отступить, а за ними может следовать пехота в безопасности и без сопротивления”.

2 Она отличалась от обычной колесницы тем, что две маленькие толстые лошадки с впалыми спинами, которые изображены как движущая сила, были подобны экипажу, заключенному в деревянные доспехи.

3 Похоже, именно Комитет исследовал машину мистера Диплока с несколькими дополнительными членами.

4 Хотя призыв был предварительным и неофициальным и никаких подробностей о характере работы сообщить было невозможно, шестьдесят женщин немедленно вызвались.

5 Майор Ренуф.

6 Майор Ренуф.

7 Большинство этих танков были учебными машинами в том смысле, что их “броня” представляла собой котловую плиту, а не закаленную сталь.

8 Полковник Суинтон.

9 Капитан Энрикес.

10 Из weekly Tank Notes, конфиденциального официального периодического издания для частного распространения.

11 W.T.N.

12 См. Таблицу, глава VIII. (неопубликованный аэрофотоснимок сильно изрытой земли.)

13 Среди других командующих армией был генерал сэр Х. С. Роулинсон, который позже стал таким хорошим другом Танков. Однако по этому поводу говорят, что их выступления оставили его совершенно холодным и неубедительным.

14 Капитан Энрикес.

15 Сержант Литтлдейл из Танкового корпуса пишет в Atlantic Monthly.

16 Сержант Литтлдейл из Танкового корпуса пишет в Atlantic Monthly.

17 Ход принятия этого решения был слегка урезан, были зафиксированы только “оперативные” резолюции, а история с большим количеством предложений и контрпредложений опущена.

18 Список был следующим:

Председатель.—генерал-майор сэр Дж. Каппер.

Военное министерство. Лейтенант.-Полковник сэр Дж. Кин.

Лейтенант.-Полковник Мэтью-Лэнноу.

Министерство вооружения.—Лейтенант.-Полковник Стерн.

Сэр Юстас Теннисон д'Эйнкорт.

19 Ахикурт.

20 Письмо офицера-танкиста, датированное “вечером 9 апреля”.

21 Письмо очевидца, написанное вечером 9 апреля.

22 Арфа.

23 Майор Уотсон, командир танковой роты, делает запись в журнале Блэквуда.

24 “Б” (2) История батальона.

25 W.T.N.

26 Официальный документ.

27 Непрямой огонь может быть определен как огонь, направленный в то место, где, по вашему мнению, находится противник. Огонь называется “прямым”, когда цель видна.

28 История войны мистера Бьюкена.

29 W.T.N.

30 История войны мистера Бьюкена.

31 W.T.N.

32 Депеша сэра Дугласа Хейга.

33 Размер этих отвалов теперь всегда вычислялся в “Заполнении резервуаров”.

1 заливка, состоящая из:

60 галлонов. бензина.

10 галлонов. масла.
20 желтков. воды.
10 фунтов смазки.
10 000 патронов S.A. для женского танка,
или
200 патронов 6-pdr. Боеприпасы
и
6000 патронов S.A. для мужчины.

34W.T.N.

35История 3-го батальона.

36Из депеши сэра Дугласа Хейга.

37Из истории 7-го батальона.

38W.T.N.

39W.T.N.

40Второй танк, выделенный для этого опорного пункта, как и два резервных танка, был подбит или окопался по пути вверх.

41Официальное резюме.

42Майор Уилкс был удостоен звания окружного прокурора за эту работу.

43Депеша сэра Дугласа Хейга.

44батальон "А" был позаимствован у 2-й бригады.

45Из истории батальона "F" (6-го).

46W.T.N.

47Депеша сэра Дугласа Хейга.

48W.T.N.

49 Штурмовая артиллерия, т.е. Танки.

50Прицельный прибор.

51W.T.N.

52История войны мистера Бьюкенена.

53Майор Форсайт-майор (заместитель командующего ETD), на чьем отчете через полковника Фуллера в значительной степени основано это резюме, был торпедирован по возвращении в Англию в 1918 году, и все его карты и документы были утеряны.

54Депеша генерала мюррея.

55История 5-го батальона.

56История 2-го батальона.

57Майор Нортон, командующий артиллерийским подразделением льюиса.

58История 3-го батальона.

59История 1-го батальона.

60W.T.N.

61Гильзовая дробь: пули, не заключенные в оболочку, выпущенные прямой наводкой из 6-фунтового ружья и разлетающиеся подобно заряду дробовика.

62Депеша сэра Дугласа Хейга.

История 63-й бригады.

История 64-го 8-го батальона.

65W.T.N.

66W.T.N.

671-й, 4-й, 5-й и 14-й батальоны.

688-й, 13-й, 2-й и 15-й батальоны.

69От W.T.N.

История 70-го 13-го батальона.

71Из истории 5-й бригады.

72Почестей и наград.

73Из истории 14-го батальона.

74Из истории 1-го батальона.

75Из истории 3-го батальона.

76Из Истории 8 -го батальона

77Из истории батальона.

78Из истории батальона.

79Депеша сэра Дугласа Хейга.

80Лето 1919 года.

81т.е. В битве при Амьене 8.8.18.

82W.T.N.

83История 3-го батальона.

84-я история15-го батальона.

85История 6-го батальона и “Почести и награды”.

86Отправка.

87История бригады.

88История устройства.

89Там же.

90История устройства.

91Депеша сэра Дугласа Хейга.

История танкового 15-го батальона92-го года

93Капитан Денни, "Дейли Телеграф", 1 апреля 1919г.

94Капитан Денни, "Дейли Телеграф", 1 апреля 1919г.

95301-й полк был придан 27-й американской дивизии.

96Из информации, специально предоставленной автору капитаном Хаттон-Холлом, офицером разведки бригады.

97-й16-й батальон.

98Депеша сэра Дугласа Хейга.

99Капитан Хаттон-Холл.

100W.T.N.

101Депеша сэра Дугласа Хейга.

102Капитан Хаттон-Холл.

103Депеша сэра Дугласа Хейга.

104Депеша сэра Дугласа Хейга.

История 1056-го батальона.

106История 6-го батальона.

107Там же.

108W.T.N.

109Традиция гласит, что, будь воля генерала Суинтона, на танках для Палестины были бы нарисованы отвратительные лица и грозные тексты из Корана.

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, и в противном случае оставлены несбалансированными.

Иллюстрации в этой электронной книге размещены между абзацами и вне цитат. В версиях этой книги, поддерживающих гиперссылки, ссылки на страницы в Списке иллюстраций ведут на соответствующие иллюстрации.

В тексте всегда используется “мораль”, а не “моральный дух”.

Указатель не был проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.

В главе XV нет раздела “V”; раздел после “IV” - “VI”; ни одна страница или текст не пропущены.